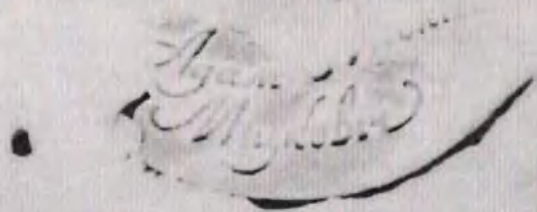

Александр Федута

Следы на снегу

наш

XIX

век

Александр Федута

Следы на снегу

Минск «Лимариус» 2018

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос-Рус)
Ф 34

Библиотека «Наш XIX век»
Основана в 2018 году

Редакционный совет
*Ирина Богданович, Дмитрий Матвейчик,
Александр Федута*

Книга подготовлена в ходе реализации проекта
«Франтишек Малевский — хранитель памяти трех народов»,
осуществляемого при поддержке посольства Литвы в Минске

В оформлении книги использованы фотографии
Антоня Мотолько

Федута, Александр
Ф 34 Следы на снегу / А. И. Федута. — Минск : Лимариус,
2018. — 328 с. — (Библиотека «Наш XIX век»).

ISBN 978-985-6968-68-9.

В новую книгу историка литературы Александра Федуты входят работы, посвященные окружению Адама Мицкевича. Книга издается к 220-летию великого поэта и 195-летию начала следствия по делу кружка филоматов, членом которого являлся Мицкевич.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос-Рус)

Содержание

От автора	7
-----------------	---

Люди и тексты

«Лучше жить в глухой провинции...» (Казимеж Контым в письмах Василию Анастасевичу)	12
Этюды о текстах Мицкевича и их интерпретаторах	24
«Приближение Бога» (Импровизация как случайность и закономерность).	34
Мария Шимановская на страницах газеты «Северная Пчела».	50
Невстреча (Эва Фелиньская и Надежда Дурова).	56
Русские поэты глазами католического святого	66

«Лишние» люди.

Филоматы в ссылке и после нее

Будрыс в Твери	78
Ян Янковский в документах	101
Холодный ноябрь 1830 года (Франтишек Малевский под подозрением).	118
Из частной жизни чиновника (К биографии Франтишка Малевского).	128
Статут Литовский в руках у бывшего филомата	139
Пытаясь обмануть судьбу (Страницы биографии Юзефа Ежовского)	154
Несостоявшийся разведчик Фома Зан	174

Мои любимые «жабы»

Плохой чиновник Генрик Ржевусский.	187
Еще до коллаборантства (Об отношении Генрика Ржевусского к восстанию 1830—1831 гг.)	190
Граф Ржевусский — против монархии?!	195
Протекция для Ромуальда Подберезского	207
Страдания будущего цензора	212
Как журналист Осип Пржецлавский отказал шефу жандармов и ему за это ничего не было	228
Страдания отставного цензора.	242
«Не то беда, что ты поляк...» (Два примера читательской рецепции).	255

После филоматов

Бумаги студента Голембиевского	272
К истории возвращения Александра Рыпинского	283
«Бульварный роман»: жизнь и смерть Семена Малевского	291
Библиографическая справка.	316
Именной указатель	317

От автора

Жизнь человека в Истории — это как следы на снегу. Пока снег лежит, видно, что по нему шел человек. Видно, куда он шел, иногда — с какой скоростью. Во что он был обут. Можно определить его возраст. Конечно, мужчина это или женщина.

Потом по этому же снегу идут другие люди. Чем больше их проходит, тем трудней определить, кто именно прошел первым, как он шел и куда. Снег утратил кристаллическую белизну, и чернила следов перестали читаться. И даже если выпадет новый снег и земля опять уподобится листу белой бумаги, восстановить следы, изначально оставленные по первопутку, будет уже невозможно.

С историческими документами проще. Чернила на бумаге, пергаменте, папирусе, клинопись на глиняных табличках, иероглифы, рисунки на бересте и на стенах — когда-нибудь и кто-нибудь поймет смысл всего этого напластования информации и сможет реконструировать картину чужой, далекой от нас жизни. Эти следы — не на снегу. Они не столь эфемерны. Их можно сохранить.

Историк литературы, культуры, общественной мысли ведет свою реконструкцию, опираясь на документальный текст, каким бы ни был материальный носитель этого текста. Архитектура говорит о людях своей эпохи ничуть не в меньшей, а, может быть, иногда в большей степени, чем живопись, а музыка — чем литература. Камень и нота оказываются долговечней краски и слова. Иногда — наоборот. Нужно научиться лишь читать эти документы. Читать следы на снегу. Научиться идти по ним в верном направлении.

Как историка литературы — а значит, как историка по существу — меня больше всего интересуют люди, жившие в хронотопе Пограничья. Это связано и с моей личной судьбой, и с судьбой моей семьи.

Вся моя семья жила на границе — в Гродно. Это была не только географическая граница Советского Союза: в сорока километрах от Гродно лежал первый крупный город Польши, Белосток. Это был и внутригосударственный пограничный узел — тоже в сорока километрах от Гродно находится литовский город Друскининкай, где жила моя тетя, где похоронена и она сама, и ее мама — моя бабушка, за могилами которых сейчас ухаживают мои двоюродные брат и сестра.

После 1918 года мои бабушка и дед оказались гражданами Второй Речи Посполитой, и их пятеро детей — в том числе моя мать — родились именно в этом государстве. Сами бабушка и дед родились в Российской империи. Третье поколение нашей семьи, внуки Иосифа Тарасовича и Екатерины Карловны Федута, разбросаны по четырем странам: Беларуси, Литве, Польше и Испании. Хотя мы все родились в Советском Союзе. Но его, как и Российской империи, нет.

Можно сказать, что мы все родились на границе — раз наших государств уже нет. На границе не только пространственной, но и временной. Мы стали свидетелями того, как изменяется мир, насколько непостоянной и текучей оказывается реальность, еще вчера казавшаяся вечностью. А вот — не вечность. Лед ведь тоже кажется вечным. И близна снега кажется вечной. Но и лед, и снег тают.

Историю невозможно переписать. Ее можно только воссоздать — на основании сохранившихся документов. Можно попытаться понять, что двигало теми или иными историческими персонажами, которых мы никогда не узнаем, с которыми никогда не сможем поговорить. Но в завитках почерка людей девятнадцатого века читаются их судьбы, как в выцветших чернилах отражается их менталитет.

Эта книга — попытка воссоздать контекст текстов и судеб людей, живущих в пограничную эпоху, осознающих ее пограничность и пытающихся ее изменить. И это не всегда получается. Причем не получается изменить ее ни революционным путем, ни путем реформ, ни, наконец, путем сопротивления и революции, и реформам. Реальность, оказывается, существует по каким-то законам, не зависящим от желаний отдельных людей. Можно написать портрет человека, живущего в реальности, но уже через мгновение реальность изменится, и человек, изображенный на портрете, окажется погруженным в бездну. Хорошо, если останется портрет. Портрета тоже может не остаться. Но будущее прорастет из прошлого, пробивая своими ветвями архивные документы. Нужно лишь понимать: след читается без труда, когда все покрыто белым снегом и жизнь кажется замершей. А когда возобновляется движение — снег тает, и прочесть след можно только с очень большим трудом. Поэтому нельзя жалеть времени и труда.

В книге есть два города, с которыми связаны судьбы всех ее героев. Первый — это столица Империи, Санкт-Петербург. Сейчас он уже не столица, и Империя осталась, как иногда кажется, где-то в прошлом. Так что Санкт-Петербург оказывается символом не столько Империи, сколько имперскости как таковой. Кто-то из героев тянется к этому городу, кто-то стремится бежать из-под его влияния. Но счастья он не приносит никому из них. Может быть, когда-нибудь кто-то напишет книгу об абсолютно счастливом человеке в эпоху Империи, но этим автором буду уже не я.

Второй — это Вильно, Вильна, современный Вильнюс. Город, остающийся самим собой вне зависимости от изменения контекста. Это не имперский город, хотя и в девятнадцатом веке он осознается вовсе не как провинция. Кто-то из героев книги родился здесь, кто-то получил образование в лучах Вильно, по программам, сформулированным в Виленском университете. Для них это — очень важный, а для некоторых — главный город в жизни, даже если они здесь не бывали. Все они, в той или иной степени, оказываются ниточками в едином узле судеб и текстов, центральной нитью которого является жизнь Адама Мицкевича.

2018 год — год 220-летия со дня рождения Адама Мицкевича. Великого сына белорусской земли, выпускника Виленского университета, ставшего гениальным польским поэтом, воспевавшим Литву. Не будем спорить о терминах и эволюции тех понятий, которые они обозначают в ту или иную эпоху. Адам Мицкевич — символ культурного и географического пограничья, в котором мы живем до сих пор. А Вильнюс — современный Вильнюс — продолжает хранить звуки его шагов по коридорам университета, по мостовым, и тень Мицкевича, расстающегося с родиной навсегда, словно хочет задержаться в этом городе. Эхо и тени — вот удел исследователя. Нужно вслушиваться и всматриваться. Нужно искать след на тающем на глазах снеге.

С осознанием этого я хочу поблагодарить всех тех, кто помог мне в работе над этой книгой. Кто помог мне пройти следами современников Адама Мицкевича.

Я благодарен Посольству Литовской Республики в Республике Беларусь. Его поддержка в рамках проекта «Франтишек Малевский — хранитель памяти трех народов» позволила мне работать в архивах Санкт-Петербурга, Москвы, Вильнюса и Варшавы. Главная книга этого проекта — биография Франтишка Иеронима Малевского, сына ректора Виленского университета, друга и свояка Адама Мицкевича, ссыльного, дослужившегося до звания тайного советника, — впереди, она еще дописывается. А в книгу, которую сейчас вы держите в руках, вошли публикации, основанные на обнаруженных мною в ходе работы над проектом документах о его близких и знакомых, а также тексты, исправленные и дополненные благодаря этим документам. Есть здесь и несколько статей о самом Малевском, которые по объективным причинам не будут включены в его биографию полностью или будут, но мне как автору важно, чтобы они были напечатаны и в этой книге.

Я благодарен Чрезвычайному и Полномочному Послу Литовской Республики в Республике Беларусь Андрию Пулокасу, советникам Ирэне Усайте и Миндаугасу Габренасу, которые поверили в возможность этого проекта и поддержали его.

Я благодарен своему старшему другу, уроженцу Беларуси Владимиру Эдуардовичу Двоскину, без помощи которого столь длительное мое пребывание в Москве и Санкт-Петербурге было бы невозможным.

Я благодарен своим друзьям-ученым, краеведам, архивистам, филологам и историкам, чьи советы, рекомендации, поправки, а также помощь в работе с архивами и библиотеками на расстоянии позволили мне исправить ошибки, выявленные после первой публикации ряда статей, и предотвратить появление новых ошибок: Алексею Балакину (Санкт-Петербург), Константину Боленко (Москва), Дмитрию Виноховоду (Санкт-Петербург), Ольге Горбачевой (Минск), Редзе Гришкайте (Вильнюс), Константину Ерусалимскому (Москва), Владимиру Ершову (Житомир), Дануте Завадской (Белосток), Павлу Каганеру (Санкт-Петербург), Лилии Ковкель (Краков), Станиславу Козлову-Струтинскому (Санкт-Петербург), Модесту Колерову (Москва), Веславе Кордачук (Варшава), Елене Куранде (Санкт-Петербург), Леониду Лаврешу (Лида), Павлу Лавринцу (Вильнюс), Владимиру Лявшуку (Гродно), Дмитрию Матвейчику (Минск), Вере Мильчиной (Москва), Надежде Морозовой (Вильнюс), Никите Охотину (Санкт-Петербург), Владасу Просцевичюсу (Каунас), Марии Прусаск (Варшава), Алесю Радзюку (Гродно), Абраму Рейтблату (Москва), Марине Сальман (Санкт-Петербург), Михасю Скобле (Минск), Юлии Снежко (Вильнюс), Наталии Сперанской (Санкт-Петербург), Регине Чичинскайте (Вильнюс).

Я благодарен своему другу и соавтору Татьяне Ильиной (Тверь), без согласия которой я бы не смог доработать нашу давнюю статью о Викентии Будревиче и опубликовать ее в этой книге.

Я благодарен сотрудникам рукописного отдела Российской национальной библиотеки, Российского государственного исторического архива, отдела рукописей Института русской литературы РАН, Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива древних актов, Российского государственного архива литературы и искусства, Архива внешней политики Российской империи, Центрального государственного архива Москвы, Национального исторического архива Литвы, отдела рукописей Научной библиотеки Вильнюсского университета, Ягеллонской библиотеки в Кракове, Национальной библиотеки Польши в Варшаве, Архива-музея имени Адама Мицкевича в Варшаве, Национального исторического архива Беларуси, Национальной библиотеки Беларуси. Спасибо вам, хранители памяти!

Люди и тексты

«Лучше жить в глухой провинции...» (Казимеж Контрым в письмах Василию Анастасевичу)

Речь пойдет о письмах одного известного культурного деятеля так называемого третьего ряда другому известному культурному деятелю «третьего ряда». Житель Литвы Казимеж Контрым пишет россиянину Василию Анастасевичу. Начнем с характеристики обоих.

Казимеж Контрым (1776—1836) в период переписки являлся адъюнктом Виленского университета, куратором университетской библиотеки. Впрочем, статус его определялся вовсе не должностью, которую он занимал: Контрым был одним из ближайших сотрудников князя Адама Ежи Чарторыйского, куратора университета и попечителя Виленского учебного округа. Близость к князю наполняла деятельность Контрыма дополнительным значением: де-факто он был ключевой фигурой в реализации той национально-педагогической утопии, которую пытался реализовать Чарторыйский в рамках вверенного ему учебного округа. Контрым, член масонской ложи, поздний просветитель по своим убеждениям, занимался воспитанием молодежи, прежде всего студенческими обществами, активно участвовал в многочисленных издательских проектах. Современники и потомки оценивают его деятельность по-разному. Крупнейший знаток польского романтизма Станислав Пигонь называет его «тихим инициатором»¹ — инициатором прежде всего ряда крупных начинаний, направленных и на развитие университетской жизни, и на оживление интеллектуальной и общественной жизни в городе в целом. Это отражает убеждения Контрыма как активного деятеля масонской ложи «Усердный литвин» и сторонника просветительской идеологии. «Казимир Контрым, библиотекарь и адъюнкт Университета, человек, чья суть до сих пор не разгадана — а это относится к значительным достоинствам жизни — имел тогда репутацию большого патриота, горячего распространителя наук, осведомленного о реформах масона, большого знатока нашего языка. <...> Правительство по ошибке сочло его человеком опасным и перебрасывало его с места на место, тем самым поднимая ценность его и дав ему возможность умереть преследуемым со славой и всеобщей печалью», — вспоми-

¹ Pigoń St. Projekt katedry języka litewskiego w dawnym uniwersytecie Wileńskim // Pigoń St. Z dawnego Wilna: Szkice obyczajowe i literackie. Wilno, 1929. S. 24.

нал о нем главный виленский сплетник первой половины XIX века доктор Станислав Моравский².

Василий Григорьевич Анастасевич (1775–1845) — фактический руководитель петербургской канцелярии попечителя Виленского учебного округа в 1803–1816 гг. Как и положено уроженцу тогдашнего Киева, Анастасевич хорошо владел польским языком и даже переводил с него. Поэтому в Петербурге он был незаменим: не только служил в канцелярии Чарторыйского, но и выполнял обязанности цензора прежде всего польскоязычных текстов, а также служил помощником начальника отдела польского и малороссийского права в Комиссии по составлению законов. В истории русской культуры Анастасевич остался одним из отцов современной российской библиографии.

До сих пор биографы обоих деятелей нигде не пишут о существовании данного эпистолярного комплекса. Автор единственного монографического исследования об Анастасевиче, М. А. Брискман, пишет, что упоминания о Контрыме содержатся в переписке Анастасевича с издателем и типографом Ю. Завадским, причем речь в книге Брискмана идет «о письмах Анастасевича к К. Контриму»³, а не об ответных. Ничего не говорит о контактах между Контрымом и Анастасевичем и автор единственного монографического исследования о Контрыме — З. Скварчиньский⁴. Не упоминаются контакты Анастасевича с Контрымом и в единственном монографическом описании деятельности Анастасевича, вышедшем в Польше⁵.

Судя по письмам, отношения между Контрымом и Анастасевичем сложились вполне теплые и даже почти неформальные. Нет оснований считать, что Контрым кривит душой, когда пишет (письмо от 27 декабря 1808 г.): «Я знаю, что те мысли, которые я выражаю, излишни в письме к ясновельможному Господину Благодетелю, так как все это Вы умеете и лучше чувствовать, и лучше выразить, но у открытого человека что на сердце, то и на устах, а при письме переходят и на бумагу. В конце концов, так как Вы сами называете наши письма беседами, то я не опасуюсь помещать и то, без чего бы можно было обойтись в письме, но

² Morawski S. *Kilko lat młodości mojej w Wilnie (1818–1825)*. Warszawa: Państwowy instytut wydawniczy, 1959. S. 182.

³ Брискман М. А. В. Г. Анастасевич (1775–1845). М.: Издательство Всесоюзной книжной палаты, 1958. С. 19.

⁴ Skwarczyński Z. *Kazimierz Kontrym. Towarzystwo szubrawców: dwa studia*. Łódź, 1961.

⁵ Wołoszyński R. *Polacy w Rosji. 1801–1830*. Warszawa: Książka i wiedza, 1984. S. 124–160.

что никак не считается неприличным в разговоре, когда публичные дела и общество братьев дают к этому интересные поводы» (ОР РНБ, Анастасевич, ед. хр. 105, л. 13–14).

Кроме того, оба были заинтересованы друг в друге. Для Анастасевича общение с Контрымом — возможность получать неофициальную информацию о происходящих в Вильно событиях, что было крайне важно для подготовки им служебных документов: учитывая, что подводных камней было множество, профессора имели возможность апеллировать к князю-куратору, зачастую минуя ректора, мнение Контрыма позволяло Анастасевичу не совершать «дипломатических» ошибок⁶. Контрым же получал дополнительный канал неформальной информации о настроениях Чарторыйского, и это также усиливало его позиции в университете.

Письма Контрыма хранятся в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге (ОР РНБ, фонд Анастасевича, ед. хр. 105–106). Далее цитаты из них приводятся по оригиналам в переводе на русский язык Д. Ч. Матвейчика с указанием единицы хранения и листов в круглых скобках после цитаты.

Одной из главных забот Контрыма является взаимный перевод русских текстов на польский язык и польских — на русский. Это объяснимо: в его должностные обязанности входит кураторство университетской библиотеки. Патриот родного университета, адъюнкт Контрым пытается пропагандировать работы виленской профессуры в России — раз уж Польша и Литва оказались в составе империи. 31 октября 1808 г. он пишет Анастасевичу: «Господину Завадскому я давно советовал, чтобы он добивался перевода многих русских работ, которые непременно необходимы, особенно то, что касается географии, статистики и истории. Но в этом появляется немалая трудность, так как хоть русский язык похож на польский и много поляков легко пользуются им бегло, однако, когда доходит до перевода ученых работ и изданий, трудно найти способного человека для этого. <...> Я тем временем взялся перевести для пробы начальную географию Его Милости Господина Зябловского⁷, дополняя по тексту, ни в чем не изменен-

⁶ Деятельность Анастасевича «не ограничивается текущими делами, но часто имеет очевидное влияние на поступки самого куратора» — Beauvois D. Szkolnictwo polskie na ziemiach litewsko-ruskich 1803–1832: W 2 t. T. 1. Rzym — Lublin: KUL, 1991. S. 35.

⁷ Зябловский Евдоким Филиппович (1764–1846) — российский статистик. Скорее всего, речь идет о его книге «Статистическое описание Российской империи с обозрением Европы в статистическом виде» (СПб., 1808), бывшей в тот момент популярной научной новинкой.

ному, маленькими приписками в небольшом количестве. К иным произведениям я не проявил желания и возбудить его не мог, будучи далеким от конца и в этом первом и встречая много сложностей из-за слабого знания русского языка» (ОР РНБ, Анастасевич, ед. хр. 105, л. 5–6).

Судя по всему, реакция корреспондента была вполне благоклонной. Это видно из письма Контрыма от 1 декабря того же 1808 г.: «Мысли ясновельможного Господина Благодетеля о необходимости взаимного знакомства русских и поляков посредством литературы так убедительны, что даже на мгновение нельзя усомниться в этом, и это правда, что самые известные люди весьма часто пренебрегают или, скорее, не видят тех необходимых средств для своих намерений, которые с малой известностью, но часто с большой пользой используются малозначащими и простыми» (ОР РНБ, Анастасевич, ед. хр. 105, л. 7–8). Однако тут же Контрым указывает на трудности, которые неизбежно встречает подобное начинание в условиях, когда даже интеллигенция двух народов не владеет языками друг друга: «Желание господина Завадского на счет перевода русских книг на польский является архипохвальным, но ему трудно будет найти здесь способных для этого людей, и этот проект должен будет осуществляться весьма медленно. <...> До сего времени русские и поляки не имеют взаимных о себе сведений, кроме как от немцев или французов, и они свято повторяют их неточности о себе, особенно в названиях мест, стран и людей. Польские газеты полны ошибок такого рода. Херасков, например, у польских писателей называется Шерасковым, подобно тому, как наш Почобут в московской литературной газете, редактором которой был ученый немец Господин Буле⁸, пишется по-русски Покиобут. Больше примеров такого рода можно было бы приводить долго, и здесь не место для этого. <...> Может, не было бы этих сложностей, если бы поляки и русские объяснялись между собой без чужого посредничества. Велико количество русских книг, знакомство с которыми весьма необходимо полякам. Много кто знает о нем, но мало тех, кто старается удовлетворить эту необходимость» (ОР РНБ, Анастасевич, ед. хр. 105, л. 7–8).

Судя по всему, в этот период Контрым абсолютно искренне считает вхождение бывших земель Речи Посполитой в состав

⁸ Буле Иоганн Теофил (1763–1821) — немецкий философ, историк искусства, библиограф. По приглашению М. Н. Муравьева, куратора Московского университета и товарища министра просвещения, переехал в Россию, в Москву. Издавал «Московские ученые ведомости» (1805–1807).

империи, скорее, благом — с точки зрения интеллектуальных последствий случившейся геополитической катастрофы. То состояние, в котором находится современная ему польская культура, воспринимается Контрымом как упадок: «В шестнадцатом веке у поляков несравненно больше было писателей и авторов, чем сегодня, даже без сравнения, так как находились мы в более благоприятном положении. Россия, стоящая сегодня на наивысшей ступени славы и могущества, является одним из государств, наиболее благожелательных к наукам, также и ее литература несравненно выше и обширнее польской, удивляет только так малый спрос на русские книги. Польские продаются достаточно, насколько это возможно в таких, какие есть, обстоятельствах. Если бы коммуникация с Варшавой и другими заграничными городами была более дешевой и легкой, пошло бы еще лучше» (ОР РНБ, Анастасевич, ед. хр. 105, л. 19). В этом нет оснований видеть лицемерие: напомним, что в 1808 г. значительное число польских интеллектуалов, вслед за князем А. Е. Чарторыйским, идеализируют личность императора Александра, и Контрым в данном случае вовсе не исключение: «Дела Александра I, свершенные до сего времени для пользы всеобщего просвещения, превышают, без сомнения, все благодеяния могучих монархов, сделанные когда-либо для наук и о которых история сохранила нам память. После стольких употребленных средств, которые, кажется, продиктовала сама мудрость, стоит верить, что недалеко то время, когда Россия, сегодня — самая обширная Держава, будет считаться и самым просвещенным народом. Действительно, понемногу проявляются результаты обширных установлений; вместе с тем, когда вскоре сменятся поколения и -почти никто на родине не будет лишен возможности учиться, стоит надеяться, что северный Тит⁹, находящийся еще в расцвете своего возраста, дождет плодов от юношей воспитанных своей заботой. Воистину редкий пример останется в детях мира — разум, соединенный с такой высокой степенью доброты и мудрости в особе могучего Монарха, который, без сомнения, является самым дорогим даром, который

⁹ Тит Флавий Веспасиан (Тит) (39–81) — римский император (с 79 г.). Считался одним из лучших правителей в истории человечества. «Непременным правилом его было никакого просителя не отпускать, не обнадежив; и когда домашние упрекали его, что он обещает больше, чем сможет выполнить, он ответил: “Никто не должен уходить печальным после разговора с императором”. А когда однажды за обедом он вспомнил, что за целый день никому не сделал хорошего, то произнес свои знаменитые слова, памятные и достохвальные: “Друзья мои, я потерял день!”» — Светоний Транквилл Гай. Жизнь двенадцати цезарей. М.: Наука, 1964. С. 207.

Небеса могут дать людям» (письмо от 27 декабря 1808 г., ОР РНБ, Анастасевич, ед. хр. 105, л. 13–14).

Контрым активно лоббирует интересы университета. Он не скрывает бедственного положения студентов: «При нашем университете нет никакого общежития или коллегіума, обыкновенного при старых университетах, где или даром, или за некоторые деньги принимают учеников и приобщают к какой-либо науке. У нас ученик сам, или его родители, или опекуны заботятся, где он должен жить и за счет чего жить. Отсюда происходит бесконечная разница в расходах, которые ученики несут на свое содержание. При знакомстве с городом и при обследовании местности бедный студент выжить может на тысячу злотых или на 150 рублей серебром, но тратя весьма бережливо и осторожно. У нас бедные студенты всеобщее живут с того, что дают по домам часовые лекции или репетируют более богатых коллег-учеников. На ассигнации у нас не стоит рассчитывать, так как их курс меняется почти ежедневно и ничего у нас за них не покупается, но надо сначала менять их у банкира, желая купить что-либо. Что касается студентов-медиков, те, кто должен получить докторские степени и учился по крайней мере в уездных школах, в которых учатся на латыни, окончили курс успешно; иначе надо изучать латынь приватно и с весьма большими трудностями достигать степени» (письмо от 17 апреля 1810 г., ОР РНБ, Анастасевич, ед. хр. 106, л. 21–24). Позже он недвусмысленно намекает своему корреспонденту: «Общество поддержки учеников до сих пор насчитывает мало членов, немногим больше трехсот, и содержит 25 учеников, платя за их стол по двадцать пять рублей серебром в месяц. Для начала достаточно, но по плану еще слишком мало, так как должно быть пять тысяч членов и 500 опекаемых» (вероятно, письмо от декабря 1821 г. — стоит пометка о получении его 4 января 1822 г.; ОР РНБ, Анастасевич, ед. хр. 107, л. 15–16).

Речь идет о созданном по инициативе самого Контрыма в 1821 г. Обществе поддержки нуждающихся учащихся. Как отмечает З. Скварчиньский, «в условиях феодальной Литвы это был определенный шаг в сторону укрепления и демократизации интеллигенции, в направлении ее независимости»¹⁰.

Понятно, что информирование о таком положении дел директора канцелярии попечителя учебного округа равнозначно просьбам о помощи. Профессор Н. И. Лобойко справедливо именовал позже Контрыма в своих записках «покровителем и ходатаем студентов

¹⁰ Skwarczyński Z. Kazimierz Kontrym. Towarzystwo szubrawców: dwa studia. Łódź, 1961. S. 29.

во всех их нуждах»¹¹. Но Контрым пишет не только об общих проблемах, но и о частностях. Так, в июньском письме 1820 г. он делает специальную приписку: «Если Вас не слишком беспокоит и если будет возможность, я бы просил о следующем деле. Барон Строганов, российский посол в Константинополе¹², послал представление своему начальству на Господина Юзефа Сенковского, рекомендуя его на место, называемое *Jeune de langue*¹³, с условием службы затем в качестве переводчика при посольстве. Об этом Сенковском интересовались у посла наш военный Губернатор¹⁴ и Князь Сенатор Огинский¹⁵. Теперь он находится в Сирии в месте Зук-эль-Микауль, где совершенствуется в арабском языке с помощью известного ориенталиста по фамилии *Арида*¹⁶, который был в Вене профессором. По-турецки и по-персидски умеет неплохо, а так как он мой друг и весьма-весьма меня интересуется, то я бы хотел знать как можно скорее, какая последует о нем резолюция на представление посла. У кого надо спрашивать об этом, я не знаю, а Ваш ответ я бы считал доказательством большой милости, так как весьма нужно» (ОР РНБ, Анастасевич, ед. хр. 107, л. 6–7).

Роль Казимежа Контрыма в научной судьбе и репутации Сенковского широко известна. Как отмечал тот же Станислав Пигонь, «в апреле (1822 г. — *А. Ф.*) разработал он большую записку о необходимости кафедры ориенталистики и предложил на нее Юзефа Сенковского, кандидата... о котором Контрым заботился, даже материально, со времен студенчества и которому обеспечил исследования за границей»¹⁷. Фактически именно Контрым организовал сбор средств для путешествия Сенковского¹⁸.

¹¹ Лобойко Н. И. Мои воспоминания. Мои записки. М.: Новое литературное обозрение, 2013. — С. 195.

¹² Строганов Григорий Александрович (1770–1857) — барон, затем граф (с 1826 г.); дипломат. Посол России в Константинополе (1816–1821).

¹³ Здесь: «младший переводчик» (фр.).

¹⁴ Римский-Корсаков Александр Михайлович (1753–1840) — генерал от инфантерии. Литовский военный губернатор (1806–1809; 1812–1830).

¹⁵ Огинский Михал Клеофас (1765–1833) — князь, политический и общественный деятель. Сенатор Российской империи (1810).

¹⁶ Арида (Арыда) Антонио (эль-Хури Антун) (1736–1820) — австрийский ученый-ориенталист, ливанец по рождению. О. И. Сенковский поместил о нем статью в Энциклопедическом лексиконе Плюшара (т. 3, с. 295–296).

¹⁷ Pigoń St. Projekt katedry języka litewskiego w dawnym uniwersytecie Wileńskim // Pigoń St. Z dawnego Wilna: Szkice obyczajowe i literackie. Wilno, 1929. S. 24.

¹⁸ См. об этом: Каверин В. А. Барон Брамбеус. История Осипа Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для чтения». М.: Наука, 1966. С. 9–10.

Как можно понять, Контрым сумел заинтересовать Анастасевича судьбой своего талантливом молодого друга. Этим объясняется развитие сюжета с судьбой Сенковского в дальнейших письмах из Вильно. 3 августа 1820 г. Контрым пишет Анастасевичу: «Так как Вы изволите содействовать Господину Сенковскому и хвалите его замыслы, то ради интереса сообщаю в копии два его последние письма. Это юноша редких способностей, а в работе и терпении не имеет равных. У него есть только один недостаток: он беден и без какой-либо протекции. Нет мецената. Он путешествует в складчину, но этот капитал, составленный по большей части такими же, как он, бедняками, необыкновенно скуден¹⁹. К подписке присоединились, по правде, некоторые из более сильных, но они не хотели нарушать равенства. Князь Огинский заплатил за одну акцию 30 рублей. <...> Отрывки из первоначального дневника путешествия Господина Сенковского печатались в Виленской газете, но так как не нравились некоторым, то затем было приостановлено их продолжение²⁰, тем более что путешественник постановил издать полное описание своего путешествия, для которого приготовил много важных и интересных материалов и в значительной степени уже прислал их в Вильно.

¹⁹ «Сенковский, также бывший виленский студент, как известно, путешествовал по Востоку и пробыл там более двух лет на счет денег, жертвуемых частными лицами в западных, юго-западных и белорусских губерниях, по инициативе известного ревнителя просвещения, адъюнкта и библиотекаря Виленского университета Контрима» — Пржещлавский О. А. Калейдоскоп воспоминаний // Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 127–128.

²⁰ Путевые заметки Ю. Сенковского содержали резкую критику в адрес шляхты, что и вызвало резкое недовольство ряда влиятельных виленцев. См. об этом: Каверин В. А. Барон Брамбеус. История Осипа Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для чтения». М.: Наука, 1966. С. 24. В переводе на русский язык они были опубликованы в журнале «Вестник Европы», 1820, январь, № 1. «Я знал, что, усиленно продвигаемый Казимиром Контрымом, он кроме небольшой поддержки от университетских властей получил еще из кассы масонов значительное вспомоществование на путешествие свое на Восток. Я знал, что человек сей незаурядных способностей по получении помощи немедленно стал ярым неприятелем польского имени и гнездо свое, где мог, устным и письменным словом порочил. Так что если в Вильне сказать кому «Сенковский» — все равно что дать горячему коню шпоры под бока — каждый немедленно при имени этом встает на дыбы» — Моравский С. В Петербурге // Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 489.

Если бы у нас был таковой меценат, как Господин Уваров²¹, много доброго можно было бы осуществить. В нашем департаменте нашлись бы достаточные средства для осуществления красивого проекта «Азиатской академии» (ОР РНБ, Анастасевич, ед. хр. 107, л. 8–11).

Следует отметить, что упоминание о проекте Азиатской академии появляется отнюдь не случайно. Контрым, несомненно, в курсе внешнеполитической концепции А. Е. Чарторыйского, согласно которой Россия должна усиливать свои позиции на Ближнем Востоке и в Азии, поэтому, скорее всего, рассчитывает, что его мнение будет передано князю-куратору.

Впрочем, «азиатский проект» — не единственный, следы которого отложились в письмах Контрыма к Анастасевичу. Известно, что в 1818 г. Виленский университет отказался поддержать научные планы Зориана Доленги-Ходаковского (1784–1825)²². Планы касались исследования Ходаковским славянских народов. Почувствовав интерес Анастасевича (и, возможно, Чарторыйского) к теме, Контрым пытается составить протекцию другому своему молодому другу, члену общества филоматов Миколаю Малиновскому (1799–1865) (письмо от 5 октября 1822 г.): «У нас нет полностью никого владеющего литературными и более основательными знаниями о славянстве, кроме одного-одинешенького Ксендза Михала Бобровского²³. Нет, кажется, и в Варшаве, за исключением Линде²⁴. У нашего Ксендза Бобровского есть большое собрание записок, составленное во время путешествия; если бы он издал их, было необыкновенно интересным. Но Ксендз Бобровский, начинающий давать лекции Славянского письма и восточных языков, не думает теперь редактировать свое путешествие, так как действительно не имеет времени, а откладывает это на будущее. Петербургские литераторы, если хотят ви-

²¹ Уваров Сергей Семенович (1786–1855) — граф (1846). Попечитель Санкт-Петербургского учебного округа (1811–1822). Активно интересовался античной историей и культурой, опубликовал ряд работ по древнегреческой археологии. Президент Императорской академии наук (с 1818 г.).

²² См. об этом: Pigoń St. Dyletant osobliwy przed sądem uczonych: Sprawa Zorjana Dołęgi Chodakowskiego w Uniwersytecie Wileńskim // Pigoń St. Z dawnego Wilna: Szkice obyczajowe i literackie. Wilno, 1929. S. 1–22.

²³ Бобровский Михал (1784 или 1785 — 1848) — доктор богословия, ученый-славист. Профессор Виленского университета (1822–1824). В 1817–1822 гг. совершил путешествие по славянским странам, составил значительную библиотеку на славянских языках.

²⁴ Линде Самуил Богумил (1771–1847) — историк, филолог, лексикограф. Составитель первого многотомного словаря польского языка (1807–1814).

деть привезенную в столицу славянщину, пусть обдумают капитал для находящегося здесь юноши Миколая Малиновского на трехлетний вояж по славянским краям» (ОР РНБ, Анастасевич, ед. хр. 107, л. 23).

Филантропические настроения Контрыма не сводятся к протекции неимущим и к поддержке талантливой молодежи. Он пытается активно распространять идеи благотворительности в обществе. Поэтому Контрым сообщает своему петербургскому корреспонденту о замысле специального периодического издания, посвященного этой тематике. Правда, делает это уже после того, как издание «Dzieje Dobroczynności» начинает выходить, — письмо от 3 мая 1820 г.: «История благотворительности начала выходить здесь по желанию одного только военного губернатора Корсакова, который является большим поклонником ясновельможного Господина Благодетеля, а при своем теперешнем пребывании в Петербурге, если бы встретился где-нибудь, наверняка благодарил бы за статьи, переводимые с польского и подаваемые в журнал. Здешней благотворительностью он интересуется весьма живо. Он давно хотел, чтобы печаталось периодическое издание по примеру петербургского, он даже склонил общество к как будто бы объявлению проспекта. Но когда все осталось без результата и когда он заметил, что никто результата и не желал, то сам занялся этим. Среди других и я был призван им. Не годится для меня литературная работа, так как, будучи служащим, я должен уделять по своим обязанностям больше времени для писания реестров и услуг читателям, однако у меня не было смелости отказаться от этого призыва, особенно видя благие намерения. Из-за протекции Корсакова даже собралось значительное количество подписчиков. И все те, кто не поддерживал это предприятие или предрекал его падение, теперь посматривают не слишком приязненным взглядом. Словом, никто этот журнал не опекает, кроме как только Корсаков, а если бы он отсюда удалился, тогда бы через год и издание остановилось. Тем временем учредитель хочет сделать его постоянным... и уже приказал приготовить проект для своего рассмотрения с возвращением из Петербурга. Может, из этого что-нибудь и получится, по крайней мере если присоединится больше людей, так как на нас, трех теперешних редакторов, не слишком можно полагаться; по крайней мере я не долго, может, потяну именно из-за глаз, которые у меня постоянно болят с некоторого времени, и мне угрожает, как предрекают, черная катаракта. Наша редакция послала в петербургский комитет сообщение и один экземпляр журнала;

от них же никакого ответа не получила» (ОР РНБ, Анастасевич, ед. хр. 107, л. 1–3).

Контрым понимает, что пишет более высокому чиновнику (Анастасевич в этот момент уже имеет чин статского советника), поэтому старается быть полезным корреспонденту, а не только загружать его собственными проблемами. Он тонко подмечает слабость Анастасевича: тот хочет получить звание почетного доктора Виленского университета, — и тема докторства проходит через целый ряд писем начиная с 1809 г.²⁵, пока наконец Контрым не получает возможность поздравить Василия Григорьевича с исполнением мечты (письмо от 17 июня 1822 г.): «Позавчера Вас избрали почетным членом Университета. Не огорчайтесь, что так поздно» (ОР РНБ, Анастасевич, ед. хр. 107, л. 18)²⁶.

Избрание действительно состоялось достаточно поздно, уже после отставки Анастасевича²⁷, хотя Контрым прилагал к этому максимум усилий, которые — к чести Контрыма будь сказано — не

²⁵ Можно предположить, что Виленский университет не горел желанием избрать своим почетным доктором человека, не имевшего реальных научных достижений и не занимавшего достаточно видного поста. Это можно предположить по следующей реплике в письме Контрыма от 5 сентября 1809 г.: «У нас весьма боятся Петербурга. Если бы кто-нибудь что-нибудь упомянул об этом, или от Князя, или от Министра, все бы пошло как по маслу. Так как дело не в степени, а в предоставлении ее отсутствующему, а значит без персонального экзамена. Ректор боится дать в этом плохой пример, который затем был бы сразу перенят факультетами, о чем уже не раз разублаждали. Впрочем, это дело не провалилось, надо лишь, чтобы Вы прислали реестрик своих работ, находящихся в печати, включая и те, что опубликованы в журналах. Придется, наверно, писать диссертацию. Узнаю об этом подробнее, выведу, у кого следует, и уведомя» (ОР РНБ, Анастасевич, ед. хр. 105, л. 45–46). Перспективы же написания диссертации Анастасевичем не было: «к сожалению, он не умел сокращать своих знаний и терялся в выборе плана» — Лобойко И. Н. Мои воспоминания. Мои записки. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 153. «Анастасевич... пятьдесят лет собираясь писать какой-то ученый труд, словно моль, ел книги по библиотекам... ни одного листка так и не написал» — Моравский С. В Петербурге // Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 531.

²⁶ При этом следует учесть, что сам Контрым «не гонялся за титулом ученого» — см.: Bibrsztejn M. Biblioteka uniwersytecka w Wilnie do roku 1832. Wilno, 1925. S. 70.

²⁷ «Когда князь Чарторижский заметил, что он теряет при российском Дворе прежнее значение, с досады удалился за границу и несколько лет жил в Париже. Анастасевич оставался в Петербурге и был им совершенно забыт. <...> Так пробыл Анастасевич почти четыре года без дела, пока министр просвещения не предложил ему подать в отставку. Это было в 1818 году, и с того времени Анастасевич не попадал уже на дорогу счастья...» — Лобойко И. Н.

оставил и после того, как Анастасевич ушел в отставку со своего поста. Но Чарторыйский уже впал в немилость у императора и большую часть времени проводил за границей. До начала процесса филоматов оставалось чуть более года. По итогам следствия скромный адъютант и библиотечарь будет обвинен в том, что он является пружиной заговора и будет выслан из Вильно в Варшаву. Ему не поможет даже аполитичность, которой Контрым всегда гордился и которую искренне подчеркивал в письмах Анастасевичу: «О войне или мире глухое неведение. Разглашалось, что уже гремит *bellona*²⁸, теперь поговаривают, что оружие должно висеть *ad complementum*²⁹ дней 50. Наверняка в столице более точные известия, хоть дальше от марсового театра» — письмо от 18 сентября 1809 г.; «О политике у нас ни духу, как обычно в провинции» — письмо от 31 октября 1809 г. (ОР РНБ, Анастасевич, ед. хр. 105, л. 58–59); «Мы живем в глубоком неведении на счет политики, и если из петербургских газет я что-то узнаю, это мы считаем главнейшими новостями» — письмо от 16 января 1810 г. (ОР РНБ, Анастасевич, ед. хр. 106, л. 3); «Нового и интересного у нас ничего нет, обычно, как в глубокой провинции» — письмо от 23 января 1810 г. (ОР РНБ, Анастасевич, ед. хр. 106, л. 4–5). И так далее.

Письма Казимежа Контрыма в столицу империи — письма человека, живущего в собственном мире, со своими проблемами. Здесь нет больших возможностей, но есть главное — простота человеческих чувств и отношений. И Казимеж Контрым, страницу жизни которого мы сейчас перелистали, яркий тому пример. Он — не гениальный поэт, не выдающийся ученый, не крупный чиновник. Маленький человек, который, следуя завету Вольтера, пытается возделывать свой сад³⁰ — честно следовать принципам нравственности и добродетели. Может быть, это и есть судьба, достойная уважения?

Мои воспоминания. Мои записки. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 154.

²⁸ Война (лат.).

²⁹ Дополнительно (лат.).

³⁰ «Я никогда не интересуюсь тем, что творится в Константинополе; хватит с меня и того, что я посылаю туда на продажу плоды сада, который я возделываю» — Вольтер Фр. М. Кандид, или Оптимизм // Вольтер Фр. М. Сочинения: В 2 т. Т. 1: Философские повести и рассказы. М. — Л.: Academia, 1931. С. 264.

Этюды о текстах Мицкевича и их интерпретаторах

Влияние конкретного автора на современников и потомков определяется тем эстетическим потенциалом, который заложен изначально в его текстах. Причем речь идет вовсе не обязательно о влиянии на носителей той языковой культуры, к которой принадлежит сам автор: Гомер, Данте, Шекспир, Байрон, Стендаль, Достоевский, Акутагава, Борхес перешагнули рамки собственно национальных литератур, их произведения стали достоянием всего мира.

То же можно сказать и об Адаме Мицкевиче. Великий польский поэт уже при жизни стал примером воздействия национальной поэзии, причем, как ни парадоксально, первым объектом этого воздействия стала культура страны, уничтожившей государственность его собственного народа. Как пишет современная исследовательница, уже во время своей высылки с родной Виленщины в так называемые внутренние губернии Мицкевич «становится важной частью живого литературного процесса в России. Русская литература осваивает его творчество не только на уровне переводов, но и на глубинном уровне влияния поэтики и эстетических концепций»¹.

Разумеется, процесс восприятия творчества Мицкевича и его интерпретации русской литературой исследован достаточно полно, однако далеко не исчерпывающе. В данной публикации мы рассмотрим два случая, на которые исследователи до сих пор не обращали внимания. Содержанием первого этюда станет публикация неизвестного прижизненного перевода Мицкевича на русский язык, содержанием второго — скрытая цитата (цитата? совпадение?) из баллады Мицкевича в произведении выдающегося русского поэта Серебряного века.

I. Неизвестный подстрочник Константина Сербиновича

Личность выпускника Полоцкой иезуитской академии Константина Степановича Сербиновича (1797–1874) хорошо известна историкам русской литературы и общественной мысли.

Сербиновича, говоря современным языком, можно назвать референтом Н. М. Карамзина, готовившим выписки и переводы

¹ Мицкевич в русской литературе: Писатели о писателях. М.: Рудомино, 1998. С. 5.

польских источников для его «Истории государства Российского» (в том числе труды Ю. Урсын Немцевича и А. С. Нарушевича). При этом он был вхож в дом известного государственного деятеля и литератора адмирала А. С. Шишкова, ведущего оппонента языковой реформы Карамзина, и даже стал одним из его душеприказчиков. При протекции близкого к Н. М. Карамзину Д. Н. Блудова К. С. Сербинович был включен в состав Следственной комиссии по делу декабристов, что ускорило его карьеру: Сербинович стал влиятельным чиновником цензурного ведомства, директором канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода, наконец, главным редактором «Журнала Министерства Народного Просвещения». В итоге скромный униат, ставший рьяным деятелем ликвидации униатства в Российской империи, дослужился до чина тайного советника.

Вместе с тем Константин Сербинович интересен не только своей карьерой, сделавшей его причастным ко многим важным событиям в политической жизни империи. Для нас гораздо более важны его литературные занятия. Сербинович, как известно, находился в центре литературной жизни Петербурга, в том числе «польского Петербурга», принадлежа как выходец из бывших земель Великого Княжества Литовского и как выпускник иезуитского коллегиума к достаточно многочисленной колонии поляков и литвинов, обосновавшихся в столице². Можно предположить, что и это сыграло не последнюю роль в его карьере: министр просвещения А. С. Шишков вторым браком был женат на уроженке Вильны Ю. О. Лобаржевской, старавшейся покровительствовать соотечественникам.

Волею судьбы именно Константин Сербинович стал первым переводчиком произведения Адама Мицкевича на русский язык. Юбилейный библиографический справочник, посвященный рецепции творчества Адама Мицкевича в русской печати, указывает лишь на один перевод, выполненный К. С. Сербиновичем, — прозаический перевод баллады «Świtezia», опубликованный в сентябрьской книжке прибавления к газете «Русский Инвалид» «Новости литературы» за 1825 г.³ При этом, если следовать хронологии, отраженной в справочнике, фактически данный перевод — первая публикация не названного пока по имени польского поэта на рус-

² См.: Виноходов Д. О. Штрихи к биографии Яна Барщевского: Архив К. С. Сербиновича // Асоба і час: Беларускі біяграфічны альманах. Вып. 6. Мінск: Лімарыус, 2015. С. 17–37.

³ Адам Мицкевич в русской печати. 1825–1955: Библиографические материалы. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 168–173.

ском языке. И единственный опубликованный перевод Сербиновича из Мицкевича.

Однако это не означает, что «Свитязь» — единственное произведение Мицкевича, которое Сербинович переводил на русский язык.

В архиве Сербиновича сохранился перевод (также выполненный им прозой; фактически — подстрочник) фрагмента получившей широкую известность среди российских литераторов поэмы Мицкевича «Конрад Валленрод» (1828), в котором современники уловили откровенный вызов идеологии имперских властей⁴. «Валленрод» сделал имя ссыльного Мицкевича модным. Один из ведущих критиков эпохи Н. А. Полевой писал: «Грустно думать, что мы русские, мы, которым ближе всех других народов польский язык, по малоизвестности у нас сего богатого, прекрасного и родного нам языка, лишаемся наслаждения читать новое, превосходное произведение Польской Поэзии»⁵.

Неудивительно, что поэму начали активно переводить — как целиком, так и фрагментами, причем среди тех, кто пробовал переводить «Валленрода», оказался и А. С. Пушкин.

Сербинович не претендовал на статус поэта. Для своих переводческих упражнений он избрал небольшой фрагмент из поэмы Мицкевича, известный как «Pieśń» — песня, вложенная в уста старого члена рыцарско-монашеского ордена крестоносцев и их певца Альбана (Halban). В данном фрагменте не содержится ничего, что можно было бы связать с политикой: выдернутый из контекста, он действительно превращается в стихотворение о любви.

Мы публикуем прозаический перевод, выполненный К. С. Сербиновичем, по оригиналу, хранящемуся в фонде Сербиновича в РГИА (РГИА, ф. 1661, оп. 1, д. 24, л. 1 — 1 об.). Орфография нами модифицирована, однако особенности лексики и употребления грамматических форм переводчиком сохранены.

⁴ См., например: Аронсон М. И. «Конрад Валленрод» и «Полтава» (К вопросу о Пушкине и московских любомудрах 20-х—30-х годов) // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Т. 2. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 43—56.

⁵ <Полевой Н. А.> Konrad Wallenrod. Powieść historyczna z dziejów Litewskich i Pruskich przez Adama Mickiewicza // Московский Телеграф. 1828. Ч. 19. С. 436.

*Из поэмы Мицкевича Конрад Валленрод:**Песня*

Царица ручьев наших, Вилия, блещет золотым дном и голубыми струями; младая Литовка, черплющая воду ея, еще прелестнее жаром ланит своих и сердцем чистым.

Вилия течет в приятной долине Ковенской, между тюльпанов и нарциссов; у ног Литовки цвет наших юношей, прекраснее и роз, и тюльпанов.

Но Вилия, презирая цветы берегов своих, стремится к милому Немну; и Литовке грустно среди Литовцев: она любит юношу-иноземца.

Приняв любовницу в сильные объятия, Немен мчит ее с собою между скал и диких утесов, жмет к холодной перси своей — и оба гибнут в глубине моря;

И тебя, несчастная Литовка, и тебя удалит чужеземец от любезной родины! И ты исчезнешь скроешься в волнах забвения, но печальная, одинокая.

Напрасен совет реке и сердцу! Река бежит, девица любит: исчезла Вилия в милом Немне своем; девица плачет в пустынной башне.

Это не единственный прозаический перевод (подстрочник) Мицкевича, опубликованный в данный период на русском языке. Подстрочники к Мицкевичу публиковали Н. А. Полевой («Московский Телеграф», 1826, ч. 10, № 16, с. 269), М. А. Бестужев-Рюмин («Сириус», кн. 1, СПб., 1826, с. 171–184), П. А. Вяземский, переведший прозой несколько «Крымских сонетов», возможно — Ф. В. Булгарин⁶ и др.

Не является перевод Сербиновича и единственным прижизненным переводом данного фрагмента поэмы Мицкевича. Перечислим стихотворные переводы «Песни», которые были опубликованы в основном уже после фактической эмиграции автора «Валленрода», в том числе несмотря на прямой цензурный запрет публикации его произведений в России:

«По дну золотому прекрасной Вильи...» (стихотворный перевод Ю. Познанского; «Русский Зритель», 1828, № 7–8, с. 206);

«Песнь Гальбана» (стихотворный перевод А. Шпигоцкого; «Дамский журнал», 1831, ч. 34, № 20, май, с. 108). Полный стихотворный перевод «Конрада Валленрода», выполненный Шпигоцким, опубликован в 1832 г.;

«Вилия (Песня)» (стихотворный перевод Л. К. (Кавелина) — «Иллюстрация», 1846, т. 2, № 17, 11 мая, с. 273);

⁶ Федута А. И. Три «Будрыса»: авторский текст — подстрочник — поэтический перевод // *Respectus Philologicus* (Вильнюс). 2004. № 5 (10). С. 112–120.

«Девнца» (стихотворный перевод Л. Мея — «Москвитянин», 1851, ч. 6, № 22, ноябрь, кн. 2, с. 220–221).

Таким образом, нельзя утверждать, что Сербинович счел свой прозаический фрагмент эстетически ущербным или же испугался каких-либо цензурных осложнений и потому не стал публиковать перевод «Песни». В 1828 г. его служебное положение можно охарактеризовать как достаточно прочное: он два года является цензором Главного цензурного комитета и получил назначение сторонним цензором Санкт-Петербургского цензурного комитета. Он цензурирует ведущее общественно-политическое издание страны — «Северную Пчелу» — и официальную газету Царства Польского «Tygodnik Petersburski». Публикация подстрочника к вполне безобидному стихотворному фрагменту о любви никак не могла испортить ему карьеру. Кроме того, следует вспомнить, что именно Сербинович в качестве цензора «допустил произведение («Конрада Валленрода». — А. Ф.) в печать в версии, соответствующей первопечатной» в составе двухтомного петербургского издания стихотворений и поэм Мицкевича, вышедшего в 1829 г.⁷

Скорее всего, его просто опередили. Журнал «Московский Вестник» опубликовал в том же 1828 г. полный прозаический перевод «Конрада Валленрода», выполненный известным к тому времени литературным критиком и начинающим поэтом Степаном Шевыревым («Московский Вестник», 1828, ч. 8, № 7–10). Если принять данную версию, то перевод Сербиновича можно датировать мартом — июлем 1828 г., то есть промежутком между публикацией отдельного издания «Валленрода» на польском языке и началом публикации прозаического перевода Шевырева: вряд ли петербуржец Сербинович мог знать о нем до выхода «Московского Вестника»⁸.

Приведем интересующий нас фрагмент в переводе С. П. Шевырева.

⁷ Rowicka M. Wydawnicze i cenzuralne losy twórczości Adama Mickiewicza w okresie zaborów. Warszawa: Biblioteka Narodowa, 2014. С. 28. М. Ровицка особо подчеркивает, что «Сербинович также очень ценил поэзию Мицкевича и был к нему приязненно настроен» (там же).

⁸ Добавим: Сербинович был знаком с Мицкевичем, бывал на одних с ним литературных вечерах (что зафиксировано, например, в дневнике М. Малиновского). Сохранились шесть записок к нему автора «Валленрода», однако все они касаются исключительно деловых вопросов — прохождения через цензуру поэтических текстов Мицкевича. Поэтому вряд ли Сербинович уведомлял Мицкевича о своем намерении перевести данный фрагмент, как и Мицкевич едва ли сообщал ему заранее о желании членов кружка любомудров опубликовать в Москве перевод его поэмы.

Вилия, мать наших потоков, дно имеет златистое, лицо небесное; но у той прекрасной Литвинки, что приходит черпать из Вилии воду, сердце чище и ланиты прелестнее.

Вилия течет в прекрасной Ковенской долине между тюльпанов и нарциссов; у ног Литвинки цвет наших юношей, прекраснее и роз, и тюльпанов.

Вилия презирает цветы долины, она ищет Немена, своего любовника; Литвинке скучно между Литвинами, она полюбила иноземного юношу.

Немен принимает ее в свои быстрые объятия, несет на скалы, в вертепы дикие, прижимает любезную к холодному лону и вместе с нею гибнет в пучинах моря.

Так равно и тебя, бедная Литвинка, удалит чужеземец от долин отеческих, и ты утонешь в волнах забвения, но грустнее, чем Вилия: ты утонешь одна.

Сердце и река, уроки вам напрасны. Дева любит, Вилия течет; Вилия исчезла в любимом Немене, дева плачет в пустынной башне⁹.

Показательно, что в обосновании (редакционном примечании к началу публикации перевода поэмы) автор (М. П. Погодин или С. П. Шевырев?) говорит: «Желая познакомить читателей с сим новым произведением Польского Поэта, мы осмелились предложить им на первый раз прозаический перевод одного, сколь можно близкий к подлиннику»¹⁰. Не исключено, что редакция «Московского Вестника» знала о подготовке поэтического перевода А. Шпигоцкого и, что называется, работала на опережение.

Не будем оценивать качество обоих переводов, хотя, на наш взгляд, перевод Шевырева можно назвать «более романтическим», а перевод Сербиновича «более сентименталистским», имея в виду предпочитаемую ими лексику. Но на одно обстоятельство обратим внимание.

В оригинале Мицкевич однозначно употребляет для обозначения национальности героини «Песни» слово «литвинка»:

*Piękna Litwinka, co jej czerpa wody,
Czystsze ma serce, śliczniejsze jagody¹¹.*

⁹ Конрад Валленрод. Историческая повесть, взятая из Летописей Литовских и Прусских. Соч. Адама Мицкевича <Пер. С. П. Шевырева> // Московский Вестник. 1828. Ч. 8. С. 302–303.

¹⁰ Московский Вестник. 1828. Ч. 8. С. 290.

¹¹ Mickiewicz A. Dzieła. T. 2. Warszawa: Polski instytut wydawniczy, 1955. S. 82.

Однако переводчики передают его по-разному: Шевырев точно следует оригиналу, а Сербинович использует слово «литовка». То же самое наблюдалось при публикации прозаического перевода «Trzech Budrysów», возможно, выполненном Ф. В. Булгариным: автор прозаического перевода употребляет слово «литовец», в то время как Пушкин в балладе «Будрыс и его сыновья» ориентируется на текст Мицкевича. При этом и Булгарин, и Сербинович как выходцы из бывших земель Великого Княжества Литовского хорошо знакомы со значением слова «литвин» — житель литовских губерний, славянин, не являющийся при этом этническим поляком. Булгарин даже использует этот термин как автохарактеристику в переписке с историком Т. Нарбутом. Скорее всего, Сербинович ориентируется не на терминологию, а на содержание песни Альбана: ее действие происходит в ковенской долине реки Вилии, а этот регион современной нам Литвы во времена Мицкевича и Сербиновича именовался Жмудью (Жемайтией). Константин Степанович таким образом уходит от вопроса о национальной принадлежности героини и о месте ее проживания (для его российских современников не было даже разницы в понятиях «поляк» и «литвин», хотя она была очевидная для самих жителей бывшей Речи Посполитой).

Приведем также самый, пожалуй, известный стихотворный перевод «Песни» Альбана, появившийся на русском языке при жизни А. Мицкевича. Он принадлежит Л. А. Мею, не только обладавшему поэтическим талантом, но и в достаточной степени владевшему польским языком, чтобы обходиться без подстрочников.

Вилия

У Вилии, наших потоков царицы,
Дно чисто, а волны румяней девицы;
У юной литвинки, царицы из паней,
Еще чище сердце, ланиты румяней.

Вилия по милым ковенским полянам
Струится в нарциссах, бежит по тюльпанам;
В ногах у литвинки весь цвет молодежи,
Красивей тюльпанов, нарциссов пригоже.

Вилии нелюбы цветочки долины:
Не их она, Немана ищет родного;
Литвинке нелюбы и скучны литвины:
Не их она, молодца любит чужого.

Поднявши Вилию к себе на рамена,
Несется вдаль Неман на диком просторе,
И держит подругу у влажного лона,
И гибнет с ней вместе в неведомом море.

Как Неман Вилию, тебя, о литвинка,
Похитил пришлец из родного селенья,
И ты, моя бедная, ты, сиротинка,
Погибнешь тоскливо в пучине забвенья.

Ни реку, ни сердце никто не догонит —
Вилия струится, а девица любит:
Вилия в возлюбленном Немане тонет,
А девица в келье дни юные губит...¹².

II. «...Звездам числа нет»

В стихотворении М. А. Волошина «Я — Вечный Жид» (1902, опубликовано 1903) последняя строфа звучит следующим образом:

И мир как море пред зарею,
И я иду по лону вод,
И подо мной и надо мною
Трепещет звездный небосвод...¹³.

Это не единственное волошинское стихотворение, в котором появляется образ путника, странствующего среди звезд. Несколько ранее, например в 1901 г., поэт делает следующий набросок:

Жизнь — бесконечное познание...
Возьми свой посох и иди! —
И я иду... и впереди
Пустыня... ночь... и звезд мерцанье¹⁴.

Однако ночной путь между звездами в небе и звездами в воде как хронотоп странствия встречается у Волошина лишь единожды. Комментатор стихотворения, В. П. Купченко, не отмечает возможные источники образа, а лишь поясняет, кто такой Вечный Жид — персонаж, заявленный в первой строке волошинской миниатюры: «Вечный Жид — Агасфер, персонаж христианской легенды позднего Средневековья, обреченный из века

¹² Мей Л. А. Избранные произведения. М. — Л.: Советский писатель, 1962. С. 244–245.

¹³ Волошин М. А. Собрание сочинений. Т. 2. М.: Эллис Лак, 2004. С. 389.

¹⁴ Там же. С. 385.

в век безостановочно скитаться, дожидаясь второго пришествия Христа, которого он оскорбил во время крестного пути и который один может снять с него проклятие»¹⁵.

На наш взгляд, можно и нужно сделать еще некоторые пояснения.

Очевидно, что герой стихотворения идет по ночной глади воды (моря либо озера): под ним «трепещет звездный небосвод». Но ни в одной интерпретации легенды об Агасфере не говорится о том, что Вечный Жид обладал подобной способностью.

Зато в Евангелии, как известно, содержится описание хождения по воде Христа. Во всяком случае, в Евангелиях от Матфея (Матф., 14, 25–33), от Марка (Марк, 6, 47–51) и от Иоанна (И., 6, 19–21) (аналогичный фрагмент отсутствует лишь в Евангелии от Луки). При этом во всех трех случаях речь идет именно о ночном времени.

Кроме того, задолго до Волошина бесконечность Вселенной, в которой звездное небо опрокинуто в свое отражение в воде, описал другой гениальный поэт — правда, на другом языке. Мы имеем в виду Адама Мицкевича и его широко известную балладу «Свитязь». Исследователи творчества М. А. Волошина могли не обратить внимание на это, поскольку в стихотворном переводе на русский язык П. С. Карабана, размещенном в юбилейном Собрании сочинений Мицкевича, эти строки интерпретированы не вполне точно и звучат следующим образом:

А если поедешь ночью порою, —
Увидишь в недвижимых водах
Луну под собою, луну над собою
И звезды на двух небосводах¹⁶ [8, с. 260].

Дословно же в шедевре великого польского поэта четверостишие гораздо ближе к волошинскому образу:

Jeżeli nocną przybliżysz się doba
I zwrócisz ku wodom lice,
Gwiazdy nad tobą i gwiazdy pod tobą,
I dwa obaczysz księżycy¹⁷.

¹⁵ Купченко В. П. Комментарии // Волошин М. А. Собрание сочинений. Т. 2. М.: Эллис Лак, 2004. С. 697.

¹⁶ Мицкевич А. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1948. С. 260.

¹⁷ Mickiewicz A. Dzieła. Т. 1. Warszawa: Polski instytut wydawniczy, 1955. S. 108.

В нашем подстрочном прозаическом переводе оно звучит так:

Если ты приблизишься ночной порой
И обратишь к водам лицо,
Звезды над тобой, звезды под тобой
Увидишь и два месяца.

В переводе П. С. Карабана над головой и у ног путника сияют две луны. У Мицкевича же речь идет именно о звездных пространствах — в точности как и у Волошина.

Известно, что Волошин не переводил с польского языка. В его поэтических сочинениях нет отсылок к произведениям Мицкевича. А если и можно предположить, что он все-таки знал тексты великого польского поэта, то в первую очередь его «Крымские сонеты», а не цикл «Баллады и романсы», в котором размещена и баллада «Свитязь»: «географически» «Крымские сонеты» Мицкевича, несомненно, ближе жителю Киммерии Волошину, чем озеро на белорусской Новогрудчине. Кроме того, Волошин, несомненно, был знаком с поэмой Мицкевича «Дзяды», указание на которую содержится в его статье «Памятник Толстому»¹⁸.

Вместе с тем в XIX в. был опубликован лишь один перевод «Свитязи», с которым Волошин предположительно мог быть знаком — перевод Д. Д. Минаева — В. Г. Бенедиктова. В переводе Минаева — Бенедиктова интересующий нас фрагмент звучит следующим образом:

И если ночной подъезжаешь порой
Лицом к этим водным алмазам —
Хор звезд над тобой, и хор звезд под тобой,
И светят два месяца разом¹⁹.

Это значительно ближе к оригиналу Мицкевича, чем советский перевод П. С. Карабана.

Таким образом, по нашему мнению, Максимилиан Волошин предположительно мог быть знаком с балладой Адама Мицкевича «Свитязь» в переводе на русский язык и использовать образ из нее в стихотворении «Я — Вечный жид», что и следует указывать при комментировании данного произведения. Что же касается указания на евангельские реминисценции, то, как нам представляется, на них следует указывать как на бесспорный факт.

¹⁸ Волошин М. А. Лики творчества. Л.: Наука, 1988. С. 533–534.

¹⁹ Мицкевич А. Сочинения. Т. 1. СПб.: М. О. Вольф, 1882. С. 8.

«Приближение Бога» (Импровизация как случайность и закономерность)

Самым известным в русской литературе изображением поэтической импровизации, несомненно, является незавершенная повесть А. С. Пушкина «Египетские ночи» (1835). Русский поэт-аристократ Чарский оказывает протекцию бедному итальянскому импровизатору, зарабатывающему на жизнь своим даром, — и принимает в качестве благодарности импровизацию на тему, им же самим данную: «Поэт сам избирает предметы для своих песен; толпа не имеет права управлять его вдохновением»¹.

Пушкин не дает нам возможности прочесть стихи самого Чарского. Но реакция того на импровизацию итальянца не оставляет сомнений в превосходстве последнего: «Как! Чужая мысль чуть коснулась вашего слуха, и уже стала вашею собственностью, как будто вы с нею носились, лелеяли, развивали ее беспрестанно. Итак для вас не существует ни труда, ни охлаждения, ни этого беспокойства, которое предшествует вдохновению?.. Удивительно, удивительно!..»².

Мучения Чарского над каждой рифмой и каждой строкой Пушкин противопоставляет легкой импровизации безвестного итальянца, как в «маленькой трагедии» он противопоставляет Сальери «гуляке праздному» — Моцарту³. Монологи Сальери и Чарского схожи и тематической, и ритмической организацией, что неоднократно подчеркивалось исследователями. Такое сходство обусловлено схожестью конфликта: то, что один получает в результате тяжелого труда, другому дается по велению слепого рока — фактически случайности.

Очевидно, что оценка Чарского — отражение реальных оценок самого Пушкина, неоднократно читавшего об импровизаторах и присутствовавшего по крайней мере на выступлениях троих из них. Самый знаменитый и наиболее тесно общавшийся с Пушкиным импровизатор — несомненно, Адам Мицкевич. Его импровизации запечатлены в воспоминаниях и других эго-документах современников.

¹ Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений. Т. 8. Кн. 1. [М. — Л.]: Изд-во АН СССР, 1948. С. 268.

² Там же С. 270.

³ Там же. С. 125.

В совокупности с изображением поэтических импровизаций в художественных текстах (а чаще всего на эту тему писали те, кто сам присутствовал при реальных импровизациях) мы получаем значительный объем материала, позволяющий обобщить наблюдения слушателей и дать ответ на вопрос: существует ли некоторая закономерность в искусстве импровизатора или он действительно является слепой игрушкой в руках судьбы? То есть насколько справедливо утверждение, будто импровизация — не более как «первотворчество», как самая непосредственная попытка извлечь порядок из беспорядка, как чисто интуитивное самоопределение в хаосе впечатлений и эмоций, как свободный полет своейвольной фантазии»⁴?

Попытаемся проанализировать некоторые устойчиво повторяющиеся в процессе импровизирования моменты.

1. Язык и ритм

Чаще всего импровизатором является итальянец либо человек, долго живший в Италии («Импровизатор» В. Ф. Одоевского, «Египетские ночи» А. С. Пушкина, «Коринна, или Италия» Ж. де Сталь; по-итальянски импровизировал также проживавший некоторое время в Петербурге Д. Джустиниани [Giustiniani]). Коринна в романе Жермены де Сталь так объясняет это: «В итальянском языке есть какая-то пленительная музыкальность, при которой слова доставляют наслаждение одним своим звучанием, почти независимо от их смысла; к тому же слова эти сами по себе живописны: они рисуют то, о чем говорят»⁵. О. А. Пржецлавский вспоминал: «Мой сосед (по залу, присутствовавший вместе с мемуаристом во время импровизации. — А. Ф.) сказал мне, что в таланте Джустиниани нет ничего слишком удивительного, что на улицах итальянских городов встречается много импровизаторов даже из простого народа»⁶. Наконец, как справедливо отмечает современный исследователь, пишущий о «Египетских ночах», «Пушкину важен был не портрет реального человека, а некая обобщенная “модель” итальянского типа, поскольку в большинстве своем импровизаторы были итальянцами»⁷.

⁴ Рунин Б. М. О психологии импровизации // Психология процессов художественного творчества. Л.: Наука, 1980. С. 46.

⁵ Сталь Ж. де. Коринна, или Италия. М.: Наука, 1969. С. 44–45.

⁶ Пржецлавский О. А. Калейдоскоп воспоминаний // Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 166.

⁷ Степанов Л. А. Об источниках образа импровизатора в «Египетских ночах» // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1982. Т. X. С. 174.

Обилие импровизаторов среди итальянцев действительно может быть связано с музыкальностью итальянской речи. Речь характеризуется слушателем как музыкальная прежде всего благодаря своей естественной ритмической организации, а «ритм в искусстве ориентируется на ритмические закономерности, существующие в объективном мире», и «соотносится... с психофизиологической природой нашего восприятия»⁸.

Импровизации часто сопровождалась либо предварялись музыкой, помогавшей создать ритмическую основу будущего текста, что принципиально важно, поскольку «как всякий элемент поэтической формы, ритм участвует в конструировании содержания»⁹. Коринна признается: «Порой я беру свою лиру и стараюсь передать в отдельных аккордах или в простых народных мелодиях мысли и чувства, которые я не сумела облечь в слова»¹⁰. С гитарой в руках готовится одарить своего благодетеля Чарского итальянец в «Египетских ночах»: «Чарский сел на чамодане (из двух стульев, находившихся в тесной конурке, один был сломан, другой завален бумагами и бельем). Импровизатор взял со стола гитару — и стал перед Чарским, перебирая струны костлявыми пальцами и ожидая его заказа.

— Вот вам тема, — сказал ему Чарский: — *поэт сам избирает предметы для своих песен; толпа не имеет права управлять его вдохновением.*

Глаза итальянца засверкали — он взял несколько аккордов — гордо поднял голову, и пылкие строфы, выражение мгновенного чувства, стройно излетели из уст его...»¹¹.

Выступление же пушкинского итальянца перед публикой и вообще предваряет целый оркестр: «Публика была многочисленна. Все с нетерпением ожидали начала; наконец в половине осьмого музыканты засуетились, приготовили смычки и заиграли увертюру из “Танкреда”. Все уселось и примолкло — последние звуки увертюры прогремели... И импровизатор, встреченный оглушительным плеском, поднявшимся со всех сторон, с низкими поклонами приблизился к самому краю подмостков»¹².

⁸ Волкова Е. В. Ритм как объект эстетического анализа: (Методологические проблемы) // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л.: Наука, 1974. С. 84.

⁹ Эткинд Е. Г. Ритм поэтического произведения как фактор содержания // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л.: Наука, 1974. С. 120.

¹⁰ Сталь Ж. де. Коринна, или Италия. М.: Наука, 1969. С. 46.

¹¹ Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений. Т. 8. Кн. 1. [М. — Л.]: Изд-во АН СССР, 1948. С. 268.

¹² Там же. С. 271.

О связи поэтической импровизации с музыкой говорят и те свидетели, которые присутствовали на импровизациях Мицкевича. В частности, как пишет О. А. Пржецлавский, «Мицкевич... часто, после веселого обеда, в приятельском кружке, импровизировал с бокалом в руке много веселых, часто сатирических, нередко грустных стрóf. Он их пел с аккомпанементом фортепиано, всегда на ноту одной из двух Моцартовых арий: “*Fin’ ch’ <han d>al vino*” из “Дон Жуана” или “*Più non andrai farfallon’ amoroso*” из “Свадьбы Фигаро”. Но то, что мы слышали, были только прелюдии...»¹³.

Пржецлавский присутствовал в том числе и на одной из двух самых знаменитых импровизаций Мицкевича — в Петербурге, на вечере, специально организованном польско-литвинской колонией по случаю его именин. Там также импровизации предшествует музыка: «Гости явились; обед был очень весел, усердно опорожнялись бутылки, сперва венгерского, потом шампанского. Когда мы встали из-за стола, Малевский сел за фортепиано, и послышались первые аккорды “*Più non andrai*”, Мицкевич по собственной инициативе, взяв в руки бокал и провозгласив тост “за здоровье *литвина*, потомка Льва Сапеги”, спел прекрасную импровизацию в честь знаменитого творца Литовского Статута»¹⁴. На то же обращает внимание и присутствовавший на вечеринке выпускник Виленского университета, будущий историк Миколай Малиновский, квартировавший у Ф. В. Булгарина: «Первый раз я слышал здесь импровизирующего Адама 16 декабря (1827 г. — А. Ф.), поэт поддался просьбам всех присутствующих, но в осуществлении <намерения> появились непреодолимые преграды. Мицкевич привык импровизировать всегда при фортепиано, а тем временем инструмента не было, доставлять его, как казалось, было поздно. Где-то был найден чекан, и при его звуках Адам пропел более десяти веселых стрóf, посмеиваясь над настоящим и прошлым временем»¹⁵.

Известная в истории польской литературы поэтесса-импровизатор Деотима (Ядвига Лушевская) — уникальный случай, когда импровизатор оставляет мемуарный текст, в котором описывает психические процессы, связанные с импровизацией, — напрямую связывает саму способность к поэтической импровизации

¹³ Пржецлавский О. А. Калейдоскоп воспоминаний // Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 145.

¹⁴ Там же. С. 145.

¹⁵ Федута А. И. Квартирант: Письма М. Малиновского И. Лелевелю // Федута А. И. Письма прошедшего времени: Материалы к истории литературы и литературного быта Российской империи. Минск: Лимариус, 2009. С. 43.

с музыкальной одаренностью. По ее мнению, музыкальные и поэтические способности как бы рассредоточены в мозгу в разных ячейках, связанных между собой. И по мере того, как одна способность растрачивается, другая, напротив, набирает силу, как произошло с Деотимой после болезни, перенесенной ею в подростковом возрасте: «Первая из двух, музыкальная ячейка, никогда уже не вернулась на прежний уровень развития и совсем даже исчезла. Вторая, поэтическая ячейка, смогла в течение нескольких последующих лет развиться сильнее, чем когда-либо, но в то время никто из нас еще не мог этого пробуждения предвидеть. <...> Работала я, что правда, упорно, целыми часами мучила несчастное фортепиано и еще более несчастные уши наших соседей, расписывала разноцветные листы то стихами, то, в другой раз, прозой...»¹⁶.

2. Публика

Фактор публики чрезвычайно важен. Примечательно, скажем, что Адам Мицкевич импровизирует преимущественно перед заведомо доброжелательной к нему публикой. Чаще всего это земляки, видящие в нем гения (позже — поэта-пророка, по-польски *wieszczka*): «Мицкевич импровизировал... окруженный обычно толпой слушателей, не было никого, кто бы хотел лишиться удовольствия видеть вещающего поэта»¹⁷. Во время же памятной импровизации 16 декабря 1827 г. аудитория качественно иная, поэтому Мицкевич (если судить по цитируемым письмам М. Малиновского к И. Лелевелю) чуть ли не извиняется перед публикой. В пересказе Малиновского это выглядит так: «Когда среди девиц, среди товарищей приходилось выступать и когда не хватало рифмы, ему помогал кто-нибудь из знакомых с сердцем поэта, из понимающих его язык и т. д. Теперь же и петь трудно, первый раз он видит некоторых, опасается найти романтиков, которые без суда, без милосердия готовы его *crucifier* <распять (фр.)>»¹⁸.

Однако следует учитывать, что импровизация, о которой вспоминает Лушевская, — это все же импровизация девушки-подростка, дочери хозяйки литературного салона, гости которой *готовы* увидеть в ней чудо¹⁹. Понятно поэтому, что они готовы и про-

¹⁶ Deotyma (Jadwiga Łuszczewska). Pamiętnik. 1834—1897. Warszawa: Czytelnik, 1968. S. 90—91.

¹⁷ Федута А. И. Квартирант: Письма М. Малиновского И. Лелевелю // Федута А. И. Письма прошедшего времени: Материалы к истории литературы и литературного быта Российской империи. Минск: Лимариус, 2009. С. 42.

¹⁸ Там же. С. 43.

¹⁹ Это не означает, однако, что в польской литературе Деотиму воспринимали всего лишь как ребенка-виртуоза. Пржещлавский вспоминал: «Дар, ею

стиль Деотиме возможные погрешности в поэтическом тексте. Но Мицкевич традиционно выступает перед литературно образованной аудиторией²⁰, поэтому его импровизации должны заведомо поражать тем, что можно назвать «литературностью». Присутствовавший на вечере 16 декабря Пржещлавский вспоминал, что «...поэт стал декламировать польскими александринами, то есть стихами в 13 слогов, с рифмами и с цезурой на седьмом слоге. Сцены следовали за сценами, без малейшего промежутка. Поэт не только не останавливался, не задумывался, но задыхался, не успевая выговаривать стихи по мере того, как они толпились в его мыслях»²¹. Обратим внимание на то, что для Пржещлавского польский язык — родной, причем это его главный литературный язык, на который редактор газеты «Tygodnik Petersburski» переводил прозу П. Мериме и А. С. Пушкина²². И у столь подготовленного слушателя, каким был, бесспорно, этот крупнейший польский журналист первой половины XIX в., не возникает ни минутного сомнения в том, что он слышит шедевр.

Сложнее приходилось Мицкевичу, когда он импровизировал вне польскоязычной аудитории. Причем эффект также был потрясающим. Например, Малиновский сообщает в письме о резонансе прощальной импровизации Мицкевича перед московскими писателями: «При выезде из Москвы тамошние литераторы устроили великолепный пир. Ему вручили серебряный кубок, на котором были выгравированы имена участников банкета и ценителей таланта Адама. Декламировались стихи, написанные по этому случаю, пелись песни. Он ответил им импровизацией, которая пробудила такой энтузиазм, что поэт Боратынский, упав на колени,

обладаемый, поистине изумителен; блестящие импровизации ее на все возможные темы выдерживают даже опасную пробу печати: в изданном сборнике их есть много неподдельной поэзии» — Пржещлавский О. А. Калейдоскоп воспоминаний // Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 167–168.

²⁰ Таковой можно считать и членов тайных студенческих обществ в Вильне, перед которыми начинал свою «карьеру импровизатора» будущий автор «Пана Тадеуша»: литературная подготовка большинства из них была практически равна познаниям самого Мицкевича.

²¹ Пржещлавский О. А. Калейдоскоп воспоминаний // Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 146.

²² Об отношении Пржещлавского к польскому языку см., в частности: Успенский, Б. А. Николай I и польский язык: (Языковая политика Российской империи в отношении Царства Польского: Вопросы орфографии и графики) // Успенский Б. А. Историко-филологические очерки. М.: Языки славянских культур, 2004. С. 123–173.

воскликнул: “Ah, mon dieu, pourquoi n’est-il-pas Russe! <Ах, боже мой, почему ты не русский! (фр.)>”²³.

Очевидно, что импровизация не могла идти на польском языке, поскольку большинство московских друзей Мицкевича вряд ли достаточно хорошо понимали его²⁴. Вероятнее всего, импровизировал Мицкевич на французском языке, причем в прозе. Однако и в этом случае сам язык давал определенную опору — только опорой этой был не ритм итальянского, а существование четких формулировок и культуры мысли, сложившейся еще в эпоху классицизма в практике французских мыслителей — создателей афористических циклов. Неудивительно, что такой энтузиазм пробуждает импровизация Мицкевича именно в Боратынском — признанном «поэте мысли». То есть импровизация также соответствовала потенциальным ожиданиям аудитории.

Роль публики в процессе импровизации подчеркивают и герои художественных произведений, обладающие этим высоким даром. Коринна признается: «И вот что еще заставляет меня высоко ценить присущий нам дар импровизации: он не мог бы развиваться в том обществе, где любят насмешку; для того, чтобы поэт мог отважиться на такое опасное дело, как выступить с импровизацией, надобно, я позволю себе так выразиться, атмосфера добродушия Юга или, вернее, тех стран, где люди любят веселиться, но не склонны критиковать то, что вызывает их веселье. Достаточно одной ироничной улыбки, чтобы лишить поэта присутствия духа, необходимого для творческого подъема; ему надобно, чтобы слушатели разделяли с ним его восторг и воодушевляли его рукоплесканиями»²⁵. Другой персонаж того же романа говорит «о ее [Коринны] красноречии, об этой могучей силе, которая увлекает тем сильнее, чем большим умом и душевной отзывчивостью обладают ее слушатели»²⁶. Наконец, пушкинский итальянец успокаивает сомневающегося в возможности импровизации перед единственным слушателем Чарского:

²³ Мицкевич, Боратынский, Грибоедов в переписке М. Малиновского и И. Лелевеля / Вступительная заметка, подготовка текста, публикация и примечания А. И. Федуты // *Philologica*. Т. 7. № 17/18. С. 200–201.

²⁴ Е. А. Боратынский, И. В. и П. В. Киреевские, их отчим А. А. Елагин, Н. М. Рожалин польского языка не знали, Н. А. Полевой и С. П. Шевырев начали изучать его под влиянием знакомства с А. Мицкевичем и другими сосланными филоматами. О степени владения польским языком в этот период С. А. Соболевским мы сведениями не располагаем: более поздние письма его А. Мицкевичу и Ф. Малевскому написаны на французском языке.

²⁵ Сталь Ж. де. Коринна, или Италия. М.: Наука, 1969. С. 45.

²⁶ Там же. С. 26.

« — Импровизацию!.. разве вы можете обойтись и без публики, и без музыки, и без грома рукоплесканий?

— Пустое, пустое! где найти мне лучшую публику? Вы поэт, вы поймете меня лучше их, и ваше тихое ободрение дороже мне целой бури рукоплесканий... Садитесь где-нибудь и задайте мне тему»²⁷.

3. Тема

Показательно, что сама тема, как правило, действует на импровизатора мобилизуя и вдохновляя. Обычно она связана с «возвышенным» предметом — с историей местности либо народа. Один из персонажей романа Жермены де Сталь констатирует: «...искусство Коринны... можно объяснить не только щедростью ее таланта, но тем глубоким волнением, какое в ней возбуждают все благородные идеи; стоит ей только коснуться в разговоре предмета, напоминающего о них, как она загорается восторгом, вдохновение увлекает ее, и в душе ее открываются неисчерпаемые источники мыслей и чувств»²⁸. Коринна признается: «О себе я смею сказать, что никогда не выступала с импровизацией стихов, не испытывая истинного душевного жара, не загоревшись новой для меня мыслью»²⁹. Сама романистка так описывает обстоятельства одной из импровизаций героини: «С вершины невысокого холма, вдающегося в море и образующего Мисенский мыс, были прекрасно видны Везувий, Неаполитанский залив с рассеянными по нему островами и равнина, простирающаяся от Неаполя до Гаэты, — словом, тот уголок мира, где вулканы, история и поэзия оставили больше всего следов. Друзья Коринны хором просили ее избрать темой для импровизации следующие слова: “Воспоминания, вызванные этой местностью”. Она настроила свою лиру и начала прерывающимся голосом»³⁰.

Сходную тему дают друзья Мицкевичу: «Франтишек (Малевский. — А. Ф.) сел за фортепиано и начал наигрывать известную нашим сердцам мелодию. Адам сразу же начал пышную похвалу Литве. Ее прежняя слава, приобретенная силой меча, ее полная предрассудков, поэтическая и высокая жизнь, ее союз с соседним народом, благородным и просвещенным, успехи веры, смягчение обычаев, приобретение свобод, большая слава и известность миру, все это в пышных и по-настоящему поэтических образах

²⁷ Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений. Т. 8. Кн. 1. [М. — Л.]: Изд-во АН СССР, 1948. С. 268.

²⁸ Сталь Ж. де. Коринна, или Италия. М.: Наука, 1969. С. 26—27.

²⁹ Там же. С. 45.

³⁰ Там же. С. 226—227.

Адам развил в прекраснейшей песне, но только перейдя ко временам Сигизмунда III, он предстал во всем великолепии блеска своего несравненного таланта, в быстром переходе упомянув тот удивительный ряд великих мужей, которые украсили это памятное правление, прославил короля, возвращающегося после долгих боев, в которых польский орел покрыл себя новой славой, желающего передохнуть в покое, но сначала, как поощрение за славные дела, желающего вручить венец наивысшей заслуги первому из граждан»³¹. И, наконец, известная импровизация трагедии, посвященной рокошу (восстанию) братьев Зборовских против короля Стефана Батория, также имеет своим предметом одну из самых трагических страниц богатой событиями польской истории.

Да и другие известные нам по эго-текстам и художественным произведениям темы для импровизаций вполне «поэтичны». Скажем, тема «Клеопатра и ее любовники» — едва ли не самая известная тема импровизации в русской литературе — опирается на античный источник, прямо обозначенный в тексте «Египетских ночей». В уже цитированном выше одном из писем Малиновского говорится: «Он [Мицкевич] просил, чтоб ему было подано содержание песни, и Юзеф Олешкевич, художник, человек благородный, но, к несчастью, зараженный мистицизмом, подал идею воспеть сотворение мира. После стольких примеров великих и малых поэтов, которые либо начинали, либо заканчивали свою профессию пением восхваления создателю, я не надеялся услышать ничего нового, но как же приятно я был поражен, когда поэт восславил Бога, в замешательстве и неразберихе всех вещей раздвигающего хаос и в одной руке держащего свет, в другой — тьму»³². Тема сотворения мира со времен Мильтона была одной из главных для европейской культуры. Неслучайно также Малиновский проводит параллель между импровизацией Мицкевича и поэзией польского классика позднего Возрождения Яна Кохановского, которого заново начали открывать для себя романтики.

4. Приступ вдохновения

Как правило, акт импровизации изображается свидетелями (и писателями, воспроизводящими его в своих произведениях) как нечто почти болезненное. Но, с другой стороны, еще Б. Л. Пастернак назвал «песнь» высокой болезнью — и в этом нет никакого

³¹ Федута А. И. Квартирант: Письма М. Малиновского И. Лелевелю // Федута А. И. Письма прошедшего времени: Материалы к истории литературы и литературного быта Российской империи. Минск: Лимариус, 2009. С. 45.

³² Там же. С. 43.

противоречия. Пушкинский Чарский — а процесс импровизации итальянца в «Египетских ночах» показан его глазами — так воспринимает приступ этой «болезни»: «Но уже импровизатор чувствовал приближение бога... Он дал знак музыкантам играть... Лицо его страшно побледнело, он затрепетал как в лихорадке; глаза его за сверкали чудным огнем; он приподнял рукою черные свои волосы, отер платком высокое чело, покрытое каплями пота... и вдруг шагнул вперед, сложил крестом руки на грудь... музыка умолкла... Импровизация началась»³³.

Как бесконечное страдание описывает В. Ф. Одоевский дар, обрушенный таинственным доктором Сегелиелем на его героя — импровизатора Киприано: «Несчастный страдал до неимоверности; все: зрение, слух, обоняние, вкус, осязание, — все чувства, все нервы его получили микроскопическую способность, и в известном фокусе малейшая пылинка, малейшее насекомое, не существующее для нас, теснило его, гнало из мира; щебетание бабочки на крыла раздирало его ухо; самая гладкая поверхность щекотала его; все в природе разлагалось пред ним, но ничто не соединялось в душе его: он все видел, все понимал, но между им и людьми, между им и природою была вечная бездна; ничто в мире не сочувствовало ему»³⁴.

Реальные импровизаторы внешне выглядят после акта импровизации как будто после некоего приступа — болезненного или божественного — в зависимости от того, как воспринимает его автор соответствующего эго-документа. Известный общественный деятель, меценат и издатель времен Великой эмиграции Евстахий Янушкевич писал по поводу «великой импровизации» Мицкевича 22 декабря 1840 г.: «Лицо его обрело ангельское выражение, ибо душа выступила из тайных глубин. Показалось нам, что какой-то дивный, непонятный свет окружил его лицо. Все невольно встали, как если бы какое-то божество явилось нам, желая посетить смертных. Непрерывно исходил из уст его поток слов, прекраснейших мыслей и рифм с такой силой, напряженностью и мощью, как если бы воды Вислы или Дуная, разрушив преграды, вышли из переполненного русла. Был это поток, который нельзя остановить, который сдерживал наше дыхание. Все стояли в оцепенении, храня гробовое молчание»³⁵. По воспоминаниям Пржецлавского,

³³ Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений. Т. 8. Кн. 1. [М. — Л.]: Изд-во АН СССР, 1948. С. 274.

³⁴ Одоевский В. Ф. Русские ночи. Л.: Наука, 1975. С. 94.

³⁵ Kawyn S. Mickiewicz w oczach swoich współczesnych: Studia i szkice. Warszawa: Oficyna Wydawnicza Rytm, 2001. S. 249–250.

16 декабря 1827 г. Мицкевич во время импровизации «не только не останавливался, не задумывался, но задыхался, не успевая выговаривать стихи по мере того, как они толпились в его мыслях. Он все более и более оживлялся, вызванное им вдохновение не покорялось уже ему, а овладело всем его существом. Он видимо страдал под его гнетом, как древние Питии страдали под наитием вызванного им духа. Глаза его пылали, лицо попеременно краснело и бледнело, между тем как стихи, исполненные высокой поэзии, лились рекою из его уст»³⁶. Болезненную усталость Мицкевича в тот вечер по окончании импровизации отмечает и другой ее слушатель — Малиновский: «Поэт, возможно, еще говорил бы, но, утомленный декламацией почти 2000 стихов и большим напряжением голоса и сменой его по необходимости, упал на стул и более десяти минут вынужден был отдыхать, пока оправится от слабости»³⁷.

Кстати, именно болезненное состояние отличает гениального импровизатора от фигляра, зарабатывающего деньги на человеческих прихотях, — так считал Одоевский, чей Киприано оставался холодным и равнодушным и к слушателям, и к теме, на которую он импровизировал: «...художник был спокоен и холоден, — в нем не заметно было ни малейшей усталости, — но на лице его видно было не высокое наслаждение поэта, довольного своим творением, а лишь простое самодовольство фокусника, проворством удивляющего толпу»³⁸.

Деотима также не отрицает необычности состояния импровизатора в момент акта импровизации: «Когда я закончила, лишь тогда опомнилась, где я, кто меня слушает, и вздохнула полной грудью, как человек, избавившийся от большой опасности»³⁹. Однако она не считает это ни нормой, ни аномалией: «Это вовсе не безумие, не дурман, но напротив, это освобождение от тяжелого полусна, в котором обычно пребываем, это приближение к высшей цели, где яснее видится, понимается и легче вспоминается, чем в обычных условиях жизни»⁴⁰.

³⁶ Пржещлавский О. А. Калейдоскоп воспоминаний // Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 146.

³⁷ Федута А. И. Квартирант: Письма М. Малиновского И. Лелевелю // Федута А. И. Письма прошедшего времени: Материалы к истории литературы и литературного быта Российской империи. Минск: Лимариус, 2009. С. 49.

³⁸ Одоевский В. Ф. Русские ночи. Л.: Наука, 1975. С. 87.

³⁹ Deotyma (Jadwiga Łuszczewska). Pamiętnik. 1834–1897. Warszawa: Czytelnik, 1968. S. 96.

⁴⁰ Ibid. S. 97.

Что же касается «божественного начала» в процессе импровизации, то здесь сказывается архетипическое отношение любого человека к неожиданно организованной и посвященной волнующему предмету речи, которое отметила еще О. М. Фрейденберг: «...акт рассказывания, акт произнесения слов осмыслялся как новое сияние света и преодоление мрака, позднее смерти. “Говорить” значило “светить”»⁴¹.

5. Рациональное при импровизации

Однако «божественное» или «болезненное» вовсе не предполагает полного отключения рационального начала у импровизатора. Такое впечатление остается скорее в силу самой природы поэтической речи, что отмечает уже Коринна в романе де Сталь: «Стихотворная речь так сильно разнится от речи прозаической, что с первых же произнесенных строк внимание слушателей поглощено теми поэтическими оборотами, которые как бы проводят грань между сочинителем и аудиторией»⁴². И импровизатор пользуется этой гранью, чтобы отстранить аудиторию от себя, создать дистанцию, что, кстати, характерно и для любого талантливого проповедника, строящего свою речь так, чтобы поразить слушателей ее необычностью.

Итальянец в «Египетских ночах» свидетельствует: «Всякой талант неизъясним. Каким образом ваятель в куске каррарского мрамора видит сокрытого Юпитера, и выводит его на свет, резцом и молотом раздробляя его оболочку? Почему мысль из головы поэта выходит уже вооруженная четырьмя рифмами, размеренная стройными однообразными стопами? — Так никто, кроме самого импровизатора, не может понять эту быстроту впечатлений, эту тесную связь между собственным вдохновением и чуждой внешнею волею — тщетно я сам захотел бы это изъяснить»⁴³. Той же точки зрения придерживается и нарратор в новелле «Импровизатор» Одоевского: «Художник не задумывался ни на минуту: в одно мгновение мысль и зарождалась в голове его, и проходила все периоды своего возрастания, и претворялась в выражения. Разом являлись и замысловатая форма пьесы, и поэтические образы, и щегольской эпитет, и послушная рифма»⁴⁴. Тем более ценным является мемуарный текст Деотимы, в котором она совершенно

⁴¹ Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. Период античной литературы. Л.: Художественная литература, 1936. С. 135.

⁴² Сталь Ж. де. Коринна, или Италия. М.: Наука, 1969. С. 44.

⁴³ Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений. Т. 8. Кн. 1. [М. — Л.]: Изд-во АН СССР, 1948. С. 270.

⁴⁴ Одоевский В. Ф. Русские ночи. Л.: Наука, 1975. С. 86.

рационально описывает акт импровизации, опираясь на собственный опыт: «Импровизатор — это вовсе не медиум, не орудие, это — обладатель орудия, существо, полностью пребывающее в сознании, более сознательное, нежели те, кто его слушает, потому что такой тяжелый труд требует кристальной прозрачности сознания. Этот разум настолько занят тогда работой, что ничем иным занят быть уже не может, и это, собственно, оставляет его вне опасности. Временами, на самом деле, спрашивает он душу свою: “Для чего ты меня так напрягаешь? Дай отдохнуть мне немного, потому что и вправду я уже не выдерживаю”. А душа отвечает: “Сейчас ни о чем меня не спрашивай, только двигайся вперед, все время вперед. Когда дойдешь до цели, то отдохнешь. Так не оборачивайся ни направо, ни налево, потому что опрокинешь и воз, и коня...”».

О, это важнейший совет. На одно мгновение прервешься — и уже закончилось очарование. Пусть даже импровизатор взглянется внимательно в кого-либо из слушателей, или посмотрит даже на какую-то картину или мебель, он начинает вспоминать: “А! — значит, я тут... говорю перед теми и другими, а о чем я говорю?...” И утрачивает он в этот момент цепь импровизации, не знает, что именно уже сказал; не знает, на чем прервался; а минуты бегут, молчание длится, слушатели отвлекаются и начинают поскрипывать... и все может завершиться позорным фиаско»⁴⁵.

Деотима говорит и о том, что план импровизируемого текста она все-таки слагает в те мгновения, которые отделяют сам акт от поданной ей слушателями темы: вот она «...отринула страх, быстро сложила план и через несколько минут уже предстала перед гостями. Был у меня вид человека, вглядывающегося в будущее. Однако сила воли вновь победила, я собралась с мыслями, забыла о слушателях и начала рассказывать в стихах, что вся человеческая жизнь — как бы импровизация, только выраженная не словами, но поступками»⁴⁶.

Но, пожалуй, самое ценное из высказываний Деотимы с точки зрения избранной нами темы следующее: «Из всего сказанного мною следует, что импровизация есть, собственно, ускоренный процесс творчества»⁴⁷. В пользу этого свидетельствуют, в частности, обобщенные наблюдения известного исследователя твор-

⁴⁵ Deotyma (Jadwiga Łuszczewska). *Pamiętnik. 1834—1897*. Warszawa: Czytelnik, 1968. S. 98.

⁴⁶ *Ibid.* S. 96.

⁴⁷ *Ibid.* S. 99.

чества балканских сказителей начала XX в. А. Б. Лорда: «Певец никогда не прекращает накапливать, перераспределять и перестраивать формулы и темы, совершенствуя таким образом свое мастерство и обогащая свое искусство. Он развивается в двух направлениях: оттачивает то, что уже знает, и усваивает новые песни. Последнее теперь значит для него лишь узнавание новых имен и распознавание тем, составляющих новые песни. Все, что ему теперь нужно, — это сюжет, так что на этой стадии он способен, услышав какую-нибудь песню всего один раз, тотчас повторить ее — конечно, не слово в слово, но может пересказать тот же сюжет своими словами. Порою певцы предпочитают иметь день-другой на то, чтобы обдумать песню, привести ее в порядок и порепетировать ее без слушателей. Такие певцы либо не очень уверены в своих способностях, либо мелочно-педантичны»⁴⁸. И хотя тот же Лорд проводит четкую границу между поэтической импровизацией и творчеством певца-сказителя⁴⁹, разница между ними, очевидно, сводится к тому, что импровизатор внутренне должен быть готов импровизировать на *любую* тему, в то время как эпический сказитель создает свои тексты в рамках определенной жанровой и стилевой традиции и по строго соблюдаемой номенклатуре тем. Роднит же их то, что сказитель, как и импровизатор, «и есть создатель произведения. Сказитель эпоса — это создатель эпоса. Певец, исполнитель, слагатель, поэт — это один человек, рассматриваемый с различных точек зрения, но в одно и то же время. Пение, исполнение и сложение эпоса — это разные аспекты единого события»⁵⁰.

6. Устное vs письменное

Показательно, что известные нам импровизаторы в большинстве своем делают все, чтобы текст импровизации, исполненной ими, остался не записанным. Особенно это характеризует Адама Мицкевича: «Заметив, что один из нас записывает его стихи,

⁴⁸ Лорд А. Б. Сказитель. М.: Восточная литература, 1994. С. 39.

⁴⁹ «Приравнивая его (устное сложение. — А. Ф.) к импровизации в широком смысле слова, мы впадаем в ту же ошибку. Импровизация — термин вполне подходящий для этого процесса. Однако он должен использоваться с учетом ограничений, накладываемых данным стилем. <...> В устной поэзии мы сталкиваемся с очень своеобразным, ни на что не похожим процессом, при котором устное усвоение, устное сложение и устное распространение — это почти одно и то же; они, видимо, представляют собой различные аспекты одного процесса» — там же. С. 16.

⁵⁰ Там же. С. 24–25.

Мицкевич просил перестать, говоря, что это ему мешает»⁵¹. Это свидетельство Пржещлавского подтверждает и Малиновский: «Мицкевич импровизировал здесь, окруженный обычно толпой слушателей, не было никого, кто бы хотел лишиться удовольствия видеть вещающего поэта, а если в торжественные моменты, как, например, в то время, когда он импровизировал трагедию, нашлись такие, кто хотел писать, то они не смогли сделать этого достаточно осторожно. Адам увидел это и внятно заметил, что скрип пера уничтожает в нем поэтическое вдохновение»⁵². Однако даже тогда, когда импровизацию все-таки удается записать, Мицкевич искусно обставляет ее «исчезновением»: «Прушинский записал эту импровизацию (22 декабря 1827 г. — А. Ф.), но графиня Ходкевич отвезла ее с собой и так неожиданно, что не было времени ее переписать»⁵³. У нас нет сомнений, что не будь прямой просьбы поэта к Ф. К. Ходкевич уничтожить записанную Постумиушем Прушинским импровизацию, она бы практически немедленно стала достоянием слушателей-читателей, а значит, уверенность в ее гениальности могла бы достаточно быстро рассеяться.

Можно обратиться к исследованию Лорда, чтобы объяснить с его помощью упорство, проявляемое Мицкевичем, когда он отказывается от записи — пусть даже стенографической — сымпровизированного им стихотворения: «...однажды кто-то обратился к певцу с просьбой пересказать песню так, чтобы ее можно было записать. Для певца это было, в каком-то смысле, просто еще одно исполнение, такое же, как многие другие. И в то же время это было самое необычное из всех его выступлений. В нем не было ни музыки, ни пения — ничего, что помогало бы выдерживать правильный ритм, только отголоски прежних исполнений и выработанные ими навыки. Без музыки и пения трудно было соединять слова как обычно. Непривычным был и темп сложения песни. Обычно сказитель имел возможность быстро переходить от одной мысли или темы к другой. Теперь же ему приходилось все время останавливаться — после каждой строки или даже части ее, — чтобы дать

⁵¹ Пржещлавский О. А. Калейдоскоп воспоминаний // Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 145.

⁵² Федута А. И. Квартирант: Письма М. Малиновского И. Лелевелю // Федута А. И. Письма прошедшего времени: Материалы к истории литературы и литературного быта Российской империи. Минск: Лимариус, 2009. С. 42.

⁵³ Там же. С. 44.

записать сказанное. Это было нелегко, так как мысль сказителя забегала далеко вперед»⁵⁴.

Мицкевич — гениальный поэт, а не только выдающийся импровизатор. Он хорошо понимает разницу между словом, случайно приходящим в голову (пусть даже и закономерно подсказанным музыкальностью речи, ритмической организацией стиха, наконец, цепкой поэтической памятью импровизатора), и словом — образом, фразой, сюжетом, — родившимся в результате тяжелой литературной работы. «Устное произведение не создается для исполнения, оно создается в процессе исполнения»⁵⁵. Работа над текстом позволяет избежать банальностей и повторов, отточить поэтические формулы. И Мицкевич закономерно делает выбор в пользу письменного стихотворения. Но это трудно объяснить слушателям, потрясенным самой мыслью о том, что они присутствуют при акте рождения гениального произведения.

Косвенно в пользу нашей версии о синтезе рационального и иррационального начал в акте поэтической импровизации — то есть о присутствии элементов сознательного творчества, а вовсе не исключительно «божественного наития» — свидетельствует и тот факт, что практически к концу XIX в., к моменту появления средств фонозаписи и максимальному развитию стенографического ремесла, поэтическая импровизация уходит или по крайней мере перестает занимать то место, которое характерно для нее в эпоху романтизма. В эпоху фонографа места для чуда не остается. А при записи — как и предполагал, вероятно, Мицкевич — поэтический текст импровизации проигрывает.

Это, кстати, подтверждает и литературная судьба чудо-подростка Ядвиги Луцевской: Деотима осталась в сознании потомков, скорее, как человек-легенда с трудной и героической судьбой (она добровольно уехала сопровождать отца в ссылку), но не как выдающийся поэт. И что-то в этом есть справедливое. Ведь в памяти остается то, что более важно.

⁵⁴ Лорд А. Б. Сказитель. М.: Восточная литература, 1984. С. 142.

⁵⁵ Там же. С. 24.

Мария Шимановская на страницах газеты «Северная Пчела»

Газета «Северная Пчела», редактором которой был белорусский шляхтич, сын участника восстания Т. Костюшко Фаддей Булгарин, уже в силу его знания польского языка и хороших связей в истеблишменте крупных культурных центров бывших земель Речи Посполитой (прежде всего Вильны), должна была стать важным источником информации о жизни крупнейшего национального меньшинства Российской империи, каковым были поляки и литвины. «Ему нельзя отказать в том, что он делал многое для пропаганды творчества своих соотечественников»¹. Среди тех, о ком пишет газета, — профессора Виленского университета Г. Гроддек и Ш. Малевский, митрополит С. Сестрэнцевич-Богуш, путешественник В. Ржевусский, литераторы Л. и А. Рогальские, К. Таньская, А. Ходзька, Ю. Сенковский, художники А. Орловский и В. Ванькович. Публикуется множество исторической информации — о королях Владиславе III и Станиславе Лещинском, о Копернике, об истории легенды о пане Твардовском. Информация о выходе книг на польском языке и переводов с польского, гастролях польских артистов, жизни польской колонии в самой имперской столице привлекала читателей, а властям, с которыми Булгарин сотрудничал, давала возможность манипулирования общественным мнением в нужном духе: национальных проблем в Российской федеративной империи официально не существовало — во всяком случае, до начала восстания 1830—1831 гг.

Газета начала выходить в 1825 г. 15 раз, до смерти, упоминается на ее страницах одна из самых ярких представителей польской музыкальной культуры, виртуозная пианистка и композитор Мария Шимановская.

Статус Марии Шимановской в Петербурге был весьма высок. Достаточно сказать, что еще в 1822 г. ей был дарован титул первой пианистки российских императриц. Она была европейской знаменитостью, о чем свидетельствовали многочисленные записи поклонников в ее альбоме. Князь П. А. Вяземский, друживший с Шимановской, писал: «Альбом ея, хранилище собственноручных приписаний первых поэтов и литераторов нашего времени, есть точно драгоценность в своем роде» — и далее называет Н. М. Карамзина, И. И. Дмитриева, В. А. Жуковского, И. А. Крылова,

¹ Свирида И. И. Между Петербургом, Варшавой и Вильно. Художник в культурном пространстве: XVIII — середина XIX вв. М.: ОГИ, 1999. С. 184.

И. В. Гете, А. Гумбольдта, Ф. Р. Шатобриана, Б. Констана, Т. Мура, Ю. Немцевича и других крупных деятелей культуры². Ее портреты писали уже известный (и весьма влиятельный в силу своего масонского статуса) Ю. Олешкевич и начинающий В. Ванькович. Очевидно, что и сама Шимановская воспринимается как яркая представительница европейской артистической элиты.

В этом качестве она впервые и предстает на страницах «Северной Пчелы». На второй странице № 53 (2 мая) за 1825 г. дается краткая информация: «Бывшая здесь, в С<анкт->Петербурге, Артистка на фортепьяно г-жа Шимановская давала концерт в Риме (в декабре 1824) в доме, занимаемом одним богатым русским путешественником. Отличнейшие знатоки Италии были довольны игрою г-жи Шимановской. В январе сего года она давала концерт в Неаполе на Театре del Fondo и также заслужила благодарность публики. Она с удовольствием воспоминает о пребывании своем в Петербурге». Как пишут о том же периоде странствий Шимановской ее биографы Т. Сыга и С. Шениц, «письма кн. Вяземского и Огинского открывают ей двери в салоны итальянской, российской (Гагарины, Голицыны, Нарышкины) и польской аристократии в Риме, Неаполе, Венеции и Болоньи»³. Причем кроме рекомендательных писем следует упомянуть о романе Шимановской с патриархом европейской культуры И. В. Гете — романе, о котором говорили достаточно широко, поскольку и старый поэт, и пианистка были замечательными мастерами того, что сегодня называется «самопиар».

Нужно сказать, что музыкальное искусство поляков входит в это время в Петербурге в моду, и «Северная Пчела» реагирует на очередные гастролы достаточно оперативно: на ее страницах печатается информация о концертах выдающегося скрипача Кароля Липиньского в Петербурге (1825, № 72, 74) и на киевских «контрактах» (1829, № 24), о гастролях скрипачей Антония и Аполлинария Контских, представителей известного семейства виртуозов (1829, № 26, 38). Но, разумеется, именно Шимановской уделяется максимум внимания.

Вот, например, какую информацию публикует «Северная Пчела» (1827, № 33) в специальной рекламной заметке «О концертах г-жи Шимановской»: «Г-жа Шимановская уже была в Петербурге, несколько лет тому назад. Прелестною своею игрою на фортепьяно она удостоилась обратить на себя внимание Высочайшего Императорского Двора, и лестного отличия получить звание первый

² Вяземский П. А. Об альбоме г-жи Шимановской // Вяземский П. А. Полное собрание сочинений: В 12 т. Т. 2. СПб.: Изд. С. Д. Шереметева, 1879. С. 60.

³ Syga T., Szenic S. Maria Szymanowska i jej czasy. Warszawa: PIW, 1960. S. 315.

фортепианистки Их Императорских Величеств Государынь Императриц. Образованная наша публика почтила г-жу Шимановскую несомненными знаками своего уважения к ее дарованию: многочисленными собраниями во время ее концерта и единодушными рукоплесканиями. С тех пор г-жа Шимановская путешествовала по всей Европе, была в Германии, Франции, Англии и Италии, и как в столицах, так и в значительнейших городах сих стран заслужила всеобщее одобрение и похвалу. Все журналы отзываются об игре ее в самых лестных выражениях. — Игра г-жи Шимановской, кроме всех качеств, сопряженных с достоинством первостепенной артистки, имеет ту неизъяснимую прелесть, которую только прекрасный пол может сообщить предметам. Фортепиано, само по себе, есть инструмент весьма трудный для выражения того чувства и мелодии, которые можно выразить целым оркестром или скрипкою и виолончелем. Сие происходит от того, что игра на фортепиано составлена из усеченных нот, или сказать яснее, от того, что на фортепиано нельзя продолжать по произволу тонов и прерывать оные. Г-жа Шимановская победила большую часть сей трудности своим необыкновенным талантом. Игра ее, по слиянию тонов, приближается к пению, и составляет особенный род, ею созданный и усовершенствованный. В сей игре находят равное удовольствие и знаток, и любитель искусств, непосвященный во все тонкости ученой музыки, которая одним преодолением трудностей не всегда понятна простому любителю». В конце заметки сообщается о месте и времени концерта, а также о цене билета — десять рублей, сумма немалая.

Показательно, что автор заметки строит свой текст весьма искусно. Он акцентирует внимание и на европейской известности пианистки, и на ее официальном статусе при дворе, и на ее исполнительском мастерстве. Однако при этом, описывая (формально для знатоков) особенность манеры Шимановской, по сути он завлекает как раз тех, чье знакомство с музыкой носит далеко не профессиональный и даже не дилетантский характер; отсюда пассаж в конце текст о том, что и непосвященные способны получать от нее удовольствие.

Уже через три номера (1827, № 36) газета возвращается к концерту Шимановской, размещая на первых полосах подробный отчет о нем. Автор не скупится на комплименты: «Она восхитила всех своею прелестною игрою, в которой соединены с необыкновенным искусством чувство, жизнь и то высокое понятие гармонии, которое сообщает музыке силу трогать сердце. Это можно назвать Поэзиею музыки». Чуть позже (1827, № 38) сообщается

о высокой награде, которой удостоена пианистка, — ей высочайше пожалован дорогой фермуар.

В «Северной Пчеле» сообщается и о некоторых других аспектах творчества Шимановской. В частности, ее имя упоминается в связи с ее участием в благотворительном концерте слепого гитариста Симона (1830, № 35) и о публикации альманаха «Лирический альбом», в котором напечатаны романсы Михаила Виельгорского на стихи Пушкина и Марии Шимановской на стихи Мицкевича (1829, № 19).

Следует учесть вместе с тем, что статус Шимановской в Петербурге, столице империи, серьезно отличается от ее статуса в Варшаве, столице Царства Польского. В Варшаве Шимановская не столько европейская знаменитость, сколько представительница семьи местных еврейских коммерсантов. Позже, как отметит профессор Алина Витковская, это станет поводом для неприязни значительной части Великой эмиграции к ее дочери Целине, которая осмелится принять предложение Адама Мицкевича («wieszczą narodowego!») и выйти из него замуж⁴. Весьма настороженно относятся варшавяне и к ее официальному статусу первой фортепианистки императриц.

Но есть и еще одно обстоятельство. К Шимановской испытывает личную неприязнь великий князь Константин Павлович, фактический диктатор Царства Польского (формально он не имел такого статуса, однако положение императорского брата делало его таковым). Вспомним, что известный танец Марии Шимановской с Александром I в декабре 1823 г. был своеобразным вызовом императора брату. Во-первых, Константин Павлович позволил себе мезальянс — свадьбу с Иоанной Грудзинской, что стоило ему отречения от прав наследования престола России. Танец императора на балу с особой отнюдь не аристократического происхождения — парафраз к мезальянсу брата, причем третий танец, после «протокольных» танцев с княгиней Лович, женой Константина, и княгиней Зайончек, супругой наместника. Во-вторых, всего несколькими неделями ранее Константин заставил богатых пивоваров, включая отца Шимановской, Франтишка Воловского, пройти через публичное унижение: под предлогом того, что в одной из пивных был задержан дезертир, семеро пивоваров должны были подметать площадь от конского навоза после прошедшего на ней парада конной гвардии⁵.

⁴ См.: Witkowska, A. Celina i Adam Mickiewiczowie. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1998. S. 68–71.

⁵ См.: Syga T., Szenic S. Maria Szymanowska i jej czasy. Warszawa: PIW, 1960. S. 120–122.

Самолюбивый и крайне невыдержанный великий князь, как известно, весьма ревностно следил за освещением деятельности «своих поляков» в имперской прессе. Вспомним, что неумеренные, по его мнению, похвалы поэзии Адама Мицкевича, в частности его поэме «Конрад Валленрод», вызовут в 1828 г. скандальное разбирательство на уровне III Отделения Собственной его императорского величества канцелярии, ведавшего, как известно, политическими вопросами. Поэтому в определенный момент под одним из отчетов об очередном концерте Шимановской появляется криптоним, указывающий на автора текста (1828, № 45) — *Ө. Б. — Фаддей Булгарин*. Имперские власти не испытывают недоверия к редактору «Северной Пчелы», и его традиционный криптоним должен, вероятно, снять некоторое напряжение по поводу похвал Шимановской. А похвалы, действительно, были очень сильные. И булгаринский текст серьезно отличается от предыдущих публикаций как раз тем, что он одновременно и о Шимановской, и не о ней: примерно треть его — общие рассуждения о том, как вообще оценивается искусство пианиста-виртуоза, еще треть — оценка других артистов (вокалистов прежде всего), принимавших участие в вечере Шимановской 9 апреля 1828 г., и лишь треть — собственно комплименты в адрес главной звезды вечера.

Булгарин — известный меломан⁶, он умеет писать рецензии. Но он еще и «политик поневоле»: капитан наполеоновской армии, получивший орден Почетного легиона по личному указанию императора Франции, приятель казненного К. Ф. Рылеева, сосланного А. А. Бестужева и считающегося не слишком благонадежным А. С. Грибоедова, он тонко чувствует, чего именно ему следует опасаться. Это заметно по статистике публикаций в «Северной Пчеле», касающихся польско-русских культурных связей или просто в положительном свете рисующих польских подданных империи:

- 1825 — 18 публикаций;
- 1826 — 9 публикаций;
- 1827 — 13 публикаций;
- 1828 — 7 публикаций;
- 1829 — 18 публикаций;
- 1830 — 9 публикаций.

⁶ В частности, он опубликует позже отдельным изданием брошюру о творчестве виртуоза А. Контского, выступавшего в том числе в булгаринском имении Карлово под Дерптом. См. об этом: Федута А. И. Земляки. Ф. В. Булгарин и А.-Г. К. Киркор: к истории взаимоотношений // ...Пачуць, як лёсу валяцца муры: Памяці Генадзя Кісялёва. Мінск: Лімарыус, 2009. С. 277–322.

Очевидно: резкое сокращение «польских» публикаций в 1826 г. вызвано следствием по делу 14 декабря, в ходе которого племянник Булгарина Демьян Искрицкий был осужден, сам редактор «Северной Пчелы» был допрошен, давал показания и был вынужден согласиться на тайное сотрудничество с органами политического надзора. Спад 1828 г. — это пик борьбы Булгарина с критикой со стороны варшавских властей (напомним, например, что именно в этот период великий князь Константин Павлович обеспокоен ростом внимания российской культурной общественности к творчеству А. Мицкевича, в связи с чем в его переписке с III Отделением фигурирует и имя Булгарина)⁷. К 1829 г. ситуация выравнивается, на польскую тематику можно писать чаще. Но со 145-го номера 1830 г. Польша буквально врывается на полосы «Северной Пчелы»: здесь начинаются регулярные публикации официальной информации о ходе польского восстания и его подавления, вытесняя оттуда любую другую информацию. В том числе и культурные связи двух крупнейших народов империи как самостоятельная тема исчезают со страниц газеты Булгарина, которая к 1831 г. становится единственным ежедневным общественно-политическим изданием страны.

Уходит с них и Мария Шимановская. Она в расцвете своего творчества, она активно концертирует (растут дочери, а единственный источник заработка — доход от концертов матери). Но газеты об этом уже не пишут. Единственный раз с начала войны ее имя попадет на первую полосу «Северной Пчелы» — в номере 159 за 1831 год: «Сего июля 12-го скончалась фортепианистка Ее Императорского Величества госпожа Шимановская». О причине смерти (Шимановская умерла от холеры) и сопровождавших ее трагических и скандальных обстоятельствах (вынужденная эвакуация всего семейства из зараженного дома, последовавший за тем арест будущего зятя Франтишка Малевского), разумеется, не говорилось.

Sic transit Gloria mundi. Так проходит земная слава⁸.

⁷ См.: «Конрад-Валленрод». (Материалы из архива Н. Н. Новосильцова) // Русский Архив. 1908. Кн. I. № 1. С. 64–74.

⁸ В оправдание издателей «Северной Пчелы» скажем: практически точно так же вскользь упомянул о смерти великой пианистки и польскоязычный «Tygodnik Petersburski», в общем перечислении унесенных холерой отметивший: [Anonim. 1831 a: 376] — «Скончались здесь, в Петербурге... 13 с. м. первая фортепианистка ее императорского величества Мария Шимановская» — см.: *Wiadomości krajowe. Petersburg 13 Lipca. [O zmarłych w Petersburgu] // Tygodnik Petersburski. 1831. № 53 (14 lipca). S. 376.*

Невстреча (Эва Фелиньская и Надежда Дурова)

27 июля 1841 г., переезжая из Березова в Саратов, к новому месту ссылки, польская писательница и общественная деятельница Эва Фелиньская останавливается в Перми и делает в своих дневниках наброски, которые позже, при подготовке их печати, будут переделаны, дописаны и обретут концептуальный вид, заняв в издании травелога Фелиньской 1852 г. чуть больше четырех страниц. Предоставим читателям возможность познакомиться с ними в нашем переводе на русский язык¹.

«Одной из пермских достопримечательностей является г-жа Дурова, часто здесь бывающая. У меня возникло большое желание познакомиться с ней, и я глубоко сожалела, что мне это не удалось.

История ее жизни необычна: я читала в Березове ее воспоминания под названием “Kawalerist-dewitsa”, и читала их с восхищением.

Родилась она в деревне недалеко от Перми. В детстве потеряла мать, отец женился во второй раз, воспитание ее было пущено на самотек, росла она свободно, почти без всякого надзора.

В семье имела немного неприятностей, что, возможно, повлияло на ее последующее поведение.

Шел ей пятнадцатый или шестнадцатый год, когда через их деревню проходило воинское подразделение, шедшее в Европу. Молодая девушка выразила смелое намерение, которое и исполнила.

Переодевшись в мужскую одежду, оседлав коня, догнала она подразделение в нескольких верстах от своей деревни и заявила, что хочет добровольцем поступить на службу.

Была принята и записана как мужчина.

Было это в 1806 или 1807.

Служила она в полку, как мне кажется, конно-польско-уланском или же в татарско-уланском. Не помню, как следует.

Полк этот размещался в Литве, потом в Домбровицах на Полесье Волынском. Называет она в своих воспоминаниях дома, где бывала, имена людей, с которыми была знакома, и упоминает разные приключения, случавшиеся с ней из-за ее исключительного положения.

¹ Перевод выполнен нами по изд.: *Wspomnienia z podróży do Syberii, pobytu w Berezowie i Saratowie spisane przez Ewę Felińską*. Wilno, 1852. S. 88–92.

Воспоминания ее весьма примечательны, потому что несут на себе отпечаток правды, нет в них самохвальства. Наш улан не хочет представить себя бравым солдатом, наоборот, в ее военном поведении пробивается слабость женской натуры, мундир и эполеты не слишком ее переделали.

Однако же как-то участвовала она в кампаниях и схватках.

В конце концов, секрет ее пола не должен был слишком серьезно охраняться, ибо во время пребывания в армии императора Александра кто-то ему об этом случае сообщил.

Император приказал позвать к себе нашу героиню, спросил, правду ли говорят о поле ее, а когда она призналась в своей тайне, император объявил ей свое покровительство, если бы хотела она покинуть армию или же в ней остаться.

Женщина-улан заявила, что хочет служить, как служила, привыкнув уже к этому образу жизни.

Его Величество решил объявить, что не лишит ее своего покровительства, пока только будет заслуживать его своим поведением, и позволил ей обращаться непосредственно к себе, если будет в том нужда.

Притом дал ей фамилию Александров, которую она начала носить с тех пор.

Видно, что наша героиня имела склонность к транжирству, потому что несколько раз делала долги и прибегала к щедрости императора, который приказывал их оплатить.

По окончании кампании 1812 года вышла она в отставку и вернулась домой. Последний период своей службы обрисовала она в своих воспоминаниях довольно смутно. Позже вышла замуж.

Говорил мне г-н Мархоцкий, что во время пребывания своего в Перми, не помню, какого года, будучи гостем в одном доме, застал он там нескольких офицеров, одним из которых была госпожа Дурова, не оставившая своей мужской одежды.

Зная наверняка, что г-н Мархоцкий поляк, подошла она к нему и начала говорить по-польски и о Польше.

Когда покинула комнату, г-н Мархоцкий спросил кого-то, что это за офицер.

Ответили ему, что это женщина, и вкратце рассказали ее историю.

Когда госпожа Дурова вернулась в комнату, г-н Мархоцкий, зная уже ее тайну, начал оказывать ей небольшие знаки внимания как женщине, что так разгневало госпожу Дурову, что она не захотела больше пребывать в этом обществе. Едва упросили ее, чтобы она вернулась.

Госпожа Дурова занимает также не последнее место в русской литературе. Я читала несколько ее повестей, написаны они слогом легким и приятным. Во всяком случае, те из них, что я знаю, содержание черпают из событий польских.

Несмотря на то что г-н Александров (всегда видела подписанным это имя) знал, похоже, польскую местность, однако не слишком вникал в дух обычаев польских, а потому не раз чувствуется фальшь.

Однако г-н Александров намного меньше фальшивит, говоря об этих обычаях, нежели другие российские авторы-романисты, которые, не зная свободы, которой пользуются польки в дружеском общении, рисуют их временами чудачками.

Изображают польских женщин весьма эмоциональными и отдающимися свободно первому приливу чувства, которое Бог весть откуда взялось.

Героиня под влиянием этого чувства бросается на шею незнакомому мужчине, признаваясь ему в своей любви, и так появляется взаимная любовь, при том очень невинная.

В другой раз молодая барышня, очень хорошо воспитанная, к тому же графская дочь, в богатом доме своего отца знакомится с молодым офицером, входит с ним в доверительные отношения, дает понять, что пришелец ей по сердцу, и, желая еще крепче завязать знакомство, вручает ему руку без женитьбы и отправляются вдвоем на прогулку в одинокий лесок.

Все подобное поведение, которое само по себе вполне невинно, никого вообще не удивляет, потому что в духе нравов, но кружит голову бедному офицеру, который становится героем романа.

Картинки, нарисованные подобным образом, выглядят очень смешно в глазах людей, хорошо знакомых с духом наших обычаев и знающих, какой деликатной границей приличия умеют польки окружить свою свободу и что никому не позволено перейти эту границу.

Чтобы нарисовать точно очерк нравов какой-либо местности, нужно быть окончательно допущенным в теснейшее общество класса, который описывается. Каждый сорт общества имеет отличные понятия, проявляющиеся в его обычаях. Переноса пусть даже правдивые очерки с одного класса на другой, не только не создашь похожего образа, но нарисуешь карикатуру, а скорее, нечто, ни на что не похожее.

Желая нарисовать картину нравов более образованного класса, нужно быть допущенным к его домашней жизни, видеть ее не только в поверхностных отношениях, но познать внутренние пружины.

жины ее жизни. Тогда только можно уловить ту деликатную нить, которая ограждает отношения двух полов, несмотря на свободу их дружеского общения».

В общем-то, следует учесть, что даже тем россиянам, с кем Фелинская смогла встретиться в реальности, она уделила значительно меньше внимания на страницах своих мемуаров. Здесь же речь идет пусть и о беспорной знаменитости, но все-таки той знаменитости, встреча с которой не состоялась. И если автор так много внимания уделяет неувстреченной ею Надежде Дуровой, стало быть, ее образ очень важен для Фелинской. Однако чтобы понять всю концептуальность данного текста, нужно вспомнить, кто такая Эва Фелинская².

Эва Вендорф родилась 26 декабря 1793 г. в Слуцком повете Великого Княжества Литовского (ныне Слуцкий район Минской области Республики Беларусь). На четвертом году жизни Эва лишилась отца, отчего хозяйство пришло в упадок. Постепенно мать встала перед необходимостью передать дочь под опеку более богатых родственников, у которых Эва оказалась на положении воспитанницы — положение, хорошо знакомое по русской литературе. Все образование девочки закончилось к одиннадцати годам, сведясь, в соответствии с обычаями того времени, к получению начальных знаний, а также изучению французского языка и музыки. Вместе с тем, как пишет современный исследователь жизни ее сына Зыгмунта, она «вынесла из дома несколько лучшее воспитание, чем большинство девушек из помещичьих семей, а манеры приобрела в многочисленных дружеских контактах, которые поддерживала ее семья»³. В восемнадцать лет Эва Вендорф вышла замуж за Герарда Фелинского, брата известного литератора и директора Кременецкого лицея Алоизия Фелинского, и через двадцать два года, в 1833 г., овдовела, оставшись с парализованной матерью и шестью детьми на руках, старшей из которых, дочери Паулине, исполнилось лишь двенадцать лет.

Дальнейшая жизнь Эвы Фелинской равнозначна повседневному подвигу. Добросовестное исполнение материнских обязанностей

² Основные факты жизни Эвы Фелинской приводятся нами по биограмме из фундаментального справочника В. Сливовской «Польские ссыльные в Российской империи в первой половине XIX века» (см.: Śliwowska W. Zesłancy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku. Warszawa: DiG, 1998. S. 156–160).

³ Cybulski M. Zygmunt Szczęsny Feliński — pisarz i człowiek. Warszawa: DiG, 2015. S. 24.

сочетает она с участием в конспиративной деятельности. Познакомившись в 1836 г. с выдающимся деятелем национально-освободительного движения Шимоном Конарским, Фелинская становится фактически ответственным секретарем его конспиративной сети. Именно она ведет огромную переписку тайного Общества польского народа (*Stowarzyszenie Ludu Polskiego*), создает его женскую секцию, пишет основные уставные и программные документы этой тайной организации.

19 июля 1838 г. Фелинскую арестовывают. Начинается длительное следствие, причем Фелинская не называет ни одного нового факта или имени, ограничиваясь лишь подтверждением того, что и так известно следователям из показаний других арестованных. В результате киевский губернатор Д. Г. Бибииков признает ее одним из наиболее деятельных участников движения «конарщиков», и лишь личное вмешательство императора Николая I избавляет Фелинскую от военного суда, который неизбежно закончился бы для многодетной матери расстрелом. Но начинаются шесть лет ссылки — вначале в Березове Тобольской губернии⁴, затем в Саратове.

Лишенная возможности общаться с детьми, Эва Фелинская обращается к литературному творчеству. Она публикуется в наиболее влиятельном польскоязычном периодическом издании Российской империи — газете «*Tygodnik Petersburski*». Ведет записи, которые лягут в основу рассказа о ее ссылке и странствиях. Начинает вести активную переписку с крупнейшим польским писателем эпохи Ю. И. Крашевским⁵. В ссылке написала Фелинская и свою первую повесть — «Герсилия» (опубликована в 1849 г.). Замечательным литературным памятником стали пять томов ее воспоминаний.

Умерла Эва Фелинская 20 декабря 1859 г.

Как видим, автор приведенного нами выше мемуарного фрагмента — натура, которую можно назвать незаурядной в той же степени, что и его героиню — Надежду Дурову. Что же так задело

⁴ Э. Фелинской довелось проводить начальный период своей ссылки в историческом для России месте: в Березове отбывали ссылку и умерли А. Д. Меньшиков, А. И. Остерман, отсюда был вызван на пытки и казнь ссыльный фаворит Петра II И. А. Долгорукий. Могилу Меньшикова Фелинская посещала и описывает ее в воспоминаниях.

⁵ Об отношениях, сложившихся между Э. Фелинской и Ю. И. Крашевским, см.: Sudolski, Z. *Sybiraczka i jej mecenas (Ewa z Wendorffów Felińska 1793–1859)* // Z. Sudolski. *Tropem detektywa: Studia — Materiały — Sylwetki*. Warszawa: Ancher, 2009. Т. II. S. 188–198.

Фелиньскую в рассказах пермяков (в том числе ссыльных поляков) о Дуровой, что она полемизирует с современницей, с которой судьба не позволила ей встретиться в реальности?

Очевидно, что полемика развивается по вопросу о роли женщины в обществе.

Кавалерист-девица Надежда Дурова представляет собой крайний случай женской эмансипации в первой трети XIX в., когда женщина принимает на себя социальные функции мужчины (как они закреплены в сознании современников) и исполняет их, фактически отказавшись от собственных социальных функций. Борьба с оружием в руках за свободу Отечества, профессия военного невозможны для русской дворянской барышни — современницы Дуровой. И не только для дворянской: вспомним, что легендарная Василиса Кожина, командир партизанского отряда во время 1812 г., хотя и командует мужчинами, но продолжает оставаться женщиной, о чем свидетельствует и ее «бабья» одежда. Дурова же и по окончании опасности, грозящей России, остается в мужской социальной роли, оставаясь на военной службе.

Этого Фелиньская понять и принять не может. Сказанное означает, что в польской культуре, к которой принадлежит Фелиньская, невозможно столь яркое и необычное для эпохи проявление женского патриотизма: Фелиньская наверняка хорошо помнит о судьбе графини Эмилии Плятер⁶, погибшей в мужской одежде и с оружием в руках во время восстания 1830—1831 гг. Вне всякого сомнения, Фелиньская знакома со стихотворением Адама Мицкевича «Смерть командира», посвященного Э. Плятер⁷,

⁶ О легенде, которой было окружено имя Э. Плятер, см., в частности: Barańska, A. *Kobiety w powstaniu Listopadowym 1830–1831*. Lublin: KUL, 1998. S. 302–304; Филипович, Х. Дочери Эмилии Плятер // Женщины на краю Европы / под ред. Е. И. Гаповой. Минск: Европейский гуманитарный университет, 2003. С. 334–350.

⁷ Приведем последние строки стихотворения Мицкевича, подчеркивающие, что Эмилия Плятер остается женщиной в мужской одежде:

Командир — на топчане, прямой,
Прислонился к седлу головою, —
Крест в руке, а ружье под рукою.
Почему же так грудью высок он,
Нежны щеки, девический локон?
Почему? Это дева, герой,
Непреклонный под грохотом ядер,
Вождь повстанцев — Эмилия Плятер!

См.: Мицкевич А. Смерть командира // Мицкевич А. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1. М.: ОГИЗ, 1948. С. 190.

и с его же поэмой «Гражина», где подвиг женщины-воина, ведущей за собой народ на борьбу за свободу, показан с необычайной поэтической силой. Однако сама Фелиньская живет в принципиально иных условиях, ее борьба обретает иные формы, нежели лобовое столкновение с оружием в руках, и модель для нее задана в другом стихотворении Мицкевича — «Матери-польке»:

О, мать-полька! Если сын твой с детства
Великих прадедов проявит гений,
И если передашь ему в наследство
Священный жар высоких побуждений,
И если сверстников презрев забавы,
Он предпочтет слова певца седого,
Невянущую повесть древней славы
Впивать всю жизнь у ног его готовый, —
Знай, мать-полька — сын с огнем играет!
Пред Скорбной Матерью склонись в печали,
Взгляни на меч, что грудь ее пронзает,
И ожидай удара вражьей стали!
[...] И наш спаситель, в куцах Назарета,
Лелеял крест, предвидя путь страданий...
О мать-полька! Памятуя это,
Игрушки сыну выбирай заране.
Пусть тащит тачку, обливаясь потом,
И слушать звон цепей себя принудит,
Чтоб не робеть затем пред эшафотом,
Когда палач топор готовить будет⁸.

Эта печальная судьба, к которой призывает поэт готовиться своих соотечественниц, полностью соответствует традиционной социальной роли матери: полька должна воспитать истинного борца, готового не только пожертвовать собой в бою, будучи увлеченным общим героическим порывом, но и отдать жизнь в результате позорной казни. Причем моделью для нее выступает Богоматерь.

И это вполне естественный мотив для польской литературы эпохи романтизма: не далек час, когда идея мессианского искупления грехов отцов и возрождения через страдание новых поколений овладеет значительной частью польского общества.

Жизнь Фелиньской показывает, что освободительная борьба позволяет оставаться женщиной, вовсе не предполагая маскарадной (с точки зрения польской писательницы) истории с переде-

⁸ Мицкевич А. Матери-польке // Там же. С. 186.

ванием. Роль матери и роль борца, оказывается, вполне можно сочетать в реальной жизни — и это то, что, как мы знаем, удалось Фелинской и не удалось Дуровой. Счастливая мать любящих ее детей, Фелинская, разумеется, не может принять судьбу, избранную Дуровой, фактически отказавшейся от единственного сына и даже не поддерживавшей с ним каких-либо отношений: именно ради Отечества следует не отказываться от сыновей, а рожать их и воспитывать.

Разумеется, обо всем этом Эва Фелинская написать не может, даже если бы и захотела этого искренне и сильно. Ссылная, она еще более ограничена в своих действиях, нежели любая остающаяся на свободе и вне полицейского надзора ее современница, занимающаяся литературным трудом. Поэтому полемика с Надеждой Дуровой ведется Фелинской иначе: формальным поводом к ней выступают литературные труды Дуровой и, конкретно, изображение в дуровских повестях женщин-полек.

Действительно, то, какими красками рисует Дурова полек и литвинок, никак не может соответствовать ожиданиям Фелинской. Характеризуя Литву, Дурова, в частности, пишет: «Это тот край, в котором женщина — владычица!.. Женщина — герой, полководец, министр!.. Это тот край, в котором женщина управляет всем, покоряет все единственной, неборимой властью, властью ума, красоты и любезности!.. Сколько блеска, сколько жизни, сколько чарующей таинственности в прелестном краю этом, и как прекрасны места здесь!..»⁹. По мнению современных исследовательниц, в этом фрагменте Дурова «провозглашает свой женский идеал»¹⁰. Но ведь эти комплиментарные фразы идут от имени женщины, фактически отказавшейся именно от тех достоинств, которые описываются ею; комплимент подобного рода обретает в устах кавалерист-девицы некоторую гендерную двусмысленность — непонятно, исходит он от кавалериста или же все-таки от девицы.

При этом следует учитывать, что Фелинская идет на своеобразную подтасовку. Подобно тому, как некогда А. С. Шишков в полемике с Н. М. Карамзиным приводит цитаты не из карамзинских произведений, а из трудов его эпигонов, так Фелинская, отталкиваясь от заочного портрета Н. А. Дуровой, приводит примеры вовсе

⁹ Дурова, Н. А. Гудишки // Избранные сочинения кавалерист-девицы Н. А. Дуровой. М.: Московский рабочий, 1988. С. 280.

¹⁰ Павлова Н. И., Строганова Е. Н. Надежда Андреевна Дурова // Русские писательницы XIX — начала XX века: Тексты и судьбы. Тверь, 2006. С. 15.

не из ее произведений. В Литве и Польше происходит действие трех повестей Дуровой — «Игра судьбы, или Противозаконная любовь», «Серный ключ» и «Павильон» (все три опубликованы в 1839 г.), однако описанных Фелиньской сюжетных коллизий в них не содержится. Зато есть устойчиво повторяющийся мотив: женщина — безропотная игрушка в руках мужчин, жертва их страстей и прихотей. В этом отношении повести Дуровой типичны для русского романтизма. И подменяя их сюжеты в тексте, адресованном польскому читателю (напомним, путевые записки и воспоминания Фелиньской выходили исключительно на польском языке), Фелиньская грешит против правды как исторической точности, но ничуть не грешит против истины как точности философской, обобщающей: если Дурова и не изобразила полек так, как пишет Фелиньская, это не означает, что она, Дурова, в принципе не могла бы так поступить — несомненно, могла бы. Косвенно об этом свидетельствует приводимый Фелиньской анекдот, вложенный ею в уста другого ссыльного поляка, осужденного по делу о конспиративной сети Ш. Конарского, Кароля Мархоцкого (1794—1881), и, вероятно, имевший место в действительности. Дурова, испытывающая раздражение при виде поляка, привыкшего подчеркивать собственным поведением «женскость» собеседницы, выглядит более нежели правдоподобно: в ее этической и эстетической системе координат «женскость» равнозначна «слабости», на что боевой офицер Александров (имя, под которым после своего представления императору Александру I воевала Надежда Дурова) попросту не мог (не могла?) согласиться — тем более что во время этой коллизии Дурова одета в мужскую одежду, да еще и в офицерский мундир.

Но это не означает, в свою очередь, что Фелиньская полностью согласна с тем «штампованным» представлением о женщинах-польках, которое приводит и критикует она во второй части своего рассказа о Надежде Дуровой. Она не может принять того, что польки предстают на страницах русской беллетристики как существа легкомысленные, не способные ни на что больше, кроме как увлекать мужчин и смущать их покой. Всей своей нележкой, трагической судьбой Эва Фелиньская противостоит именно такому пониманию «женского характера». И не случайно, во многом благодаря Фелиньской и многим другим польским патриоткам на смену стереотипу «ветреной» польки приходит в русскую литературу иной стереотип — женщина-полька как источник политической смуты, мотор политической и революционной борьбы. Достаточно вспомнить образы Эдвиги Стабровской и демониче-

ской панны NN из позднего романа И. И. Лажечникова «Внучка панцирного боярина».

Однако следует учитывать и то, что общий контекст, в котором действуют женщины-польки в первой половине XIX в., серьезно отличается от того контекста, в котором живет Надежда Дурова. Миф о сильной женщине, призванной бороться и управлять, не в последнюю очередь был создан мужчинами и «складывался как модель для подражания, а не служил поводом для иронии и маргинализации»¹¹.

Судьба, не допустив встречи двух замечательных женщин — Эвы Фелиньской и Надежды Дуровой, тем самым избавила их от практически неизбежного личного столкновения. Дело не в принадлежности к двум противоборствующим, враждующим на том историческом этапе народам. Дело в различном понимании того, как и ради чего стоит жить женщине.

¹¹ Любомирски Л. «Воинственная женщина» в культуре польско-литовского содружества // Женщины на краю Европы. Минск: Европейский гуманитарный университет, 2003. С. 42.

Русские поэты глазами католического святого

XIX век — период расцвета Российской империи — стал не только временем постоянной борьбы завоеванных ею народов за восстановление своей государственности, но и временем попытки реализации утопической идеи интеграции их национальных элит в элиту общеимперскую. Пожалуй, самым ярким примером подобной утопии стала идея Николая I воспитать лояльных подданных из числа представителей нового поколения поляков и литвинов. Одним из элементов претворения в жизнь подобной программы стала, в частности, практика обучения в российских университетах (прежде всего Московском и Петербургском, а также в Харьковском и Святого Владимира в Киеве) молодых людей — выходцев с бывших земель Речи Посполитой. Причем речь шла не только о той молодежи, чьи родители выражали свои верно-подданнические чувства к империи и ее государю. В ряде случаев речь шла о детях ссыльных повстанцев 1830—1831 гг. и участников так называемого дела Конарского — активистов конспиративной сети, развернутой на территории современных Литвы, Беларуси и Украины. «Императору преподносились всеподданнейшие доклады, на которых он ставил собственноручную резолюцию. Насколько серьезное внимание уделялось этим делам, следует из того, что решение о каждом ребенке принималось индивидуально и согласовывалось с императором Николаем I»¹.

Среди тех, кому довелось получить высшее образование с высочайшего соизволения, оказался Зигмунд Щенсны (Феликс) Фелиньский (1822—1895) — сын известной в будущем писательницы Эвы Фелиньской, которая оказалась фактически вторым лицом конспиративной сети, созданной Шимоном Конарским. Несмотря на то что, по мнению III Отделения, молодой Фелиньский разделял убеждения матери, для получения образования он был в декабре 1839 г. направлен в Московский университет, причем ему дважды, с ведома императора, оказывалась материальная помощь — оба раза в размере 1000 рублей.

Судя по всему, траты правительственных денег в данном случае были хотя и не бесплодными (если оценивать эти траты с учетом

¹ Макарова Г. М. Политические меры российского правительства в отношении семей участников заговора Шимона Конарского (по архивным материалам) // *Stowarzyszenie ludu polskiego na Podolu, Wołyniu i w Guberni Kijowskiej*. Szymon Konarski. Warszawa, 2009. S. 56—57.

высоких способностей молодого человека), но, во всяком случае, ни в коей мере не оправдали надежд на интеграцию Зигмунда Феликса Фелиньского в российскую элиту. Талантливый юноша совершил блестящую духовную карьеру: став в 1855 г. католическим священником, в 1862 г. он был назначен архиепископом митрополитом Варшавским, то есть примасом (главой) католической церкви Царства Польского. И уже в 1863 г., после отказа публично осудить восстание 1863–1864 гг., архиепископ Фелиньский по решению нового императора Александра II был отстранен от исполнения своей пастырской деятельности и сослан в Ярославль, где провел 20 лет, после чего был вынужден осесть в Галиции. Его гражданское мужество и активная просветительская и благотворительная деятельность снискали ему искреннее уважение у современников и потомков. В октябре 2009 г. Зигмунд Фелиньский был канонизирован — причислен Папой Римским Бенедиктом XIV к лику святых Римско-католической церкви.

Зигмунд Фелиньский унаследовал от матери несомненный литературный талант. Прежде всего это проявилось в его блестящих воспоминаниях, дважды изданных еще в XIX в., а также переизданных в XX в. и уже в XXI в. В них архиепископ Фелиньский проявил себя как умный и тонкий аналитик; его оценки имперской политики позволяют точнее понять причины многих конфликтов между русскими и поляками, последствия которых не изжиты до сих пор. Однако, кроме того, в той части, которая посвящена молодости мемуариста, особый интерес представляют фрагменты, посвященные таким известным в истории русской литературы и общественной мысли лицам, как М. А. Бакунин, А. И. Полежаев, др.² Иногда Фелиньский опирается на собственные воспоминания, иногда явно пересказывает слухи, которые ходили в современной ему студенческой среде.

1. Пушкин и вельможи

В данном случае нас интересует фрагмент воспоминаний Фелиньского, в котором рассказываются два анекдота о А. С. Пушкине. Приводим его в нашем переводе, выполненном по последнему польскому изданию: Feliński, Z. S. Pamiętniki. Warszawa: Pax, 2009. S. 167–168.

² Показательно, что в специальном разделе своей монографии, посвященной З. Щ. Фелиньскому («Восприятие русских и России»), современный исследователь никак не рефлектирует по поводу анализируемых нами ниже сюжетов — см.: Cybulski M. Zygmunt Szczęsny Feliński — pisarz i człowiek. Warszawa: DiG, 2015. S. 107–118.

«Хотя император Николай был противником классицизма и западной цивилизации, он заботился по-своему о национальной литературе и старался привлечь к себе лучших писателей. Жуковскому доверил даже воспитание наследника трона, баснописец Крылов часто бывал при дворе; <он> усиленно пытался также привлечь к себе Пушкина, что, однако, плохо удавалось, так как в молодости Пушкин был очень либерален и даже подружился с Мицкевичем. Когда один из лучших художников закончил портрет императора во весь рост, тогдашний министр двора, Адлерберг, призвал Пушкина и, показав ему это полотно, предложил ему, чтобы, по поводу этого портрета, каким-нибудь стихотворением тот почтил все милостивейшего монарха, давая ему одновременно понять, что панегирик не останется без награды. Проба такого подкупа возмутила поэта и вдохновила его на стихи, вовсе министром не ожидаемые. Всмотревшись в атлетическую фигуру, по-солдатски выпрямленную и сжатую клещами тесного мундира, Пушкин сымпровизировал следующее двустихие, позже с восторгом повторявшееся молодежью:

“Se Car? Se Gosudar? Se Otiec?
Jemu nosit` kiwier, nie wieniec!”

Разгневанный Адлерберг жаловался на вольнодумство поэта и советовал императору, чтобы тот сурово его наказал, однако великодушный монарх заявил, что сам будет цензором Пушкина и запретил вмешиваться в его литературную деятельность. Стало известно, что поэт написал острую сатиру на корыстолюбивого и развратного чиновника, и хотя имени его не назвал, известные всем злоупотребления министра двора делали узнаваемым Адлерберга. Оскорбленный фаворит, прознавши о памфлете, отправился с жалобой к шефу жандармов, прося его о наказании виновного. В конце концов, Бенкендорф вызвал Пушкина и спросил его, кого тот имел в виду, когда писал эту сатиру.

— Если бы у меня было намерение, — отвечал поэт, — задеть какую-то личность, то я, не колеблясь, вписал бы в заглавие ее имя, но я хотел лишь обличить существующие злоупотребления.

— Однако не может быть, — продолжал шеф жандармов, — чтобы вы не собирали примеров из реальности. Скажите мне достоверно, кого вы имели в виду, а я даю вам слово чести, что вы не будете привлечены ни к какой ответственности.

— Если Ваше Превосходительство так сильно настаивает, то сознаюсь, что имел в виду именно вашу особу.

— Как это, меня? — возмутился удивленный шеф жандармов. — Что же тут общего с моим поведением? Вы, вероятно, имели в виду графа Адлерберга, он сам на это жаловался.

— А это в самом деле странно, — возразил Пушкин, — что г-н генерал не видит себя в этом портрете, хотя я вас в этом уверяю, а министр двора узнал себя вопреки утверждениям автора».

Появление А. С. Пушкина на страницах «Воспоминаний» Фелиньского, на наш взгляд, далеко не случайно. Пушкин является в данном случае своего рода символом либерализма. При этом его дружба с Адамом Мицкевичем («даже подружился с Мицкевичем» — подчеркивает Фелиньский) становится для мемуариста своего рода верификационной точкой, призванной убедить читателя-поляка в прогрессивности российского поэта: Мицкевич воспринимался как символ борьбы поляков за национальное возрождение.

Первый анекдот очевидно восходит к памятной аудиенции, данной Пушкину Николаем I во время торжеств в Москве по случаю его коронации³. Следует отметить, что, если не считать совершенно апокрифического рассказа об эпиграмматической импровизации поэта подле императорского портрета, в целом отношения Пушкина с молодым государем передаются относительно верно: Фелиньский знает, в частности, и о желании царя стать личным цензором Пушкина. Факт же приписывания Пушкину очевидно «непушкинской» эпиграммы вряд ли должен удивлять: для многих современников — в том числе поляков — Пушкин был едва ли не единственным возможным автором всех политически «непроходимых» произведений⁴.

Второй из приведенных анекдотов также вполне узнаваем. Это пересказ известного разговора, имевшего место между А. С. Пушкиным и А. Х. Бенкендорфом по поводу стихотворного памфлета «На выздоровление Лукулла», направленного против министра народного просвещения графа С. С. Уварова. Вот как выглядит та же ситуация в изложении Я. К. Грота:

³ Подробно существовавшие интерпретации аудиенции проанализированы Н. Я. Эйдельманом (см.: Эйдельман Н. Я. Пушкин: Из биографии и творчества. 1826–1837. М.: Художественная литература, 1987. С. 9–64).

⁴ См., в частности: Федута А. И. Пушкин и Лелевель: История одного недоразумения // Федута А. И. Письма прошедшего времени: Материалы к истории литературы и литературного быта Российской империи. Минск: Лимариус, 2009. С. 136–141.

«Когда в разговоре о стихотворении “На выздоровление Лукулла” Бенкендорф хотел от него [Пушкина] добиться, на кого оно написано, тот отвечал: “На вас”, и, видя недоумение усмехнувшегося графа, прибавил: “Вы не верите? Отчего же другой уверен, что это на него?”»⁵.

Эта лаконичная запись развернута в записках почтдиректора А. Я. Булгакова:

«Пушкин был призван к графу Бенкендорфу, управляющему верховною тайною полициею.

— Вы сочинитель стихов на смерть Лукулла?

— Я полагаю признание мое лишним, ибо имя мое не скрыл я.

— На кого вы целите в сочинении сем?

— Ежели вы спрашиваете меня, граф, не как шеф жандармов, а как Бенкендорф, то я вам буду отвечать откровенно.

— Пусть Пушкин отвечает Бенкендорфу.

— Ежели так, то я вам скажу, что я в стихах моих целил на вас, на графа Ал[ександра] Хр[истофоровича] Бенкендорфа.

Как ни было важно начало сего разговора, граф Бенкендорф не мог не рассмеяться, а Пушкин на смех сей отвечал немедленно сими словами: “Вот видите, граф, вы этому смеетесь, а Уварову кажется это совсем не смешно” — Бенкендорфу иное не оставалось, как продолжать смеяться, и объяснение так и кончилось для Пушкина...»⁶.

⁵ Цит. по изд.: Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. Статьи и материалы Я. К. Грота. СПб., 1899. С. 290.

⁶ Цит. по изд.: Вацуру В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины»: Очерки о книгах и прессе пушкинской поры. М.: Книга, 1986. С. 207. Ср. запись в дневнике А. В. Никитенко от 20 января 1836 г.: «Весь город занят “Выздоровлением Лукулла”. Враги Уварова читают пьесу с восхищением, но большинство образованной публики недовольно своим поэтом. <...> Государь через Бенкендорфа приказал сделать ему строгий выговор» (Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. Т. 1. С. 180). Ср. также с аргументацией самого Пушкина в черновике письма А. Х. Бенкендорфу (между 16 и 20 января 1836 г.): «В образе низкого скупца, негодяя, ворующего казенные дрова, подающего жене фальшивые счета, подхалима, ставшего нянькой в домах знатных вельмож и т. д., — публика, говорят, узнала вельможу, человека богатого, человека, удостоенного важной должности. Тем хуже для публики — мне же довольно того, что я (не только не назвал), но даже не намекнул кому бы то ни было, что моя ода... Я прошу только, чтобы мне доказали, что я его назвал, — какая черта моей оды может быть к нему применена, или же, что я намекал...» (цит. по изд.: Пушкин А. С. Письма последних лет. 1834–1837. Л.: Наука, 1969. С. 120).

Перепутав адресата пушкинского памфлета, Фелиньский вместе с тем довольно точно передает суть коллизии и расшифровывает ее для читателей, которые могут не понять, в чем дело.

Поскольку сам Фелиньский прибыл в Москву уже после гибели Пушкина, очевидно, что он должен был воспользоваться или устными преданиями, или какими-либо печатными источниками. Поэтому для нас принципиально важным является вопрос о датировке его воспоминаний.

Как указывает авторитетнейший польский библиографический справочник «Новый Корбут», «Воспоминания» Фелиньского были написаны в 1892–1894 гг. на основе набросков 1882–1883 гг.⁷ Поэтому высока вероятность того, что мемуарист, пребывавший в это время в ярославской ссылке, но уже получивший надежду на освобождение (после смерти Александра II) и потому делавший заметки общего и мемуарного характера, мог читать журналы, среди которых наверняка могла быть и «Русская Старина», в номере за 1881 г. которой была опубликована процитированная выше заметка Я. К. Грота. Это объясняет и подмену С. С. Уварова В. Ф. Адлербергом: политкорректный Грот не называет адресата пушкинского памфлета, поэтому Фелиньский, используя его сюжет, вынужден фактически домысливать его — вычислять, кто из вельмож Николаевской эпохи мог попасть под огонь поэтической критики Пушкина. Имя министра двора и многолетнего императорского фаворита, вероятно, просто было у Фелиньского на слуху (еще и потому, что В. Ф. Адлерберга сменил на министерском посту его сын А. В. Адлерберг, что, весьма вероятно, создавало у не слишком внимательно относившегося к министерской чехарде архиепископа впечатление какого-то должностного бессмертия Адлерберга).

Высока вероятность и того, что Фелиньский мог быть знаком с работой П. В. Анненкова «Пушкин в Александровскую эпоху», печатавшейся в «Вестнике Европы», также популярном журнале, а в 1874 г. опубликованной отдельной книгой. Достаточно сравнить текст Фелиньского, например, со следующим фрагментом труда Анненкова: «...государь выразил намерение занять Пушкина серьезными трудами, достойными его великого таланта, и объявил, что для успешного продолжения его литературной деятельности, обещающей принести славу России, он сам берет на себя звание цензора его произведений»⁸.

⁷ См.: Bibliografia literatury polskiej «Nowy Korbut». Warszawa: Państwowy instytut wydawniczy, 1968. Т. VII. S. 324.

⁸ Анненков П. В. Пушкин в Александровскую эпоху. Минск: Лимариус, 1998. С. 225.

Не исключено, что именно отсюда Фелиньский узнал о том, что император являлся цензором лучшего поэта России. Таким образом, скорее всего, мы имеем дело уже не столько с интерпретацией слухов, достигнувших мемуариста в период его студенческой юности, сколько с пересказом прочитанных ссыльным архиепископом текстов трудов первых пушкинистов П. В. Анненкова и Я. К. Грота, впечатления от которых, впрочем, вполне могли контаминироваться в его сознании с «дней минувших анекдотами».

2. Арест и ссылка Александра Полежаева. Вторая версия

История ссылки поэта Александра Полежаева известна сегодня читателям преимущественно по версии А. И. Герцена⁹. Студент Московского университета Герцен излагает ее в приложении к ч. I «Былого и дум» довольно верно, хотя и путаясь в некоторых деталях. Имеет смысл сравнить герценовскую версию с воспоминаниями экс-студента Московского университета Фелиньского¹⁰.

«Насколько необразованные массы любили своего государя, настолько высшие слои общества, особенно молодежь, ненавидели николаевский деспотизм. Император знал об этом и терпеть не мог университетов, которые называл не иначе, как “*łachañ proświeszczeniĵa*” (ведро, в которое сливают помои просвещения). Изучению древних классиков приписывал он революционные идеи, заливающие Европу, и потому вообще запретил изучение греческого языка в гимназиях, латинский же язык приказал свести к двум часам в неделю, и то начиная с четвертого класса. В Москве, несмотря на то что университетское здание находилось вблизи от манежа, где проходили военные учения, на которых во время пребывания своего в древней столице император бывал почти каждый день, в университет, тем не менее, не заглянул он ни разу. Неприязнь его к высшему учебному заведению, которое дало столько выдающихся людей, кроме общего предубеждения к университетскому образованию, может быть объяснена неприятным происшествием, которое случилось с этим монархом за несколь-

⁹ Ее практически безоговорочно использует, например, В. С. Киселев-Сергенин в биографическом очерке, предпосланном последнему изданию сочинений Полежаева в большой серии «Библиотеки поэта» (см.: Киселев-Сергенин, В. С. «Бесприютный странник в мире» // Полежаев А. И. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1987. С. 11–12).

¹⁰ Feliński, Z. Szcz. Pamiętniki. Warszawa: Pax, 2009. S. 169–171.

ко лет до моего прибытия в Москву. Это была эпоха, которая дала Герцена, Бакунина и несколько иных талантливых апостолов революции. К этому же кругу может быть причислен также молодой слушатель [отделения] правоведения Полежаев, не менее талантливый, чем упомянутые, но настолько не умеющий владеть собой, что предался самым низким наклонностям. Кабаки и грязнейшие притоны были обычным местом его пребывания, и редкий день не был он пьян. Ни во что не веря, циник в привычках своих, гуляка, каких мало, но остроумный, смелый и одаренный большой легкостью рифмоплетства, писал он едкие сатиры на все и на всех, а поскольку был он идолом легкомысленной молодежи, эти скандальные произведения обегали всю страну, охотно читаемые на дружеских вечеринках. Духовенство, чиновничество, армия, весь, наконец, общественный строй огромной империи с несравненным презрением, а иногда и с потрясающей правдой описывались в этих летучих стишках способом, впечатляюще действовавшим на воображение буйной молодежи. Одно из этих произведений, высмеивавшее мерзкую алчность, мракобесие и ограниченность православного духовенства и предлагавшее в качестве крайнего средства лечения этой болезни отдачу в рекруты всей церковной иерархии, начиная от дьяка и пономаря и до архиерея и митрополита, попало в руки тайной полиции и при посредничестве шефа жандармов попало в руки императора с указанием имени автора. Прибыв вскоре в Москву¹¹, когда ему представлялись по очереди местные высокопоставленные лица, монарх спросил куратора университета¹², есть ли в числе студентов Полежаев и как он себя ведет. Застигнутый врасплох куратор сам не знал, что отвечать, ибо не слышал никогда о Полежаеве, однако поскольку в России начальствующий не может не знать, что творится с его подначленными, вынужден он был заявить, что есть и ведет себя хорошо. “Приведите его ко мне рано утром”, — сухо сказал император. Обеспокоенный этим приказом, куратор поспешил в университет и повторил вопрос монарха инспектору. Услышав имя Полежаева, начальник университетской полиции схватился, расстроенный, за голову, возопив, что это величайший бездельник и бунтовщик среди безнаказанной молодежи. Однако выбора не было: приказ императора должен был быть исполнен; поэтому сторожей и педелей расослали с поручением найти и доставить, пусть даже силой,

¹¹ Николай I прибыл в Москву 24 июля 1826 г.; встреча А. И. Полежаева с императором состоялась в ночь на 28 июля.

¹² Куратором Московского университета в данный период был генерал А. А. Писарев.

delikwent'a. Нашли его, действительно, в кабаке, в состоянии настолько бесчувственном, что вынуждены были принести его в коляску и отвезти в университет. Тут новые хлопоты с ободранным, небритым и обросшим до плеч парнем. Сначала заперли его, чтобы проспался, затем выбрили, постригли, одели в пристойный мундир и, прочтя ему мораль, повезли наконец в Кремль. Когда куратор с Полежаевым встал пред монаршим лицом, их роли точно переменились: куратор дрожал, как виновный, Полежаев же выглядел триумфатором, столько было довольства и уверенности в себе во всем его поведении. Император, не приветствовав даже кивком головы куратора, достал из кармана врученные ему Бенкендорфом стишки¹³ и спросил, показав их Полежаеву: "Это твое произведение?" — и, получив от автора подтверждение, приказал ему громко прочесть свой циничный пасквиль. С несравненной свободой и юношеским задором продекламировал Полежаев свои стихи; когда же дошло до фрагмента "Как postawim na flanke Preswiatoje Mekeke", с такой иронией посмотрел он на присутствовавшего при этом университетского духовника, что взбесившийся от злости протопоп аж за бороду схватился. Завершив чтение, гордый своим вдохновением автор вернул монарху рукопись с таким невероятным спокойствием, как если бы продекламировал гимн "Vože, caria chrani". Император лишь сурово взглянул на куратора и вторил ему с иронией его собственные слова: "Хорошо себя ведет". Наутро куратор подал в отставку¹⁴. Полежаева же отослали в Сибирь, где он вскоре спился до смерти¹⁵.

Очевидно, что хронологически история с арестом Полежаева отнесена Фелиньским к более позднему периоду, нежели это было на самом деле: Фелиньский относит ее к эпохе, «которая дала Герцена, Бакунина и несколько иных талантливых апостолов революции». Однако «дело» Полежаева относится к 1826 г., о чем справедливо пишет Герцен, то есть к более раннему времени, и идеологически с Герценом и Бакуниным Полежаев соотносен быть не может. Вместе с тем следует обратить внимание на го-

¹³ Автором доноса на Полежаева был дальний родственник А. Х. Бенкендорфа, проживавший в Москве жандармский полковник И. П. Бибииков.

¹⁴ Указано неверно: А. А. Писарев пребывал в должности попечителя Московского учебного округа и куратора Московского университета с 1825 по 1830 г.

¹⁵ Еще одна неточность: Полежаев после встречи с императором был определен унтер-офицером в Бутырский полк, квартировавший вначале в Рязанской, а затем в Тверской губернии.

раздо более существенные совпадения и различия между «версией Герцена» и «версией Фелиньского».

Прежде всего оба мемуариста считают, что «дело» Полежаева было отчасти спровоцировано общим негативным отношением императора к университетскому образованию как таковому. Правда, Фелиньский убежден, что именно столкновение с Полежаевым повлекло за собой предубеждение Николая к университету; у Герцена же император вызывает к себе поэта, пребывая в уже вполне определенном настроении: «Вот князь, — продолжал государь, — вот я вам дам образчик университетского воспитания, я вам покажу, чему учатся там молодые люди»¹⁶.

Далее и у Фелиньского, и у Герцена отмечается тот энтузиазм, с которым Полежаев читает свои стихи. Разница в том, что Полежаев в интерпретации Фелиньского с самого начала чувствует себя триумфатором; Герцен же показывает, как поэт черпает силу по мере чтения собственных стихов: «Сначала ему было трудно читать, потом, одушевясь более и более, он громко и живо дочитал поэму до конца»¹⁷.

Наконец, и Фелиньский, и Герцен пишут, что университетское начальство дало положительную характеристику студенту Полежаеву. При этом Фелиньский приписывает ее куратору университета, а Герцен — министру¹⁸. Есть отличие и в описываемой реакции императора на эту характеристику: если у Герцена Николай пользуется ею для того, чтобы проявить своеобразное «милосердие», то у Фелиньского он иронически повторяет ее куратору, превращая тем самым в обвинение против него самого как высшего руководителя университета.

Однако наиболее существенное разногласие возникает там, где речь заходит о стихах, которые читает государю Александр Полежаев. Герцен однозначно утверждает, что речь идет о поэме «Сашка»: «...крик (Николая I. — А. Ф.) воротил силу Полежаеву, он развернул тетрадь. Никогда, говорил он, я не видывал “Сашку” так переписанного и на такой славной бумаге»¹⁹. Фелиньский не называет произведения, читаемого Полежаевым по приказу императора, однако совершенно недвусмысленно воссоздает его содержание. Судя по всему, речь идет о неких антиклерикальных стихах.

¹⁶ Герцен А. И. Былое и думы // Герцен А. И. Собрание сочинений: В 8 т. М.: Правда, 1975. Т. 4. С. 160.

¹⁷ Там же. С. 160.

¹⁸ При этом Герцен допускает, в свою очередь, явный анахронизм. По его словам, министром народного просвещения в данный момент был князь К. А. Ливен, в то время как этот пост занимал адмирал А. С. Шишков.

¹⁹ Там же. С. 160.

Сатирическая поэма из студенческой жизни, пусть даже и с сильным вольнолюбивым началом, «Сашка» ничего антиклерикального в себе не содержит. Не исключено, что Фелиньский мог иметь в виду другое произведение Полежаева — стихотворение «Новая беда» (1825), действительно направленное против священнослужителей. Однако и здесь возникает проблема.

Прежде всего это единственное достоверно атрибутированное А. И. Полежаеву антиклерикальное стихотворение содержательно никак не совпадает с пересказом Фелиньского: речь в нем идет вовсе не о возможной сдаче священнослужителей в рекруты, а о страстих жен и дочерей попов к модным одеждам. Во-вторых, метрически строки, цитируемые Фелиньским («А как встанет на фланке / Пресвятое Мекеке»), также не могут быть из этого стихотворения, написанного совершенно иным размером:

Беда вам, попадьи, поповичи, поповны!
Попались вы под суд и причет весь церковный!
За что ж? За чепчики, за блонды, кружева...²⁰.

Не исключено, что Фелиньский цитирует неизвестное стихотворение Полежаева либо приписанное ему стихотворение другого автора. В любом случае, он пишет не о «Сашке», бывшем, по мнению А. И. Герцена, главным поводом к ссылке молодого поэта.

Таким образом, очевидно, что Фелиньский, создавая свою версию ареста и ссылки Александра Полежаева, имел другие источники информации (напомним, что Герцен ссылается на самого поэта) и не пользовался воспоминаниями Герцена как первоисточником.

²⁰ Полежаев А. И. Новая беда // Полежаев А. И. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1987. С. 63–64.

*«Лишние» люди.
Филоматы в ссылке и после нее*

Будрыс в Твери

В 1829 г. в журнале «Сынъ Отечества и Северный Архивъ» (1829, т. V, с. 113—115) был анонимно опубликован подстрочный прозаический перевод баллады Адама Мицкевича «Trzech Budrysów (Ballada litewska)». Перевод был выполнен, скорее всего, одним из соредакторов журнала — Фадеем Булгариным. Опубликованный текст, по нашему мнению, спровоцировал другого гения — А. С. Пушкина — вступить с Мицкевичем в творческое состязание и опубликовать поэтический перевод баллады в журнале «Библиотека для чтенія» (1834, т. II, с. 96—97)¹.

Но сейчас нас интересует не история творческого диалога Мицкевича и Пушкина при посредничестве Булгарина, а судьба человека, которому де-факто была посвящена баллада Мицкевича и который в это время — и в 1829 г., и в 1834 г. — жил и работал в Твери. Скорее всего, никто из тверичей, даже читавших упомянутые нами журналы, не подозревал, что скромный учитель математики тверской гимназии Викентий Антонович Будревич — и есть тот самый Будрыс, которому таким образом передавал свой поэтический привет сосланный одновременно с ним вглубь России Мицкевич². Как же Будревич оказался в Твери?

Вынужденное направление в Тверь

Вместе с двумя другими филоматами, Юзефом Ежовским и Онуфрием Петрашкевичем, Будревич был направлен в распоряжение попечителя Московского учебного округа (этот пост тогда занимал князь Андрей Петрович Оболенский, 1769—1852). Однако уже в августе 1825 г. его сменяет генерал-лейтенант Писарев, которому и пришлось разбираться с судьбой сосланных в Москву членов тайного студенческого общества.

¹ См. об этом: Федута А. И. Три «Будрыса»: авторский текст — подстрочник — поэтический перевод // *Respectus Philologicus* (Вильнюс). 2004. № 5 (10). С. 112—120.

² Впрочем, А. С. Пушкин, похоже, с Будревичем знаком был. Л. А. Черейский, автор справочников «Пушкин и его окружение» и «Пушкин и Тверской край», утверждает, что Будревич «встречался с Пушкиным в Москве в обществе Мицкевича», и приводит следующую цитату из М. А. Максимова: «возвращенный из ссылки Пушкин познакомился с польским своим собратом (Мицкевичем. — Л. Ч.). Они часто виделись. Будревич, учитель математики в тверской гимназии, помнил, как раз Пушкин зазвал сбитенщика и как вся компания пила сбитень, а Пушкин, шутя, говорил: “На что нам чай? Вот наш национальный напиток”» — см.: Черейский Л. А. Пушкин и Тверской край. Калинин: Московский рабочий, 1985. С. 85—86.

Нужно сказать, что первоначально складывается она наилучшим для Будревича и его сотоварищей образом. В Центральном государственном архиве г. Москвы хранится письмо от Совета Московского императорского университета на имя попечителя от 12 июля 1826 г. «О назначении в помощники инспектору казенных студентов кандидатов Петрашкевича и Будревича», в котором сказано:

«В следствие предложения Вашего превосходительства от 30-го июня сего года № 744, чтобы сверх двух помощников инспекторских еще два были избраны в помощь каждому из инспекторов над казенными и своекоштными студентами, Совет Университета поручил г. Инспектору казенных студентов³, чтобы он, по назначению г. Директора Педагогического Института⁴, избрал себе в помощники еще двух казенных кандидатов, который и донес, что им избраны для таковой должности казенные кандидаты: Онуфрий Петрашкевич и Викентий Будревич; причем г. Директор Педагогического Института засвидетельствовал с своей стороны, что означенные кандидаты способны к отправлению означенной должности, как по летам, так и по поведению.

Определено: представить о сем Вашему Превосходительству на утверждение.

Ректор Прокопович-Антонской⁵

Секретарь Совета Проректор И. Двигубский^{6»}7.

21 июля попечитель А. А. Писарев утверждает обоих кандидатов в должностях помощников инспектора казенных студентов⁸. Однако очень скоро, 9 сентября 1826 г., генерал Писарев сообщает ректору о новом своем решении:

³ Пост инспектора казенных студентов занимал профессор кафедры гражданского и уголовного судопроизводства Николай Николаевич Сандунов (1769–1832).

⁴ Педагогический институт был учрежден при Московском университете в 1804 г. для подготовки воспитанников к занятию должностей учителей в гимназиях и уездных училищах округа. Пост директора занимал декан отделения словесных наук, известный поэт и критик Алексей Федорович Мерзляков (1778–1830).

⁵ Прокопович-Антонский Антон Антонович (1762–1848) — минералог, зоолог, ботаник; действительный статский советник (1817), ректор Московского императорского университета в 1818–1826 гг.

⁶ Двигубский Иван Алексеевич (1771 или 1772–1840) — медик, ботаник; секретарь Совета (1809–1827), затем ректор Московского императорского университета (1827–1833).

⁷ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 2930. Л. 2 – 2 об.

⁸ Там же. Л. 3.

«По неспособности к должности инспекторских помощников кандидатов Будревича и Петрашкевича отрешаются они от оной, а на их место определяются лекаря Шиховской и Волков»⁹.

Что же случилось? Ведь чуть более месяца назад Петрашкевич и Будревич признавались администрацией и университета, и Московского учебного округа вполне пригодными к занимаемым должностям. Свет на эту коллизию проливает письмо, отправленное попечителем в Министерство народного просвещения 9 августа 1826 г.:

«Господину Министру Народного Просвещения

В следствии отношения Вашего Высокопревосходительства прошлого 1824 года декабря от 16 за № 3636, и 1825 Сентября от 8 за № 953 поступили в Императорский Московский Университет в число Кандидатов Кандидаты Викентий Будревич, Онуфрий Петрашкевич и Осип Ежовский, находившиеся в филломатическом обществе.

Все они до сего времени не отправляли в Московском Университете никакой должности, да и впредь едва ли могут занять какое-либо место по весьма ограниченному владению в русском языке. Между тем продолжительное пребывание их в Университете, как наказание для них установлено, для них весьма отяготительно, а университету вовсе бесполезно, потому что на занимаемое ими место нужно поставить других кандидатов.

По сим обстоятельствам не благоугодно ли будет Вашему Высокопревосходительству разослать их по другим университетам или поступить иначе по Вашему благоусмотрению»¹⁰.

Ситуация вполне логична: все ссыльные получили хорошее образование, но — на польском языке, а работать в университете им предстоит на русском, которым они еще не успели овладеть. Однако отправить их обратно в Вильну невозможно: это означало бы, что следственная комиссия во главе с Н. Н. Новосильцовым, а затем и император Александр, санкционировавший ее решение, совершили ошибку. Поэтому ссыльных кандидатов следовало трудоустроить на территории Московского учебного округа. Вследствие этого 18 октября 1826 г. Совет университета принимает следующее решение, о котором уведомляется попечитель:

«Училищный Комитет, в следствие сообщения Университетского Совета от 28 сентября сего года, касательно праздных гимназиче-

⁹ Там же. Л. 7.

¹⁰ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 3215. Л. 1 — 1 об.

ских мест для определения на оные казенных кандидатов Будревича и Петрашкевича, донес Совету Университета, что оные кандидаты могут быть определены на праздные места старших учителей в Тамбовской гимназии Естественной Истории и в Костромской Латинского Языка. Определено: об определении кандидатов Будревича Старшим Учителем Естественной Истории в Тамбовскую, а Петрашкевича Старшим Учителем Латинского Языка в Костромскую Гимназию, с назначением им штатного жалованья, представив Вашему Превосходительству на утверждение.

Проректор Иван Двигубский

В должности Секретаря Совета Профессор Щепкин¹¹»¹².

Об этом решении А. А. Писарев уведомляет министра¹³ и 1 декабря получает ответ:

«Господину Попечителю Московского Учебного Округа

В следствие представления Вашего Превосходительства от 29-го минувшего Октября, я согласен, чтобы находящиеся в числе казенных кандидатов Московского Университета Будревич и Петрашкевич определены были: первый учителем Естественной Истории в Тамбовскую, а второй учителем Латинского языка в Костромскую Гимназию с штатным жалованьем.

О сем предоставляю Вам, Милостивый Государь мой, предложить Совету Московского университета к надлежащему исполнению.

Министр народного просвещения

Александр Шишков¹⁴

Директор Д. Языков¹⁵»¹⁶.

Решение принято, и кандидатам Будревичу и Петрашкевичу даже выдаются прогонные деньги для проезда к новому месту службы¹⁷.

¹¹ Щепкин Павел Степанович (1793–1836) — ординарный профессор кафедры чистой математики (1826–1833) Московского императорского университета.

¹² ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 3215. Л. 2а.

¹³ Там же. Л. 3 — 3 об.

¹⁴ Шишков Александр Семенович (1754–1841) — адмирал, писатель, переводчик; президент Российской академии (1813–1841), министр народного просвещения (1824–1828).

¹⁵ Языков Дмитрий Иванович (1773–1845) — историк, переводчик; директор департамента народного просвещения (1826–1833).

¹⁶ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 3215. Л. 4.

¹⁷ «Казенным Кандидатам Викентию Будревичу и Ануфрию Петрашкевичу, определенным учителями в Тамбовскую и Костромскую губернские гимназии, выданы причитающиеся по выправке с Московским Почтамтом

Однако неожиданно для администрации учебного округа возникает препятствие в виде явного нежелания Петрашкевича ехать в Кострому. О чем он и сообщает попечителю в письме от 12 февраля 1827 г.:

«Его Превосходительству Господину Попечителю Московского Университета и его ученого округа Генерал-Маиору и Кавалеру Александру Александровичу Писареву

От Кандидата Виленского и Магистра философии Варшавского Университетов Онофрия Филицианова сына Петрашкевича

Просьба.

В следствие распоряжения Совета Императорского Московского Университета, объявленного 5-го сего февраля, коим предназначено мне читать лекции латинского языка в Костромской Губернской Гимназии, честь имею донести, что хотя главным и единственным предметом моих занятий в Университетах Виленском и Варшавском была Химия, но для оказания повиновения Начальству и ревности быть полезным Ученому округу Императорского Московского Университета, употребил <sic!> бы все возможное выполнить в точности возложенную на меня обязанность. Но совершенно расстроенное мое здоровье, коего последствием есть беспрерывная боль в груди и кровохаркание истощивающее остаток сил голосу, приводит меня в положение, по которому я ни как не в состоянии занимать припоручаемую должность. Те же поводы заставили меня отказаться от места в 1822 в высшем училище Любельском. Во время же пребывания моего в Москве мое здоровье не токмо не исправилось, но я чувствую день от дня себя слабее. Потому дабы в последствии времени неаккуратным выполнением возложенной на меня Учительской должности не подвергнуться ответственности перед Начальством, представляя сии обстоятельства, просил снисхождения Императорского Московского Университета не отправлять меня в учителя Костромской губернской гимназии, а оставить при нынешних занятиях в Библиотеке оного Университета, прилагая при том Свидетельство о моем здорovии г. Главного Доктора Московского Военного Госпиталя Статского Советника и Кавалера Штамера¹⁸, который во все продолжение пребывания в Москве меня пользовал. Но как

прогонные на две почтовые лошади деньги, первому до Тамбова — сорок девять рублей двадцать три копейки, а последнему до Костромы сорок шесть рублей пятьдесят шесть копеек заимообразно из хозяйственной суммы университета» — там же. Л. 6.

¹⁸ Штамер Иван Григорьевич занимал пост главного доктора Московского военного госпиталя в 1826—1831 гг.

Совет Императорского Московского Университета, основываясь на своем прежнем постановлении, утвержденном Высшим начальством, просьбе моей отказал, то и обращаюсь к Вашему Превосходительству, всепокорнейше прошу обратиться на меня благосклонное внимание, определив в место в Учители Костромской Губернской Гимназии при библиотеке здешнего Университета.

Москва 1827 февраля 11 дня

Магистр философии Онофрий Фелисианов сын Петрашкевич»¹⁹.

Нужно сказать, что обращение Онофрия Петрашкевича к генералу Писареву пришло как раз в то время, когда в канцелярию попечителя Московского учебного округа было направлено другое письмо — от директора Костромских училищ, от 7 февраля. Он придет на два дня позже письма Петрашкевича:

«Об определении Учителя Латинского языка в Гимназию

Его Превосходительству, Императорского Московского Университета и его учебного округа Господину Попечителю, Генерал-майору и разных орденов Кавалеру, Александру Александровичу Писареву

Рапорт

В Гимназии мне вверенной класс Латинского языка, до 1-го числа Генваря текущего года занимал, по определению училищного Начальства, Профессор Костромской Духовной Семинарии Павел Знаменский.

Училищный Комитет предписанием своим от 4-го Генваря за № 4-м дал знать, что в сию должность определен Казенный Кандидат Университета Петрашкевич, а Правление Университета Указом от 28-декабря прошедшего года, за № 5153-м предписало о производстве ему штатного жалованья по Гимназии с 1-го генваря текущего года.

В следствии таковых предписаний Начальства, Профессор Знаменский с 1-го числа Генваря прекратил преподавание Латинского языка в Гимназии, между тем назначенный на его место Кандидат Петрашкевич доселе, по неизвестным причинам, не явился к месту своего назначения и никакого не дал о себе сведения, и потому класс Латинского языка второй уже месяц к немалой потере для учащихся остается праздным.

Имевши честь словесно о сем донести Вашему Превосходительству 1-го числа сего февраля, я в то же время, по словесному Вашему приказанию, поручил занятие сего класса Учителю

¹⁹ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 3215. Л. 7 — 7 об.

Французского языка в Гимназии, мне вверенной, Александру Розанову. Находя, что учитель Розанов может при настоящей своей должности с особенным успехом преподавать и Латинский язык, которому он обучался сперва в Костромской Духовной Семинарии, потом в С. Петербургском Педагогическом Институте, и обучал оному в Уездном училище; с другой стороны приемля во уважение то, что он до 1825-го года, проходя должности Смотрителя и Учителя Псковской Губернии в Опочском Уездном Училище, получал жалованья более 600 рублей, ныне же переместившись в Кострому по крайней необходимости для вспоможения своим родителям, при настоящей должности учителя французского языка получает жалованья только 400 руб., которым едва пропитывает собственное семейство, состоящее из шести лиц²⁰; наконец, полагая и то, что с определением Розанова Учителем Латинского Языка, могут быть соблюдены немалые выгоды для казны, так как Розанов квартиру, дрова и свечи будет получать по одной только должности Старшего Учителя; я, пользуясь предварительным соизволением, осмеливаюсь утруждать непосредственно Ваше Превосходительство покорнейшею просьбою, не благоугодно ли будет, за отсутствием Кандидата Петрашкевича, продолжающимся, по неизвестным причинам, уже второй месяц, определить означенного Розанова учителем Латинского языка со штатным жалованьем и оставлением за ним настоящей его должности учителя французского языка. При сем имею честь представить на благоусмотрения Вашего Превосходительства послужный список учителя Розанова.

Юрий Бартнев^{21»22}.

Очевидно, что стремления Петрашкевича и Бартнева совпали: один не хочет ехать в Кострому²³, другой успешно заполнил обра-

²⁰ Приведем для сравнения другую цифру. Циприан Дашкевич писал любимому учителю И. Лелевелю: «Будревич и Петрашкевич в университете за кандидатскую степень по 300 руб. асс. на год получают» — Циприан Дашкевич Иоахиму Лелевелю, 30 августа / 11 сентября 1826 г. // *Listy z zesłania*. Т. 1. Warszawa: Ancher, 1997. S. 317.

²¹ Бартнев Юрий Никитич (1792–1866) — писатель, мемуарист. Занимал пост директора Костромских училищ в 1819–1833 гг.

²² ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 3215. Л. 8–9.

²³ Петрашкевич пишет сестре Катарине 12 / 24 марта 1827 г.: «Работа моя в библиотеке не тяжелая, расставляю книги, присваиваю номера, составляю их списки; мне не хватает доходов на столичную жизнь, но что бы делал я в где-то в глухой провинции?» — цит. по изд.: Cwenk M. Onufry Pietraszkiewicz. *Biografia zesłańca*. Lublin: Towarzystwo naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego Jana Pawła II, 2006. S. 296.

зовавшуюся вакансию, поэтому просит начальство не настаивать и найти кандидату Петрашкевичу другое применение. Попечитель соглашается с предложением директора Костромских училищ, о чем и сообщает в министерство²⁴, а Будревича, никак не досаждавшего начальству просьбами, переводят наконец в Тверь²⁵.

На Тверь Будревич, судя по всему, согласился вполне добровольно. Во всяком случае, именно об этом говорит Дашкевич: «До 23 апреля пребывало нас в Москве 6-ро. В это время Будревич по собственному согласию был выслан в тверскую гимназию учителем математики и физики. Учеников у него 34, и во всех классах начал он от начал арифметики, а оригинальностью поведения и жизни стал он предметом удивления»²⁶. Хотя трудно понять, чем это было вызвано: для бывших виленских студентов Тверь была местом вполне экзотическим. Циприану Дашкевичу едва ли не лучше других давался русский язык (отчего он, собственно, и занял достаточно хлебный пост в банке), но даже «банкир», как прозывали его товарищи, первоначально писал словосочетание «Тверская губерния» как «Taurskaja gubernia», отчего публикатор филоматских документов Збигнев Судольский прочитал в его письме этот адрес как «Таврическая губерния». Да и Адам Мицкевич вместо «Tweg» в нескольких письмах пишет «Cwig», причем именно в связи с Будревичем. Последнее написание вполне объяснимо: Мицкевич, уроженец Гродненской губернии (фольварк Заосье Новогрудского уезда), воспринимает его на слух вполне побелорусски: «Цьвер».

Арест и надзор

Почему же новый гимназический учитель удивлял тверичей? Это было, очевидно, вызвано тем, что Будревич слыл, по крайней мере первое время, нелюдимым. Оказавшись в чужом городе, с далеко не лучшим знанием русского языка, да еще в статусе

²⁴ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 3215. Л. 10 – 10 об.

²⁵ 9 марта 1827 г. А. А. Писарев уведомляет Совет Московского императорского университета: «Осмотрев Гимназии Владимирскую и Тверскую, я нужным почитаю учинить следующее:

1. Старшего учителя Математики, Физики и Естественной Истории Владимирской Гимназии Боголепова оставить при преподавании одного предмета Естественной Истории, а на класс Математики и Физики перевести учителя сих же предметов Тверской Гимназии Юферова, а на место сего последнего определить Кандидата Будревича» — ЦГАМ. Фонд 459. Опись 1, ед. хр. 3215. Л. 13.

²⁶ Циприан Дашкевич Иоахиму Лелевелю, 6/18 июля 1827 г. // *Listy z zesłania*. T. 1. Warszawa: Ancher, 1997. S. 328.

ссылного, он еще больше замкнулся в себе²⁷. И это несмотря на то, что в первое время его пребывания в Твери дела обстояли у него вполне благополучно. Во всяком случае, Мицкевич пишет Циприану Дашкевичу из Торжка (куда он попал проездом из Петербурга в Москву): «Мы здоровы за Тверью. Достучался до Будрысы и отдал передачу (вероятнее всего, речь идет о книгах. — *Т. И., А. Ф.*). Будрыс хорошо живет и хорошо выглядит»²⁸. Вместе с тем студенческая юность долго еще аукалась Будревичу: за участие в кружках филематов и филаретов из его жалованья вычитались деньги в «возмещение казне издержек, вызванных следствием о нем, которое производило Литовско-Виленское Правление»²⁹.

Но эхо виленских событий не сводилось к вычетам из жалования Викентия Антоновича Будревича. В 1831 г., когда в центральных российских губерниях началась эпидемия холеры, учитель Тверской гимназии Будревич стал объектом пристального внимания тайной полиции. 26 июня 1831 г. министр внутренних дел А. А. Закревский³⁰ пишет министру народного просвещения князю К. А. Ливену:

«По донесению Тверского Гражданского Губернатора³¹ от 22 Июня сего года о происшедших в городе Твери между простым народом беспорядках от неосновательных, по случаю появления там признаков холеры, толков об испорчении якобы вод в реках

²⁷ Показательно, что Будревич в тверской период полностью отошел от активного участия в культурно-литературной жизни — вероятно, опасаясь повторения виленского прошлого. Во время работы Будревича в гимназии ее директорами были И. И. Лажечников (в 1831–1837 гг.), Н. М. Коншин (в 1837–1849 гг.), известные в литературе люди, знакомые с А. С. Пушкиным, причем они принимали активное участие в культурной жизни Твери. Так, Лажечников именно в Твери написал свой лучший роман «Ледяной дом», отрывки из которого читал в доме Пассеков, а позже устраивал общественные читки «Опричника» в гимназии. Коншин занимался краеведческими историческими исследованиями. Проживал в Твери и Ф. Н. Глинка, собиравший в своем доме литераторов, историков, музыкантов. Никаких следов сопричастности к этим делам В. А. Будревича обнаружить не удалось.

²⁸ Адам Мицкевич Циприану Дашкевичу, Торжок, 2/14 декабря 1827 г. // Mickiewicz A. Dzieła, t. XIV. Warszawa, 1955. S. 364.

²⁹ Крылов Д. Столетие Тверской мужской гимназии: (1804 — 2 февраля 1904 г.): Историческая записка. Тверь, 1904. С. 96.

³⁰ Закревский Арсений Андреевич (1783–1865) — граф (1830), генерал-адъютант (1813), генерал от инфантерии (1829); министр внутренних дел (1828–1831).

³¹ Тюфяев Кирилл Яковлевич (1777–1845) — тверской гражданский губернатор в 1831–1834 гг.

и колодцах разными зеляями чрез неизвестных лиц, присылаемых от Поляков, я всеподданнейше представлял о сем Государю Императору.

Его Императорское Величество между прочим Высочайше повелеть соизволил: учителя Тверской Гимназии Будревича, на коего падает сомнение в участии по означенному происшествию и который якобы выслан из Вильны за участие в обществе филаретов, существовавшем между Студентами Виленского Университета, посадить под арестом, произвести о том следствие и отобрав от него бумаги, рассмотреть тщательно, нет ли в них какой-либо сомнительной или вредной переписки.

О таковом Высочайшем повелении, сообщив для надлежащего исполнения г. Тверскому Гражданскому Губернатору, я долгом поставляю уведомить о том Вашу Светлость по принадлежности Будревича к ведомству Министерства Народного Просвещения»³².

Следует заметить, что донесение тверского губернатора К. Я. Тюфяева, скорее всего, носило несколько истеричный характер уже потому, что сам он прибыл на службу в Тверь лишь в мае 1831 г., так что вникать в какие-либо тонкости межнациональных отношений во вверенной ему губернии у него просто не было времени. Вместе с тем биограф другого находившегося в это же время в Твери видного филомата, поэта и будущего этнографа Яна Чечота С. Свирко утверждает: «Желая уберечь изгнанников от нападения со стороны темной толпы, губернатор Тюфяев инсценировал их арест»³³. Согласиться с этой версией случившегося мы считаем невозможным, поскольку «инсценировка ареста» никак не вяжется с последующей судьбой Будревича, как мы увидим, более чем на десять лет попавшего под надзор полиции.

Не было времени и возможности разбираться в сложившейся ситуации у К. А. Ливена: министр просто уведомил о случившемся попечителя Московского учебного округа князя С. М. Голицына³⁴. Так что понятны обстоятельства ареста Будревича, о которых докладывает в министерство старший учитель Михайло Сухарев:

³² РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Ед. хр. 30. Л. 1 – 1 об.

³³ Swirko St. Z Mickiewiczem pod rękę, czyli Życie i twórczość Jana Czeczota. Warszawa, 1989. S. 233.

³⁴ Голицын Сергей Михайлович (1774–1859) — князь, попечитель Московского учебного округа (1830–1835). Письмо К. А. Ливена см.: РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Ед. хр. 30. Л. 2 – 2 об.

«Его Светлости Господину Министру Народного Просвещения Генералу от инфантерии и разных орденов Кавалеру Князю Карлу Андреевичу Ливену

Исправлявший должность Директора Тверских Училищ, Старший Учитель Будревич 4-го сего Июля по требованию его Тверским Гражданским Начальством будучи взят из Гимназии лично Полицеймейстером³⁵, поручил мне управление оной. О чем вместе с донесением ближайшему Начальству и Вашей Светлости честь имею рапортовать как о чрезвычайном происшествии»³⁶.

Как мы видим, Будревич является исполняющим обязанности директора училищ Тверской губернии, то есть явно находился на очень хорошем счету у начальства и находился, говоря современным языком, в кадровом резерве. Поэтому арест его полицмейстером непосредственно в гимназии должен был, несомненно, не успокоить общественное мнение, а возбудить новые подозрения. Тем не менее по прошествии времени власти разобрались в невинности Викентия Антоновича, о чем и сообщили по инстанциям:

«Министерство внутренних дел

По секретной части

31 июля 1831

№ 2069

Об Учителе Тверской Гимназии Будревиче

Секретно

Господину Министру Народного Просвещения

Министр Внутренних Дел г. Генерал-адъютант Граф Закревский отношением от 26-го минувшего Июня за № 1630 сообщил Вашей Светлости о последовавшем Высочайшем Его Императорского Величества повелении касательно подозреваемого в распространении нелепых толков в Твери учителя тамошней Гимназии Будревича.

Получив после того от Тверского Гражданского Губернатора донесение, что подозреваемый в распространении таковых толков, учитель Будревич, по произведенному об нем следствию, виновным в том не оказался, я всеподданнейше представлял об оном Государю Императору и Его Величество Высочайше повелеть соизволил, освободив его из-под ареста, подвергнуть секретному полицейскому надзору.

³⁵ Тверским полицмейстером в 1831 г. являлся гвардии капитан Иван Иванович Дамич.

³⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Ед. хр. 30. Л. 3.

О таком Высочайшем Его Императорского Величества повелении дав знать к исполнению Тверскому Гражданскому Губернатору, я счел долгом об оном Вас, Милостивый Государь, уведомить.

Управляющий Министерством Внутренних Дел, Товарищ Министра Статс-Секретарь Новосильцов^{37»38.}

Вместе с тем следует обратить внимание на различие в формулировках в публикуемых нами документах. Если судить по письму А. А. Закревского К. А. Ливену от 26 июня, Будревича задерживают, чтобы успокоить бунтующих тверичей, заподозривших восставших поляков в отравлении воды в реках и колодцах. Но далее разбирательство идет уже по совсем другому вопросу — по возможной причастности Будревича к распространению «нелепых толков». В любом случае Викентий Антонович оказывается непричастным к событию, что, однако, не влечет за собой освобождение его от подозрений. Министр Ливен отправляет попечителю Московского учебного округа секретное письмо, черновик которого также сохранился в РГИА:

«Секретно

Господину Попечителю Московского Учебного Округа

Об учителе Тверской гимназии Будревиче

Из отношения моего от 1 прошедшего июля Вашему Сиятельству известно, что учитель Тверской гимназии Будревич, во исполнении ВЫСОЧАЙШЕГО ЕИВ повеления был предан следствию по подозрению на него в распространении в Твери нелепых толков.

Ныне управляющий Министерством внутренних дел уведомил меня, что получил от Тверского гражданского губернатора донесение, что Будревич, по произведенному о нем следствию, виновным не оказался, он всеподданнейше доложил о том ЕИВ и получил ВЫСОЧАЙШЕЕ повеление: освободить его из-под ареста, об исполнении чего он, г. Управляющий Министерством Внутренних дел, предписал Тверскому Гражданскому Губернатору.

Уведомляя о сем Ваше Сиятельство, покорнейше прошу Вас, М. Г., предписать непосредственно от себя, г-ну губ. Тверской губернии иметь секретное наблюдение как за преподаванием оного Будревича, ниже и за образом его мыслей, и ежели он же заметит в нем что-либо предосудительное, то донес бы о том»^{39.}

³⁷ Новосильцов Николай Петрович (1789–1856) — товарищ министра внутренних дел, сенатор.

³⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Ед. хр. 30. Л. 4 — 4 об.

³⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Ед. хр. 30. Л. 5.

Отголосок ареста слышим мы в письме Юзефа Ежовского Мицкевичу: «Будрыс и Янек (Чечот. — *Т. И., А. Ф.*) были в Твери, у них дела по-разному — и очень плохо, и не очень, но уже давно пишем от них не получал»⁴⁰. Можно предположить, что Ежовский знает больше, чем пишет: он в этот период продолжает служить в Московском университете, и слухи до него о бывших сотоварищах по студенческому тайному обществу и коллегах по Московскому университету могли доходить разные.

Разумеется, теперь ни о какой административно-педагогической карьере Викентия Антоновича речи быть не может. Лишь в 1842 г. Будревича освобождают от секретного полицейского и ведомственного надзора, о чем также уведомляют его начальство:

«Министерство Внутренних Дел
Департамент Полиции Исполнительной
Отделение II
Стол 2
17 Октября 1842
№ 5018

По ВЫСОЧАЙШЕМУ повелению
Господину Министру Народного Просвещения⁴¹

Государь Император ВЫСОЧАЙШЕ повелеть соизволил учителя Тверской Гимназии Будревича освободить от Полицейского надзора.

Сообщив сию ВЫСОЧАЙШУЮ волю к исполнению состоящему в должности Тверского Гражданского Губернатора⁴², считаю долгом уведомить о том Ваше Высокопревосходительство.

Министр Внутренних Дел Перовский^{43»}⁴⁴.

Учитель математики

Но все эти злоключения не помешали Будревичу заниматься педагогикой и любимой наукой — математикой. В одном из немногих сохранившихся писем к товарищу по ссылке Нуфру (Онуф-

⁴⁰ Юзеф Ежовский Адаму Мицкевичу, рубеж 1834—1835 гг. // *Listy z zesłania*. Т. 3. Warszawa: Ancher, 1998. S. 790.

⁴¹ Пост министра народного просвещения в 1833—1849 гг. занимал С. С. Уваров.

⁴² Пост тверского гражданского губернатора занимал Яков Дмитриевич Бологовский (ум. 1851).

⁴³ Перовский Лев Алексеевич (1792—1856) — граф (1849); министр внутренних дел (1841—1852).

⁴⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Ед. хр. 30. Л. 8.

рию) Петрашкевичу Будрыс пишет: «Видно из твоих намерений, желаний и побуждений... что, лежа четыре года кверху пузом, обрел ты сил, а с ними, думаю, и отваги и выдержки, чтобы пуститься в глубины математических пропастей. И хорошо поступаешь — только старайся всеми силами добиться этого места. В том, наверное, Адам (Мицкевич. — *Т. И., А. Ф.*) может тебе помочь. Сначала у тебя будут некоторые трудности в проведении занятий, так как учебники, которых придерживаются согласно предписаниям Училищного Правления, ничего не стоят — отсюда тяжело будет непосвященному черпать математические сведения. Труды, предписанные начальством, суть “Геометрия и алгебра” Фусса, тригонометрия также, статика и геометрия неизвестных авторов, которых в нашей гимназии ни следа нет, и были ли вообще <неизвестно>. Я в отношении тригонометрии тем временем придерживаюсь труда Полинского (речь о книге М. Пельки-Полинского — профессора Виленского университета, разумеется, не переведенной на русский язык. — *Т. И., А. Ф.*) — что касается статике и практической геометрии, не знаю, по какому автору буду преподавать. Еще мои ученики не в состоянии понять практическую геометрию, а тем паче статику. Несмотря на это, после праздников начну статику и практическую геометрию, потому что алгебру и теоретическую геометрию закончу во всех классах. Директор просил, чтобы <я> поспешал, будут знать или нет, но чтобы курс закончил согласно предписаний Главного Училищного Правления, как рекомендовано. Тверь до моего приезда не слышала ни тригонометрии, ни толидометрии, ни статике, ни решения уравнений второго уровня.

Правду говоря, я не придерживаюсь ни одного из предписанных авторов. Не умею читать по-русски, отчего даже не купил ни одного из них. Только придя в класс, брошу взглядом на фигуру или алгебраическую формулу в книжке учеников и двигаюсь к таблице, а там пусть ученики берут, что смогут. Директор, видя, что того в книге нет, что на доске в систематическом виде развито, указал ученикам, чтобы записывали то, о чем говорится на лекциях. Для облегчения в первом классе написал 4 первоначальные раздела, и теперь мне Директор постоянно докучает, чтобы физику и алгебру написал, а мне это в моих математических размышлениях неимоверно мешает, потому что вынужден приспособливаться по большей части к работам, предписанным правительством»⁴⁵. Вместе с тем Будревич искренне старается обеспечить своих

⁴⁵ Винценты Будревич Онуфрию Петрашкевичу, Тверь, 30 марта / 11 апреля 1829 г. // *Listy z zesłania*. T. 1. Warszawa: Ancher, 1997. S. 249.

учеников новейшей литературой; например, просит Петрашкевича приобрести у книготорговца И. И. Готье 22 экземпляра второго издания логарифмических таблиц известного французского астронома и математика Жозефа-Жерома де Лаланда⁴⁶.

Процитированное выше письмо В. Будревича отправлено в апреле 1829 г., через два года после его прибытия в Тверь. Но уже через год (то есть после ареста) дискомфорт, который он чувствовал от своего пребывания в Твери, достиг такого уровня, что Будрыс вынужден прибегнуть к связям чрезвычайно популярного в московском и петербургском свете Мицкевича. Тот через Марию Шимановскую, влиятельную в силу своего положения при императорском дворе (у нее статус придворной пианистки), и через благоволящую к нему хозяйку популярного московского салона княгиню Зинаиду Волконскую добивается у ректора Виленского университета В. В. Пеликана согласия на смену места пребывания некоторых выпускников университета и пишет Циприану Дашкевичу: «Пусть Будрыс подумает, о чем будет просить; какое именно место; я тотчас непременно напишу княгине (З. А. Волконской, которая должна повлиять уже на министра просвещения. — *Т. И., А. Ф.*)»⁴⁷. Ностальгия Будрыса была настолько сильна, что Мицкевич даже приводит его в качестве примера Дашкевичу, всерьез намеревавшемуся бежать от несчастной любви к Каролине Яниш (будущей известной поэтессе К. К. Павловой) на Кавказ или в Сибирь: «Эй, Дашкусь, не гневи небо! <...> Какое шило подгоняет тебя в Сибирь или на тот Кавказ? Поверь мне, через год будешь проклинать и мир, и себя. Ничтожный чин, который получишь при переезде, не развлечет тебя в долгих одиноких днях и тоскливых вечерах. Не научил тебя пример Будрыса? Будрыс, так мало, казалось бы, нуждающийся в человеческом обществе, удержаться не может в Твери»⁴⁸.

Почему же Будревич, сам выбравший Тверь в качестве места ссылки, вдруг затосковал теперь и мечтает бежать? Выбор был вполне понятен: Тверь, расположенная на пути между старой и новой столицами Российской империи, а потому удобная для встреч с товарищами по несчастью, вынужденными, подобно, например, А. Мицкевичу и Ф. Малевскому, курсировать между ними. Это не Крым, не Харьков, не Оренбург, в которых встречи с дорогими тебе людьми ждать попросту не приходится.

⁴⁶ Ibid. S. 256.

⁴⁷ Адам Мицкевич Циприану Дашкевичу, Петербург, 30 июля / 11 августа 1828 г. // Mickiewicz A. Dzieła, t. XIV. Warszawa, 1955. S. 412.

⁴⁸ Ibid. S. 414.

Удержаться же в Твери, стать полностью своим для тверского общества «литовский медведь» Будревич попросту не смог. Сказались и особенности его характера. Вот как вспоминал о нем его приятель Юзеф Эмманюэль Пшецлавский: «Это был такой оригинал, что даже и в отечестве оригиналов, Англии, обратил бы на себя внимание, с тою разницею, что англичане иногда обдумывают свои выходки, а мой Будрис был оригиналом, сам этого не подозревая, как мольеровский *Bourgeois gentilhomme* не знал, что речь его есть проза⁴⁹»⁵⁰.

Что же приводит Пшецлавский в качестве доказательства «оригинальности» — вернее, чудачеств — Будрыса? В частности, следующий анекдот:

«Однажды рано утром, когда я еще не вставал, входит Будревич, весь расстроенный и сердитый. Я спрашиваю, какая неприятность с ним случилась? — Неприятность! Тебе надо непременно и подобрать техническое название! — восклицает Будревич. — Это не то, а просто лишние хлопоты. — Что же такое, говори наконец! — А вот что; ни с того ни с сего, не спрашивай меня, прибавили жалованье! — Так это тебя сердит? — И опять техника! Не то что сердит, а все-таки расстройство. — Не понимаю. — Как можно не понимать! Я несколько уже лет рассчитал мой бюджет до копейки и распределил его так, что приход с расходом в конце года прекрасно сходились. Теперь придется или всю таблицу переделывать, да и к чему, когда дохода было довольно, или в счетах будет у меня торчать излишек. Если бы были родные, я бы им его отдал, а то я один как палец. Сегодня я устал, всю восьмиугольную площадь исходил, да и весь город обошел, искал купить цветов; ничего хорошего нет, одна сингенезия, все *Zinnia*, да *Calliopsis*, да *Cineraria*⁵¹, а я их терпеть не могу.

Излив передо мною свое неутешное горе от прибавки жалованья, Будревич, несколько успокоенный, отправился в свою гимназию»⁵².

⁴⁹ Отсылка к VI явлению I действия пьесы Ж.-Б. Мольера «Мещанин во дворянстве». В ответ на слова Учителя философии, поясняющего разницу между прозой и стихами, главный герой комедии, господин Журден, выражает удивление: «Честное слово, я и не подозревал, что вот уже более сорока лет говорю прозою».

⁵⁰ Пржецлавский О. А. Калейдоскоп воспоминаний // Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 163.

⁵¹ Латинские названия цветов циннии, кореопсиса и крестовника.

⁵² Пржецлавский О. А. Калейдоскоп воспоминаний // Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 163–164.

Впрочем, гимназия, похоже, действительно была «его». Математик от Бога, Будревич был и педагогом от Бога. Еще готовясь к отъезду в Тверь, Будрыс тщательно обдумал собственную педагогическую методiku. Как пишет Циприан Дашкевич, «будучи в Москве, <Будревич> написал Арифметику по новому собственному методу, еще никем не употребленному⁵³; сама эта новость очень важна, но из-за его математической флегмы нельзя ожидать, чтобы он эту новость предал печати ради нашей славы»⁵⁴. Впрочем, попытку издать свою книгу, судя по всему, Будревич все-таки предпринял. Известный книготорговец и издатель Фридерик Мориц писал Онуфрию Петрашкевичу: «Об Арифметике Будревича и Грамматике Ноаковского тоже сообщу 20—23 декабря»⁵⁵.

Это издание, если оно действительно имело место, может считаться воистину загадочным. Дело в том, что практически исчерпывающая польская библиография К. Эстрейхера, полноту которой признают все исследователи книжного дела Польши, не содержит в описываемый период ни одной книги, подписанной именем Викентия Будревича. Некоторое разъяснение вносит уже цитированное выше развернутое примечание О. А. Пржещлавского к его очерку о Мицкевиче: «Раз пришлось мне прожить в Твери около двух месяцев. Я почти каждый день виделся со старым товарищем, который тогда оканчивал важный труд. Он нашел, что в геометрии Евклида, преподаваемой во всех училищах, почти все

⁵³ Неординарность методики, использованной в процессе преподавания В. А. Будревичем, заставляла его коллег ревновать и даже писать доносы. Так, например, сохранился рапорт старшего учителя Дмитрия Небабы от 20 декабря 1833 г. на имя тогдашнего директора училищ Тверской губернии И. И. Лажечникова. В частности, там говорится: «Мне кажется, что преподавание г-на Будревича не только что не имеет надлежащей методы, основательности и порядка в изложении сведений, но даже механизмом своим и нелепою номенклатурой оказывается вредным для учащихся» (ГАТО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 836 «Дело о сделанном извете учителем Небабою о вредном будто бы преподавании учителя Будревича». Л. 1—2). Сохранился и черновик ответа, сделанный рукой И. И. Лажечникова: «На рапорт ваш от 20 дек. 1833 года даю вам знать, что [нрзб] [если потом потребуется?] метод преподавания г. Будревича, то я не могу [ревизовать, разобрать?] его сам собою; но представлю его на разрешение г. визитатора от университета, который в [нрзб] время [должен?] прибыть в Тверь» (там же. Л. 2).

⁵⁴ Циприан Дашкевич Иоахиму Лелевелю, 6/18 июля 1827 г. // *Listy z zezłania*. Т. 1. Warszawa: Ancher, 1997. S. 328.

⁵⁵ Фридерик Мориц Онуфрию Петрашкевичу, после мая 1827 г. // *Ibid*. S. 227. Вместе с тем, как справедливо обратил наше внимание А. И. Рейтблат, речь может идти и о другой книге.

задачи можно значительно упростить и что к ним нужно много новых прибавить. При мне же он свой трактат окончил и принялся было перебеливать большую написанную им тетрадь и чертить фигуры. Но в одну прекрасную ночь заснул над работою таким математическим сном, что от упавшей светильни тетрадь вспыхнула и успела сгореть почти вся, покуда автор, закашлявшись от дыма, проснулся.

И что же? На следующее утро он прибежал ко мне с известием о случившемся, и невзгода эта по-видимому менее его огорчала, чем прибавка жалованья. Дня чрез два после этого он мне сказал: “Знаешь, я рад, что мой трактат сгорел; если бы я его так напечатал, как он был написан, то нужно было бы делать другое издание. Я нашел много новых упрощений и новых прибавок и сегодня начал уже писать снова”»⁵⁶.

Вероятно, цепкая память Пржещлавского передала эту историю достаточно точно. Значит, скорее всего, издание, о котором писал Ф. Мориц Петрашкевичу, не состоялось, поскольку рукопись учебника, затеянного Викентием Антоновичем, погибла в огне, а во второй раз довести замысел до издания Будревич либо не захотел, либо не смог.

Будревич прослужил в гимназии 27 лет и по собственному прошению был уволен 3 апреля 1854 г.⁵⁷ Можно с уверенностью сказать, что служил он честно, был хорошим преподавателем, заслужил уважение и учеников, и начальства. Авторитет его был высок, поэтому с декабря 1830 по 5 марта 1831 г. Викентий Антонович исполнял обязанности директора гимназии до назначения на эту должность И. И. Лажечникова.

1830—1840-е годы были едва ли не лучшими в истории гимназии — неслучайно она была на очень хорошем счету у тогдашнего попечителя Московского учебного округа С. Г. Строганова. Все проверяющие неизменно отмечали высокий уровень преподавания в ней математики и физики. Так, профессор Московского университета Н. И. Надеждин после ревизии гимназии в феврале 1834 г. писал: «Высшие части математики и физики преподаются старшим учителем Викентием Будревичем. Преподаватель — человек знающий и усердный»⁵⁸. Викентий Антонович заведовал

⁵⁶ Пржещлавский О. А. Калейдоскоп воспоминаний // Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 164.

⁵⁷ ГАТО. Ф. 20. Д. 2504. Л. 1.

⁵⁸ Цит. по: Крылов Д. Столетие Тверской мужской гимназии (1804 — 2 февраля 1904 г.): Историческая записка. Тверь, 1904. С. 133.

и гимназической библиотекой: «Библиотека ежегодно пополняется детскими журналами, с похвальной разборчивостью, лучшими русскими книгами. Она содержится в хорошем порядке, под надзором старшего учителя Будревича»⁵⁹. Известно, что под руководством Будревича в 1835–1837 гг. велись метеорологические наблюдения, данные которых отправлялись в Академию наук. С 1836 г. он заведовал еще и минералогическим кабинетом, который в начале 1853 г. был передан в заведование учителю нового предмета — естественной истории. В 1839 г. был утвержден инспектором гимназии.

Ценили Будревича и ученики. У нас есть три воспоминания о Будревиче его учеников, которые характеризуют учителя как очень талантливого педагога, знающего свой предмет и уважительно относящегося к воспитанникам. Первое по времени свидетельство принадлежит Павлу Александровичу Бакунину, младшему брату известного революционера М. А. Бакунина⁶⁰, учившемуся в тверской гимназии в 1835–1839 гг. Он пишет: «Викентий Антонович Будревич, учитель математики: он заставил нас полюбить свою науку; мы к нему то и дело бегали на дом; и его уроки <в> гимназии постоянно дополнялись его добавочными уроками на дому, уроками бесплатными и притом выходящими далеко за пределы гимназической программы: можно сказать, мы влюблялись в математику, до того пленял нас краткий, до наглядности ясный и притом своеобразно оригинальный способ его изложения. Вместе с математикой В. А. Будревич учил нас честности и добросовестности отношения к предмету, который мы изучали, строго различая действительное знание от знания мнимого»⁶¹. Нил Александрович Попов, в будущем известный историк-славист, учившийся в тверской гимназии в 1844–1850 гг., пишет: «Преподавателем высшей математики и физики был человек замечательный отчасти и по своим познаниям, а еще более по твердому и благородному характеру — Будревич, воспитанник Виленского

⁵⁹ Там же. С. 135.

⁶⁰ «У него [Будревича] учились три младших брата Бакунина». — Борисёнок Ю. А. Михаил Бакунин и «польская интрига». 1840-е годы. М., 2001. С. 139. В тот период, когда Будревич служил в гимназии, там учились четверо братьев Бакуниных — Павел, Александр, Алексей и Илья. Однако о Будревиче пишет в воспоминаниях только Павел. Сведения же о предполагаемой «дружбе», имевшей, по словам Л. А. Черейского, место во взаимоотношениях В. А. Будревича и М. А. Бакунина, подтверждения в документальных источниках не находят.

⁶¹ Копия письма П. А. Бакунина А. К. Жизневскому от 21 окт. 1889 г. // ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 499. Л. 2 — 2 об.

университета. К сожалению, в наше время физический кабинет в тверской гимназии был весьма посредственный; тем не менее, Будревич всегда, когда это можно было, производил перед нами опыты»⁶². Василий Иванович Покровский, известный статистик и общественный деятель Тверской губернии, обучался в гимназии в 1848—1855 г.г., то есть он застал уже пожилого Будревича, в последние годы его работы: «Печатных учебников он не признавал, но каждый из нас запасался его рукописным курсом, изложенным необыкновенно сжато, хотя до конца жизни говорил по-русски не вполне правильно. Читал он с большим одушевлением и добивался того, чтобы урок усвоили мы тут же, в классе. В рукописную его тетрадку способнейшим вовсе не приходилось заглядывать. Как к себе, так и к ученикам Будревич относился строго и не стеснялся ставить единицы небрежно работавшим: “Э, братко, не готмлямшись на лекцию не ходят: сядь на колен!” <...> В V классе Будревич попутно сообщал нам немало интересных сведений по химии и механике; при исследовании же физических явлений давал очень много места математическому элементу. <...> С некоторыми учениками был близок Будревич, давая им уроки на дому»⁶³.

Будревич оставляет гимназию в 1854 г., выслужив полную пенсию, имея орден Св. Станислава 3-й степени, множественные благодарности и премии за беспорочную службу. В 1842 г. он получил чин коллежского советника. Поскольку в Государственном архиве Тверской области РФ (ГАТО) сохранился его формулярный список только за 1847 г.⁶⁴, о дальнейшем продвижении по службе и присвоении чинов ничего определенного сказать нельзя.

Умер Викентий Будревич одиноким⁶⁵. Судя по воспоминаниям О. А. Пржецлавского, Будревич сам не пожелал вернуться на родину: «Он, выслуживши полную пенсию, не захотел возвратить-

⁶² Воробьева И. Г. Из истории Тверской мужской гимназии // 125-летие Школы Максимовича: юбилейные чтения. Тверь, 1997. С. 30.

⁶³ Крылов Д. Столетие Тверской мужской гимназии (1804 — 2 февраля 1904 г.): Историческая записка. Тверь, 1904. С. 371—373, 376.

⁶⁴ См.: ГАТО. Ф. 20. Д. 1897. Л. 15.

⁶⁵ Дата смерти В. А. Будревича достоверно не известна. Л. А. Черейский указывает, что Будрыс умер в 1850 г. Однако, судя по процитированным нами воспоминаниям В. А. Покровского, Будревич мог быть жив в 1850—1855 гг. А если следовать анекдоту, пересказанному в воспоминаниях О. А. Пржецлавского (см. ниже), поскольку Будревич участвовал в межевании крестьянских наделов, в 1861 г., на который, собственно говоря, и пришлось межевание в Тверской губернии, скорее всего, он был жив и до 1861 г. Таким образом, можно считать вероятным, что умер Викентий Антонович все-таки в 1861 г.

ся на родину, в Ковенскую губернию, и поселился в приятельском доме старицкого помещика г. Поликарпова, бывшего своего ученика»⁶⁶. Евгений Александрович Поликарпов был внуком по сути первого тверского губернатора Александра Васильевича Поликарпова, предводителем дворянства Старицкого уезда в 1848–1851 гг.

Это кое-что говорит и о педагогических качествах Викентия Антоновича. Евгений Поликарпов был не гимназическим его учеником, а домашним: известно, что Будревич подрабатывал частными уроками. Вероятно, во время индивидуальных занятий Будрысу было легче преодолеть свою застенчивость и найти общий язык с учениками. Он сам писал Онуфрию Петрашкевичу: «Я курьерскими пятьдесят верст лечу в пятницу, субботу и воскресенье для преподавания математики сыну Поликарпова — камергера двора. Что из этого получится, увидим...»⁶⁷.

Общение с Поликарповыми увлекало Будревича, хотя вряд ли с точки зрения профессионально математической. В письме Петрашкевичу Викентий Антонович так описывает начало своих занятий с Евгением: «Что до камергера, то ожидаем его приезда, тогда увидим, что за птица, и буду стараться, чтобы перетянуть его на свою сторону. Может, чего-то добьемся. Усердно готовимся, но только беда, что его сын не рожден для математики, немного туговат. Как могу, преувеличиваю, чтобы показать отцу его большие способности. Безмерно им любим. Байки арифметические идут медленно, наряду с геометрическими и алгебраическими»⁶⁸. Тем более, что занятия периодически прерывались в связи с отъездами семьи Поликарповых в Петербург (о чем, например, Будревич сообщает в письме Петрашкевичу от февраля 1830 г.), впрочем, когда отъезжал юный Евгений, Будревич давал уроки его сестрам (см. письмо от 3 / 15 марта 1830 г.).

Судя по всему, Поликарпов был благодарен ему за уроки. Г-жа Поликарпова безуспешно (в преддверии восстания 1830 г.) пыталась ходатайствовать об облегчении его участи и возвращении если не в Вильну, на родину, то хотя бы в одну из столиц.

⁶⁶ Пржещлавский О. А. Калейдоскоп воспоминаний // Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 164.

⁶⁷ Викентий Будревич Онуфрию Петрашкевичу, Тверь, 13/25 сентября 1829 г. // *Listy z zesłania*. Т. 1. Warszawa: Ancher, 1997. S. 252.

⁶⁸ Викентий Будревич Онуфрию Петрашкевичу, Тверь, 5/17 октября 1829 г. // *Ibid.* S. 253.

Причем бывший филомат Викентий Будревич сумел найти подход не только к семье Поликарповых. Не принимающий в большинстве случаев оценок О. А. Пржецлавского редактор журнала «Русский Архив» Петр Иванович Бартенев снабдил развернутое примечание о Будревиче к очерку «Адам Мицкевич» своим неожиданным благосклонным комментарием: «Мы лично знали Викентия Антоновича Будревича, проживавшего и окончившего жизнь у своего ученика Евгения Александровича Поликарпова, в селе Панафидине Старицкого уезда. Это была в полном смысле слова честная душа»⁶⁹.

«Честная душа» — высокая оценка, которую дает Бартенев, насколько известно, не благоволивший к полякам. Вероятно, обстоятельства знакомства Петра Ивановича с Будревичем можно прояснить, исследуя архив самого Бартенева и его переписку. Очевидно, что бартеневская характеристика есть прежде всего характеристика высоконравственного человека. Именно в таком значении употребляли словосочетание «честный человек» многие старшие современники Бартенева, в том числе, например, А. С. Пушкин. Нет сомнения в том, что «чудак», в качестве которого воспринимали Будрыса многие, действительно был человеком чести и продолжал следовать даже в чужом для него обществе (каким оставалось тверское общество) тому кодексу чести, который был принят в филоматском товариществе.

Вот почему еще более, нежели бартеневская, примечательна другая, совсем неожиданная оценка, которую приводит в воспоминаниях О. А. Пржецлавский: «Летом 1862 года⁷⁰ я был с женою в ее Старицком имении и вводил там уставные грамоты. После надела крестьян землю по Положению, я им предлагал пойти на выкуп и доплатить помещице следующее по обоюдному соглашению количество денег. Крестьяне не соглашались, желая остаться на оброке. Между ними был один умный, грамотный мужик, имевший на односельцев большое влияние. Он промышлял рытьем прудов и канав и был известен в своем и смежных уездах. Работавши у гг. Поликарповых, он нашел-

⁶⁹ Русский Архив. 1872. Стлб. 1946.

⁷⁰ О. А. Пржецлавский мог ошибиться с годом: согласно приказу министра народного просвещения, он получил отпуск на два месяца для введения уставных грамот в имениях жены в Тверской губернии 29 июля 1861 г. (см.: РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 5657. Л. 22), после чего Пржецлавский подал просьбу продлить отпуск еще на десять дней, что и было удовлетворено (там же. Л. 25 – 25 об.). Таким образом, именно 1861 год можно считать наиболее вероятной датой смерти В. А. Будревича.

ся там в сношении с Будревичем и возымел к нему неограниченное доверие и уважение. Рассказывал мне, как он и своим и чужим крестьянам даром помежевал земли, как и барышень научил землемерству, как судил и мирил споры между крестьянами, как во всем околотке его любят и слушаются: “Викентий Антонович слово скажет (говорил мой Михайло Федоров), все равно что закон”. Вот этот-то добрый мужик и уговорил своих товарищей принять мои предложения. Когда же акт был совершен, Михайло Федоров сказал мне по секрету: “Знаете ли, почему я так для вас старался?” — “Не знаю, верно потому, что мое предложение справедливо и законно”. — “Оно-то, положим, так, а все больше потому, что и вас, как г. Будревича, зовут Антоновичем”.

Может ли быть более красноречивый панегирик?»⁷¹.

⁷¹ Пржецлавский О. А. Калейдоскоп воспоминаний // Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 164–165.

Ян Янковский в документах

Личность Яна Янковского постоянно остается в тени внимания исследователей процесса филоматов и филаретов, хотя его имя непременно присутствует в любой посвященной им книге. Это легко объяснимо: Ян Янковский — тот филарет, на показаниях которого, собственно говоря, базируются выводы Следственной комиссии. Естественно, панегирический тон, характерный для идеализирующих филоматов и филаретов историков и литературоведов, не мог бы быть выдержан при рассказе о судьбе члена тайного общества, не выдержавшего давления, и косвенно разрушил бы общую атмосферу создаваемых учеными «легенды о филоматах» (название вступительной статьи К. А. Цвирки к тому избранных сочинений членов общества, вышедшему в переводе на белорусский язык¹).

Вместе с тем судьба Янковского не укладывается в парадигму наших представлений о судьбе «предателя». Можно сказать, что она была наиболее трагичной из всех филоматских судеб. Один из самых молодых членов тайных обществ, он стал виновником общего несчастья, скорее, по неосторожности, поскольку, кроме собственно документов тайного общества, хранил и фривольные стихи, и тексты политического содержания. Таким образом, он был наказан не только за членство в обществе, но и за не пристойное учащемуся казенного учебного заведения поведение.

Что же касается собственно «предательства», то нужно помнить: фактически несовершеннолетний, подросток с неокрепшей психикой, Янковский не готовился к политическому подвигу во имя родины и свободы. Легенда о филоматах формировалась позже — теми, кто сознательно воспевал мученичество членов общества, поскольку это мученичество было необходимой составляющей и их собственной романтической биографии (например, Адам Мицкевич). Многие филоматы вполне комфортно чувствовали себя, доказав свою лояльность и получив возможность совершать чиновничью или научно-педагогическую карьеру.

Мы не ставим перед собой задачи «посмертной реабилитации» Яна Янковского. Скорее, публикуемые нами документы могут раскрыть тот вариант судьбы ссыльного выпускника Виленского университета, который вполне мог быть уготован тому же Мицкевичу — при определенном развитии событий.

¹ См.: Цвірка К. А. Паданне пра філаматаў, або Доля аднаго пакалення // Філаматы і філарэты: зборнік. Мінск: Беларускі кнігазбор, 1998. С. 7–24.

1. Сентиментальное путешествие в ссылку

Предлагаемый вниманию читателей дневник путешествия Яна Янковского, хранящийся в варшавской Библиотеке народной (*BN Rkps. II.6470*), был, несомненно, известен исследователям, в частности, насколько мы можем судить, таким классикам, как Людвик Яновский, Станислав Пигонь и Хенрик Мосьцицкий, а также Збигневу Судольскому. Однако он не был опубликован и практически не использовался в печатных работах.

Возможная причина — кажущаяся малая информативность публикуемого текста. На протяжении двух с половиной авторских листов Янковский не упоминает никого из видных исторических деятелей, а также своих сотоварищей по несчастью. При этом Янковский (возможно, сознательно) избегает каких-либо резких выпадов в адрес преследующих его властей, что позволило бы вставить его травелог в общий контекст истории польского национально-освободительного движения — что вполне корректно свершилось по отношению к другим аналогичным текстам (в частности, к переходящим в историософский очерк путевым заметкам Онуфрия Петрашкевича о России, опубликованным З. Судольским²). Не исключено, что Янковский надеялся когда-либо со временем опубликовать этот текст, а потому изначально писал своего рода «цензурный вариант» своего вынужденного «путешествия».

Именно поэтому его путевой дневник следует рассматривать не сквозь призму дела о тайных обществах Виленского учебного округа, существовавших в начале 1820-х гг., а в контексте исканий сентименталистской и предромантической прозы. Такой подход позволил при переводе точно выбрать стилистический аналог языка травелога Янковского. Вместе с тем предвосхитим справедливый упрек уважаемой аудитории: травелог Янковского следовало бы поставить в контекст произведений жанра в современной ему польской литературе.

Конечно, следует обратить внимание на личность самого автора дневника. Ян Янковский — брат известного литературного и религиозного деятеля Литвы и Беларуси Плакида Янковского, активно публиковавшегося под псевдонимом Джон оф Дыкалп и бывшего, судя по его произведениям, активным читателем и почитателем Лоренса Стерна. Молодой Ян Янковский также не был чужд литературному творчеству: сохранились и были опубликованы уже в XX в. несколько его стихотворений, написанных, что называет-

² См.: Pietraszkiewicz O. *Opisanie Rosyji, jej mieszkańców, stolicy Petersburga i Moskwy w r. 1824—1830* // *Listy z zesłania*. T. I. Warszawa: Ancher, 1997. S. 39—63.

ся, на случай. Ян Янковский предстает перед нами в этих текстах как очень слабый дилетант: в стихотворениях нет сколько-нибудь живых образов и мыслей.

Иное дело — эго-текст. Да еще такой текст, который, как надеется его автор, рано или поздно обретет своего читателя. Важно при этом, что он создается непосредственно во время путешествия в неизвестность. Как отметила Зоя Трояновичева, большая часть литературы о ссылке, в том числе большинство широко известных текстов Евы Фелиньской и Агатона Гиллера, создавалась уже после освобождения. «Авторы воспоминаний есть, таким образом, бывшие ссыльные, их мемуары появились в радикально изменившейся ситуации, когда большое путешествие под принуждением было для них чем-то завершившимся, достигло финала, причем такого финала, который с перспективы ссылки казался отдаленным и даже невероятным»³. С этой точки зрения травелог Я. Янковского, менее ценный эстетически, вместе с тем весьма интересен своей уникальностью.

Можно сказать, что перед нами гремучая смесь дневника (скорее всего, все-таки реально фиксирующего события), писем друзьям и путевых заметок. В эту смесь мы и погрузимся, насколько автор нам позволит.

Первая запись сделана на станции Радошковичи, в 150 с половиной верст от Вильны, на подъезде к Минску. Начинается текст дневника обращением к читателям: «Я расстался с вами, любимейшие мои! расстался, ах! быть может, навсегда! Какая болезненная стрела пронзает меня! Тысячи приятных минут в будущем, смогут ли они вознаградить эту тяжелую для моего сердца минуту, когда я прощаюсь с вами?» (с. 1). Очевидно, что зачин дает некоторое внутреннее оправдание автору: он повествует друзьям о том, что случилось с ним после того, как они расстались. По настроению он буквально совпадает с тем, как начинает свои письма друзьям другой путешественник, гораздо более известный и, не побоюсь этого слова, талантливый: «Расстался я с вами, милые, расстался! Сердце мое привязано к вам всеми нежнейшими своими чувствами, а я беспрерывно от вас удаляюсь и буду удаляться!»⁴.

³ Trojanowiczowa Z. Świadectwo poezji zesłańczej // Trojanowiczowa Z. Romantyzm: Od poetyki do polityki. Interpretacje i materiały. Kraków: Universitas, 2010. S. 423.

⁴ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника // Карамзин Н. М. Сочинения: В 2 т. Л.: Художественная литература, 1984. Т. 1. С. 57.

Несмотря на кажущуюся абстрагированность и литературность травелога Янковского, мы точно знаем, кого именно имеет он в виду в своем зачине — в отличие от зачина «Писем русского путешественника»: в фельдъегерской тройке, умчавшейся из Вильны несколько ранее, едут ближайшие друзья гения польской поэзии Адама Мицкевича — те, кому будет посвящена третья часть поэмы «Дяды», во вступлении к которой отражены впечатления как раз от этого путешествия. Но маршрут у двух троек разный: Янковского везут непосредственно в Вологду, где ему и суждено позже кануть в безвестность (мы не знаем даже сколько-нибудь точной даты и обстоятельств его смерти), Мицкевич и его друзья едут в Петербург.

Пока автор не знает этого. И тоскливый тон его повествования, скорее, связан с общими обстоятельствами вынужденного путешествия и избранной для его описания соответствующей риторикой: «Почтовые кони пришли. Без чувств, как камень, не помню, как я сел в повозку. Печально застонал звонок, кони улетели ветром, и облако пыли взмылось под небеса. Я еще не опомнился, когда все пропало у меня перед глазами. Я гнался за вами, хотел еще раз излить вам чувства моего сердца. К сожаленью! было уже поздно... Моя грудь сжалась от боли, поток слез полился из глаз, а обращение к страданиям прошлого, к трудностям будущего и к плачевному теперешнему положению погрузило мой измученный разум в суматоху беспорядочных мыслей и наполнило сердце раздирающим беспокойством» (с. 1).

Можно сказать, что основное отличие травелога Янковского от большинства других травелогов — в общем ощущении обреченности. Нарратор «Писем русского путешественника» путешествует добровольно, и горечь от расставания с «милыми», с «друзьями сердца» соседствует в его сознании и в его тексте с радостью от познания новых мест, новых людей и от ожидания новой встречи с близкими. Нарратор в дневнике Янковского живет совершенно иными чувствами: «Меня суровый жребий отрывает от всего, что было самым дорогим и любимым — отрывает (о, ужасное воспоминание!), может, без надежды увидиться когда-либо. Любимая земля, на которой я вырос, судья-отец, лучший из отцов, милые сестры, братья и друзья! я прощаюсь с вами... О, Боже! какая сильная боль раздирает мое сердце...» (с. 1).

Соответственно цель путешествия и маршрут определяют и встречи, которые описывает странствователь. Вспомним сцену, описанную Карамзиным при въезде его путешественника в Веймар: «У городских ворот меня допрашивали; после чего я предложил

караульному сержанту свои вопросы, а именно: “Здесь ли Виланд? Здесь ли Гердер? Здесь ли Гете?” — “Здесь, здесь, здесь”, — отвечал он, — и я велел постиллиону везти себя в трактир “Слона”»⁵. Разумеется, ссыльного студента ждет совсем иной прием. Въехав в Ярославль, он должен представиться гражданскому губернатору, который, однако, не спешит принять его: «Размашистым шагом я мерил зал вдоль и поперек и часто то поглядывал на часы и считал время, то снова спрашивал изредка приходящих слуг, долго ли мне еще придется дожидаться Господина Губернатора? Но что вышло из всего этого? Только то, что счет моих шагов стал бесконечным. Часы за часами все бежали. На мои вопросы давались следующие вопросы: “Его Превосходительства нету, поехал к обедни”, “Его Превосходительства нету, поехал в острог”, “Его Превосх[одительства] нету, пошел на бульвар прогуливаться”, “Его Превосх[одительство] занят, обедает”, “Его П[ревосходительство] занят, спит”, “Его П[ревосходительство] занят, чай пьёт”, а я как не мог быть допущенным увидеть Его Превосходительство, так не мог» (с. 77–78).

Конечно, такова судьба ссыльного: для свободного путешественника Карамзина на месте и Виланд, и Гердер, и Гете — несчастный виленский студент семь часов не может дождаться встречи с тем, кто сам же и вызвал его к себе. Должен, однако, отметить, что, например, в путевых записках Эвы Фелинской, едущей от одного места ссылки к другому, подобных тягостных сцен ожидания практически нет. Да и встречают ее вполне доброжелательно. Но, вероятно, следует учитывать, что речь идет о даме; кроме того, едет она по тем местам, по которым ранее ехали к ссыльным мужьям декабристки, так что женщина-ссыльная вызывает уже не любопытство и не желание проявить свою властность, а искреннее сострадание.

Конечно, мир должен представать обоим путешественникам разным еще и в силу различного их жизненного опыта. Скажем, сквозным персонажем в «Письмах...» Карамзина является Лафатер: нарратор вспоминает о нем часто, а в конце концов и встречается с ним: «...Войдя в сени, я позвонил в колокольчик, и через минуту показался сухой, высокий, бледный человек, в котором мне нетрудно было узнать — Лафатера»⁶. Лафатер для карамзинского путешественника дает некую систему нравственного отсчета: «Я к Лафатеру не пристрастен и обо многом думаю совсем не так, как он думает; однако ж уверен, что его “Физиогномические

⁵ Там же. С. 135.

⁶ Там же. С. 176.

фрагменты” будут читаемы и тогда, когда забудут, что жил на свете почтенный доктор Бистер (яростный хулиатель Лафатера. — А. Ф.)»⁷. Янковский честно признается: «Я не читал произведений Лафатера, не знаю ключа, с помощью которого он открывает нутро человека и по физиономии узнает предметы сердца и все способности и возможности разума. Интересной должна быть наука, не могу не сожалеть, что у меня нет о ней никакого понятия. Потому что в теперешнем моем положении, когда мне приходится переходить в чужие края и иметь отношения и связи с чужими и полностью неизвестными людьми, она могла бы принести мне немало пользы» (с. 36–37).

Однако есть момент, в котором оба наши путешественника совпадают. Это — отношение к женщинам. Женщины в их чувствительном мире равно прекрасны и равно любезны. Разумеется, Карамзин видит кокеток, очаровывающих путешественного (а стало быть — знатного) москвитя: «Сестры-прелестницы! Я хотел бы счастливою чертою пера изобразить красоту вашу, которую сама натура возлелеяла; хотел бы сравнить бело-румяные щеки ваши с чистым снегом высоких гор, когда восходящее солнце сыплет на него алые розы; хотел бы уподобить улыбку вашу улыбке весенней природы, глаза ваши звездам вечерним — но скромность ваших взоров отнимает у меня смелость хвалить вас»⁸. У Янковского же — совсем иной повод упоминать в дневнике представительниц прекрасного пола. Скажем, в Минске он представлен жене и дочери вице-губернатора: «Мы вошли в просторный зал, где мы застали уже почтенную годами женщину и с ней милую девушку лет семнадцати. Это были жена и дочь Вице-Губернатора. Видя меня в дорожном платье, и к тому же с Офицером, они приблизились, и жена Статского Советника приятным голосом обратилась ко мне:

— Наверно, и вас судьба задела своей суровостью?

Слезы наполнили мои глаза и были единственным ответом с моей стороны. Немного набравшись отваги, я поднял свой взгляд и увидел, что и у милой девушки слезы бежали по розовым щекам и что почтенная матушка уже давно белым платком сдерживала прилившую чувствительность своего сердца. Эта сцена, полностью неожиданная для меня, живо меня впечатлила.

— О, прекрасный Пол! — подумал я, — кто же успешнее тебя способен принести утешение измученному сердцу?! Одно твое

⁷ Там же. С. 95.

⁸ Там же. С. 181.

слово, одна слеза, о! какой прекрасный бальзам вливает в сердце и лечит рану, нанесенную ударом суровой судьбы

Я не раз испытал это на себе, и в этот момент почувствовал в сердце значительное облегчение...» (с. 8–9).

Впрочем, есть ситуация, в которой Янковский забывает о трагизме своего положения, о необходимости оплакивать собственную судьбу и т. п. Связана она опять-таки с женщинами и происходит в Минске: «Вчера... по милости почтенного Майора К.*** мы желали специально для нас приготовленную ванну. Ничего подобного мне еще не приходилось видеть в моей жизни. Нам надо было пройти через избу, где женщины обычно парятся в бане, а мы об этом ничего не знали. Отворяются двери, и в этот момент нас поражает вид около 30 нагих женщин. Мгновенно с треском мы захлопываем двери и стоим как вкопанные. Живое воображение в полном блеске суровости представило в наших мыслях несчастную судьбу юноши, которого Диана за любопытство подобного рода наказала так немилосердно. Мы уже чувствовали большое сожаление за непростительный, хоть самый невинный с нашей стороны поступок. Отступив на несколько шагов, мы собрались уходить от того места, которому грации с такой свободой доверили свои таинственные сокровища, когда какой-то седой человек, стройный, как тычинка от хмеля, сухой, черный и с блестящими во лбу маленькими глазками, задерживает нас, представляется, что является зрителем этих бань, призывает безо всякого смущения идти прямо среди рядов нимф, ручается благородным словом, что ни одна из них нам не поставит это в вину, и выражением лица, жестом и всем своим видом заверяет, что все, что говорит, является точным, ясным, как солнце, указанием, так как приобретено ежедневным примером и опытом нескольких лет. Плавной речи, которой он объяснялся, сильным просьбам и настойчивости мы наконец дали убедить себя. С закрытыми рукой глазами, дрожащим шагом мы вошли в эту обитель. И какое нас охватило удивление, когда наше присутствие не только не вызвало в тех грациях наименьшего замешательства, но даже ничего такого, что в таком случае врожденный этому полу стыд должен был бы вызывать. 15-, 16-, 17-тилетние и т. д. девчата прохаживались в чем мать родила. Этот вид необыкновенно развлекал наших жандармов, а особенно так занял одного, что он разными шутками нам чуть не надорвал бока от смеха» (с. 16–17).

Впрочем, нужно отметить, что таких «этнографических» зарисовок нравов в дневнике Янковского немного. Автор явно, как мы уже отмечали выше, представляет себе будущих читателей,

а потому подражает существующим в его сознании образцам: нужно обратить внимание адресата на культурные и исторические достопримечательности, продемонстрировать наличие реминисценций из общенационального прошлого. «Уже показались бастионы и башни Смоленска, по обеим сторонам дороги нас сопровождают покрытые кустами горы. Офицер рассказывает нам истории воинов, которые здесь в 1812 году обессмертили себя славой. Медленно вертятся колеса, я сижу в открытой кибитке, внимательно слушаю его и растроганно отмечаю эти места, недавних свидетелей стольких ужасов и страха. Налево уходит глубокое ущелье, где разбросанные, как в пропасти, деревянные хижины, лежат и тщетно вздымаются и стараются увидеть древние здания Смоленска. Только пролом, сделанный победителями, поражает взгляд, а развалины наполняют сердце тревогой. Проезжаем около места отдыха и вечного покоя смертных. Стоит необычная тишина. Этот печальный вид влил в мою грудь святое волнение. Я преклонил голову и в горячности духа молился, и с плачем умолял Наивысшего Господа сил небесных о милости к страдающим душам. Ах! Любимые Друзья! никогда, никогда, как в ту минуту, мое сердце не возносилось к самым набожным чувствам!..» (с. 17). Только чуждый литературе человек не проведет здесь параллель с известными строками:

Вот, окружен своей дубравой
Петровский замок. Мрачно он
Недавнею гордится славой и т. д.⁹

Разумеется, Янковский не мог читать еще не написанные к тому времени строки «Евгения Онегина»; очевидно, что речь идет о совпадении риторических приемов подачи материала, общих для большинства травелогов. Впрочем, внимательный читатель находит в тексте дневника предвестие и иного классического текста русской литературы: «Я раскурил свою трубку, уселся на лавку и провел своим взглядом по стенам и развешанным на них портретам генералов. Хозяин заметил это и, подвинувшись ко мне “Вы (сказал) Поляне — узнаете ли чей это портрет над Вашей головой? Это Ваш Катюшка”. Я рассмеялся не столько над карикатурой нарисованного портрета, сколько над таким переключением фамилии. Он же “Нет барин (сказал мне дальше) нет, здесь нечему смеяться. Вы мне поверьте, что это Ваш Катюшка. Я с батюшкой Италийским нашим князем сражался под Вашими

⁹ Пушкин А. С. Евгений Онегин: Роман в стихах // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 6. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 155.

Матеевицами. В моих глазах Козак Лисенько пленил его, и я его не раз видал. Розлихой Генерал. Нет у Вас таких ныне, нет”. О! Друзья! В моем путешествии мне уже второй раз приходится слышать из уст простого человека отдаваемую справедливость нашему великому Вождю. Как это мило для моего сердца! Я утверждаюсь в том мнении, что настоящее величие имеет право на похвалу всех и везде» (с. 88–89). Собственно говоря, от героя Катюшки до героя Маврокордато и героини Бобелины¹⁰ просто рукой подать.

Следует обратить внимание на то, что в польскоязычном дневнике Янковский активно использует русскоязычные вкрапления — прежде всего для передачи характерных деталей речи персонажей-россиян. Можно сказать, что это не является принципиальной особенностью именно дневника Яна Янковского. Нам уже доводилось отмечать, например, как Т. Э. Массальский в дневнике воспроизводит речь великого князя Константина Павловича — также русскими словами в латинской транскрипции¹¹. Это тоже попытка воспроизвести экзотику, какой для жителя новозавоеванных литовских губерний является русская речь и русский человек как таковой. Показательно в этом отношении и впечатление Янковского от старой русской столицы: «Слияния воедино многих сот тысяч голосов людей и звон многих сотен колоколов составляет смешанный шум, который, окружая собой Москву, поражает слух подъезжающего к ней путешественника. В ту же самую минуту его взгляд видит издалека, как бы вместе сбитые верхушки многих тысяч домов, башен и церквей, видит и вместе с воображением теряется в этой необъятной громадине. Плывущий на легком челне, увлекаемый течением реки, спокойно может

¹⁰ Ср.: «Садысь, Чичиков взглянул на стены и на висевшие на них картины. На картинах всё были молодцы, всё греческие полководцы, гравированные во весь рост: Маврокордато в красных панталонах и мундире, с очками на носу, Колокотрони, Миаули, Канари. Все эти герои были с такими толстыми ляжками и неслыханными усами, что дрожь проходила по телу. Между крепкими греками, неизвестно каким образом и для чего, поместился Багратион, тощий, худенький, с маленькими знаменами и пушками внизу и в самых узеньких рамках. Потом опять следовала героиня греческая Бобелина, которой одна нога казалась больше всего туловища тех шеголей, которые наполняют нынешние гостиные» — Гоголь Н. В. Мертвые души: Том первый // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 7. Кн. 1. М.: Наука, 2012. С. 90–91.

¹¹ См.: Федута А. И. Н. Н. Новосильцов в польской литературе 1820–1830-х гг. // Федута А. И. Письма прошедшего времени: Материалы к истории литературы и литературного быта Российской империи. Минск.: Лимариус, 2009. С. 198–199.

он рассматривать ее берега и прилегающие околицы, но когда он приближается к ее устью, в момент открывается ему неизмеримый простор океана без границ, где слышен вечный шум накатывающих друг на друга волн. Удивляется, задумывается... все видит и ничего не понимает... Абсолютно то же происходит с въезжающим в любую столицу, тоже происходит и с въезжающим впервые в Москву...» (с. 59–60). И далее: «По улицам и переулкам, по переулкам и улицам мы ехали и ехали. Перед нашими глазами проносились по большей части двухэтажные каменные здания. Шум, визг, крик, говор и беспрестанный стук поражали наши уши, и показалось, что мы попали как в какой-то лабиринт, из которого мы никогда не выйдем. Снег закрыл нам рты и глаза. Мы закрылись плащами и ничего не могли видеть» (с. 62).

Это не означает, что впечатления ссыльного юноши от Москвы ограничиваются исключительно этим шумом. Нет, в дневнике есть и следующий фрагмент: «Мое сердце болит. Я смотрю на древние вершины укреплений и башен. Мне в уши бьет смешанный говор разлитого внутри столицы народа. Воображение представляет множество достопримечательностей, которые хотелось бы увидеть и узнать. Желает сердце — нет воли... Москва лежит на реках Москве, Яузе и Неглинке. В 1149 году ее основал Великий Юрий Долгорукий, сын Владимира Мономаха, а с 1329 года, то есть со времени, когда великий князь Юрий Данилович, внук Великого Князя Александра Невского, получил трон Великого Княжества Владимирского, стала столицей Великого Княжества. Она насчитывает своего населения почти 400 000. Четыре ее части, на которые делится, и многочисленные предместья окружены валом. В 1812 году большая ее часть была уничтожена пламенем. Сегодня глаз путешественника не замечает следов всего этого. На руинах уничтожения щедрой рукой Правительства были воздвигнуты святыни в новом виде — появились каменные дома, хоть по большей части двухэтажные, однако прекрасные, стильные и по теперешнему плану, расширились улицы. Москву, если кто-то видел перед тем и кто увидит сегодня, не узнает. Она переродилась в огромную пущу, где заблудившийся взгляд погибает в неизмеримом пространстве зданий, и требуется много дней, много месяцев, прежде чем освоится с окружающими его предметами и сможет выпутаться из сетей, которые на каждом шагу видит поставленными на себя. Год — мало времени для описания того, что любопытство сможет увидеть и оценить стоящим внимания и памяти» (с. 65–66).

Очевидно, что это описание Москвы многослойно. Мы можем отделить личные впечатления, риторические фигуры — и цитаты,

вполне вероятно имеющиеся в тексте. Опыт комментирования, в частности, «Петербургских впечатлений» А. Г. Киркора, убеждает нас: нагромождение исторической фактуры свидетельствует о том, что автор готовил свои письма (заметки, дневник — словом, это-текст) к публикации и, скорее всего, пользовался справочным материалом. В случае с очерком Киркора мы достоверно установили совпадения с путеводителем Н. Н. Пушкарева¹², в отношении дневника Янковского, мы надеемся, нам также со временем удастся установить источник заимствования. Это связано с типологией авторской установки. Как отмечала еще Т. А. Роболи, на Западе в жанре травелога «дифференцировались два основных типа: один — собственно стерновский, где настоящего описания путешествия, в сущности, нет; и другой — типа Дюпати, представляющий гибридную форму, где этнографический, исторический и географический материал перемешан со сценками, рассуждениями, лирическими отступлениями и проч.»¹³. Можно с определенной долей уверенности говорить, что Янковский ориентируется на второй тип травелога.

Янковский не бездарен. У него есть чувство юмора, он умеет подметить и передать забавные черты человеческого характера (как, например, в случае с ярославским губернатором), причем делает это он, несмотря на трагизм собственного положения. Конечно, сентименталистская риторика весьма ощутима, а злоупотребление словом «чувствительный» к концу небольшого текста начинает раздражать современного читателя. Но не вина автора травелога в том, что мы знаем о нем больше, чем в момент написания этого текста знает он сам, и что мы, в отличие от автора, рассматриваем его записки в некоем литературном и историческом контексте. Нет сомнений, что Янковский ни о чем таком не помышлял. Автор хочет поведать *urbi et orbi* историю своих бедствий, ищет и находит уместные, с его точки зрения, слова и образы — и пытается быть максимально точным и честным.

2. Безуспешная попытка освобождения

Непосредственно в ссылке судьба Янковского сложилась так, что ему было не до литературного творчества. После Вильны он попадает в уездный городок Яренск Вологодской губернии (ныне — центр Сафроновского сельского поселения Архангельской области

¹² См.: Федута А. И. Комментарии // Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 830 и др.

¹³ Роболи Т. А. Литература путешествий // «Младоформалисты»: Русская проза. СПб.: Петрополис, 2007. С. 108–109.

Российской Федерации). Это известное место для политической ссылки: в 1690–1691 гг. здесь отбывал ссылку фаворит царевны Софьи Алексеевны князь Василий Васильевич Голицын. Вероятно, Яренск — самый северный из городов, куда забрасывает злая судьба и воля начальства ссыльных филоматов и филаретов. Ян оказывается буквально не готов к этому: вдали от семьи он просто лишен средств к существованию¹⁴, о чем и докладывает в прошении на имя вологодского гражданского губернатора, а тот, в свою очередь, сообщает управляющему Министерством внутренних дел:

«10-го Декабря 1824

Вологодского Гражданского Губернатора

О студенте Янковском

Его Высокопревосходительству Господину управляющему Министерством Внутренних Дел

Находящийся в Аренске под надзором полиции Виленского университета Студент Янковский извещает меня письмом, что не имеет он на пропитание денег, и что находится ныне на содержании тамошнего городничего.

О сем имею честь Вашему Высокопревосходительству почтеннейше донести

Гражданский Губернатор Брусилов»¹⁵.

Очевидно, что все ссыльные филоматы отнюдь не были окружены роскошью, но положение Янковского — человека, лишенного поддержки из семьи, вынужденного оплачивать жилье, пищу — и при этом не приспособленного изначально к проживанию в суровом северном климате, — действительно, крайне затруднительно. А положение Яна Янковского было хуже, нежели у остальных, что следует из письма управляющего Министерством внутренних дел В. С. Ланского¹⁶ на имя министра финансов Е. Ф. Канкрин от 8 января 1825 г.:

¹⁴ Отец Яна, Гавриил Янковский, униатский священник, «без имения, без влияния, в бурный и трагический период истории Польши, должен был сам помогать себе, как мог. Вель жизнь немного авантюрную, но в любом случае, не стабильную» — см.: Sokół L. Wstęp // Jankowski P. Doktor Panteus w przemianach i inne utwory. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1985. S. 6. Кроме того, в семье было четверо детей, и Яну трудно было рассчитывать на сколько-нибудь серьезную помощь.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 6. Д. 716. Л. 61. Брусилов Николай Петрович (1782–1849) — вологодский гражданский губернатор в 1821–1834 гг.; писатель, издатель.

¹⁶ Ланской Василий Сергеевич (1754–1831) — генерал-майор; министр внутренних дел (1823–1827).

«Господину Министру Финансов

В следствие Высочайше подтвержденного в 14-й день прошедшего Августа журнала Комитета высочайше учрежденного для рассмотрения дел, относящихся до беспорядков в Виленском Университете случившихся, высланы из города Вильны четыре того Университета студенты во внутренние губернии под надзор местных начальств; а именно: в Оренбург Иван Чечот, Адам Сузин и Фома Зан, а в город Яренск Вологодской Губернии Иван Янковский.

Ныне Оренбургский Военный¹⁷ и Вологодский Гражданский Губернаторы представляют Министерству Внутренних дел, что все четыре помянутые студенты имеют нужду в пропитании себя, так что первым трем отпускаются плакатные деньги, а последний находится на содержании Городничего.

По поводу сего я покорнейше прошу Ваше Превосходительство на основании известного Вам, Милостивый Государь, высочайше утвержденного положения Комитета ГГ. Министров, состоявшегося 25-го Июля 1822 года и особого Высочайшего повеления, исходатайствованного Графом Виктором Павловичем Кочубеем¹⁸ в 24 день того же месяца на счет ссыльных в Оренбургскую Губернию, учинить распоряжение об отпуске в ведение г. Оренбургского военного и Вологодского гражданского Губернаторов, на содержание означенных студентов о 50 к. каждому в сутки с 1-го прошлого Декабря и о последующем почтить меня уведомить.

Управляющий Министерством Внутренних дел

Подписал В. Ланской

Скрепил директор ф. Фок»¹⁹.

Решение было принято достаточно быстро, что следует из ответного письма министра Канкрин:

«15 Генваря 1825 года

Господину управляющему Министерством Внутренних Дел

В следствие отношения Вашего Высокопревосходительства ко мне от 8 сего Генваря и на основании высочайше утвержденного журнала Комитета ГГ. Министров 25 Июля 1822 года, предписано

¹⁷ Эссен Петр Кириллович (1772–1844) — граф (1833), генерал от инфантерии (1819). Занимал пост Оренбургского военного генерал-губернатора в 1817–1830 гг.

¹⁸ Кочубей Виктор Павлович (1768–1834) — граф (1799), затем князь (1831). Министр внутренних дел (1802–1807; 1819–1823); председатель Государственного совета (1827–1834) и Комитета Министров Российской империи (1827–1832). Канцлер Российской империи (1834).

¹⁹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 6. Д. 716. Л. 62–63.

Оренбургской и Вологодской Казенным Палатам производить по требованиям гг. Оренбургского военного и Вологодского Гражданского Губернатора, на содержание высланных туда под надзор местных начальств из города Вильны четырех студентов Виленского Университета: Ивана Чечота, Адама Сузина, Фому Зана и Ивана Янковского, по 50 к. в сутки на каждого, считая с 1-го минувшего Декабря, о чем имею честь Вас, Милостивый Государь, уведомить.

Министр Финансов Генерал-Лейтенант Канкрин»²⁰.

Как видим, даже согласие министра финансов не слишком улучшило положение ссыльного Янковского: теперь на нем повис долг яренскому городничему, поскольку деньги были выделены лишь с декабря 1824 г., а прибыл в Яренск студент Виленского университета никак не позднее сентября. Для человека, живущего на 50 копеек в день, выплата долга как минимум за два месяца (октябрь и ноябрь) — тяжелая ноша. О том, чтобы компенсировать затраты яренского городничего, в письме Ланского Канкрину и в ответе Канкриня речь не идет, а значит, скорее всего, компенсации и не было.

Однако Янковский не теряет надежды. Из Яренска в июне того же 1825 г. его переводят в Тотьму — город в четыре с половиной раза населенной Яренска²¹, и уже там он умудряется — примерно год спустя после постановки его на казенное довольствие — подать 16 января 1826 г. письмо посетившему Тотьму генерал-губернатору²²:

«Ваше Высокопревосходительство!

Милостивый Государь!

Прошлого 1824 года октября 11 дня по воле блаженной памяти Государя Императора Александра Павловича отправлен я из Виленского университета за открывшиеся в нем беспорядки в Вологодскую Губернию, вменено мне сие в наказание. Находясь в университете, едва успел я окончить преподаваемые в нем науки, готовя себя на службу Всероссийского Престола, а как при сем наказании лишился не только в желаемом мною успехе, но и от

²⁰ Там же. Л. 64 — 64 об.

²¹ Тотьма тоже была традиционным местом политической ссылки. Уже после Я. Янковского в разное время здесь в качестве ссыльных побывали П. Л. Лавров, Н. В. Шелгунов, Г. Н. Потанин, В. М. Молотов, А. В. Луначарский, В. Г. Короленко и даже останавливавшийся на пути в Вологду И. В. Сталин.

²² Миницкий Степан Иванович (1766—1840) — вице-адмирал; олонецкий, вологодский и архангельский военный генерал-губернатор (1823—1830).

неимения средств к занятию по моим познаниям, могу совершенно все потерять и лишиться себя счастья обратиться то на пользу к службе Государя Императора, по верной моей к Всероссийскому Престолу преданности.

Получаемые мною 15 рублей в месяц при заслуженной мною от здешних гг. чиновников благосклонной признательности, не могу жаловаться, чтоб на содержание мое были недостаточны. Но, Ваше Высокопревосходительство! Примите в благосклоннейшее Ваше рассмотрение, как сия сумма значительна и какие остатки на одежду и обувь могут оставаться. Я по всегдашней моей ревности к службе Всеавгустейшего Монарха, осмеливаюсь пасть к стопам Вашего Высокопревосходительства с всенижайшей просьбою: о исходатайствовании мне Монаршей милости. При отправлении меня сюда мне объявлено, что по истечении года и по засвидетельствовании местным начальством добропорядочного моего поведения могу я просить о возвращении меня на прежнее мое жительство. А как тому год и три месяцев уже протекло, как я нахожусь во Всемиловейше Вашему Высокопревосходительству в веренной Вологодской Губернии, всегда ведя себя, как долг и обязанность от меня требует — доказательством чему служит свидетельство Тотемских гг. чиновников мне данное, которое при сем Вашему Высокопревосходительству оригиналом имею честь представить — всенижайше прошу Вашего Высокопревосходительства войти в горестную участь и несчастное положение беззащитного человека и исходатайствовать сию Монаршую милость: дабы цветущие мои лета с познаниями моими не остались без пользы мне и Отечеству.

Осмеливаюсь возложить сию надежду мою на Особу Вашего Высокопревосходительства яко милостивейшего Начальника высочайше в веренной Вашему Высокопревосходительству сей Губернии, где по несчастию моему претерпевать мне назначено такое наказание.

С глубочайшим и достодолжным высокопочитанием приемлю смелость назваться

Вашего Высокопревосходительства

Милостивейшего Государя

Всепокорнейшим слугою

Иван Янковский, Студент Виленского Университета»²³.

К письму прилагается характеристика, подписанная двадцатью тотемскими чиновниками, среди которых городничий, судья,

²³ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 6. Д. 716. Л. 112–113.

исправник, уездный казначей и другие представители местной управленческой элиты:

«СВИДЕТЕЛЬСТВО

Мы нижеподписавшиеся Вологодской Губернии города Тотьмы чиновники сим свидетельствуем, поведение Виленского университета студента Ивана Гаврилова сына Янковского, по воле блаженной памяти Государя Императора Александра Павловича присланного в здешнюю Губернию впредь до повеления об нем, который находясь здесь в городе Тотьме под присмотром городской полиции с 23-го числа Июня истекшего 1825-го года и по нынешнее число ведет себя с отличною, благородному человеку приличною и всякого уважения заслуживающею скромностию и особенным ко всем уважением. При сем похвальном его поведении занятие снискал он себе преподаванием в некоторых благородных домах на французском языке уроков, свободное за тем время препровождая всегда в домах наших никогда еще и ни кем из нас в дурных и противных званию благородного человека поступках замечен не был. С людьми же низкого и распутного поведения никаких связей дружбы и компании никогда не имел. Таковое отличное его Янковского при молодости его лет поведение мы долгом поставляем сим засвидетельствовать»²⁴.

Очевидно, что студент-виленец пришелся в Тотьме ко двору. Вряд ли кто-то из местных чиновников стал бы видеть в нем потенциального жениха для своей дочери (тем паче не дворянина, а сына провинциального униатского священника), но вежливый и культурный молодой человек, хорошо образованный, дающий уроки французского провинциальным барышням, вполне заслуживает жалости. Характеристика, данная Янковскому, может рассматриваться как во всех отношениях положительная.

Однако сама идея освобождения из ссылки пришла на крайне неподходящее время. Хлопоты о смягчении участи Яна Янковского совпали со следствием по «делу о 14 декабря», когда и столичные чиновники были чрезвычайно заняты, и новому государю было вовсе не до проявления милосердия к подозрительным полякам. Ответ, разумеется, был не только запоздалый, но и резко отрицательный:

«Министерство внутренних дел
Канцелярия Особенная по Секретной Части
10 мая 1826

²⁴ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 6. Д. 716. Л. 114–115.

Г. Генерал-Губернатору Архангельскому, Вологодскому и Олонецкому

На отношение Вашего Превосходительства ко мне от 9 прошедшего Февраля о находящемся в г. Тотьме под надзором Полиции Студенте Виленского Университета Иване Янковском, просящем о исходатайствовании ему Монаршего прощения, долгом считаю ответствовать, что как удаление оного Янковского под надзор последовало по высочайше подтвержденному положению Комитета для рассмотрения дел о беспорядках по Виленскому Университету, то за сим я не могу приступить к разрешению просьбы его ни даже ходатайствовать за него в сем случае.

Управ. М. В. Д. Подписал В. Ланской

Директор фон Фок»²⁵.

Очевидно, что В. С. Ланской просто отмахнулся от ходатайства провинциальных чиновников, даже не заметив, что, подписав подобный ответ, он перечеркивает человеческую судьбу.

²⁵ Там же. Л. 116 – 116 об.

Холодный ноябрь 1830 года (Франтишек Малевский под подозрением)

27 ноября 1830 г. действительный статский советник и обер-прокурор III Департамента Правительствующего Сената Андрей Владиславлев¹ неожиданно обращается к метриканту Литовской метрики Михаилу Трушковскому² с запросом следующего содержания:

«Рекомендую Вам немедленно мне донести, какие имеются сведения при делах Ваших о прежней службе помощника Вашего Малевского и кем он Вам рекомендован, когда Вы вошли ко мне с рапортом об определении его на вакансию Метрикантского Помощника»³.

Не будем поражаться несколько истерической интонацией официального документа: Владиславлев является непосредственным начальником Трушковского и вправе ожидать от него немедленного исполнения указания. Что и происходит — Трушковский отвечает ему в тот же день:

«В следствие предписания Вашего Превосходительства от 27-го сего Ноября за № 618-м честь имею донести: что сведений о прежней службе 9-го класса Малевского при Метрических делах не проходит, а равно при определении его на вакансию Помощника Метриканта не имел об нем никаких рекомендаций, кроме личных способностей его»⁴.

Скорость в данном случае свидетельствует не только об исполнительской дисциплине, принятой в аппарате Метрической экспедиции и о чиновничьих качествах Трушковского. Владиславлеву нужно подготовить рапорт на имя управляющего III Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии М. Я. фон Фока, который он, в силу совершенной секретности идущей переписки, составляет собственноручно. Воспроизводим его полностью:

¹ Владиславлев Андрей Афанасьевич (1769 или 1770 — 1842) — действительный статский советник (1826), затем тайный советник (1839).

² Трушковский Михаил Адамович (? — после 1842) — надворный советник, метрикант Литовской метрики (1827–1833).

³ РГАДА. Ф. 328. Оп. 1. Д. 70. Л. 61.

⁴ Там же. Л. 62.

«Секретно

№ 10836

Ноября 28 1830

Милостивый Государь Максим Яковлевич!

На отношение Вашего Превосходительства от 26-го сего Ноября за № 4575, честь имею известить Вас, Милостивый Государь:

- 1) что находящийся в состоящей при 1-м Отделении 3-го Департамента Правительствующего Сената Польской Метрике помощником Метриканта Франциск Малевский определен к сей должности 6-го Июня 1828 года господином Управляющим Министерством Юстиции Князем Алексеем Алексеевичем Долгоруким⁵, которому, по установленному порядку, при рапорте моем от 10-го Мая представлено было на благорассмотрение прошение Малевского, поступившее ко мне при рапорте же от Метриканта Трушковского, который доносил, что из числа просившихся тогда в Метрику на ваканцию Помощника Метриканта оказался, по надлежащем испытании, способнее всего означенный Малевский, обративший на себя особенное внимание основательным знанием Латинского языка и древних рукописей.
- 2) Изъясняемого в отношении Вашего Превосходительства Высочайшего повеления о неоставлении здесь в Санкт-Петербурге Малевского и прочих, во вся (sic! Вероятно, должно быть: «во все». — *А. Ф.*) в виду не было ни при представлении его Малевского к определению на ваканцию помощника Метриканта, ни после того до получения означенного отношения Вашего Превосходительства.
- 3) В доставленной ко мне 11-го Июня 1828 года Директором общей Канцелярии Министерства Юстиции Солоницыным⁶ копии формулярного о службе Малевского списка, подписанного Генералом от Кавалерии Князем Голицыным⁷ показано: что Малевский по получении степени Магистра в Виленском

⁵ Долгоруков Алексей Алексеевич (1767–1834) — князь, действительный тайный советник (1832); сенатор (1817), генерал-прокурор (1827–1829), управляющий Министерством юстиции (1827–1829); член Государственного совета (1829–1834).

⁶ Солоницын Василий Андреевич — статский советник, директор Общей канцелярии министра юстиции.

⁷ Голицын Дмитрий Владимирович (1771–1844) — светлейший князь, генерал от кавалерии (1814); московский военный генерал-губернатор (1820–1844), член Государственного совета (с 1821).

Университете поступил в Канцелярию Новороссийского Генерал-Губернатора и вскоре потом переведен в Канцелярию Московского военного Генерал-Губернатора 12-го Октября 1825 года. Указом Правительствующего Сената от 4 марта 1826 года утвержден в чине 9-го класса со старшинством со дня вступления его в действительную службу; в штрафах и под судом не был; к продолжению статской службы способен и к повышению чина достоин.

- 4) В ордере, данном мне 30 Генваря сего 1830 года от Управляющего Министерством Юстиции Дмитрия Васильевича Дашкова⁸ изображено: “Г-н Действительный Тайный Советник Сперанский от 26-го того Генваря сообщил ему, что Государь Император Высочайше повелеть соизволил: служащего в 3-м Департаменте Правительствующего Сената при Метрике Чиновника 9-го класса Малевского командировать во 2-е Отделение Собственной Его Величества Канцелярии для употребления по своду законов Польских Губерний с сохранением настоящего его места и оклада впредь до усмотрения”. В следствие сего Малевский командирован в собственную Его Величества Канцелярию, из которой и по ныне не возвращен.
- 5) Высочайшим Именным указом, данным Правительствующему Сенату в 7-й день сего Ноября пожалован Малевский в Коллежские ассесоры на основании указа 6-го Августа 1809 года.

С совершенным почтением и преданностию имею честь быть
Вашего Превосходительства
Покорнейший слуга Андрей Владиславлев»⁹.

Теперь спешка, с которой затребованы документы, становится понятной: Франтишек Малевский не только служит помощником метриканта в Метрической экспедиции при III Департаменте Сената, но и — что гораздо более важно — откомандирован во II Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, где принимает самое деятельное участие в редактировании и подготовке к изданию Свода законов западных губерний. Но 17 ноября (29 ноября по новому стилю) в Варшаве вспыхнуло

⁸ Дашков Дмитрий Васильевич (1778/1779–1839) — тайный советник (1829); товарищ министра юстиции (1829), министр юстиции (1832–1839).

⁹ ГАРФ. Ф. 109, 1-я экспедиция. Оп. 6, 1831 г. Д. 716. Л. 196 — 197 об.

восстание, едва не приведшее к гибели брата императора Великого князя Константина Павловича. Поляк Малевский, высланный из Вильны за участие в тайном студенческом обществе, в сложившейся ситуации никак не вызывал доверия. Высшее начальство должно было заинтересоваться, каким образом этот не слишком благонадежный человек оказался в высшем законотворческом органе империи.

И оно заинтересовалось¹⁰.

Интерес усугублялся неожиданным совпадением. 1 декабря непосредственный начальник Малевского по II Отделению статс-секретарь Михаил Балугьянский¹¹ обращается к главноуправляющему III Отделением и шефу жандармов Александру Бенкендорфу со следующим письмом:

«Милостивый Государь Александр Христофорович!

Находящийся во 2-м Отделении Собственной Его Императорского Величества Канцелярии Коллежский Ассессор Малевский просит меня об увольнении его в отпуск в город Вильну

¹⁰ Вероятно, речь идет о сборе материалов обо всех членах виленских студенческих обществ, кто в это время находился в Петербурге. Во всяком случае, в ГАРФ хранится указание: «Всепопданнейший доклад о том, где рассматривалось дело о беспорядках по Виленскому университету от 16 ноября 1830 г. содержится в собрании всепопданнейших докладов под № 181/п.4, стран. 167» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 6, 1831 Г. Д. 716, Л. 184). То есть император заинтересовался темой буквально накануне восстания. В самом же докладе сказано: «Лица, принадлежавшие к обществу филоматов и филаретов, находятся ныне на службе в Санкт-Петербурге, а именно:

Малевский, во 2-м отделении собственной Его Императорского Величества канцелярии. Пясецкий, Министерство Внутренних Дел, в Исполнительном Департаменте. Бобинский, Сената в 3-м Департаменте. Сосновский, Сената в Межевом Департаменте. Круцинский, Министерства Внутренних дел, в Исполнительном Департаменте. Орлицкий Министерства Финансов в Департаменте разных податей и сборов. Муравский (sic! Правильно — Моравский. — А. Ф.), вольнопрактикующий доктор медицины. Данилович, профессор Харьковского Университета, не принадлежавший к обществу филаретов, однако в 1824 году равно отправлен из Петербурга, ныне находится в 2-м отделении собственной Его Императорского Величества канцелярии» — см.: ГАРФ. Ф. 109, 1-я экспедиция. Оп. 6, 1831 г. Д. 716. Л. 186 — 186 об.

¹¹ Балугьянский Михаил Андреевич (1769—1847) — статс-секретарь (1827), тайный советник (1828), сенатор (1839); начальник II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии (1826—1847).

для посещения семидесятилетнего отца его, который опасно болен.

По сему я покорнейше прошу Ваше Высокопревосходительство почтить меня уведомлением Вашим, не представляется ли какого либо препятствия к удовлетворению просьбы его.

С совершенным почтением и преданностию имею честь быть
Вашего Высокопревосходительства
Покорнейший слуга
М. Балугьянский»¹².

В мирное время письмо Балугьянского не вызвало бы ни малейших подозрений. Но в данном случае выглядит ситуация так: тридцатилетний политический ссыльный, принятый на службу в императорскую канцелярию, просится отпустить его на родину, откуда его предусмотрительно отослало начальство, под предлогом болезни отца — в условиях, когда начался бунт его соплеменников против законной власти империи. Разумеется, ответ был отрицательным.

Но дело закончилось не только этим.

Кроме Малевского к редактированию Свода законов западных губерний Михаилом Сперанским был привлечен профессор Харьковского университета, бывший профессор Виленского университета Игнатий Данилович, также высланный из Вильны по подозрению в причастности к делу филоматов. Этим двух поляков и велено было допросить — говоря тогдашним бюрократическим языком, получить у них объяснения по интересующим власть вопросам. А поскольку оба чиновника вполне могли оказаться лояльными к имперскому правительству, бросить тень на них было нельзя¹³. И допрос был поручен человеку, который был в курсе всего происходящего уже потому, что непосредственно руководил

¹² ГАРФ. Ф. 109, 1-я экспедиция. Оп. 6, 1831 г. Д. 716. Л. 219.

¹³ У Николая I был опыт проведения тайного следствия в том случае, если оглашение подозрения было нежелательным. Так, например, правитель дел Следственной комиссии по делу декабристов А. Д. Боровков вспоминал: «...некоторые злоумышленники показывали, что надежды на успех основывали они на содействии членов Государственного совета графа Мордвинова, Сперанского и Киселева, бывшего тогда начальником штаба 2-й армии, и сенатора Баранова. Изыскание об отношении этих лиц к злоумышленному обществу было произведено с такой тайною, что даже чиновники комитета не знали; я сам собственноручно писал производство и хранил у себя отдельно, не вводя в общее дело» — см.: Из воспоминания правителя дел Следственной комиссии А. Д. Боровкова // Декабристы в воспомина-

процессом подготовки Свода законов. Речь идет о тайном советнике Михаиле Сперанском.

В лояльности Сперанского император сомневаться не мог. В отчете III Отделения за 1827 г., поданном на имя Николая I, Сперанский был охарактеризован как человек, «на которого нужно смотреть как на опору всех умных и даровитых людей среднего класса, как, например, литераторов, купцов и гражданских чиновников. Значительное число их в трудных случаях жизни обращается к нему как к оракулу, доверяя ему свои опасения, свои надежды и свои самые сокровенные мысли. Он доступен, популярен и приветливо идет навстречу этому доверию. К его словам относятся, как к пророчеству»¹⁴. Сперанский успел продемонстрировать свою лояльность новому императору и во время суда над декабристами¹⁵.

Пикантность ситуации заключалась в том, что ссыльных Даниловича и Малевского должен был допрашивать не просто высокий сановник, а человек, который и сам некогда прошел через ссылку: 17 марта 1812 г., не выдержав давления общественного мнения, Александр I повелел выслать всемогущего еще недавно государственного секретаря Сперанского из столицы и разрешил ему вернуться лишь девять лет спустя. Как отметит в своей экспертной записке, направленной в III Отделение в том же 1827 г., Ф. В. Булгарин, Сперанский «после своего несчастия и ссылки сделался чрезвычайно робок характером. <...> Честолюбие, позволенное в его лета и при его дарованиях и заслугах, манит его к занятию какого-нибудь важного поста... но робость, опасение падения удерживают шаги его на поприще честолюбия — и он трудится без всякой цели, именно потому, чтобы сохранить то звание, которым теперь облечен, в том предположении, что при новом царствовании опасно высказываться

ниях современников. М.: Московский государственный университет, 1988. С. 299–300.

¹⁴ Краткий обзор общественного мнения в 1827 году // Россия под надзором: Отчеты III Отделения. 1827–1869. М.: Российский фонд культуры; Российский Архив, 2006. С. 18.

¹⁵ См. убедительную реконструкцию мотивов, которыми мог руководствоваться Сперанский в ходе подготовки суда над декабристами, и его поведения в монографии: Боленко К. Г. Верховный уголовный суд в системе российского правосудия: конец XVIII — середина XIX века. М.: Новый хронограф, 2013. С. 244–259.

впредь, чтоб не пасть под бременем интриги, которой он был уже жертвою»¹⁶.

Вряд ли Михаил Михайлович проводил какие-либо параллели между судьбой ссыльных филоматов и собственной судьбой, помешавшей ему реализовать задуманные реформы до конца. Тогда, в 1812 г., вмешалась война. Сейчас война тоже шла: покоренные, казалось бы, Польша и Литва восстали против Империи, и в случае удачного их отделения, Россия могла стать объектом для вторжения европейских держав — прежде всего Франции, где бывшие наполеоновские маршалы занимали многие ключевые посты, а борец за свободу Старого и Нового Света маркиз Лафайет был достаточно популярен, чтобы мобилизовать общественное мнение против российского монстра, растоптавшего свободолюбивую Польшу.

Но, сколь бы схожей с собственной судьбой ни казалась ему судьба его подчиненных, императорское поручение тайный советник Сперанский должен был исполнить.

В фонде М. М. Сперанского в рукописном отделе Российской национальной библиотеки хранится карандашный черновик всеподданнейшего доклада на высочайшее имя, написанный, насколько можно судить, рукой Михаила Михайловича. Буквы в некоторых местах осыпались и читаются неразборчиво, однако в целом смысл документа не вызывает сомнений: перед нами фактически черновик¹⁷ протокола допроса, который был проведен одним из высших должностных лиц империи. Воспроизведем его полностью:

«Командированные во 2-е Отделение для составления Свода Законов для Западных Губерний от Министерства Просвещения Профессор Данилович, а от М<инистерства> юстиции к<оллежский> а<ссессор> Малевский, на сих днях оказаны в том, что в названных губерниях есть опасение их, дабы в настоящих обстоятельствах не подпали невинные под какие-либо подозрения. Опасения сии основаны на двух обстоятельствах: 1) на том, что они относились прежде к Виленскому университету, откуда удалены

¹⁶ Видок Фиглярин. Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III Отделение. М.: Новое литературное обозрение, 1998. С. 236–237.

¹⁷ О том, что мы имеем дело с черновиком, свидетельствует, в частности, некоторая неряшливость бюрократического стиля: стиль Сперанского по праву считался в государственном аппарате империи образцовым.

с повелением отправить их в российские губернии; 2) на знакомстве по Виленскому университету с Лелевелем.

О первом из сих обстоятельств они объяснили: Данилович, что из Виленского университета, где был он профессором по классу Российских прав, он удален был в 1824-м году по делу об обществах так называемых филаретов, хотя никаком в соучастии с ними он не был обвинен, и даже в Комиссию для объяснений не был призван; и что в том же самом году зван в Санкт-Петербург он в след за тем же был определен профессором права в Харьковский университет. Малевский: что окончивши курс наук в Виленском университете, по свойственным юности порывам к чему-либо тайному и по ее понятиям вовлечен и был он в 1821-м году приятелями к обществам филоматов и филаретов, не имевших впрочем никакой политической цели, как позже с отправлением его за границу в 1822 году, он прекратил все его с обществом сношения, что в 1824 г., когда открылись о сем обществе сведения, он был задержан охраной под стражею в Берлине, Варшаве и Вильне и хотя безупречность его поведения за границу засвидетельствована была посланником нашим в Берлине и директором Прусской Полиции Кампцом¹⁸, тем не менее, он подвергся расспросам бывшей Комиссии. Не оказалось ни одного обстоятельства, могущего обвинить его в каком-либо преступном намерении. Ему велено вступить в службу вне польских губерний. С того времени все усилия его были загладить вину юности усердною службою. По недостатку штатному мест он сперва определен был при новороссийском, а когда при московском генерал-губернаторе позже поступил на нештатное место в Метрическую Экспедицию при Сенате, откуда командирован к настоящей его должности.

О втором обстоятельстве о знакомстве с Лелевелем они объяснили: Данилович: что в то время как он был профессор кафедры, которую занимал Лелевель, с коим по службе он был в близком сношении, что сношение сие не прекратилось и в последствии по случаю предприятия или совокупного издания в свет памятника Литовских законов; и что переписка их не закончилась ибо никаких политических обстоятельств и в сем отношении между ними никакой связи не существовало; Малевский: что он с Лелевелем как с бывшим его профессором был знаком и переписывался, но

¹⁸ Кампц Карл Альберт (1769–1849) — директор прусской полиции, затем министр юстиции Пруссии (1832–1841).

что в сих их сношениях политические обстоятельства никогда не находили места.

К сим изъяснениям считаю важным присовокупить, что прежде приглашения сих чиновников во 2-е отделение по Высочайшему Его Императорского Величества повелению, собраны были не только о знаниях их, но и о нравственности их сведения. О Даниловиче к<нязь> Ливен¹⁹ с<татскому> с<оветнику> Балугьянскому лично отозвался, что он по отличному его в Харькове поведению сим делам вызвал его в С<анкт->п<етер>бургский университет, о Малевском г<енерал>-а<дъютант> Бенкендорф на вопрос мой от 30 января 1830 года отозвался, что “по всем собранным ближайшим сведениям сей молодой человек слывет честным, отлично нравственным, скромным, и весьма сведущим в юриспруденции”.

С<тат-> с<екретарь> Балугьянский на вопрос мой о привычках их с тех пор, как они работают во 2-м Отделении, отозвался, что они ничем не запятнаны подозрительным, находил их весьма скромными и совершенно занятыми поручениями им законов.

Я счел долгом все сии суждения повергнуть на высочайшее Вашего Императорского Величества усмотрение»²⁰.

Таким образом, очевидно, что в момент принятия Малевского на службу во II Отделение о нем было собрано достаточно обширное досье — вряд ли иначе шеф жандармов мог дать ему такую примечательную характеристику, как та, что приводится в черновике всеподданнейшего доклада Сперанским.

Из черновика Сперанского видно также, что Малевский (как и Данилович) отвечает на вопросы искренне, не чувствуя за собой какой-либо вины, но и не пытаясь одновременно дистанцироваться от тех людей, к кому он был близок. Конечно, он не говорит обо всем, не исповедуется в своих идеалах (прежний поклонник Шиллера, благоговевший перед маркизом Позой, утратил былой энтузиазм в общении с представителями высшей власти), но этого в сложившейся ситуации от него никто и не ждет: отвечай четко на поставленные вопросы — и только. Заметно также, что и Сперанский благоволил бывшему фило-

¹⁹ Светлейший князь Карл Андреевич Ливен (1767–1844) в этот период занимал пост министра народного просвещения (1828–1833).

²⁰ ОР РНБ. Ф. 731 (Сперанский). Ед. хр. 965.

мату — возможно, потому что чувствует какое-то родство душ и судеб²¹.

Холод начавшейся польско-русской войны лишь слегка задел чиновника Франтишка Малевского. 1830 год никак не скажется на его дальнейшем карьерном росте и на благожелательности к нему начальства, однако помнить о нем Франц Семенович будет всю оставшуюся жизнь.

²¹ Если сравнить позицию Сперанского по основным вопросам общественного переустройства империи, как она сложилась до 1812 г., то сходство с программными документами филоматского общества, действительно, есть. Однако вспомним, что даже суд над декабристами, участие в котором, несомненно, «стало для Сперанского большой личной драмой» («он был вынужден судить людей, которые не только были его единомышленниками и знакомыми, но иногда и близкими друзьями, как, например, Г. С. Батеньков» — см.: Боленко К. Г. Верховный уголовный суд в системе российского правосудия: конец XVIII — середина XIX века. М.: Новый хронограф, 2013. С. 255), никак не повлиял на его лояльность к императору.

Из частной жизни чиновника (К биографии Франтишка Малевского)

Франтишек Малевский интересен не в последнюю очередь типичностью своей биографии после ссылки. Он не стал ярким деятелем культуры, выдающимся инженером или ученым, в отличие от других сосланных во внутренние губернии России членов тайных студенческих обществ Виленского университета 1820-х гг. Малевский, удивительно талантливый в юности, проявлявший склонности к истории и правоведению, жил жизнью обычного чиновника императорской России. По словам учившегося в Петербурге и знавшего его в конце 1840 — начале 1850-х гг. Тадеуша Бобровского, известного мемуариста и дяди Джозефа Конрада, Малевский отличался «сухостью, равнодушием и неотзывчивостью»¹.

Это понятно. Несмотря на то, что, с точки зрения любого нормального чиновника, Малевский сделал вполне удачную карьеру (дослужился до чина действительного статского советника и мог уйти в отставку сенатором, отчего отказался сам), в жизни его было много очевидно стрессовых ситуаций, которые, на наш взгляд, и заставили Франца Семеновича (так звучало его имя в русской бюрократической системе), замкнуться в себе. Малевский не мог рисковать службой: имение отца он передал в качестве приданого своим сестрам, а потому жалованье оставалось единственным средством к существованию его собственной семьи. К тому же он не брал взятки: Т. Бобровский вспоминал историю, как Малевского, отказывавшегося зафиксировать документально дворянское происхождение семьи Тышкевичей, не подтверждавшееся источниками, хранившимися в Литовской метрике, пытались подкупить, собрав ему 15 тысяч рублей, «чем дело окончательно и погубили, так как, задетый за живое, он заявил, что до тех пор, пока он метрикант, подобное свидетельство из Метрики никогда не выйдет»².

Публикуемые ниже документы из двух дел, хранящихся в фонде 1261 (II Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии) Российского государственного исторического

¹ Бобровский Т. Дневник моей жизни // Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 684. — Владислав Мицкевич пишет, однако, о Малевском: «Помогал он своим ближним в тайне» — Mickiewicz W. Pamiętniki. Warszawa: Iskry, 2012. S. 406.

² Бобровский Т. Дневник моей жизни // Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 689.

архива (РГИА), в Санкт-Петербурге, и описывают такие «стрессовые» ситуации из биографии Малевского. Первый из них касается ареста Малевского в 1831 г.; второй — попытки его жены, Хелены Малевской, помочь сестре, Целине Мицкевич, финансово. Документы позволяют более полно реконструировать эти эпизоды биографии Франтишка Малевского и одновременно представить современному читателю те реальные обстоятельства, в которых жили люди XIX в.

Однако вначале — еще несколько слов о чиновничьей биографии Малевского³.

После следствия по делу филоматов и филаретов, инициированного императорским комиссаром при Царстве Польском сенатором Н. Н. Новосильцовым, сын бывшего ректора Виленского университета Франтишек Иероним Малевский был выслан во внутренние губернии империи. Вначале он поступил в распоряжение Министерства просвещения, однако затем вместе с Адамом Мицкевичем переходит в качестве внештатного чиновника в канцелярию московского генерал-губернатора князя Д. В. Голицына. Отсюда, по рекомендации Голицына, Малевский переезжает в Петербург, где устраивается на службу во II Отделение СЕИВ канцелярии: начальник отделения М. М. Сперанский руководит работой по кодификации имперского законодательства, частью которого является и законодательство отошедших к России в результате разделов земель Речи Посполитой. Необходимы чиновники, знающие польский язык. В таком качестве и востребован Франтишек Малевский.

Служит Малевский добросовестно. Он — один из тех, кому приходится разбираться с документами Литовской метрики, и в конце концов, уже после смерти покровительствовавшего ему Сперанского, Малевский станет руководителем этого подразделения. Понятно, что занять такой пост, имея серьезные взыскания по службе, бывший ссыльный просто не смог бы. Однако, как следует из публикуемых нами документов, опасность таких взысканий была, и их отсутствие — результат слепой воли случая и благосклонности начальства (М. А. Балугьянского, М. М. Сперанского, позже Д. Н. Блудова). Причем поводом могло стать все — и даже человеческое участие в судьбе близких Малевскому людей.

³ Последнюю по времени относительно подробную реконструкцию биографии Ф. Малевского с опорой на ранее опубликованные документы (в первую очередь на переписку бывшего филомата с родными и близкими) см.: Borowczyk J. *Zesłane pokolenie: Filomaci w Rosji (1824–1870)*. Poznań: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza, 2014. S. 272–343.

Фонд 1261, 1831 год, опись 1, дело 21, листы 1 – 6 об.

**1. Письмо Ф. С. Малевского М. А. Балугьянскому,
оригинал, на 2 листах**

Ваше Превосходительство!

16-го сего месяца в 10 ½ часов по полудни присланный г. Полицмейстером Дершау⁴ квартальный надзиратель требовал меня к г. Обер-Полицмейстеру. Отправившись туда немедленно я узнал от г. Дершау, что Его ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ благоугодно было приказать арестовать меня вместе с чиновником Канцелярии Царства Польского г-ном Воловским⁵, и что сия ВЫСОЧАЙШАЯ воля последовала по делу, возникшему о занятии квартиры генерала графа Гауке⁶. — Г. Полицмейстер отослал меня и г. Воловского в дом 1-й Адмиралтейской части.

Повинуясь беспрекословно святой воле ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, я не прибегал к Вашему Превосходительству. Надежда на Высочайшее Правосудие обеспечивает меня и в сию минуту, но как время моего ареста умножается ежедневно, то и осмеливаюсь изложить Вашему Превосходительству, как моему благодетельному Начальнику обстоятельства дела, по которому меня постигло настоящее несчастье.

13-го сего месяца в 4 часа по утру скончалась здесь от холеры г-жа Шимановская. Я был при последних ее минутах, подавая нужное пособие опечаленному ее семейству⁷. Крайняя опасность, дабы дети не бросались к телу матери, заставила брата покойницы

⁴ Дершау Карл Федорович (1784–1862) — барон, обер-полицмейстер Санкт-Петербурга в 1829–1835 гг.

⁵ Воловский Теодор — юрист, цензор, первый секретарь в канцелярии Государственного секретариата Царства Польского, младший брат Марии Шимановской.

⁶ Гауке Юзеф (1790–1837) — граф, флигель-адъютант императора (1826). Малевский допускает некоторую неточность: генералом был старший брат Ю. Гауке, Мауриций Гауке, погибший в Варшаве в 1830 г. в ходе ноябрьского восстания. Сам Ю. Гауке получил чин генерал-майора только в 1833 г., и во время описываемых событий состоял в чине полковника. Гауке проживал в том же квартале, что и М. Шимановская: Итальянская улица, № 4–7, квартира № 333.

⁷ Хелена Шимановская писала в своем дневнике: «Малевский... из уст моих узнал о нашем несчастье. Он сейчас будет мне матерью, будет всем, всем. <...> Малевский приказал нам немедленно оставить дом, и мы перебрались в квартиру госпожи Гауке, которая сейчас в Петергофе. Малевский нас ни на

г-на Воловского удалить тогда же из дому все семейство и отвести оное на квартиру генерала графа Гауке, находящуюся в соседственном доме. Зная, что граф Гауке жил в тесной дружбе с покойницею, зная даже, что его квартира после отъезда его в Петергоф оставалась на попечении покойной Шимановской, я не сделал никакого возражения г-ну Воловскому и даже уговаривал препятствующего входу в дом полковника Эссена (?)⁸, который по ложному сообщению дворника полагал, что г. Воловский внес в дом мертвое тело и привел больные особы⁹. — Член здешнего физиката¹⁰ доктор Фридебург¹¹ был свидетелем всего происшествия. И он, и г. генерал штаб-доктор Реман¹², по своему человеколюбию подавая помощь и утешение семейству, нашли оное в лучшем здравии. Сам даже полковник Эссен, увидев неосновательность своих сомнений, посетил в тот же день сирот и извинился в своем сопротивлении.

Убежденный в совершенной моей невинности, я не могу сокрыть надежды, что Ваше Превосходительство не оставите меня в сем несчастье без начальнического покровительства.

Вашего Превосходительства
Покорнейший слуга
Франциск Малевский

22 июля 1831 года

В доме 1-й Адмиралтейской части

минуту не оставляет. Он наш ангел-хранитель и утешитель» — Szymanowska-Malewska H. Dziennik (1827–1857). Warszawa: Ancher, 1999. S. 235.

⁸ Возможно, имеется в виду Карл Карлович Эссен (? — после 1837), отставной полковник.

⁹ Настороженность дворника была вызвана слухами о том, что восставшие поляки преднамеренно распространяют холеру. «Северная Пчела» вскоре после смерти М. Шимановской писала: «Разгласили, будто поляки отравляют реки, колодези, поля, печеный хлеб и т. п. И это разглашение оказалось не имеющим никакого основания. В числе взятых по подозрению в отравлении не оказалось ни одного поляка, и если бы варшавские мятежники могли подослать сюда отравителей, то, конечно, они начали б с солдат, а солдат-то именно менее прочих заболело. Нет! Поляки сами страждут от холеры. Она свирепствует у них в Варшаве, в Кракове и во многих других городах. Кто же у них отравляет людей? Неужели они сами?» — <Булгарин Ф. В.> Петербургские записки. О холере // Северная Пчела. 1831. № 165. С. 4.

¹⁰ Физикат — врачебная управа в дореволюционной России.

¹¹ Доктор Фридебург (Фридебург) был некоторое время смотрителем виленских госпиталей, поэтому естественно, что его пригласили, вероятно, знавшие его по Вильне Ф. Малевский и С. Моравский.

¹² Реман Осип Осипович (1797–1831), действительный статский советник, лейб-медик императорского двора, занимавший пост генерал-штаб-доктора гражданской части с 1821 г., умер от холеры 25 сентября 1831 г.

2. Письмо на бланке канцелярии Санкт-Петербургского обер-полицмейстера (1-й стол), оригинал

Господину Статс-Секретарю Балугьянскому
28 июля 1831 г.
№ 4636

К производимому Следственным приставом Ивановым делу, о поступке служащего в собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцелярии Виленского помещика Малевского, покорнейше прошу Ваше Превосходительство прислать Депутата и приказать ему явиться на сей предмет в 3-ю адмиралтейскую часть и меня о том уведомить.

Генерал-Маиор Кокошкин¹³.

3. Отпуск распоряжения М. А. Балугьянского

Господину Коллежскому Советнику Клокову

В следствие отношения ко мне С<анкт->Петербургского обер-полицмейстера рекомандую вам явиться в 3-ю Адмиралтейскую часть для бытия депутатом при следствии, производимом следственным приставом Ивановым о поступке причисленного к сему отделению Виленского помещика Коллежского Ассесора Малевского.

Подписал Статс-Секретарь М. Балугьянский

4. Отпуск письма М. А. Балугьянского С. А. Кокошкину

Милостивый государь Сергей Александрович!

В следствие отношения Вашего Превосходительства от 28 июля № 4636 назначил я служащего во 2-м Отделении Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцелярии Коллежского Советника Клокова депутатом при следствии, производимом следственным приставом Ивановым о поступке служащего в упомянутом Отделении Виленского помещика Малевского, по которому я предписал немедленно явиться в 3-ю Адмиралтейскую часть.

С совершенным почтением имею честь быть Вашего превосходительства покорнейшим слугою

подписал М. Балугьянский

¹³ Кокошкин Сергей Александрович (1795 или 1796 — 1861) — генерал-майор (1830), Санкт-Петербургский обер-полицмейстер (1830—1847).

5. Отпуск письма А. М. Голицына¹⁴ М. М. Сперанскому, на 2 листах

24 марта 1832 года

Милостивый Государь Михайло Михайлович!

Прикомандированный ко 2-му Отделению Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцелярии Коллежский Ассесор Малевский, принимавший участие в происшествии, случившемся в июле месяце прошлого года в доме Лазарева¹⁵ по случаю смерти от холеры известной фортопианстки Шимановской, по Высочайшему повелению был арестован, а в последствии времени освобожден из под ареста с вменением ему в наказание содержание под стражею.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР, усмотрев из представленного ныне С<анкт->Петербуржским Военным Генерал-Губернатором об означенном происшествии следственного дела, что Коллежский Ассесор Малевский принимал только дружеское участие в оставшемся семействе покойной Шимановской и со стороны его не было при сем случае сделано никаких предосудительных поступков, — Высочайше повелеть соизволил вмененный ему в наказание арест отменить, не внося оногo в формулярный о службе его список.

Доводя до сведения Вашего Высочайшего Преосвященства о такой МОНАРШЕЙ воле, имею честь быть с совершенным почтением и преданностью Вашего Высочайшего Преосвященства покорнейшим слугою граф А. Голицын.

№ 819, 17 марта 1832 года¹⁶.

¹⁴ Голицын Андрей Михайлович (1792–1863) — генерал-майор свиты (1828), генерал от инфантерии (1829)

¹⁵ Лазарев Лазарь Екимович (1797–1871) — полковник, сын основателя Лазаревского института восточных языков. Дом Лазарева располагался по адресу: Итальянская улица, № 13. Ныне в этом здании расположен Санкт-Петербургский театр музыкальной комедии.

¹⁶ В письме отцу, бывшему ректору Виленского университета профессору Шимону Малевскому, от 3/15 августа 1831 г. Франтишек Малевский писал: «Стечение несчастных обстоятельств стало причиной того, что невинность моя не столь быстро могла быть установлена. Отъезд графа Орлова, потом отъезд Сиятельного Государя, потом рождение нового Великого князя помешали, так что посланное прошение нескоро попало в руки Императора. Уже, было, началось следствие, но через два дня после его начала пришло освобождение. Не чувствуя себя ни в чем виноватым, 15 дней ареста считал я 15 днями болезни, которая может неожиданно настичь каждого. Был внутренне спокоен и если о чем и беспокоился, то исключительно о мнении моих почтенных

Очевидно, что стресс, испытанный Ф. Малевским и в молодости, и в первые годы его жизни в Петербурге, когда он чувствовал себя еще достаточно неуверенно, не могли не сказываться впоследствии, особенно после его ареста 28 июля — 10 августа 1831 г. Е. Боровчик отмечает: «Из писем Малевского, написанных после освобождения, следует, что, с одной стороны, он попросту испугался: находясь под петербургским арестом, он ведь не мог не вспомнить берлинский арест 1824 года, а затем пребывания в виленской келье. С другой стороны, подошел он к этой ситуации уже человеком зрелым и с определенной степенью дистанцирования. Чиновничья должность, забота об осиротевших барышнях Шимановских, наконец, конкретные свадебные планы — все это превратило бывшего энтузиаста и преимущественно послушного мальчика (в особенности в письмах к отцу) в зрелого мужчину, совершающего самостоятельные шаги — профессиональные и жизненные»¹⁷. К тому же, несмотря на всю его замкнутость и настороженность, отмеченную Т. Бобровским, он имел все основания полагать: как и большинство других этнических поляков, находящихся на государственной службе и поддерживающих отношения с заграничными родственниками, он в любой момент вновь может оказаться под подозрением.

Один из случаев, когда подобная возможность превратилась в реальность, отражен в следующем публикуемом нами комплексе документов.

начальников, которые, не зная детально моих поступков, могли меня заподозрить в чем-либо нехорошим. Но когда следствие началось, был спокоен я и о том, так как знал, что моя невинность будет установлена. Однако начальник мой встретил меня словами утешения, свидетельствующими, что ничуть в его сердце благосклонности я не утратил» — цит. по изд.: *Archiwum filomatów. Listy z zesłania*. Т. 3: *Krag Franciszka Malewskiego i Józefa Jeżowskiego*. Warszawa: Ancher, 1999. S. 215.

¹⁷ Borowczyk J. *Zesłane pokolenie: Filomaci w Rosji (1824–1870)*. Poznań: Uniwersitet im. Adama Mickiewicza, 2014. S. 303.

Фонд 1261, 1854, опись 1, дело 65-в, листы 77–78**1. Письмо А. Ф. Орлова¹⁸ Д. Н. Блудову¹⁹ на бланке
III Отделения СЕИВ канцелярии, оригинал
(подчеркивания в оригинале)**

Секретно

23 июня 1854 года

№ 1147

Господину Статс-Секретарю Графу Блудову

Генерал-адъютант Граф Ридигер²⁰ сообщил мне, что супруга служащего в 2-м Отделении Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцелярии Действительного Статского Советника Малевского²¹ прислала в Варшаву, к сотруднику редактора журнала «Дневник Варшавский», Вацлаву Шимановскому²² десять экземпляров литографии, отпечатанной в С<анкт->Петербурге²³ и изображающей портрет родной сестры²⁴ ея, г-жи Малевской, жены политического изгнанника Мицкевича²⁵, и двух

¹⁸ Орлов Алексей Федорович (1787–1862) — граф, генерал от кавалерии (1833), главноуправляющий III Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии, шеф корпуса жандармов (1844–1856).

¹⁹ Блудов Дмитрий Николаевич (1785–1864) — граф (1842), главноуправляющий II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии (1839–1861).

²⁰ Ридигер Федор Васильевич (1783–1856) — граф (1847), генерал от кавалерии (1831), генерал-адъютант; исправляющий должность наместника Царства Польского (1853–1855).

²¹ Малевская (урожденная Шимановская) Елена (1811–1861) — дочь М. Шимановской, жена Ф. Малевского с 23 января / 4 февраля 1832 г.

²² Шимановский Вацлав (1821–1886) — писатель и журналист, с 1868 г. — редактор газеты «Варшавский курьер».

²³ Вероятней всего, литография была сделана на основании портрета сестры и племянниц, написанного сестрой Целины и Елены, Зофьей Шимановской. Литографии могли быть отосланы из Петербурга в середине марта 1854 г. Во всяком случае, Елена Малевская пишет сестре мужа, Марии Малевской, в Вильну 7 апреля 1854 г.: «Вы должны были уже получить, дорогие сестры, портрет Целины, и не сомневаюсь, что он вам понравился» — цит. по изд.: Sudolski Z. Panny Szymanowskie i ich losy. Warszawa: Ludowa spółdzielnia wydawnicza, 1986. S. 347.

²⁴ Мицкевич (урожденная Шимановская) Целина (1812–1855) — дочь М. Шимановской, жена А. Мицкевича с 22 июля 1834 г.

²⁵ Формально отъезд А. Мицкевича в мае 1829 г. из России не был эмиграцией: он отправился в заграничное путешествие вполне легально, причем разрешение на это было получено по ходатайству княгини З. А. Волконской и с использованием связей Ф. В. Булгарина в III Отделении СЕИВ канцелярии.

дочерей последнего²⁶, с просьбой продать эти литографии в пользу Мицкевича²⁷; что Шимановский приступал уже к разыгранию упомянутых литографий в лотерею²⁸; но он, граф Ридигер, запретил это и сверх того учредил секретный надзор за жительствовавшими в Варшаве Казимиру Воловскою²⁹ и Лаурою Герен³⁰, которые, как видно из письма г-жи Малевской, постоянно оказывают помощь жене Мицкевича.

Принимая во внимание, что по существующим **ВЫСОЧАЙШИМ** повелениям воспрещено посылать за границу пособия изгнанникам³¹, я долгом считаю письмо г-жи Малевской и один

Однако после начала восстания 1830—1831 гг. Мицкевич не вернулся в Россию, но неоднократно высказывал поддержку восставшим и примкнул к Великой эмиграции, образовавшейся в Европе после поражения восстания.

²⁶ У Адама и Целины Мицкевичей было шестеро детей, в том числе двое дочерей — Мария (1835—1922), ставшая женой Тадеуша Горецкого, и Елена (1840—1897), вышедшая замуж за Людвика Гриневецкого.

²⁷ Запрет на публикации произведений Мицкевича и какой-либо информации о нем на территории Царства Польского был введен наместником Царства И. Ф. Паскевичем и длился с 1834 по 1858 г. Наиболее полный обзор цензурной ситуации вокруг А. Мицкевича и его произведений см.: Rowicka M. *Wydawnicze i cenzuralne losy twórczości Adama Mickiewicza w okresie zaborów*. Warszawa: Biblioteka Narodowa, 2014.

²⁸ Благотворительные лотереи в пользу вдов и сирот были в тот период обычным делом. Как правило, лица, близкие к семейству, которому предполагалось оказать помощь, занимались распространением билетов среди знакомых. Так поступили и после смерти Марии Шимановской, когда ее дети остались практически без средств к существованию. Организацией лотереи в 1832 г. занималась Елена, старшая из сестер. Однако тогда лотерея по какому-то причине не состоялась. Князь П. А. Вяземский писал 26 марта жене, Вере Федоровне: «Надобно возвратить деньги по лотерее Шимановской, на которую я раздавал билеты. Записка, кому даны билеты, и остальные должны быть у тебя. Лотереи не будет. Я кое с кого содрал деньги, кажется, с Свербеевых, с княжен Мещерских etc. Сделай милость, не забудь отдать деньги, кому следует» — Вяземский П. А. Письма к жене за 1831—1832 гг. // Звенья: Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIV — XX вв. Вып. IX. М.: Госкультпросветиздат, 1951. С. 318.

²⁹ Воловская Казимира (? — ок. 1885) — сестра М. Шимановской.

³⁰ Герен Лаура — вероятно, имеется в виду Лаура Герен, урожд. Конечпольская, фигурирующая в переписке Е. Малевской и Ц. Мицкевич как кузина (скорее всего, дальняя родственница) — см.: Sudolski Z. *Polscy korespondenci Celiny Mickiewiczowej* // *Blok-Notes Muzeum literatury im. Adama Mickiewicza*. № 10. Warszawa, 1991. S. 97.

³¹ Ситуация осложнялась тем, что весной 1854 г. Российская империя находилась в состоянии войны с Францией (Франция объявила войну 15/27 марта 1854 г.), поэтому оказание помощи жене политического эмигранта, проживавшего во Франции, могло трактоваться как удвоенная нелояльность.

экземпляр литографии препроводить к Вашему Сиятельству, покорнейше прося Вас, милостивый государь, приказать возвратить ко мне означенное письмо по минованию надобности.

Генерал-адъютант Граф Орлов

2. Черновик писарской рукой письма Д. Н. Блудова А. Ф. Орлову

Милостивый государь Граф Алексей Федорович!

Возвращая Вашему Сиятельству присланное мне при отношении от 23 сего июня за № 1147-м письмо и литографию, имею честь уведомить Вас, что мною сделано надлежащее распоряжение для поставления на вид г-же Малевской, чрез мужа ея, чиновника II Отд. Собств. Его И. В. Канцелярии неосторожность, неприличность и также даже противозаконность некоторых действий ея для доставления пособия сестре своей г-же Мицкевич³², хоть, по мнению моему, сии действия и могут, до некоторой степени, быть извинены, как чувством любви к сестре, так и незнанием законов, столь общим у нас, особливо между женщинами³³. Я сделал внушение и г-ну Малевскому о обязанности его строго наблюдать за всеми поступками жены.

Имею честь быть с совершенным...

№ 488

30 июня 1854 г.

Его Сиятельству графу А. Ф. Орлову

³² Деньги Целине Елена Малевская, судя по всему, высылала неоднократно. Так, в письме от 12 апреля 1842 г. Елена сообщает: «Прими от меня, любимая и дорогая сестра, 200 руб. ассиг., которые я давно намеревалась тебе отправить, а от Франтишка 100 руб. ассиг., для его крестной дочери Марыни» — цит. в нашем переводе по первой публикации: Sudolski Z. Polscy korespondenci Celiny Mickiewiczowej // Blok-Notes Muzeum literatury im. Adama Mickiewicza. № 10. Warszawa, 1991. S. 108. И в письме от 2 февраля 1853 г.: «Наверное, дорогая Целина, ты уже получила мое письмо от прошлого месяца с 400 франками, которые один здешний купец взялся тебе доставить» — цит. в нашем переводе по первой публикации: Ibid. S. 111.

³³ Елена Малевская писала в это же время другу Адама Мицкевича, бывшему члену общества филоматов, поэту Антонию Эдварду Одынцу: Мицкевич «на вопрос одного из давних знакомых, чем он занимается, отвечал со скорбью: “Ни о чем не могу думать, когда мои дети терпят голод и нужду”. Не могу выразить милостивому государю, как страдаю я, думая о них, слыша, как трудно найти средства к существованию в их столь заслуживающем сочувствия положении» — цит. по изд.: Sudolski Z. Panny Szymanowskie i ich losy. Warszawa: Ludowa spółdzielnia wydawnicza, 1986. S. 348. Целина Мицкевич умер 5 марта 1855 г. Адам Мицкевич умер 26 ноября 1855 г.

За поступками Елены Малевской явно наблюдал не только муж. В приписке к письму Елены к третьей сестре, Зофье Шимановской (будущей жене поэта Теофиля Ленартовича) их тетка Казимира Воловская, проживавшая в Варшаве, пишет: «Присылайте письма к ней [Елене Малевской] на мое имя; пишите осторожно, потому что с Петербургом шутить не стоит. Я отсюда перешлю их почтой»³⁴. Очевидно, что семья Малевских находилась под постоянным надзором, несмотря на карьеру Франтишка и близость Елены Малевской с женами многих высокопоставленных чиновников. Для того чтобы подозревать существование такого надзора, были реальные основания. Владислав Мицкевич вспоминал об оказанной Елене Малевской «необычной посмертной почести. Через несколько месяцев после смерти матери кузине моей сообщили о визите одного из высших чиновников III Отделения. Она сказала слуге, чтобы того провели к ее отцу. “Он хочет видеть барышню”, — ответил слуга. Приняла она гостя с беспокойством, какое всегда сопутствовало такого рода посещениям. Пришедший дал ей следующее объяснение: “Прошу сохранить строжайшую тайну. Хочу сделать то, что считаю обязанностью в память Вашей матери и последним доказательством моего к ней уважения. Бывает у вас один соотечественник, г-н X.; он был причислен к нашему отделению. Прошу отнестись к нему осторожно”. <...> Господин Малевский, таким образом предупрежденный, дал ему понять, что тот не должен у него показываться»³⁵.

Вероятно, такая жизнь тяготила действительного статского советника Малевского. И день выхода его в отставку станет для него днем освобождения.

³⁴ Цит. в нашем переводе по изд.: Sudolski Z. Panny Szymanowskie i ich losy. Warszawa: Ludowa spółdzielnia wydawnicza, 1986. S. 359. Елена Малевская явно прислушалась к этому совету и приняла надлежащие меры предосторожности. Так, 12 мая 1852 г. она сообщает Целине: «Недавно писала к тебе через Лауру (Герен. — А. Ф.), сегодня — при посредничестве моей знакомой, ангельской доброты графини (Александры Кирилловны? — А. Ф.) Воронцовой-Дашковой, прося ее также, чтобы переслала она мне твой ответ» — цит. в нашем переводе по первой публикации: Sudolski Z. Polscy korespondenci Celiney Mickiewiczowej // Blok-Notes Muzeum literatury im. Adama Mickiewicza. № 10. Warszawa, 1991. S. 109.

³⁵ Mickiewicz W. Pamiętniki. Warszawa: Iskry, 2012. S. 406—407.

Статут Литовский в руках у бывшего филомата

По своим служебным обязанностям метриканта Литовской метрики Франтишку Малевскому и редактора Свода законов западных губерний доводилось быть причастным к различным вопросам, напрямую связанным с законодательством Великого Княжества Литовского. Так, например, в РГИА (ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 26) хранится следующее письмо министра финансов Е. Ф. Канкрина к главноуправляющему II Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии¹.

«Милостивый Государь,
Михаил Михайлович!

Из любопытства собрал я все существующие издания Литовского Статута и составленную таким образом коллекцию имел счастье представлять Государю Императору, испрашивая Высочайшего повеления передать оную в Императорскую Библиотеку или во II Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, на что и последовало, 14-го сего Мая, собственноручное Его Императорского Величества повеление: “Сдать книги сии во 2-е отделение”.

Препровождая при сем к Вам, Милостивый Государь, по прилагаемому реэстру, означенные экземпляры, имею честь быть с совершенным почтением и преданностию.

Вашего Превосходительства покорнейший слуга
Е. Канкрин
18 мая 1837».

Письмо Е. Ф. Канкрина весьма примечательно. Егор Францевич считался (и был) весьма культурным человеком, не чуждым интереса к истории и литературного творчества: он выпустил несколько книг на немецком языке. Однако интересы его формально никак не были связаны с Великим Княжеством Литовским. О какой же именно коллекции Статутов может идти речь?

Напомним, что в 1831 г. было подавлено так называемое ноябрьское восстание — де-факто вторая со времен Костюшко попытка вооруженного восстания, вылившегося в национально-освободительную войну народов Польши, Литвы и Беларуси против

¹ Ранее опубликовано: Майков П. М. Второе отделение собственной его императорского величества канцелярии. 1826–1882. Исторический очерк. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1906. С. 92–93.

Российской империи. Восстание было подавлено, а имущество активных его участников подлежало конфискации.

Конфискации подлежали и библиотеки восставших. Обычные распределялись между учреждениями образования, а наиболее ценные передавались в столицу².

Поскольку до восстания Статут Литовский продолжал частично действовать в губерниях Литвы и Беларуси, то вполне естественно, что у многих дворян он просто хранился дома³.

Передачей имущества восставших в казну ведали казенные палаты, председатели которых подчинялись Министерству финансов. Именно они и передавали министру наиболее редкие, по их мнению, книги, среди которых неизбежно оказывались и экземпляры

² См. об этом: Радзюк А. Пад скіпетрам Расейскай імперыі. Рэпрэсіўная палітыка царызму на землях Беларусі ў канцы XVIII — першай палове XIX ст. Гародня — Кракаў: выд. А. Янушкевіч, 2017. С. 74; Коўкель Л. І. Лёс прыватных кнігазбораў на беларускіх землях пасля паўстання 1830—1831 гг. (На прыкладзе Гродзеншчыны) // Здабыткі: Дакументальныя помнікі на Беларусі. Вып. 7. Матэрыялы Трэціх Міжнародных Кнігазнаўчых чытаньняў «Кніга Беларусі: Поваязь часоў» (Мінск, 16—17 верасня 2003 г.). Мінск: Нацыянальная бібліятэка Беларусі, 2005. С. 57—68.

³ «Списки и каталоги домашних библиотек девятнадцатого века отмечают присутствие третьего свода Статута в различных изданиях от XVI до начала XIX века, преимущественно в переводе на польский язык. В коллекции Нарбутта в Шаврах находился экземпляр, изданный в 1693 году. Пусловские в Альбертине имели виленские издания 1693 и 1744 годов, Вандалин Пусловский в Меречевщизне — издание 1619 года, Стравинские в Накрышках (Слонимский уезд) владели относительно новым, 1819 года изданием. Статут Великого Княжества Литовского (без указания года издания) находился среди прочих диковинок в коллекции Юрия Кобылинского, известного собирателя из Минска. Также в минской библиотеке Генрика Татура вплоть до 1907 года хранился Статут Литовский 1588 года, или III Статут Великого Княжества Литовского (виленское издание Мамоницей на старобелорусском языке, напечатанное кириллическим шрифтом), Статут Сигизмунда I 1529 года, или известное по описанию издание I Статута Литовского, а также «иезуитское издание», или виленской печати 1693 года. Библиотека Балинских в Яшунах в Ошмянском уезде содержала опривленное в полукожаный переплет виленское издание Статута, вероятно, 1614 года... Экземпляры Статута, изданного в 1744 году, находились в собраниях Плятеров в Дусятах (Новоалександрыйский уезд) и — как утверждает сохранившийся каталог — также в библиотеке Яна Шваньского» — см.: Kowkiel L. «Ratować zabytki przeszłości...»: Prywatne księgozbiory szlacheckie na Litwie i Białorusi w XIX wieku na straży tradycji // Szlachta i zemiaństwo na pograniczu kulturowym dawnej Rzeczypospolitej od XVI do początku XX wieku. Warszawa: DiG, 2016. S. 156.

Статута⁴, причем эта книга также использовалась в практической работе для того, чтобы разобраться в запутанной системе взаимных обязательств, иерархии судов и решений, на которые зачастую ссылались родственники повстанцев, чтобы избежать конфискации. А после того, как стало понятно, что действие Статута в скором времени будет окончательно прекращено, а законодательство северо-западных губерний было кодифицировано, прагматик Канкрин потерял необходимость в использовании Статута и получил возможность совершить широкий жест — передать коллекцию в казну, проинформировав об этом и лично государя.

Показательно при этом и решение, принятое Николаем I. На экземплярах Статута неизбежно должны были находиться владельческие знаки — штампы, печати, экслибрисы, надписи. Императорская библиотека к этому времени была публичной, и любой читатель мог увидеть, взяв книгу в руки, кто являлся ее законным владельцем⁵. Поэтому раритетные издания было решено передать в служебную библиотеку II Отделения.

Внизу письма Е. Ф. Канкрин сохранилась карандашная пометка: «Собрание отдала г. Малевскому 19 мая 1837». Пометка эта в первой публикации письма Канкрин, выполненной

⁴ «На популярность Статута Литовского в шляхетских библиотеках обратили внимание во время репрессий после ноябрьского восстания. Известно, что во время конфискации имений участников восстания описывалось также содержание домашних библиотек, что списки высылались в Петербург, где и принималось решение о дальнейшей судьбе собраний. Особо ценные экземпляры, а иногда и значительные части коллекций забирали в столицу империи. Летом 1836 года Департамент государственных имуществ информировал гродненскую казенную палату о том, что получил Статут Литовский, изданный в 1619 году. Одновременно было разослано поручение в губернские казенные палаты обращать внимание на некоторые названия, признанные властями опасными, поскольку они апеллировали к древней государственной самостоятельности этих земель: «Поручается Литовские Статуты, которые находятся в библиотеках закрытых монастырей и конфискованных имений, особливо древней печати, высылать в Департамент государственных имуществ» — Kowkiel L. «Ratować zabytki przeszłości...»: Prywatne księgozbiory szlacheckie na Litwie i Białorusi w XIX wieku na straży tradycji // Szlachta i ziemiaństwo na pograniczach kulturowych dawnej Rzeczypospolitej od XVI do początku XX wieku. Warszawa: DiG, 2016. S. 157.

⁵ Примеры таких «говорящих» пометок проследил в своей работе В. Мякишев — см.: Мякишев В. Возвращенное наследие. Об экземпляре Литовского Статута 1588 года из фондов Музея истории Могилева // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць: зборнік навуковых прац удзельнікаў VIII Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі 26–27 чэрвеня 2013 года. Магілёў: УА «МДУХ», 2013. С. 248–260.

П. М. Майковым в историческом очерке деятельности II Отделения, ранее не воспроизводилась в печати. Вместе с тем, как указывает П. М. Майков, «по приказанию Сперанского книги были внесены в каталог библиотеки, и Балугьянский письменно благодарил Канкрин за доставленные книги»⁶.

Аналогичная пометка есть и на более позднем деле — «Дело о старопечатном экземпляре Литовского Статута 1588-го года для доставления во II Отделение» (РГИА, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 93, л. 4): «Экземпляр Литовского Статута 1588 года Виленского издания у Мамониной получил 30 января 41», где видна и четкая роспись — «Малевский».

Можно предположить, что именно в период директорства Ф. Малевского в Литовской метрике и во II Отделении аккумулируется большое число экземпляров различных изданий Статута, которые затем, вместе с Метрикой, были перевезены в Москву в Московский архив Министерства юстиции, а позже, в составе МАМЮ, были переданы в Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Следует предположить, что этими книгами Малевскому и его коллегам (прежде всего помощникам метриканта, среди которых особо следует отметить отца новейшей литовской историографии Симонаса Даукантаса или, как он фигурирует в служебных документах, Семена Довконта) приходилось пользоваться в повседневной работе. Показательно, что еще до прихода Малевского на службу в Метрику вопросы о необходимости иметь издания Статутов поднимались. Так, например, 3 сентября 1828 г. происходит примечательная переписка между обер-прокурором III Департамента Правительствующего Сената А. А. Владиславлевым и метрикантом (предшественником Ф. Малевского в должности, а в момент переписки — его непосредственным начальником) М. А. Трушковским.

«Г. Метриканту Трушковскому

В следствие предписания г. Управляющего Министерством юстиции от 29 нынешнего августа за № 11328 рекомендую Вашему Высокоблагородию отыскать в польской Метрике первое печатное издание Литовского Статута на белорусском языке 1588 года, представить оное ко мне без замедления.

Обер-прокурор Владиславлев».

⁶ Майков П. М. Второе отделение собственной его императорского величества канцелярии. 1826–1882. Исторический очерк. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1906. С. 93.

«Г. Обер-Прокурору
Метриканта
Рапорт

В следствие предписания Вашего Превосходительства от 3-го сентября за № 657 о доставлении первого печатного издания Литовского Статута на белорусском языке 1588-го года, честь имею донести, что такового Статута в Метрике не имеется, а находится, как видно по описям, Литовский Статут Сигизмунда I издания 1744-го года, который при отделении в 1799 году Метрических дел, относящихся к части Прусского Правительства, вместе с прочими книгами отдан в Пруссию»⁷.

Из документов, хранящихся в ЦГИА г. Москвы, следует, что в 1832 г. продолжала действовать специальная комиссия, занимавшаяся сбором выявленных печатных экземпляров Статута⁸. Приведем фрагмент из переписки директора Департамента просвещения Д. И. Языкова⁹ и помощника попечителя Московского учебного округа Д. П. Голохвастова¹⁰ по поводу экземпляра, хранившегося в библиотеке известного историка и литератора, бывшего директора Департамента духовных дел Министерства духовных дел и народного просвещения А. И. Тургенева, а затем приобретенного у него в составе библиотеки для Московского университета (дело «О доставлении Директору Департамента Просвещения

⁷ РГАДА. Ф. 328. Оп. 1. Д. 64. Л. 68–69.

⁸ Вероятно, она продолжала работу Комитета Литовского статута. «Собрав самые редкие и драгоценные списки Литовского статута и древнейшие его издания с латинскими и польскими переводами и даже с одним русским, сделанным в царствование Императрицы Екатерины II, кажется, в Киеве, Комитет приступил к исполнению главной обязанности своей — исправить по сличению с ними петербургское издание Литовского статута, напечатанное в 1811 году в польском и русском переводе. <...> Обладая столь богатыми средствами, мы полагали, удовлетворив требования председателя Комиссии составления законов, приготовить ученое издание Литовского статута по древнейшим русским спискам с вариантами, комментариями и даже с историческими исследованиями по связи с его содержанием» — Лобойко И. Н. Мои записки // Лобойко И. Н. Мои воспоминания. Мои записки. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 174.

⁹ Языков Дмитрий Иванович (1773–1845) — историк, переводчик; действительный статский советник (1827); непреходящий секретарь Российской академии (с 1835 г.), директор Департамента просвещения Министерства просвещения (1825–1833).

¹⁰ Голохвастов Дмитрий Павлович (1796–1849) — историк, археограф; тайный советник (1849), помощник попечителя, попечитель (с 1847) Московского университета. Двоюродный брат А. И. Герцена.

купленного Московским Университетом у г. Тургенева печатного экз. Статута на Белорусском языке, издания 1588»).

«Августа 12, 1832

Милостивый государь, Дмитрий Павлович.

В купленной Императорским Московским Университетом от г. Действительного Статского Советника Тургенева Библиотеке находится между прочим печатный экземпляр Статута на так называемом белорусском языке, издания 1588 года.

Поелику Высочайше учрежденная для исправления русско-го перевода сей книги особая Комиссия, руководствуясь всеми известными ей тиснениями Статута на белорусском языке, находит необходимым сличить оные и с экземпляром Библиотеки г. Тургенева, то Его Светлость г. Министр поручил мне просить Вас о доставлении ему помянутого экземпляра, который по миновании в нем надобности будет возвращен в университет.

Имею честь быть с совершенным почтением и преданностию Вашего Превосходительства покорнейший слуга

Д. Языков

СтПетербург

4 Августа 1832 г.

Его Пре-ву Д. П. Голохвастову»¹¹.

Мы не знаем в точности, входил ли в эту комиссию Франтишек Малевский, однако можно предположить с достоверностью, что входил по должности метриканта. Именно он ведал содержательной стороной вопроса при выдаче из Метрики копий документов, а значит, ему и его помощникам приходилось сверять выписки с оригиналами, в том числе и с различными изданиями Статута.

Судя по всему, правительство действительно намеревалось в начале всего лишь адаптировать нормы Статута для использования в новых условиях. Однако после восстания 1831 г. это стало невозможно: император принял решение о максимальной унификации законодательства, действовавшего в западных губерниях России (бывшая территория Великого Княжества Литовского), с общеимперским. Полученный результат описывает в воспоминаниях младший современник событий: «В 1832 году появилось решение об удалении польского языка из государственной жизни — вывели его из управления и судебного процесса, из магистратов и дворянских съездов, но в последних он удержался до 1863 года. Тогда же задумались над ликвидацией Статута Литовского, но эту реформу отложили до окончания кодификации российского

¹¹ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 4264. Л. 1.

законодательства, в то время уже близившуюся к завершению. В 1833 году вышел Свод законов Российской империи в пятнадцати толстых томах, но и после этого дело тянулось еще несколько лет. Только 25 июня / 7 июля 1840 года Статут Литовский перестал действовать. Вместо него ввели российское гражданское право, неясное, полное противоречий и недоговорок. Эти реформы были приняты в гробовом молчании, один лишь смельчак гр<аф> Генрик Ржевуский, ослабленный потом как реакционер, осмелился “от имени штатов португальских поблагодарить всемилостивейшего государя за дарование новых законов”¹².

Очевидно, что Франтишек Малевский по должности метриканта — и фактически главного эксперта по старому литовскому законодательству — должен был играть одну из ключевых ролей в процессе унификации правовых норм бывших литовских губерний с имперскими. Он, наряду с профессором Игнатием Даниловичем¹³, выполнявшим обязанности главного редактора Свода законов западных губерний, отвечал за подготовку итогового текста. Данилович, ведущий на тот момент специалист в России по истории законодательства и права Литвы и Польши¹⁴, так описывал в записке от 17 декабря 1834 г. вклад своего бывшего студента¹⁵ в процесс подготовки столь важного для империи издания:

¹² Witort J. Szkice znad Niewiaży // Witort J. O syberyjskim zesłaniu I rusyfikacji Żmudzi. Warszawa: DiG, 2017. S. 119–120.

¹³ Данилович Игнатий (1788–1843) — историк. Профессор Виленского (1814–1817 и 1819–1824), Харьковского (1825–1830), Киевского (1835–1839) и Московского (1839–1842) университетов. Был главным редактором издания Свода законов западных губерний (1830–1835 гг.).

¹⁴ «Человек широко образованный и огромной работоспособности, Данилович основной целью своей жизни поставил разыскание и публикацию источников по истории права Великого Княжества Литовского. Поиски старинных рукописей Данилович начал с 20-х годов, причем в очень короткий срок разыскал несколько списков первого Литовского статута (1529 г.)» — Улашик Н. Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М.: Наука, 1985. С. 42. Экземпляр Статута, которым пользовался Данилович, хранится сегодня в Библиотеке Академии наук Литвы в Вильнюсе — см.: Мякишев В. Возвращенное наследие. Об экземпляре Литовского Статута 1588 года из фондов Музея истории Могилева // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць: Зборнік навуковых прац удзельнікаў VIII Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі 26–27 чэрвеня 2013 года. Магілёў: УА «МДУХ», 2013. С. 249.

¹⁵ И, судя по всему, именно Ф. Малевский предложил кандидатуру И. Даниловича М. А. Балугьянскому. Во всяком случае, он недвусмысленно намекает на это отцу в письме от 16 / 28 апреля 1830 г.: «Но что меня больше всего радует, это то, что г-н Данилович уже по приказу Императора был назначен

«Метрикант Коллежский Ассессор¹⁶ Малевский состоит прикомандированным ко II Отделению Собственной Его Величества Канцелярии с 3 февраля 1830 года. Чином Коллежского Ассессора пожалован 7-го ноября 1830 года со старшинством с 12 октября 1825.

Жалованья по месту Метриканта из III Департамента Правительствующего Сената получает 2300 рублей.

До открытия работ по Своду Польских Законов участвовал с прочими чиновниками Канцелярии в составлении Алфавитного указателя к Полному Собранию Законов, и за сие удостоился получить награждение Орденом Св. Анны 3-й степени. В продолжении занятий по Своду Польских Законов получил от Монарших щедрот единовременно в 1832 году 2000 рублей.

В настоящем году занимался как совершенным окончанием некоторых статей Свода, так преимущественно исправлением по замечаниям Вашего Превосходительства целой работы и слитием в одно целое двойной редакции о договорах, дабы приуготовить Свод к ревизии»¹⁷.

О том, насколько высоко оценило начальство его деятельность, свидетельствует докладная записка М. А. Балугьянского, в которой он аргументирует необходимость награждения работавших над Сводом чиновников. О Малевском, в частности, он пишет:

«Из числа чиновников, трудившихся по Своду Законов Западных Губерний:

1) Надворный Советник Малевский много споспешествовал окончанию оного, составил первоначальные Своды разных статей из польских и Русских узаконений; занимаясь с примерным усердием он оказал на самом опыте отличные сведения в законах

главным Редактором. Я рад, что имел случай отблагодарить своего Учителя, за которого просил. Не сомневаюсь, что новое его место лучше виленской профессуры, о которой он ходатайствовал» — *Listy z zesłania*. T. 3. Krag Franciszka Malewskiego i Józefa Jeżowskiego. Warszawa: Ancher, 1999. S. 206.

¹⁶ Очевидно, докладная записка И. Н. Даниловича готовилась значительно раньше: как следует из публикуемого ниже фрагмента пояснительной записки к всеподданнейшему докладу М. М. Сперанского, 12 октября 1834 г. Малевский был пожалован в надворные советники, о чем Данилович не мог не знать.

¹⁷ РГИА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 44–1835. Л. 25. Более подробно роль Малевского в ходе работ по подготовке Свода законов западных губерний можно проследить по отчету И. Н. Даниловича от 30 августа 1835 г., публикуемом нами в приложении. При этом именно Малевский, судя по отчету, отвечал за унификацию с имперским законодательством разделов Статута, которые касались гражданского и семейного права, то есть именно тех, которые вызвали крайнее неудовольствие литовской шляхты (см. выше примеч. 8).

сих губерний, требующих познания Латинского, Польского и Немецкого языков, с коих Малевский многократно переводил на Русский Язык. Быв прикомандирован ко II Отделению из Правительствующего Сената с 1830 года он в течение 7-ми лет не получал из одного никакого жалованья, кроме назначенных ему в 1834-м году с Высочайшего разрешения из экономических сумм Отделения 500 р., а с 1836 года 1000 руб. Будучи недостаточного состояния и имея жену и трех детей, он находится в крайне стеснительном положении»¹⁸.

М. М. Сперанский, руководивший всем процессом кодификационных работ, испрашивает награждение отличившимся у императора¹⁹ и получает согласие. В списке награжденных имя Малевского стоит на третьей позиции, что фактически отражает важность его роли.

Имя, фамилия, чин, орден, жалованье	Испрашиваемые награды
3. Франциск Малевский, Надворный Советник с 12-го октября 1834. — Кавалер ордена Св. Анны 3 ст. с 24-го января 1831 г. — Жалованья по II Отделению никакого не получает, а только по званию Метриканта с 1835 года, по 2300 р. из Сенатского Казначейства	Орден Св. Анны 2-й степени; одновременно 10.000 руб. из экономических сумм Типографии II Отделения в уважение, что он в течение 7 лет никакого жалованья не получал, и ежегодно по 3000 р. в год из Государственного Казначейства с определением в число Старших Помощников*.

* РГИА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 7. Л. 2 об.

Так лучший выпускник юридического факультета Виленского университета, собиравшийся посвятить жизнь изучению национального законодательства, принял активное участие в его ликвидации. Единственное, что должно было утешать его: Свод законов западных губерний так и «не ввели в действие, так как очень скоро (в 1840 г.) был отменен Литовский статут, еще действовавший в Центральной и Западной Белоруссии и Литве»²⁰. Усилия Франтишка Малевского были вознаграждены, но оказались бессмысленными.

¹⁸ РГИА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 7. Л. 4 — 4 об.

¹⁹ На записке М. А. Балугьянского сделана помета (рукой Сперанского?): «Докладывано ЕИВ 28-го января 1837 г. и все награды в списке при сем приложенные, Государь Император утвердить соизволил и пожелал исполнить» — РГИА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

²⁰ Улащик Н. Н. Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. М.: Наука, 1973. С. 60.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Состояние трудов по Своду Законов возвращенных
от Польши Губерний с Июля 1830
по 1-е Сентября 1835 года²¹.

По Высочайшему повелению вызван я и командирован в 1830 году Апреля 15 дня во II Отделение Собственной Его Величества Канцелярии, имел я счастье представлять Вашему Превосходительству ежегодные отчеты о занятиях по Своду Законов возвращенных от Польши Губерний. В оных исчисляемы были: источники Польского Законодательства, определено относительное каждого из них действие, указаны затруднения неразлучные с составлением Свода пяти вековых узаконений, объяснен образ изложения каждой главы и приложены оным оглавления. Повторять все сие было бы неуместно, и потому долгом считаю ограничиться ныне кратким обозрением трудов, коими Свод Польских Законов получил настоящее свое образование.

Труды сии состояли:

1. Из предварительных работ
2. Из самого изложения статей Свода
3. Из последней обделки
4. Из переводов всего на Российский язык.

I. Предварительные работы

К предварительным работам следует отнести:

- 1) Изготовление описей книгам объемлющим источники, и отыскание оных, отчасти в Императорской Публичной Библиотеке, отчасти в других книгохранилищах и Сенатском Архиве.
- 2) Составление выписок из Полного Собрания Законов со времени присоединения Польских провинций, т. е. с 1772 года. Выписки сии имели служить источником к раскрытию изменений, коим подверглось Польское Законодательство от влияния как общих в Империи Законов, так и особенно для Западных Губерний издаваемых. Продолжение оных прекращено после напечатания Алфавитного Указателя Законов.
- 3) Изложение Исторических сведений о ходе Польского Законодательства, для точнейшего определения относительной силы разнородных источников, сохранивших по ныне силу Действующего Закона.

²¹ РГИА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 44—1835. Л. 1 — 24 об.

II. Изложение Статей Свода

С окончанием предварительных работ в сентябре месяце 1830 года, приступлено было к самому изложению статей Свода. План и система были готовы, ибо первоначально предположено было придерживаться сколь возможно ближе системы Российского Свода Гражданских Законов, по имевшейся в 1830 году рукописной оного редакции.

Сообразно сему, сделано распределение работ на две части, между мною и моим сотрудником г. Малевским. К первой принадлежали книги:

- 1) О состояниях § 1 до 776 на 216 листах, составлено в 1830 году.
- 2) О судоустройстве, § 1 до 711 на 262 листах изготовлена в 1831 году.
- 3) О судопроизводстве § до 1752 на 375 листах, окончена в 1833 году.
- 4) Часть книги об имуществах, а именно:
 - а) О даре.
 - б) О выделе.
 - в) О приданом и рядных записях.
 - г) О духовных завещаниях.
 - д) О законном наследстве.
 - е) О разделе имений, § 1 до 418 на 102 листах, окончена в 1832 году.
 - ж) Книга о договорах, составлена была в двойной редакции, мною и г. Малевским; дабы лучше исчерпнуть сию важнейшую часть Польского Законодательства. Моя редакция объемлет § 1 до 538 на 112 листах, изготовлена в 1833 году.
- 5) Межевое Судоустройство начертанное в 1832 году, признанное впоследствии Вашим Превосходительством ненужным, по поводу составляющего в Правительствующем Сенате полного Устава Межевых Законов. Сверх того:
- 6) Собраны мною и представлены по приказанию Вашего Превосходительства в 1830 году сведения о Магдебургских и Хельминских Правах, действующих в Малороссии.
- 7) Обзорение исторических сведений о прежде бывших усилиях с 1347 по 1830 год в составлении Сводов Польского законодательства, с подробным описанием: источников и относительной силы каждого из оных, а также правил принятых при составлении настоящего Свода; изготовленное по приказанию Его Высокопревосходительства Михаила Михайловича Сперанского в 1833 году на 70 листах.
- 8) По поручению Вашего Превосходительства начертано в 1834 году подробное обозрение прав и привилегий города Киева на 60 листах.

9) По сему поводу, вновь перелит Городовой Устав и основан на старинных привилегиях § 1–263.

Часть изготовленная г. Малевским содержит книги:

- 1) О семейственных состояниях, окончена в 1830 году.
- 2) Об имуществах, в 1831 г.
- 3) Об актах, изготовлены в 1832 году.
- 4) О договорах, окончено в 1833 году. Обе сии редакции слиты в одну по приказанию Вашего Превосходительства Малевским же в 1835 году, у которого находится и мой подлинник.

Внутреннее свойство самых источников, из коих едва ли не большая часть принадлежит XIV и XVI столетиям, представляет здесь особенные трудности, для преодоления коих не было во все предварительных исследований. Объяснить почерпаемые как из немногих учебных книг: Завацкого, Островского, Умястовского и Гроицкого; так из решений Судебных мест и наконец от практических законоведцев и адвокатов, оказались столь недостаточными, неверными и сбивчивыми, что текст статей должно было извлекать из закона только посредством выводов, а в примечаниях помещать объяснения из приведенных писателей.

От сего обработка текста подвергалась многократным изменениям, ибо лучшее вразумление одного предмета отражалось в других, некоторые же предметы прояснились в настоящем их виде почти при окончании целого состава Свода. Но и за всем тем, при последней оного обделке, явились новые трудности.

III. Последняя обделка Свода

С 1831 года начался ряд важнейших изменений в Законодательстве Западного края. Принятые Правительством меры к новому его устройству не могли не войти в состав Свода Действующих Законов. С сим вместе следовало необходимо переделывать вновь готовые уже части, исключать или исправлять отмененные статьи, соглашать мнимые противоречия. При важности и обширности новых мер, труд сей был немаловажный.

Но более еще изменений оказалось нужными, с появлением в 1833 году полного печатного Свода Российских Законов. Раскрытие целого объема общих в Империи Законов, в том числе относящихся к казенному и Полицейскому управлению, заставило подвергать многие главы новому рассмотрению. Самый также новый план, принятый в Своде Российских Гражданских Законов, служащим за образец для Польского Свода, требовал изменений прежней, а иногда и вовсе новой Редакции.

Наконец рассмотрение изготовленных работ в 1834 году Вашим Превосходительством и подлинные многочисленные замечания открыли как значительные недостатки, так и неудобопонятность мест выраженных точными словами Польского Закона и немалые погрешности перевода, устремленного для чистоты слога переводить законную Латинскую терминологию на нынешние Российские выражения. Следствием сего была надобность совершенного перелития работ, перемещения как целых глав, так и отдельных статей, с уничтожением некоторых устаревшими признанных, а сведением для ясности множества новых, сокращением многоречивых слов законного текста изъясняющих цель узаконения, разбитием длинных статей на несколько мелких, прибавлением вновь изданных для Западных губерний Узаконений.

По сему направлению вновь переработаны: Книга о состояниях г. Илличевским, Книга о семейственных отношениях, имуществе и договорах Г. Малевским, о судоустройстве г. Ордынским, наконец, главы: о дарах, завещаниях, наследстве, рядных записях и разделах, а также целая книга о Судопроизводстве мною самим.

Труд сей признан Вашим Превосходительством созревшим для поступления на ревизию, изготовлен редакторами со всевозможным усердием, рвением, тщательностию и верностию. Задача была столь многосложна и трудна, что разве надменная самонадеятельность могла бы мечтать о совершенном ее при сем первом опыте решений, но при всех недостатках какие открылись и впредь могут открыться, я удостоверен, что Свод Польских Законов и в той степени образования, в которой находится ныне, имеет некоторые важные преимущества и может пребывать делом не бесполезным. Польза от него состоит в том, что в нем тщательно очищены законные источники от разнородной смеси; не пропущены существенные предметы основаны на Законах, прояснены различия Литовских и Коронных источников действующих издревле в разных частях Западных Губерний, столь не правильно смешиваемых в практике и за ее примером даже в последних Указах Сената; разбросанные по разным местам и годам отрывистые, а потому неудобопонятные законоположения, совокуплены и размещены по приличным местам; подчинена вся разнообразная и раздробительная масса Узаконений одному началу, т. е. удаление всего потерявшего обязательную силу; наконец, внешняя его форма согласена с системою Свода общих в Империи Законов. Ежели и покажутся пропущенными иногда Российские узаконения, то сие происходит от господствующей в уме редакторов мысли, что полный Свод Российских Законов есть общим на все случаи, для которых

нет особенных изъяснений в Законодательстве возвращенных от Польши Губерний, и что повторения были бы неуместными.

Осмеливаясь предполагать, что не столь затруднительно будет гг. Ревизорам к готовому материалу прибавить практические замечания; расширить сжатые выражения Закона практическим его истолкованием; присовокупить все то, что улучшено местными учреждениями Правительства, восстановить некоторые Законоположения, показавшиеся редакторам устаревшими и более недействующими; наконец, подробнее исследовать разницы Литовского и Коронного Законодательств. Для удобнейшего обозрения предметов, вошедших в состав Свода возвращенных от Польши Губерний и внутреннего распределения оных в том виде, как оный Свод поступил на ревизию, имею честь представить Вашему Превосходительству подробное Свода сего оглавление с лестною надеждою, что Ваше Превосходительство изволит обратить на него Начальническое внимание.

IV. О переводе Свода

Первоначально по согласию Его Высокопревосходительства Михаила Михайловича Сперанского, Свод был составлен на Польском языке. Переводом его на язык Российский занимались прикомандированные для сего в мае месяце 1833 года чиновники гг. Чернявский, Беляновский и Криворотов. В отчете за 1833 год старался я подробно изложить все затруднения предстоящие при переводах. Занятия их были распределены в следующем порядке: г. Чернявский употреблен был к переводу книг о Судоустройстве и Судопроизводстве и в течение полугода перевел до 648 листов или 1756 параграфов. При совершении сей части, более нежели где либо должно было состыкаться со всеми трудностями технического законного Польского языка, и он оправдал ожидания. Г. Беляновский занят был переводом книг о Состояниях семейственных отношений, имуществах и актах, и Вексельного Устава 1775 года и довершил данное ему поручение с таким успехом, какого только ожидать было возможно. Г. Криворотов назначен к исправлению российского слога там, где чрезвычайное следование за подлинником переводчиков могло нарушить чистоту российского языка, занимался также переводом глав о завещаниях, наследстве и разделах; а равномерно как Исторического обозрения усилий в составлении Свода Польских законов. Переводы его найдены отлично хорошими Начальством. Переводы по мере изготовления были считываемы и поверяемы самими редакторами первоначального текста.

В последнее же время нужные с отменой первой редакции исправления и дополнения были производимы самими Редакторами на русском языке.

Прикомандированный в ноябре месяце 1833 года по Высочайшему повелению во II Отделение Собственной Его Величества Канцелярии г. Ордынский занимался: 1-е, просмотром редакторских переделок; 2-е, переводом составленной мною главы о Договорах; а также 3-е, привилегии города Киева; и 4-е, переработанного Свода Городских Законов; 5-е, составлением выписок из Законов с 1826 года для употребления гг. ревизоров и 6-е, рассмотрением и переделанием книги о судоустройстве.

При сем прибавлены:

- 1) Описи книгам, из разных мест позаимствованным.
- 2) Выписки из Польского Собрания, сколько их уцелело.
- 3) Изъяснение Историческое (находящееся у Его Высокопревосходительства Михаила Михайловича Сперанского).
- 4) Оглавление Сводов, по последней редакции.
- 5) Выписки из Законов с 1826 года г. Ордынского.
- 6) Устав Вексельный 1775 года перевода Беляновского.

Статский Советник Игнатий Данилович

С. Петербург 30 августа 1835 года.

Пытаясь обмануть судьбу (Страницы биографии Юзефа Ежовского)

Российский период биографии многих членов общества филоматов до сих пор остается мало изученным. Разумеется, наиболее активно и изучались издавались хранящиеся в российских архивах документы, касающиеся Адама Мицкевича¹. Накоплена достаточно серьезная основа для научной биографии Юзефа Ковалевского, одного из первых исследователей Внутренней Монголии, ректора Казанского университета². Но преимущественно сегодня изучаются уже опубликованные ранее письма филоматов, сохранившиеся в архивах Польши и Франции. В частности, переписка ссыльных стала основой для замечательного анализа их мироощущения, выполненного профессором Ежи Боровчиком³.

Однако переписка с друзьями и близкими не всегда дает материал для полноценной реконструкции судьбы ссыльных членов виленских студенческих обществ. Необходимо активное привлечение официальных документов, которыми исследователи, к сожалению, пренебрегают. Попытаемся использовать их, чтобы понять, как попытался обмануть неблагосклонную судьбу Юзеф Ежовский.

Юзеф Ежовский (1793–1855) был одним из самых зрелых участников общества филоматов и был избран его президентом. Деятельность сенатора Н. Н. Новосильцова, поставившего целью использовать разгром студенческих обществ как средство для собственного возвышения, оборвала блестящую научно-педагогическую карьеру, которая, несомненно, ждала лучшего ученика

¹ Среди работ по этой теме следует отметить первые книги Самуэля Фишмана — см.: Fiszman S. Mickiewicz w Rosji. Z archiwów, muzeów, bibliotek Moskwy i Leningradu. Warszawa: PIW, 1949; Fiszman S. Archiwalia Mickiewiczowskie. Wrocław: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 1962.

² См., в частности, недавние работы: Монголовед О. М. Ковалевский: биография и наследие (1801–1878). Казань: Алма-Лит, 2004; Россия — Монголия — Китай: Дневники монголоведа О. М. Ковалевского. 1830–1831 гг. Казань: Изд-во «Таглитат» Института экономики, управления и права, 2006; Хохлов А. Н. Монголист О. М. Ковалевский: путешествие в Пекин (1830–1831) и контакты с российскими китаеведами // Неизвестные страницы отечественного востоковедения: Вып. 2. М.: Восточная литература, 2004. С. 148–172.

³ Borowczyk J. Zesłane pokolenie: Filomaci w Rosji (1824–1870). Poznań: UAM, 2014.

профессора Г. Э. Гроддека в родном Виленском университете⁴. Несмотря на то что Ежовский был выслан в распоряжение Московского университета, это не удовлетворяло его ни морально, ни материально. Он писал, в частности, Томашу Зану из Москвы (письмо от 5/17 октября 1826 г.): «К прежним известиям о моем положении добавить можно, что я преподаю греческий язык в здешнем университете. Но жалование до сих пор не повышено, а то, которое сейчас получаю (300 (рублей. — А. Ф.)) так мало и ничтожно, что годовичного не хватает даже на квартал. Судьба наша находится и будет <находиться> в руках Новосильцова, лишь об его решении можем мы стараться, дабы исполнилась запрещенная нам надежда на возвращение»⁵.

Однако Ежовский, судя по всему, не был склонен к отчаянию — по крайней мере, об этом свидетельствуют документы, отложившиеся в московских архивах. Так, в Центральном государственном архиве г. Москвы (ЦГАМ) хранится дело 1828 г. «О напечатанной книге кандидата Ежевского *текст Гомеровою Одиссею*» (ЦГАМ, ф. 459, оп. 1, д. 3545). Начнем с его рассмотрения.

Ежовский никогда не прекращал активных занятий наукой. В частности, об этом свидетельствует история подготовки им комментированного издания од Горация⁶, которое было переведено с польского языка на русский Ф. В. Булгариным⁷ и стало поводом для многочисленных обвинений Булгарина в плагиате. Вместе с тем, как показал Л. Т. Блащик, сотрудничество Булгарина с Ежовским было вполне взаимовыгодным и не имело ничего общего с плагиатом⁸: обоим участникам предприятия оно принесло и деньги, и известность в учебно-педагогических кругах.

В 1827 г. свет увидела новая книга Ежовского — «*Homeri Odysseae rhapsodiae sex...*»⁹, отпечатанная за казенный счет, согласно

⁴ О возможности карьеры свидетельствует то, что Ежовскому было доверено читать курс по ходегетике (методологии науки), хотя его отношения с Гроддеком к тому времени серьезно испортились — см. об этом: Mężyński K. Gotfryd Ernest Groddeck. Profesor Adama Mickiewicza: Proba rewizji. Gdańsk: Gdańskie towarzystwo naukowe, 1974. S. 187–192.

⁵ Цит. по изд.: Archiwum filomatów. Listy z zesłania. T. 3. Warszawa: Ancher, 1999. S. 789.

⁶ См.: Horacjusza ody celnejsze stosowne do użytku szkół objaśnione przez Józefa Jeżowskiego. T. 1–2. Wilno, 1821.

⁷ Избранные оды Горация с комментариями. СПб., 1821.

⁸ Właszczuk L. T. Jeżowski and Bulgarin: a Case of Plagiarism or Collaboration? // The Polish Review (New York). 1980. Vol. 25. № 2. P. 15–43.

⁹ См.: *Odysseae rhapsodiae sex, quibus Ulyssis errorum narratio absolvitur: in usum tironum cum notis et indice grammaticam in primis vocum analysin atque*

решению попечителя Московского учебного округа — этот пост занимал генерал-лейтенант, известный военный писатель Александр Александрович Писарев (1780—1848). Ежовский всегда нуждался в деньгах, поэтому даже в относительно благополучный для себя виленский период жизни не мог бы позволить себе самостоятельно издать книгу без посторонней помощи¹⁰. Однако уже в феврале 1828 г. у Ежовского внезапно обнаруживаются средства, чтобы выкупить тираж, о чем Правление Императорского Московского университета и уведомило попечителя 28 февраля:

«Начальник Университетской Типографии Статский Советник и Кавалер Курбатов¹¹ рапортом донес: что за напечатание по казенной части 600 экз. текста Гомеровою Одиссеею и Грамматических упражнений Кандидата Ежевского причитается типографии получить 738 р. 14 к., объясняя при том, что означенную книгу можно пустить в продажу по 3 р. Кандидат же Ежевский поданным в сие Правление прошением прописывает, что не имея средств к напечатанию на свой кошт книги Грамматические замечания о Гомеровою Одиссее, просил он Ваше Превосходительство напечатать оную на шет казны, которая и напечатана в числе 600 экз., а как ныне он Ежевский получил такие способы, что может сию книгу напечатать и на свой кошт, то и просит Правление выдать ему все экземпляры означенного издания и сколько следует за сие отпечатание деньги от него принять. В следствие чего определено: как означенная книга была напечатана по предложению Вашего Превосходительства Совету от 26 генваря 1827 года № 161, то о выдаче кандидату Ежевскому отпечатанных экземпляров с принятием от него за сие 738 р. 14 к. асс. Представить на разрешение Вашему Превосходительству, донеся при том, что Правление со своей стороны ни малейшего препятствия к выдаче тех экземпляров не находит.

Ректор Иван Двигубский
Секретарь Шатов»¹².

Попечитель принял решение удовлетворить просьбу Ежовского.

Мы можем лишь высказать предположение, откуда у бедного кандидата Московского университета обнаружилась сумма, в два

explicationem exhibentibus / ed. Josephus Jeżowski. Mosquae: Typis Universitatis Caesareae Mosquensis, 1828.

¹⁰ См.: Мężyński К. Gotfryd Ernest Grodeck. Profesor Adama Mickiewicza: Proba rewizji. Gdańsk: Gdańskie towarzystwo naukowe, 1974. S. 188—191.

¹¹ Курбатов Петр Александрович (около 1788 — 1872) — директор университетской типографии с 1816 по 1851 г.

¹² ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 3545. Л. 1 — 1 об.

с половиной раза превышающая годовое жалование. Дело в том, что в Москве в качестве банковского чиновника служит другой высланный филомат, Циприан Дашкевич (1803–1829), который мог помочь товарищу либо получить кредит в банке, либо найти кредитора¹³. Однако и то, и другое можно было сделать лишь в том случае, если товарищи представляли себе возможный источник погашения кредита. А план у них был. Первым шагом на пути его осуществления стала оплата тиража книги по себестоимости. Вторым — письмо Ежовского на имя попечителя от 6 апреля 1828 г:

«Ваше Превосходительство!

Пользуясь милостивым позволением Вашего Превосходительства, честь имею представить два экземпляра моей Одиссеи, один для Е<го> В<ысоко> П<ревосходительства> Г-на Министра Просвещения, в знак моего благоговения и признательности, другой для Учебного Комитета.

Представляя сию книгу на рассмотрение Комитета, предполагаю, что она в случае снискания одобрения, помещена будет в число начальных официально утвержденных книг, а потому и введена в употребление по учебным заведениям.

Признанное мне еще в 1824 г. награждение за изданные мною Оды Горация, а сверх того последовавшее недавно похвальное о сем сочинении мнение г. Мартынова¹⁴ составленное официально по Русскому 1-й части переводу г. Булгарина, наконец милостивое одобрение Вашего Превосходительства моей Одиссеи предупредившее напечатание ея; сии обстоятельства обнадеживают меня довольно в моем стремлении, пусть оправдают мою наглость, что

¹³ Дашкевич явно был в курсе всего происходившего, причем не только первоначального плана издания книги, но и его постепенной модификации. Он пишет И. Лелевелю 26 февраля / 9 марта 1828 г.: «Московский университет печатает за свой счет примечания Ежовского к 6-ти книгам “Одиссеи”; автор в награду получит 200 экземпляров, часть их, наверное, пожелает отправить в Варшаву, и было бы хорошо, если б можно было их там продать, ибо это единственный его доход и средство к содержанию» — *Archiwum filomatów. Listy z zesłania*. Т. 1. Warszawa: Ancher, 1997. S. 332. Судя по переписке других членов общества, а также близких к ним профессоров (например, Т. Зана, И. Даниловича и др.), комиссионерами Ежовского в процессе продажи тиража на выгодных автору условиях готовы были стать многие.

¹⁴ Мартынов Иван Иванович (1771–1833) — известный филолог, член Российской академии (1807); в 1823–1829 гг. выпустил 26 томов откомментированных им и переведенных на русский язык прозой произведений древнегреческих классиков: Софокла, Гомера, Геродота, Пиндара, Анакреона (стихи последнего он перевел белым стихом) и других.

я осмелился утруждать Ваше Превосходительство частным и самым малейшим делом.

Имею честь быть с глубочайшим почтением и совершенною преданностию

Вашего Превосходительства Покорнейший Слуга Иосиф Ежовский»¹⁵.

Уже 13 апреля просьба Ежовского была исполнена: экземпляры комментированного им издания «Одиссеи» было направлено в Петербург на имя министра просвещения, адмирала и президента Российской академии Александра Семеновича Шишкова. Действительно: почему не передать министру книгу, подготовленную работником твоего учебного округа, да еще зная, что министр сам не чужд литературных трудов и переводческой деятельности в частности?

Но этим история не заканчивается. 15 мая Совет Императорского Московского университета пишет попечителю Московского учебного округа:

«Господину Попечителю Московского Учебного Округа

В Совете сем слушано прошение Кандидата Иосифа Ежовского, при коем, представляя издание свое Гомеровой Одиссеи, просит, не благоугодно ли будет Совету купить сто экземпляров сей книги для учебных заведений Московского округа, считая за каждый экземпляр по 4-е ассигнациями.

Университетский Совет по покупке ста экземпляров Одиссеи почитая полезною для училищ, испрашивает на сие согласия Вашего Превосходительства, и просит о доведении до сведения Министерства Народного Просвещения об издании сей книги, весьма полезной для классического употребления по свидетельству гг. Профессоров Словесного Отделения, с тем, не благоугодно ли будет Высшему Начальству предложить о приобретении оной для училищ прочих учебных округов, что вознаградило бы полезные труды Кандидата Ежовского и поощрило бы новых.

Ректор Иван Двигубский

Секретарь Павел Щепкин»¹⁶.

Очевидно, что Ежовский рассчитал все правильно. Весь тираж «Одиссеи» в 600 экземпляров обошелся ему в 738 рубля 14 копеек. Сейчас он предложил учебному округу купить у него сто экземпляров «Одиссеи» в качестве учебного пособия для учащихся за

¹⁵ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 3545. Л. 3 – 3 об.

¹⁶ Там же. Л. 5.

400 рублей — это даже дороже, чем та цена, по которой собиралось продавать его руководство университетской типографии. Таким образом, в случае реализации этого плана около 60 % кредита, полученного на издание книги, Ежовский мог погасить.

При этом Совет старейшего российского университета откровенно лоббирует интересы своего сотрудника, предлагая Министерству поощрить покупку подготовленного Ежовским пособия и для других учебных округов. И, судя по всему, ему это удалось: как показывает авторитетный библиографический указатель польской литературы «Новый Корбут», пособие Ежовского в 1831 г. было переиздано вторым изданием. А значит, сосланный филомат смог упрочить свой внутриведомственный статус и даже хорошо заработать на издании комментария к «Одиссее»¹⁷.

Однако это не означает, что Ежовский отказался от идеи возвращения на родину. 20 ноября 1832 г. он пишет начальнику III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии графу А. Х. Бенкендорфу:

«Сиятельный Граф, Милостивый Государь!

Великодушного благодетельного внимания Вашего к горестной участи моей осмеливаюсь я испрашивать и дерзаю утруждать Ваше Сиятельство, уверенный, что снисхождение высокой особы Вашей равняется благодетельному чувству добродетеля.

Окончив в Виленском университете курс учения, особенно приготавливался я к познанию древней классической литературы, когда в 1824 году произошли в Виленском университете различные беспорядки. По самому роду занятий, требующих уединения, не мог я участвовать и ни сколько не участвовал в тех беспорядках. Но г-ну Попечителю Университета Действительному Тайному Советнику Новосильцову¹⁸ угодно было удалить меня вместе

¹⁷ Отметим, что это, весьма вероятно, не единственный труд Ежовского, который ему удалось продать Министерству народного просвещения. В письме Ежовского к И. Лелевелю от 22 июля / 3 августа 1829 г. он сообщает учителю: «Уже больше трех месяцев, как я отправил в Петербург 200 экземпляров моей шпаргалки о Платоне, прося, чтобы они были отосланы в Варшаву на Ваше имя» — *Archiwum filomatów. Listy z zesłania*. Т. 3. Warszawa: Ancher, 1999. S. 786. Речь идет о книге: *O postępie badań filologicznych we względzie pism Platona: rzecz krutyczna ułożona z powodu wydanych w języku rossyjskim tłumaczenia Rozmów o Prawach, Platonowi przyznawanych / przez Józefa Jeżowskiego*. Moskwa: [s.n.], 1829. Поскольку вряд ли тираж книги составлял всего лишь 200 экземпляров, можно предположить, куда разошлась оставшаяся часть тиража.

¹⁸ Новосильцов Николай Николаевич (1761–1838) — попечитель Виленского учебного округа (1824–1833), инициатор высылки активных членов обществ филоматов и филаретов во внутренние губернии России.

с несколькими товарищами из Вильны и отправить в С. Петербург. Никогда не осмеливался я роптать на сию меру — тем же более, что не мог почитать оную мерою наказательною, ибо в С. Петербурге объявлена мне была Высочайшая воля от г-на Министра Народного Просвещения, что я должен заняться службою во внутренних губерниях Российских при чем выбор службы должен быть определен собственным моим желанием и способностями, с приличным жалованьем. Душевно ревновал я доказать в сем случае верноподданническое мое усердие. Но, к величайшему прискорбию моему, с того самого времени лишен я всех к тому средств и принужден испытывать самую горестную участь.

Мне велено было заняться преподаванием Греческого языка в Московском Университете. Успехи учеников и напечатанное мною в Москве издание Омировой Одиссеи, принятое в число учебных книг по повелению Правительства, так же как напечатанное прежде издание Од Горация, признанное классическим — осмеливаюсь думать — свидетельствуют о могущей быть от занятий моих пользе. Дерзаю сослаться в то же время на Московское местное начальство и всех знающих меня в Москве касательно моего беспорочного и неподозрительного поведения. Его Превосходительство Сергей Семенович Уваров в бытность свою в Москве нынешнею осенью удостоил меня лестного внимания и почел достойным своей благосклонности.

Но уже восемь лет истекает, как я, удаленный от родных моих, лишен всех средств — даже к моему существованию, ибо звание мое при Московском Университете Помощника Профессора Греческой словесности доставляет мне только 300 рублей жалованья. Будучи чрез сие доведен до крайности, при здоровье, совершенно расстроенном бедственным моим положением, я утруждал Начальство просьбою в Феврале месяце сего года о 6-ти месячном отпуске, дабы позволено мне было посетить родных моих, живущих в Волынской Губернии и привести в некоторый порядок семейственные мои дела. Г-н Попечитель Ришельевского Лицея¹⁹ предлагал мне между тем место профессора Греческой словесности в оном Лицее с жалованьем 2000 рублей и другими удобствами жизни. Всего более надеялся я, что климат Одесский восстановит мое расстроенное здоровье. Но и в том и другом было мне отказано.

¹⁹ Первое высшее учебное заведение в г. Одессе, основанное указом Александра I в 1817 г. по инициативе одесского градоначальника и губернатора Новороссии А. -Э. де Ришелье, в честь которого позже и был назван. В 1865 г. преобразован в Императорский Новороссийский университет.

Доведенный до совершенной крайности, дерзаю я прибегнуть под высокое покровительство Ваше! Благоволите, Ваше Сиятельство! удостоить меня того человеколюбивого внимания, которое каждого бедствующего заставляет почитать Вас благодетельным ходатаем и посредником между Престолом Монарха и его подданными.

С чистою совестью утверждаю все изъясненное мною и остаюсь после сего в совершенном недоумении: какая может быть причина моего бедственного состояния, по которой принужден я влечь бесполезную жизнь в Москве, от недостатков, душевного и телесного расстройства, не имея средств заниматься никакими трудами по предмету моего учения и оправдать делом усердие, коим преисполнена душа моя!

Дерзаю покорнейше просить Ваше Сиятельство довести до Высочайшего сведения мою судьбу и быть заступником моим, спасти мне самую жизнь мою, ибо стесненное положение мое нестерпимо, и я должен вскоре пасть под бременем его. Дозволение посетить родных моих, после сего занять место, которое предложено мне было в Ришельевском Лицее оживит душу мою и возбудит деятельность и рвение быть снова по силам моим полезным. Государь император милосерд; Вы благодетельны, и я питаю надежду, что мне не суждено погибнуть от недостатков, горести и душевной скорби.

С истинным, глубочайшим почтением и совершенною преданностию честь имею быть

Вашего Сиятельства Милостивого Государя

Покорнейший слуга

Иосиф Павлов Ежовский, Кандидат философии»²⁰.

Поскольку дело о членах тайных студенческих обществ Виленского университета начиналось еще до создания III Отделения, Бенкендорф запрашивает информацию о Ежовском и получает справку — говоря современным языком, его подробную характеристику:

«Записка о состоящем при Московском Университете Кандидате Ежовском.

Высочайше подтвержденным в 14 день Августа 1824 года журналом Комитета высочайше учрежденного для рассмотрения дел относящихся до беспорядков, случившихся в Виленском Университете, между прочим постановлено:

²⁰ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 6. Ед. хр. 716. Л. 240 — 241 об.

“Десять человек филематического общества, кои посвятили себя учительскому званию, а также и тех из филаретов, кои оказались деятельнейшими по предосудительным видам сего общества, не оставляя в польских губерниях, где они думали распространить безрассудный польский национализм посредством обучения, предоставить Министру Народного Просвещения употребить по части училищной в отдаленных от Польши Губерниях впредь до распоряжения им возвратиться на свою родину”.

Во исполнение сего бывший Попечитель Виленского Учебного Округа выслал сих студентов в Санктпетербург, доставил именной им список, с отметкою против имени каждого: к какому занятию или в какую должность по своим способностям и собственному желанию кто из них употреблен быть может.

Бывший г. Министр Народного Просвещения, рассмотря сие объяснение, нашел, что большая из них часть по несовершенному знанию Русского Языка, не могут преподавать наук на сем языке и следственно не могут принести большой пользы русским училищам; о чем донес всеподданнейше Государю Императору, испрашивал высочайшего дозволения из числа сих студентов тех, кои пожелают быть учителями, принять на учительские вакансии вне Польских Губерний, а другим разрешить определение в службу Его Императорского Величества по собственному их желанию здесь в Санктпетербурге — или в других отдаленных от Польши Губерниях, предоставляя всем им право вступить в службу классами, соответствующими той ученой степени, которую они получили в Виленском Университете.

На сие в 16 день ноября 1824 года последовало высочайшее Его Императорского Величества повеление: здесь в С. Петербурге никого не оставлять, а разместить по их желанию и способностям в других, только не в польские города, сделав нужные для них пособия.

Во исполнение сей Высочайшей воли отобраны были от сих студентов сведения: в какой род службы и куда именно кто из них поступить желает? В следствие чего кандидат философии Осип Ежовский изъявил желание служить при Ришельевском Лицее, почему и был отправлен к управлявшему сим заведением Графу Витту²¹.

²¹ Витт Иван Осипович де (1781—1840) — генерал от кавалерии, командующий военными поселениями Юга России; фактический руководитель разведывательной сети в южных губерниях. Занимал пост попечителя Ришельевского лицея.

Вслед за сим последовало высочайшее повеление, чтобы вызванных сюда Студентов Виленского Университета не оставлять при Ришельевском Лицее и вообще в южных Губерниях, переместить в Российские Губернии, по собственному избранию и в такой род службы, в какой они пожелают сами, также по недостаточному их состоянию сделать им нужное по сему случаю пособие.

Во исполнение сей высочайшей воли предписано было Графу Витту, не определяя Ежовского в Ришельевский лицей, отобразить от него сведения, в какую из Российских Губерний, исключая южные, и в какой род службы поступить он желает.

По изъявленному Ежовским желанию определиться в Московский университет сообщено было Графу Витту об оправлении его в оный Университет, в который он поступил в Сентябре 1825 года.

Ежовский принят был в том же 1825 году на казенное содержание и по распоряжению Университетского Совета занимался преподаванием начальных правил Греческого языка первогодичным студентам Словесного Отделения и обучал Греческому языку в бывшем Университетском Благородном Пансионе; ныне же по болезни не занимает при Университете никакой особой должности, кроме делаемых ему поручений при разборе и описи книг, присылаемых в университет, и переводе документов с польского языка; в продолжение же сего времени издана им книга *Notae Odissae Rhapsodiae ser*, которая принята в руководство в гимназиях при преподавании Греческого языка и по другим предметам оказал он Ежовский хорошие способности; во все время бытности при университете, как видно из полученного ныне отзыва г. помощника Попечителя Московского Учебного Округа, ни в каких предосудительных поступках и неблагонадежном образе мыслей замечен не был; здоровьем же пользуется столь слабым, что даже не без труда может говорить.

Директор Департамента народного просвещения Языков»²².

После получения справки А. Х. Бенкендорфом 5 февраля 1833 г. был сделан всеподданнейший доклад императору²³, который закончился наилучшим для Ежовского образом. 15 февраля на имя министра народного просвещения графа К. А. Ливена из III Отделения уходит письмо следующего содержания:

«Находящийся на службе при Московском Университете принадлежавший к обществу филоматов Кандидат Виленского

²² ГАРФ. Ф. 109. Оп. 6. Ед. хр. 716. Л. 256 – 258 об.

²³ В деле содержится запись дежурного чиновника о том, что доклад внесен в собрание всеподданнейших докладов под № 19 — там же. Л. 259.

Университета Ежовский обратился ко мне с прошением об исходатайствовании ему дозволения ехать в Одессу для занятия предлагаемого ему места Профессора Греческой Словесности в Ришельевском лицее, посетив перед тем родственников своих в Волынской Губернии.

Получив за тем приказ послать Вашей Светлости от 18-го Января № 469, подробные сведения о Кандидате Ежовском, я доводил всеподданейшую просьбу его с надлежащею о нем справкою до сведения Государя Императора, и Его Величество изъяснить изволил Всемиловитвейшее свое согласие на дозволение Ежовскому отправиться в Одессу и посетить перед этим родным его в Волынской Губернии.

Сообщая о сем Высочайшем соизволении Вашей Светлости для зависящего со стороны Вашей распоряжения, долгом считаю присокупить, что вместе с сим отнесся я об оном и к г-ну Министру Внутренних Дел.

С совершенным почтением и преданностию имею честь быть Вашей Светлости покорнейшим слугою
Граф Бенкендорф»²⁴.

Показательно, что Бенкендорф сообщает о перемещении ссыльного филомата и министру внутренних дел, то есть надзор за Ежовским все-таки сохраняется.

Однако 18 февраля К. А. Ливен направляет Бенкендорфу письмо, объясняющее, что повеление императора в полной мере исполнено быть не может:

«Милостивый Государь Граф Александр Христофорович.

В дополнение к отношению моему от 18 февраля за № 1419 считаю долгом уведомить Ваше Сиятельство касательно изъясненного в Вашем отношении от 15 февраля обстоятельства о предлагаемом Кандидату Ежовскому места Профессора Греческой Словесности в Ришельевском Лицее, что Попечитель Одесских Училищ входил о сем ко мне с представлением в Мае истекшего 1832 года, но как я не мог оного разрешить, имея в виду, что Ежовский принадлежал к числу филаретов и филоматов, о коих состоялось высочайшее в Бозе почившего Государя Императора Александра Павловича повеление не определять на службу в Санкт-Петербург, ниже в Западных Южных губерниях, то г. Попечитель в последствии представил на помянутое место в Лицее титулярного советника Фрейтага, который уже и определен на оное. Впрочем, г. Ежовский может на основании объявленного мне Вами, Милостивый Государь,

²⁴ Там же. Л. 260 – 260 об.

Высочайшего соизволения, быть уволен в отпуск для свидания со своими родственниками, буде того пожелает. О чем я дал знать г. Помощнику Попечителя Московского Учебного Округа.

Имею честь быть с совершенным почтением и преданностью
Вашего Сиятельства покорнейшим слугою
Князь Карл Ливен»²⁵.

Ежовский своим письмом поставил Бенкендорфа в крайне неловкую ситуацию: он ведь наверняка понимал, что держать вакансию в учебном заведении столь длительное время невозможно, а значит, ехать в Одессу ему попросту незачем. Однако начальник III Отделения мог не вдаваться в подобные тонкости — по крайней мере, вплоть до письма министра народного просвещения. Возникла проблема: если Ежовский не едет к месту нового назначения, то едет ли он в украинские губернии вообще — посещение родных и отпуск были ему разрешены императором, но с учетом именно конечного пункта маршрута. Министерство народного просвещения — а управляющим министерством к этому моменту стал уже С. С. Уваров — начало разбираться с тем, как выполнить волю государя, соразмерив ее с тем, что Ежовскому предстоит вернуться к прежнему месту службы, то есть в Москву.

15 мая 1833 года Уваров информирует Бенкендорфа:

«Милостивый Государь!

Граф Александр Христофорович.

Ваше Сиятельство от 15 Февраля сего года за № 600 уведомили бывшего г. Министра Народного Просвещения, что Государь Император изволил изъявить Всемилостивейшее свое соизволение на дозволение находящемуся на службе при Московском Университете, принадлежавшему к обществу филоматов Кандидату Виленского Университета Ежовскому отправиться в Одессу для занятия предлагавшегося ему места Профессора Греческой Словесности в Ришельевском Лицее и посетить пред тем родственников своих в Волынской Губернии.

На сие бывший г. Министр от 23 того ж Февраля за № 1714 ответил Вашему Сиятельству, что на помянутое место определен уже другой чиновник, и что впрочем Ежовский на основании объявленного Вашим Сиятельством Высочайшего соизволения может быть уволен в отпуск для свидания с своими родственниками, буде того пожелает, о чем он, бывший г. Министр дал знать и г. Помощнику Попечителя Московского Учебного Округа.

²⁵ Там же. Л. 263 — 263 об.

Ныне Помощник Попечителя Голохвастов представил мне, что Ежовский обращался в Правление Московского Университета с просьбою об отпуске его в Волынскую Губернию на шесть месяцев. Поелику Правление не иначе соглашается дать отпуск, как на 28 дней, то он по причине дальнего расстояния Волынской Губернии от Москвы и слабого здоровья, требующего медленного путешествия, просит г. Помощника Попечителя о снабжении его отпуском на шесть месяцев.

При сем г. Голохвастов изъясняет, что как в объявленном Высочайшем соизволении на отпуск Ежовского не назначен срок оно-го, то Правление Университета и встретило затруднение дать ему шестимесячный отпуск, но принимая в соображение отдаленность Волынской губернии, места родины Ежовского, от Москвы и слабое его здоровье, требующее медленного путешествия, то г. Голохвастов находит недостаточным 28-дневный отпуск, время, в которое он едва может прибыть на свою родину, не имея оно-го на возвратное путешествия в Москву, а тем более для поправления здоровья и остроения домашних дел; почему и представляет просьбу Ежовского на мое разрешение.

Так как Высочайшее соизволение на увольнение Ежовского в Одесу для продолжения там службы и в Волынскую губернию для свидания с родственниками, последовало по докладу Вашего Сиятельства, то и настоящее представление Помощника Попечителя Московского Учебного Округа об увольнении Ежовского в отпуск в Волынскую Губернию на шесть месяцев, я считаю долгом отнести на Ваше, Милостивый Государь, усмотрение, прося покорнейше, в случае нужды, испросить по сему предмету Высочайшее Разрешение»²⁶.

Но для Бенкендорфа делать дополнительный доклад императору — значит признать, что сам он не до конца вник в проблему и ограничился исключительно желанием дать императору повод проявить милосердие. Александр Христофорович пытается обойтись без подобного признания:

«Управляющему Министерством Народного Просвещения
№ 2782
20 Июня 1833

На отношение Вашего Пр<евосходительст>ва от 15-го минувшего Мая, № 4043, честь имею ответить, что я с своей стороны не нахожу препятствия к дозволению Кандидату Ежовскому на основании объявленного мною Предместнику Вашего Пр<евосходительст>ва от 15-го Февраля сего года Высочайшего

²⁶ Там же. Л. 267–268.

повеления поехать в отпуск в Волынскую Губернию на шесть месяцев для свидания с родственниками и устройства домашних дел, что совершенно от Вас, М. Г., зависит разрешить Ежовскому такой просимый им 6-ти месячный отпуск.

С совершенным почтением и преданностию честь имею быть Вашего Пр<евосходительств>ва покорнейшим слугою
Граф Бенкендорф»²⁷.

Эта увлекательная переписка завершилась тем, что Уваров разрешил Ежовскому отправиться в отпуск — раз уж не удалось его определить на службу в Ришельевский лицей. И Ежовский отправился в Украину, однако оттуда продолжил беспокоить шефа жандармов своими просьбами. Из Киева он пишет Бенкендорфу:

«Сиятельный Граф!

В силу высочайшего повеления находясь восемь лет в службе при Императорском Московском Университете и не имея надлежащих средств содержания, ни других присвоенных службе выгод за неоткрытием вакансии, я чувствовал крайнюю нужду просить о перемещении в Одессу, где имел бы способность продолжать государственную службу гораздо полезнее по поводу открывшегося приличного места, тем более, что и теплый Одесский климат, по мнению врачей, способствовал бы к поправлению моего слабого здоровья. Но как без Высочайшего соизволения желание мое не могло быть удовлетворено и мне не было возможно довести до сведения Его Императорского Величества мое бедственное положение, то осмеливался я прибегнуть к Вашему Сиятельству с покорнейшею моею просьбою о принятии благодетельного участия в решении судьбы моей. Примите ныне Ваше Сиятельство изъяснения моего благоговения и искреннейшей благодарности, коей преисполнена будет душа моя до кончины жизни. По великодушному Вашего Сиятельства попечению Государь Император всемилостивейше соизволил повелеть, дабы мне дозволено было занять место профессора в Одесском Ришельевском Лицее, равно как посетить родных моих в Волынской Губернии. И так Высочайшим разрешением обеспечено было для меня счастливое состояние на будущее время, стечением обстоятельств однако ж не только не улучшилась доселе участь моя, но настоящее мое положение еще бедственнее и затруднительнее, ибо упомянутое место профессора в Одесском Лицее замещено было до объявления Высочайшей резолюции. Оставалось пользоваться отпуском, но получив оный и прибыв в город Киев, за болезнью не возможно было продолжать путь в Волынскую

²⁷ Там же. Л. 269.

Губернию; между тем как кончился срок отпуска и я, в случае выздоровления, должен возвращаться, не выдавши родных моих, не устроив семейственных дел, не поправив расстроенного здоровья и не имея средств содержания, ни других благонадежных видов, так что, по настоящему моему положению, не только нельзя жить полезно, но нет способов для сохранения бедственной жизни.

Но я верю во Всевышнее Провидение, верю, что Государь Император милосерден и что, узнав горестную участь мою, кончил бы дело моего спасения. Потому осмеливаюсь вторительный <sic!> раз повергнуться к стопам Вашего Сиятельства и умолять в том, дабы Ваше Сиятельство благоволило милосердные взоры Его Императорского Величества вновь обратить на бедственное мое положение для улучшения участи моей. Увольнение от службы при Московском Университете и дозволение служить в Киевском учебном округе, до открытия же удобного места жить на родине по Волынской и Подольской Губерниях — таковое определение прекратило бы долговременные затруднения на пути к службе моей и расстройство по домашним делам. Ибо приятное и облегчительное жительство среди родственников, семейственное попечение, и многие удобства деревенской жизни, мне советуемой врачами — эти меры восстановили бы, вероятно, мое крайне расстроенное здоровье, с восстановлением же сил возвратилась бы способность предаться совершенно прежним трудам и Государственной службе, с возможной ревностью, коей были уже ощутительные доказательства; наконец, выгодная служба и устройство домашних дел дозволили бы выполнить обязанности человека и гражданина вожделенным супружеством. И так вся остальная жизнь моя была бы особенным долгом, надлежащим Государю Императору и Вашему Сиятельству.

Изъяснив мое бедственное положение и горячую просьбу о милосердии, имея чистую совесть и благонамеренное стремление, с утешительною надеждою, каковою несчастных оживляет христианская вера, великодушному и благодетельному Вашего Сиятельства вниманию вверяю всю участь мою, и честь имею пребывать

С глубочайшим почтением и совершенною преданностию

Вашего Сиятельства

Покорнейшим слугою

Иосиф Ежовский, кандидат философии

1833 г. Ноября 18 дня

Киев

2-й части Мостовая улица

Дом Котлубаевой»²⁸.

²⁸ Там же. Л. 270 — 271 об.

Заметим, что интонацию Ежовский избрал абсолютно точную: он позиционируется как человек, преследующий государственные интересы во всех сферах жизни — стремящийся приносить пользу как по месту службы, так и в личной жизни (ибо создание семьи также означает и исполнение гражданского долга). Однако поскольку кроме Бенкендорфа над ним есть и другое начальство, ссыльный филомат пишет и управляющему Министерством народного просвещения, о чем Уваров также сообщает Бенкендорфу, пересылая копии полученных им от Ежовского документов. Причем ответственность за принятое решение он вновь предусмотрительно перекладывает на Бенкендорфа:

«Милостивый Государь Граф Александр Христофорович!

Принадлежавший к обществу филоматов Кандидат Виленского Университета Иосиф Ежовский в следствие Высочайших повелений об определении некоторых участвовавших в сем обществе на службу по собственному их избранию, кроме С. Петербурга, также Западных и Южных Губерний, поступил в 1825 году в Московский Университет, при коем он и доселе числится.

Ваше Сиятельство от 15 февраля прошлого года уведомили предместника моего, что Ежовский обратился к Вам с прошением об исходатайствовании ему дозволения ехать в Одессу для занятия места Профессора Греческой Словесности в Ришельевском Лицее и посетить пред тем родственников своих в Волынской Губернии, и что по докладу о сем Государю Императору, Его Величество изъявить изволил Всемилостивейшее свое соизволение на дозволение Ежовскому отправиться в Одессу и посетить пред тем родственников в сказанной Губернии.

Между тем, как Вашему Сиятельству известно из отношения Князя Ливена от 23 февраля прошлого года за № 1714, место Профессора при Ришельевском Лицее, на которое желал поступить Ежовский, занято было другим; почему он, по предварительному моему с Вами, Милостивый Государь, сношению, уволен был только в отпуск на четыре месяца в Киевскую и Волынскую Губернии.

Ежовский, не явившись из отпуска, прислал ныне ко мне из Киева прошение, в коем изъясняет, что он задержан был доселе в сем городе тяжелою болезнью, препятствовавшей ему воспользоваться отпуском и как пользующие его врачи находят необходимым для излечения его употребление Черноморских вод, то он просит об увольнении его от службы при Московском Университете для поездки в Одессу, где ему представляется более действ к излечению болезни.

Такое прошение Ежовского, вместе с врачебным свидетельством, я имею честь отнести на уважение Вашего Сиятельства, покорнейше прося Вас, Милостивый Государь, почтить меня уведомлением о решении, какому должно подлежать такое прошение?

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть Вашего Сиятельства Покорнейшим Слугою
Сергий Уваров»²⁹.

«Копия

Его Высокопревосходительству господину Управляющему Министерством Народного Просвещения и Кавалеру Сергею Семеновичу Уварову

Находящегося на службе при Императорском Московском Университете Кандидата Иосифа Павлова сына Ежовского

Прошение

В следствие Высочайшего соизволения и распоряжения Вашего Высокопревосходительства Правлением Императорского Московского Университета дан был мне отпуск на четыре месяца в Волынскую Губернию для поправления здоровья и домашних дел. Прибыв попутно в г. Киев, задержан был сильною болезнию, так что и в последствии невозможно мне было ни продолжать путь, ни оставить сей город. По истечении срока отпуску, свидетельство о моей болезни местным начальством послано было в Правление Императорского Московского Университета. Приложенное к сей просьбе свидетельство киевских врачей, под коих пользованием я находился непрерывно, может служить доказательством, что моя болезнь не кончилась и что для излечения оной мне должно бы отправиться в город Одессу.

В 1832 году Советом Императорского Московского Университета представлен я был к увольнению от службы при оном Университете; прошлого же года Государь Император Всемилоостивейше соизволил допустить меня к занятию места профессора при Одесском Ришельевском Лицее. Хотя сие место ныне занято, однако ж в городе Одессе я имел бы больше средств излечения болезни, и содержания себя, нежели в Москве, где находился в самом бедном состоянии. Приняв сие в соображение, осмеливаюсь прибегнуть к Вашему Высокопревосходительству с покорнейшей просьбою моею о допущении иметь жительство в городе Одессе чрез увольнение от службы при Московском Университете или дозволении отправиться в Одессу и до открытия вакансии

²⁹ Там же. Л. 272–273.

в Ришельевском Лицее, считаясь при Московском Университете, исполнять какое-либо по моей части и по мере сил моих поручение.

Всемилоостивейший Монарх соизволил обратить милосердные взоры на бедственное положение мое и желал улучшить оное: одарите и Ваше Высокопревосходительство благодетельным вниманием состоящего под особенным Вашего Высокопревосходительства распоряжением и покровительством.

Подписал: Кандидат Иосиф Павлов сын Ежовский

Верно: Начальник Отделения П. Елияшевич»³⁰.

«Копия

Свидетельство

Мы, ниже подписавшиеся, сим удостоверяем, что состоящий при Московском Университете Кандидат Осип Павлов сын Ежовский, страдая с давнего времени жестокими почечуйными припадками, с сильным приливом крови к слабым от природы легким соединенными, от чего ему приключается значительное расстройство дыхательных органов (*Phthisis pulmonalis incipiens*), в настоящее время хотя упомянутые болезни несколько остановлены приличными средствами, но продолжительное оных действие произвело сильное расслабление всего организма, а в особенности нервной системы, для излечения коего употребление Черноморских вод находим самым надежнейшим и необходимым средством.

Г. Киев, Апреля 3 дня 1834 года.

На подлинном подписали:

Киевской Врачебной Управы Акушер, Медицины Доктор Коллежский Ассессор Гротковский

Киевский Городовой Лекарь Рихтер

Верно: Начальник Отделения П. Елияшевич»³¹.

Вероятно, именно в этот момент главноуправляющий III Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии граф Александр Христофорович Бенкендорф должен был понять, что ссыльный манипулирует им: Ежовский просто не намеревается возвращаться к прежнему месту службы³², а высылать

³⁰ Там же. Л. 274–275.

³¹ Там же. Л. 276.

³² О том, что Ежовский не намерен был ограничиваться отъездом в Одессу, свидетельствует его письмо от 9/21 января 1833 г. Ф. Малевскому, которому, судя по всему, он сообщал о своих намерениях и который, как следует из контекста, просил начальство о переводе друга в Ришельевский лицей: «Умоляя я, чтобы ты просьбы моей не преуменьшил, не ограничил. Читаю письмо

из Петербурга в Киев независимую медицинскую инспекцию для освидетельствования истинного состояния здоровья кандидата философии попросту не представляется возможным. В сугубо официальном ответе Бенкендорфа Уварову от 15 мая прорывается плохо скрываемое раздражение:

«Министру Народного Просвещения

№ 1720

10 Мая 1834

На отношение Вашего Пр<евосходительст>ва от 4-го сего Мая за № 4345, при коем Вы изволили препроводить ко мне прошение принадлежавшего к обществу филوماتов Кандидата Иосифа Ежовского об увольнении его от службы при Московском Университете для поездки в Одессу, где представляется ему больше средств к излечению его болезни, — честь имею ответить, что в удовлетворении таковой просьбы Ежовского не предстоит, по моему мнению, препятствий. Уважая выраженное в Феврале минувшего года Высочайшее дозволение ему поехать в Одессу для занятия предлагаемого в Ришельевском Лицее Профессорское место.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугою Граф Бенкендорф»³³.

Письмо С. С. Уварова от 18 мая ставит точку во всей этой истории:

<твое> и с удивлением нахожу фразу: “просьбу твою ограничил Одессой”. Что по сути означает: не освобожу тебя от изгнания, но только сменю место твоего изгнания. Указ сделает тебя профессором, а без указа никто тебя не освободит от службы, без указа никто не выпустит тебя из города. Не сможешь ты жить в родной стороне, среди родных, потому что старый указ это запрещает, а новый об этом умолчит. Останешься в камере, только камера будет уютней. Вот моя перспектива согласно тому, что ты сообщил. Но я надеюсь все еще на твою расторопность и доброту, что ты еще исправишь дело. Ты хорошо знал, что мне нужно — освобождение, а не Одесса. Одесса должна была стать только средством (если бы дело шло через Министра), дорогой к цели, но никогда — целью» — Archiwum filomatów. Listy z zesłania. T. 3. Warszawa: Ancher, 1999. S. 780. Отметим также, что в данном письме Малевскому упоминается «просьба к г-ну Б., которая должна была всему делу придать направление», причем публикатор письма профессор З. Судольский расшифровывает инициал как имя М. А. Балугьянского, под началом которого служил Ф. Малевский. В свете публикуемых нами документов очевидно, что речь идет, скорее всего, об А. Х. Бенкендорфе.

³³ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 6. Ед. хр. 716. Л. 277 – 277 об.

«Милостивый Государь Граф Александр Христофорович!

Согласно отношению Вашего Сиятельства от 10 сего Мая о том, что к увольнению Кандидата Ежовского по прошению его от службы при Московском Университете для поездки в Одессу не предстоит препятствия, сделав вместе с сим распоряжение об увольнении его от Университета и снабжении надлежащим Аттестатом, долгом считаю о сем Вас, Милостивый Государь, уведомить.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть Вашего Сиятельства Покорнейшим слугою

Сергий Уваров»³⁴.

Очевидно, что Юзефу Ежовскому удалось практически невероятное: он вернулся на родину (напомним, что сам он родом из Житомирской губернии) в то время, когда большинство высланных из Вильны филоматов и мечтать не могли о подобной милости. Он сумел использовать ради этого всю российскую бюрократию, начиная от шефа жандармов и заканчивая киевскими лекарями. Не желая оставаться покорной жертвой судьбы, Ежовский попытался изменить ее предначертания — и победил.

³⁴ Там же. Л. 278.

Несостоявшийся разведчик Фома Зан

В конце июля оренбургский военный губернатор граф Павел Сухтелен в числе прочих бумаг получил и следующее письмо, публикуемое нами полностью:

«Томаша сына Каролева Зана, Императорского Виленского (sic!) Университета Кандидата Философии, находящегося с 1824 года в Оренбурге под надзором Полиции

Докладная записка

Шестилетние мои страдания в разлуке с родными, которых был я единственною надеждою, без средств к важнейшим занятиям, без способов содержать себя, побудило меня прибегнуть под покровительство Вашего Сиятельства. Вашему сердцу и высокому просвещению вверяю судьбу мою безусловно: по чему и осмеливаюсь представить на благорассмотрение Ваше обстоятельства жизни моей и несчастья, уповая, что право мое на справедливость, или на помилование, или на какое от благотворительности Вашей, так от власти и доверенности, которыми Государь Император Ваше Сиятельство к щастию здешнего края удостоил.

1815 года, имея 18 лет от роду, окончил я элементарные науки в гимназиуме и определился в Виленский Университет, где посвятил себя точным наукам. Желал я посредством просвещения приготовиться быть полезным членом отечества. В продолжении семи лет, кроме вспомогательных курсов Истории и Статистики, Литературы Латинской, Польской, Французской, Немецкой, выслушал я все науки, преподаваемые на факультете Математическо-Физическом, а именно Алгебры и Геометрии аналитической и интегральной, Калкулу¹ дифференциального и интегрального, Механики, Архитектуры, Астрономии, Физики, Химии, Естественной Истории и Философии. Кроме упомянутых курсов в 1823 году держал я экзамен, в следствие которого факультет счел меня достойным степени Магистра.

Во все время моего в Университете пребывания имел я счастье заслужить уважение и доброжелательство как начальства, так и моих товарищей, что и заставило меня быть председателем общества академического из числа учеников Университета составленного под названием филаретов. Основалось оно по примеру обществ в других учебных заведениях составленных и существовало сперва публично, а не тайно, с 1819 года по 1821, в который

¹ Математического анализа (уст.).

заседания его прекратились и протоколы истреблены были по причине указа, всякие общества запрещавшего.

Целью филаретов единственною и определенною было вспомоществовать себе взаимно к полезнейшему приобретению наук и нравственности, а часть доходов жертвовать на содержание бедных при Университете учеников, об чем следственная комиссия для открытия существования и действия обществ учрежденная, чрез полгода с<t>рожайших изследований, совершенно удостоверилась.

Но упомянутая следственная комиссия в частных лицах, членах общества филаретов, нашла направление умов несоответствующее намерениям правительства, а особливо патриотизм польский, который не мог происходить из учреждения общества не быв оною целью, но был натуральным последствием уложения наук дозволенного в школах подвластных Виленскому университету. Во множестве книг, тетрадей и писъм, у нас забранных, не лъзя было не встретить выражений, не открыть ошибок, свойственных молодым летам, которые Коммиссия также в вину поставляла, подводя оные не к законам, особенно для учащихся данным, но к законам для граждан, коими быть мы еще приготовлялись. Строгость заключения, чрезмерная трудность в давании отчета в движениях сердца и мысли, в летах, где рассудок и воля не могла еще иметь самобытности, не знание законов, которым действия наши подвергались, неопытность наконец поставили нас в невозможности опровергнуть подозрения, в каком находилось общество наше, и оправдать нас самих.

Целый год (с 1823 по 1824) ждал я в заключении решения участи моей. Не знаю, где оно свершилось. 10 ноября 1824 года вывезен я был из Вильна в Оренбург, где еще год содержался на гауптвахте. Все также чиновники общества филаретов удалены из отечества, с позволением служить в отдаленных от него губерниях. Со мною вместе здесь присланные Сузин и Чечот, члены сего же общества, получили позволение вступить в службу. Подавал я прошение Его Высоко Превосходительству Петру Кириловичу Эссену² в исходатайстве для меня такой же милости. Сие прошение, равно как и другое о изтребовании из Университета Патенту на степень ученую, осталось без ответа, а я семь уж лет нахожусь под надзором полиции без экзистенции цивильной, без свободы и без способов пропитания.

В донесении об патриотическом польском обществе в выноске, исчисляющей лица Гмины Виленской, помещена и моя фамилия.

² Граф Петр Кириллович Эссен (1772–1844) занимал пост оренбургского военного губернатора с января 1817 г. по февраль 1830 г.

Опасаясь, чтобы сие обстоятельство не было не справедливою, ибо не заслуженною причиною продолжения и моего наказания и нещастия.

На содержание мое получаю с полиции по 50 копеек в день: что едва достаточно на наем квартиры. Другие же потребности удовлетворяются то состраданием благодетельных людей, то случайным вспомоществованием родных моих братьей, с которых равно как и с меня взыскивают суммы для пополнения издержек, сделанных следственной комиссией для открытия общества филаретов.

По прекращению сего общества Виленский университет назначил меня секретарем при обревизовании учебных заведений виленской, витебской и могилевской губерний; где двухлетние труды мои были некоим пособием к улучшению оных же заведений.

Время заключения и изгнания употреблял я на дополнение и приведение в порядок своих сведений, сколько сему позволяла печаль, частое нездоровье и недостаток пособий. Кроме сего, изучал я Истории, языку и литературе Российской.

Перевел с французского языка на польский *Conversations sur la philosophie naturelle*³, сочинение излагающее начала физики популярным способом и употребляемое в пенсиях⁴ женских; с немецкого же: *John Mason der weg zur Selbsterkenntnisz*⁵.

С 1828 года ежедневные делал наблюдения над переменами теплоты и атмосферы, для определения законов, коим следует сдешний климат.

Прогулки посвящаю познанию растений и насекомых, но как не могу удаляться за границу города, так и нахожусь не в состоянии распространить сие занятие к видимой и обширнейшей пользе. Собрание здешних насекомых подарил я университету Казанскому посредством профессора Эверсмана⁶.

³ Вероятно, имеется в виду книга: Prevost G. *Conversations Sur La Philosophie Naturelle*. Paris, Geneve, 1820.

⁴ Здесь в значении «пансион».

⁵ Имеется в виду немецкое издание книги «Трактат о самопознании» Иоанна Масона (Джон Мейсон, John Mason, 1706–1763), популярной среди российских масонов. Известный исследователь эпохи Мицкевича Станислав Пигонь ошибочно объединяет две переведенные Заном книги в одну, приписывая ее авторство Джону Мейсону. См.: Pigoń S. *Pierwsza wigilia wyгнаńca // Pigoń S. Z dawnego Wilna. Szkice obyczajowe i literackie*. Wilno: Wydawnictwo magistratu m. Wilna, 1929. S.109.

⁶ Эверсман Эдуард (Эдуард Фридрих) Александрович (1794–1860) — зоолог и энтомолог, ординарный профессор Казанского университета с 1828 г. Свою энтомологическую коллекцию Эверсман собирал более тридцати лет; в настоящее время она находится в Зоологическом музее Российской академии

Когда мера моего наказания исполнится, единственным моим желанием есть: быть возвращенным на родину к домашней жизни, где бы я мог быть опорой и утешением отца удрученного летами и нещастием сына. Если же я должен еще оставаться в изгнании по примеру моих сотоварищей чиновников общества филаретов, ожидаю позволения вступить в службу, дабы в оной иметь случай доказать преданность и усердие Государю Императору благодетелю нашего Отечества; дабы трудами и разсудком зрелого, нещастием испытанного века загладить вины и ошибки необдуманного врения молодости.

Желаю служить под начальством и покровительством Вашего Сиятельства: или по части ученой, в которой больше имею приготовления и опытов, или в предметах, в которых мои познания могли бы быть полезны, как то: описание краев Вашему правлению или влиянию вверенных; частные поручения Вашего Сиятельства, в чем при руководстве старших собственное мое усердие, благодарность и прилежание могли бы наградить недостаток опытности. Ежедневные, обыкновенные в канцеляриях занятия, отнимая меня у привычных занятий, не принесли бы большой пользы.

Если же наконец участь моя перемениться не может, то ни что мне больше не остается, как просить Вашего внимания и покровительства для моих частных занятий, которые под благодетельным влиянием Вашего Сиятельства могли бы распространиться к общей пользе и мне самому послужить способом к пропитанию.

1830 года Июля 26 дня. В Оренбурге. Писал Томаш Зан»⁷.

О Павле Петровиче Сухтелене современники были мнения хорошего. Боевой генерал, он был вовсе не злым человеком. Да и полученная им докладная записка характеризовала ее автора, скорее, как человека действительно несчастного и нуждающегося в поддержке. Сухтелен, вступивший в должность оренбургского военного губернатора 5 июня 1830 г., конечно, за неполные два месяца не успел войти в курс всех дел, доставшихся ему от предшественника. Однако можно предположить, что он затребовал от надзорных органов соответствующую справку, после чего встретился с просителем лично. Результатом стало его письмо к главноуправляющему III Отделением графу Александру Бенкендорфу:

наук (Санкт-Петербург). Вероятней всего, Зан мог встречаться с Эверсманом в 1829 г., когда тот посещал Оренбургскую губернию с целью пополнения коллекций Казанского университета.

⁷ ГАРФ. Ф. 109, 1-я экспедиция, 1831 г. Ед. хр. 716. Л. 179 – 181 об. Далее ссылки на данное дело даются непосредственно в тексте с указанием листов в круглых скобках после цитаты.

«Секретно

Сентября 20 1830

Милостивый Государь Александр Христофорович!

В числе лиц, находящихся в сей губернии под надзором Полиции, я нашел в городе Оренбурге доставленного в 1824-м году, по Высочайшему повелению, бывшего Виленского Университета Студента и Магистра Философии Тамаса Зана, который, имея от роду 18-ть лет, был замечен в обществе филаретов, и сперва гласно, а по запрещении оного уже тайно, председательствовал оным.

Шесть лет скромное и беспорочное поведение сего виновника, общее об нем выгодное мнение, образование и глубокие его познания в точных науках, особенно Математических и Физических, обратили на него внимание мое и склонили меня принять прилагаемую при сем в оригинале его записку.

Посылаю оную на благоуважение Вашего Высокопревосходительства, я осмеливаюсь лишь присовокупить о сем Зане следующее мое собственное суждение.

Раскаяние его я почитаю искренним, дарования и ученость его отличны, и сожаления достойно будет, если по продолжающемуся без определенного срока его заточению оные останутся бесполезными. По склонности и занятиям Зана, он был бы совершенно способен к занятию места Профессора Математики и Физики при каком-либо учебном заведении, если бы прежнее его прикосновение к тайному обществу тому не служило препятствием; а потому, если бы Правительству не благоугодно еще было, согласиться на живейшее его желание возвратить его Зана на жительство к отцу и семейству его, находящимся в Литве около Новогрудка, то я желал бы, посредством благосклонного Ходатайства Вашего Высокопревосходительства получить Высочайшее соизволение на оную из следующих об нем предположений:

Определить Зана на службу чином 9-го класса, присвоенного студентам кончившим с успехом Академический курс Магистрами; с производством ему из Государственного Казначейства жалованья 500 рублей в год и с употреблением его по Оренбургской Губернии, и сопредельным к оной Зауральским Землям, по особым поручениям, преимущественно в отношениях ученых, равно и по строительной части, о которой он имеет понятие. Или

Не определяя его на службу, поручить Зану под видом частного Купеческого Агента или Медика, но на счет Правительства, будучи на счет оного снабжен всем потребным и руководимым наставлением — предпринять путешествие во внутренность Средней Азии,

через Бухару и по возможности к Коканду, Самарканду, Балхашу или Мавре⁸.

Изложение политической и коммерческой цели такого путешествия в местах и к народам мало известным, но достигшим уже некоторую степень образованности, имеющим оседлость и промышленности, было бы здесь излишним; я уверен, что Ваше Высокопревосходительство в пользу такого предприятия не изволит иметь сомнения. Для исполнения одного, я тем более почитаю упомянутого Магистра Зана способным, что он без сомнения и всеми силами пожелает выйти из настоящего своего положения; не пожалеет себя в предприятии несколько отважным, имея в виду прощение, награду и приобретение будущей известности в Ученом Свете, если путешествие его увенчано будет успехом.

Позвольте мне, Милостивый Государь, ожидать на все сие благосклонного Вашего Высокопревосходительства уведомления.

С отличным почтением и таковою же преданностию имею честь быть

Милостивый Государь

Вашего Высокопревосходительства Покорнейший слуга

Граф Павел Сухтелен

Сентября 15-го дня

1830 года

Г. Оренбург» (л. 177 – 178 об).

На сути первого предлагаемого членом Английского королевского географического общества и Королевской шведской военной академии генерал-лейтенантом Павлом Сухтеленом варианта освобождения бывшего члена общества филоматов Томаша Зана следует остановиться особо.

Россия только начинала свою экспансию в Центральную Азию. Народы, населявшие приграничные земли азиатского юга, не были изучены и описаны, потому российские военные с трудом представляли себе, с кем они имеют дело. И ученые-путешественники традиционно исполняли де-факто функции разведчиков, поскольку они хорошо представляли себе, что именно интересует государство⁹. (Ярким примером является путешествие

⁸ Имеется в виду город Мерв — один из древнейших городов Средней Азии, разрушенный еще в XIII в. и возрожденный Тимуридами в XV в. на территории, занимаемой сегодня туркменским городом Мары.

⁹ Удивительно точное и едва ли не сознательное наблюдение по поводу, казалось бы, совершенно академической миссии выпускника Виленского университета Юзефа Сенковского сделал в его биографии В. А. Каверин:

выдающегося писателя и ученого Яна Потоцкого в 1805 г. в Китай с официальным статусом научного руководителя российского посольства, возглавлявшегося графом Ю. А. Головкиным, а затем сосредоточившегося на пророссийской пропаганде¹⁰.) Отправка же ссыльного Зана под видом коммерсанта («частного купеческого агента») или врача обеспечивала ему надежное алиби: элита центральноазиатских государств нуждалась и в постоянной поставке западных товаров (в том числе оружия), и во врачах. Последним достаточно часто пользовались, например, англичане, чьи медики выполняли роль «фигур влияния» при домах азиатских правителей.

Это свидетельствует о том, что умный и опытный военный оценил потенциал ссыльного, который волею судьбы и следственной комиссии Новосильцова оказался в Оренбурге. Наблюдательность и предрасположенность Зана к климатическим и иным исследованиям природы представлялись Сухтелену, вероятно, весомым аргументом. Напомним к тому же, что преемник Сухтелена на посту оренбургского военного губернатора Василий Перовский в 1839 г. возглавит поход российской армии

«Наука, история, политика, география, торговля и промышленность мусульманского Востока были изучены Сенковским так, как если бы он был дипломатическим представителем России, отправившимся в путешествие со специальными политическими задачами. Эти знания не могли оставаться без применения в России 20-х годов, для которой восточный вопрос был генеральным вопросом всей внешней политики» — Каверин В. А. Барон Брамбеус: История Осипа Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для чтения». М.: Наука, 1966. С. 20.

¹⁰ «Актуальной проблематикой азиатских провинций России интересовался в начале XIX в. Ян Потоцкий. Особо обратил он внимание на развитие экономики этих провинций. <...> В 1809 г. сообщал он брату (Северину Потоцкому. — *А. Ф.*), что готовит большой труд о политической экономии России» — см.: Wołoszyński R. *Polsko-rosyjskie związki w naukach społecznych 1801–1830*. Warszawa: Polskie wydawnictwo naukowe, 1974. S. 433. О том, что Я. Потоцкий выполнял в ходе путешествия роль, скорее, политического агента, свидетельствует и следующий факт: к числу малоизученных страниц жизни и деятельности Потоцкого в России, «безусловно, относится инициатива создания и выпуска польским писателем нескольких номеров правительственной политической газеты “La Gazette Imperiale de Saint-Petersbourg” (позднее называвшейся “Journal du Nord”). По возвращении из Монголии, в июле 1806 г., он представил ее проект, который был принят к реализации на следующий год. <...> После Тильзитского мира и отставки Адама Чарторьского Потоцкий прекратил издание газеты и отошел от политической деятельности» — Дворский А. Пушкин и польская культура. СПб.: Визер, 1999. С. 205–206.

на Хиву. А значит, скорее всего, уже в начале 1830-х гг. местная администрация могла предполагать, как будут развиваться события в регионе. К тому же был создан прецедент: несколько ранее, в 1829 г., Оренбургскую губернию посетил Александр Гумбольдт, который оценил сразу нескольких ссыльных из литовских губерний. В частности, Гумбольдт исколотал произведение в офицеры выполнявшему при нем функции переводчика бывшему ученику члена общества филаретов Яна Соболевского Яну Просперу Виткевичу (1808—1839; дяде известного позже под псевдонимом «Виткаци» драматурга Станислава Игнация Виткевича), высланному из Литвы за участие в тайной организации учащихся «Черные братья»¹¹. Зан знал об этом, поскольку он, судя по всему, и отрекомендовал Виткевича, находившегося в Орской крепости, Гумбольдту.

Что же касается традиции изучения государств Востока польскоязычными подданными империи, то, нужно отметить, в этом была чрезвычайно велика роль первого куратора Императорского Виленского университета князя Адама Ежи Чарторыйского. Чарторыйский, некоторое время бывший главным теоретиком внешней политики Российской империи, будучи одновременно искренним патриотом и сторонником возрождения Польши в династическом союзе с Россией или под протекторатом России, считал, что империя должна прекратить свои военные походы на Запад, максимально устремив внимание на Восток. Это, по мнению князя, позволило бы обезопасить польские земли от разорения.

Догадывался ли сам Зан о возможном повороте своей судьбы? Установить это трудно. Вряд ли Сухтелен, какими бы добрыми не были его отношения к ссыльному виленцу, раскрывал до конца свои планы. В любом случае, если бы предложение стать специальным агентом было бы Зану сделано, в нем не было бы ничего предосудительного, а сам Зан вряд ли смог бы уклониться от предначертанной ему свыше миссии.

Обращение оренбургского военного губернатора поначалу возымело некоторое действие: в течение нескольких месяцев следуют три всеподданнейших доклада А. Х. Бенкендорфа на высочайшее имя. Первый доклад от 7 октября 1830 г. под названием

¹¹ Ходатайство великого А. Гумбольдта возымеет свое действие: П. П. Сухтелен сможет добиться для Я. Виткевича производства в офицерский чин, после чего Виткевич примет активное участие в разведывательных действиях на территории Хивы и Бухары. Подробную справку о Виткевиче см.: Śliwowska W. Zesłancy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku: Słownik biograficzny. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 1998. S. 672—675.

«О дозволении возвратиться на родину Фоме Зану, бывшему кандидату философии в Виленском университете, основателю общества филаретов» был зарегистрирован в собрании всеподданнейших докладов № 179/к.4 (л. 182). Однако доклад состоялся, но императорского соизволения на возвращение Зана домой не было. И уже 31 октября следует второй доклад — «О Высочайшем соизволении на определение Фомы Зана в службу с чином 9-го класса» за № 180/к.4 (л.183). Очевидно, что по итогам первого доклада Бенкендорфу было дано некое поручение, потребовавшее времени для подготовки.

Трудно понять, что происходит вокруг ничего не подозревающего Томаша Зана. Вряд ли вскрылись какие-либо новые обстоятельства. Наверняка не было сделано никакого запроса в Оренбург: ехать туда даже фельдъегерю — не ближний свет, а в присланных Сухтеленом документах говорится все, о чем мог бы спросить Зана Бенкендорф; там сказано и о прошлом, и о возможном будущем оренбургского ссыльного. Тем более удивительно, что следует третий всеподданнейший доклад — уже от 20 ноября 1830 года за № 182/к.4 — «Об определении в службу бывшего кандидата философии Виленского университета Фомы Зана». Напомним, что ноябрь 1830 г. — начало самого мощного восстания на польско-литовских землях, и что бы ни решил император, факт восстания неизбежно внесет свои коррективы.

И первая из очевидных корректив: Томаш Зан не получает 9-го чиновничьего класса, хотя, судя по всему, первоначально Бенкендорф и Сухтелен договариваются именно об этом. «Компромиссный» (с точки зрения этих высокопоставленных лиц) вариант вырисовывается из следующего письма Павла Сухтелена к главе имперского политического сыска от 3 декабря 1832 г:

«Милостивый Государь Александр Христофорович!

Ваше Высокопревосходительство, приняв благосклонно мое представление от 15 сентября 1830 года о бывшем Студенте Виленского Университета Зане изволили исходатайствовать Высочайшее Его Императорского Величества соизволение на определение его на службу в Оренбург.

По получении о сем уведомления Вашего, Милостивый государь, от 20 ноября того же года г. Зан определен мною к музеуму, учрежденному в Оренбурге, и с того времени находясь в службе,

сверх назначенных ему обязанностей, он был употреблен к геогностическим исследованиям некоторых мест Губернии¹² и исполняя все возложенные на него поручения с особенным усердием, скромным и беспорочным поведением, обращал на себя особенное внимание.

В уважение таковой полезной службы г. Зана я решаюсь просить Ваше Высокопревосходительство о исходатайствовании ему награждения *Офицерским Чином*, соответствующим званию *Студента*. Таковая *Монаршая милость* поощрит его еще более на пользу службы.

С совершенным почтением и таковою же преданностию имею честь быть *Милостивый Государь*

Вашего Высокопревосходительства

Покорнейший Слуга

Гр. Сухтелен» (л. 243).

Как мы видим, прошло два года. Причем за эти два года статус *Томаша Зана* не изменился: он не получил чиновничьего класса и лишь «был употреблен» по усмотрению губернатора. Сейчас, вероятно, своеобразный карантин, по мнению *Павла Петровича Сухтелена*, завершен, и можно вновь ходатайствовать о чине, но на этот раз более низком. *Кандидат Виленского университета Франтишек Малевский*, сосланный одновременно с *Заном* во внутренние российские губернии, был определен на службу по 9-му классу *Табели о рангах* — тому самому классу, о присвоении которого *Зану* ходатайствовал губернатор. Званию студента соответствует иной класс, более низкий. Тем не менее это легализует чиновничью деятельность ссыльного и облегчает его положение.

На этот раз просьба *Сухтелена* удовлетворяется. В ответе *Бенкендорфа* от 15 декабря 1832 г. говорится: «Его Величество, единственно по уважению к ходатайству Вашего Сиятельства,

¹² «Дня 26 июня 1832 года после захода солнца в обществе г-на *Николая Жуковского* выехал я из *Оренбурга* на сей раз в составе свиты графа *Сухтелена*, начальника одноименной губернии, с целью обозрения хотя бы частично западных ее окраин и собрания геогностических известий, которые могли бы служить к дополнению тех, что собирал я прошлой весною в *Златоусте*, а именно с точки зрения подземных вод, протекающих в подземных расщелинах и возможных к добыче через скважины, просверленные с поверхности» — см.: *Zan T. Przejazdka do starczanych siergiejewskich wód // Archiwum filomatów. Listy z zesłania. T. 2: Krąg Tomasza Zana, Jana Czczota i Adama Suzina. Warszawa: Ancher, 1999. S. 59.*

всемиловейше повелеть соизволил Кандидата бывшего Виленского Университета, находящегося на службе при Оренбургском Музее Фому Зана произвести в 14-й класс» (л. 246 – 246 об.).

Павлу Сухтелену останется жить всего несколько месяцев: он умрет 20 марта 1833 г. в возрасте 44 лет. По словам его всезнающего современника московского почт-директора Александра Булгакова, «добрый и полезный человек умер»¹³. Дальше бывшему филарету придется иметь дело с его преемником — Василием Перовским.

¹³ Братья Булгаковы. Переписка: В 3 т. Т. III. М.: Захаров, 2010. С. 485. Сам Томаш Зан переживал смерть генерал-губернатора тяжело. Он писал Ф. Малевскому из Оренбурга 22 марта / 4 апреля: «Наш граф Сухтелен позавчера внезапно, во время обычных своих вечерних занятий делами отдал Богу свою прекрасную душу. Эту неожиданную и невозможную утрату сильно и искренне оплакивает здешний край... Сейчас мне очень грустно. Скорблю о человеке, который был здесь отцом, другом, защитником всех несчастных. Полон был светлых и наилучших намерений. Как же будут довершаться начатые при нем дела? <...> Отмечал меня он своей милостью и сочувствием, понимал мои внутренние и внешние нужды. Собирались мы посетить горы и море, киргизскую степь» — Archiwum filomatów. Listy z zesłania. T. 2: Krag Tomasza Zana, Jana Czeczota i Adama Suzina. Warszawa: Ancher, 1999. S. 152–153.

Мои любимые «жабы»

Название этого раздела книги нужно пояснить.

Длительное время я был членом редакционного совета справочника «Кто есть кто в Беларуси», который вышел пятью изданиями, в том числе на польском и русском языках. Самым сложным в работе над ним было — оставаться объективным. Мы до хрипоты спорили, составляя словник — перечень персоналий, которым должны были быть посвящены отдельные статьи. А денег не хватало, и число страниц будущей книги заведомо было ограничено.

Так получилось, что я все время предлагал включить в справочник каких-нибудь страшно неприятных людей. Мы с ними придерживались разных взглядов, но они влияли на общественное мнение, а потому в справочнике, с моей точки зрения, присутствовать были должны обязательно.

— Александр Иосифович, — упрекала меня моя коллега и друг Валентина Тригубович, — сколько можно лоббировать всяческих «жаб»?! Приличным людям места не хватает.

— Валентина Андреевна, житиями «святых» в книжных магазинах все полки переполнены, а качественной и достоверной биографии «жабы» ни в одной библиотеке не найти.

Потом я вернулся к науке, и обнаружил ту же закономерность. Биографии литературных «жаб» отсутствовали вне зависимости от того, насколько эти отрицательные герои истории литературы были влиятельны в свою эпоху. А если и появлялись биографии «жаб», то их биографы тщательно стремились изменить знак, под которым следовало рассматривать их героя — с минуса на плюс. Вместо «жабы» нам предлагали очередного «святого». Пожалуй, лишь Абраму Рейтблату удалось избежать такой крайности, хотя и у его центрального персонажа, нашего общего героя Фаддея Булгарина, тоже человека Пограничья, временами за спиной прорезаются крылья.

В этом разделе я собрал свои архивные статьи о двух своих любимых «жабах» — Юзефе Эманюэле Пшецлавском и Генрике Ржевусском. Оба они были людьми чрезвычайно талантливыми и очень неприятными. Говорю это с искренним сожалением, потому что надеюсь когда-нибудь написать о них отдельные книги. Пока же предлагаю несколько документальных историй, свидетельствующих: даже самые крупные «жабы» бывают иногда по-своему привлекательными и интересными.

Плохой чиновник Генрик Ржевусский

1 (13 по новому стилю) февраля 1823 г. русский посланник в Мюнхене Иван Илларионович Воронцов-Дашков¹ препроводил в Министерство иностранных дел Баварии список чиновников Российской миссии:

«Чрезвычайный посол и полномочный министр граф Воронцов-Дашков;

первый секретарь миссии барон Крюденер².

Причислены к Миссии:

граф Ржевусский;

г-н Тютчев»³.

Повторно аналогичный список — уже в несколько ином составе — препровождается первым секретарем миссии Александром Сергеевичем Крюденером в МИД Баварии 6 (18) декабря 1826 г.:

«Чрезвычайный посол и полномочный министр граф Воронцов-Дашков.

Секретарь миссии барон Крюденер.

Чиновник канцелярии г-н Семен Бакунин⁴. Переводчик.

Причислены к миссии — гр. Ржевусский, г-н Тютчев, коллежский секретарь и камер-юнкер Его Величества»⁵.

Несомненно, граф Ржевусский, упомянутый в первом случае, и граф Ржевусский из второго документа — одно и то же лицо. Генрик Ржевусский, выдающийся польский писатель, родной брат вошедших в историю русской и французской литератур Каролины Собаньской и Эвелины Ганской (во втором замужестве — де Бальзак). Граф Генрик Адамович действительно был причислен к Российской миссии в Баварии, о чем свидетельствует и его

¹ Воронцов-Дашков Иван Илларионович (1790–1854) — граф, русский посланник в Мюнхене (1822–1827).

² Крюденер (Крюднер) Александр Сергеевич (?–1852) — барон, второй (1817–1825), затем первый секретарь (1826–1836) Российской миссии в Мюнхене, временный поверенный в делах (1826–1828) в Баварии.

³ Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева: В 3 кн. Книга первая: 1803–1844. М.: ООО «Литограф», Музей-усадьба «Мураново» имени Ф. И. Тютчева, 1999. С. 59.

⁴ Бакунин Семен Павлович — переводчик при Российской миссии в Мюнхене (1825–1826).

⁵ Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева: В 3 кн. Книга первая: 1803–1844. М.: ООО «Литограф», Музей-усадьба «Мураново» имени Ф. И. Тютчева, 1999. С. 75.

формулярный список, сохранившийся в Архиве Внешней политики Российской империи (АВПРИ) и впервые публикуемый сегодня нами (приводим только заполненные графы):

«Послужной список Титулярного Советника и в звании Камер-Юнкера Графа Генриха Ржеуцкого <sic!> 1833 года.

Чин, имя, фамилия и должность им отправляемая и сколько от роду лет. — Титулярный Советник и в звании Камер-Юнкера Граф Генрих Адамович Ржеуцкий от роду имеет 43 года. Находится при Миссии в Мюнхене

Есть ли за ним, за родителями его, или когда женат, за женою недвижимое имение. — Не имеет.

Когда в службу вступил и оной какими чинами и в каких должностях и где происходил, также не было ли каких отличных по службе деяний, и не был ли особенно кроме чинов чем награжден и в какое время.

По Высочайшему Указу пожалован в звание Камер-Юнкера и определен в Коллегию Иностранных Дел. — 1817, Декабря 12

По Высочайшему Указу последовавшему в 17 день Августа 1818 года определен к Миссии в Мюнхен сверх штата и пожалован в Переводчики с старшинством со дня определения его в Коллегию с 12 Декабря 1817 года.

Произведен в Титулярные Советники — 1820 Декабря 12.

В походах против неприятеля и самых сражениях был или нет, и когда именно — не был.

Не был ли в штрафах и под судом, и если был, то за что именно, когда и чем дело кончено — не был.

Не был ли в отпусках и если был, то когда именно и на сколько времени и являлся ли на срок к должности — не был.

Не был ли в отставке с награждением чина, или без оногo и когда — не был.

Женат ли, имеет ли детей, кого именно, коликих лет, и где они находятся, — холост⁶.

Верно — старший помощник столоначальника Спицын⁷.

Как видим, чиновник-дипломат из графа Ржевусского получился далеко не блестящий: к сорока трем годам он едва дослужился

⁶ Косвенное свидетельство того, что данный послужной список был попросту переписан с более раннего: Генрик Ржевусский вступил в брак с Юлией Грохольской в 1826 г. — см.: Ślisz A. Henryk Rzewuski: życie i poglądy. Warszawa: Krajowa agencja wydawnicza, 1986. S. 53. Вероятней всего, писарь не имел возможности уточнить данные у самого Ржевусского.

⁷ АВПРИ. ДПС и ХД. Оп. 464. Год 1817—1834. Д. 2167. Л. 3 — 4 об.

до чина титулярного советника — и это при блестящем происхождении и влиятельных масонских знакомствах его отца!

Впрочем, все становится понятно после того, как мы знакомимся с отпуском письма графа Воронцова-Дашкова от 6 (18) октября 1821 г. за № 58:

«Государственной Коллегии Иностранных Дел

Честь имел получить канцелярскую цидулу оной Коллегии под №-ом 5492 от 18-го сентября касательно до произведения графа Генриха Ржеуцкого в титулярные советники.

При сем случае за долг почитаю Коллегию уведомить, что упомянутый граф Ржеуцкий до ныне не явился к миссии моей»⁸.

Высока вероятность того, что граф Генрих вообще не появлялся в миссии, поскольку никаких иных следов его служебной деятельности за этот период мы обнаружить не смогли. Становится понятным, почему его сослуживец Федор Тютчев смог совершить серьезную карьеру, а Ржевуский — нет. Впрочем, и сослуживцами их назвать трудно, поскольку, скорее всего, они так и не встретились в Мюнхене.

А ведь какой сюжет получался для исторического романа: два выдающихся писателя в одно и то же время служат в одном и том же посольстве. Но, увы, в данном случае роман не сложился.

⁸ АВПРИ. Ф. М40. Оп. 522. Д. 17. Л. 74.

Еще до коллаборантства (Об отношении Генрика Ржевусского к восстанию 1830–1831 гг.)

В фонде известного русского литературного деятеля первой половины XIX в. Степана Петровича Шевырева (1806–1864) в Российской национальной библиотеке сохранились два письма графа Генрика Ржевусского. Нас будет интересовать одно из них, поскольку оно представляет Ржевусского в несколько неожиданном свете.

Воссоздадим контекст переписки.

Итак, 1831 год, июнь. Оба корреспондента пребывают в Италии. Степан Шевырев — в качестве воспитателя князя Александра Волконского, единственного сына княгини Зинаиды Волконской (1789–1862), «Царицы муз и красоты»¹, как назвал ее А. С. Пушкин. Зинаида Александровна Волконская приняла в конце 1820-х гг. (точная дата неизвестна) католицизм, что вызвало крайнее недовольство императора Николая, и без того не благоволившего к Волконской, не раз демонстрировавшей позицию, отличную от официальной (напомним, что она организовала торжественные проводы в Сибирь своей невестки М. Н. Волконской, отъезжавшей из Москвы к сосланному мужу-декабристу С. Г. Волконскому). В 1829 г. княгиня Зинаида навсегда покидает Россию, перед этим успев выхлопотать для ссыльного Адама Мицкевича разрешение отправиться в европейское путешествие.

Неудивительно, что римский дом княгини-католички становится центром притяжения для польскоязычных российских подданных. А хорошо образованный воспитатель ее сына, к тому же пытающийся переводить с польского языка, — желанный собеседник. У нас есть словесный портрет С. П. Шевырева, составленный позже еще одним его корреспондентом — другом Мицкевича и его спутником в европейских странствиях поэтом Антониом Эдвардом Одынцом (1804–1885): «...но вместо Адама входит какой-то незнакомый юноша, с бледным, худым, девичьим лицом и рекомендуется по-французски: Шевырёв. Я уже знал от Адама, что это российский ученый литератор и поэт, его добрый знакомый по Москве, который занимается воспитанием молодого князя Волконского. <...> Шевырёв прекрасно знает и продолжает изучать римские древности и обязуется быть нашим чичероне в Риме; взамен я поо-

¹ Пушкин А. С. Княгине Зинаиде Волконской при посылке ей поэмы «Цыганы» // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л., 1948. Т. 3. Кн. 1. С. 54.

бешал ему помочь в изучении польского языка — и прежде, чем мы вышли из кареты, союз был заключен и скреплен рукопожатием»².

Генрик Ржевусский оказался за пределами Российской империи несколько раньше — еще в 1823 г. он был причислен к Российской дипломатической миссии в Мюнхене (Бавария), где должен был служить вместе с Ф. И. Тютчевым³. 32-летнему польскому аристократу слишком поздно делать дипломатическую карьеру: скорее всего, для графа Ржевусского служба — лишь повод, чтобы легально уехать за границу.

Высока вероятность того, что с Шевыревым Ржевусский познакомился благодаря своей дружбе с А. Мицкевичем. Отсюда очевиден и уровень доверия его к корреспонденту. Во всяком случае, если первое письмо, от 16 июня 1831 г., интересно исключительно биографам Ржевусского (граф сообщает из Неаполя Шевыреву о своей лихорадке, просит его ходатайствовать перед Зинаидой Волконской о помощи и переслать письма родных, если таковые пришли), то второе — от 24 июня того же года — интересно уже как документ особого рода. Огласим его целиком в переводе с французского⁴.

«Дорогой г. Шевырев, огромная благодарность вам за ваш ответ. Это утешило меня в моих горестях, потому что если физически я восстановил свои силы, то нравственно я страдаю так, как только можно себе представить. Моя страна [?] в огне, у меня нет никаких известий о моих близких, глава моей семьи убит, мои лучшие друзья либо погибли, либо находятся в заточении, которое, возможно, закончится их смертью, мое имение полностью уничтожено, и старая вражда между народами, происходящими от единого корня и которые уже начинали любить друг друга — кто может предвидеть, чем это кончится.

Письмо, которым вы удостоили меня и которое доставило мне столько удовольствия, вместе с тем меня и обеспокоило. Вы пишете, что наша сиятельная Княгиня отослала все пришедшие на мое имя письма в русскую миссию. Я получил только одно; на почте я ничего не нашел от г. Кьявери⁵, и понятия не имею, кто та русская дама, которая везет для меня пакет. Вообразите же себе мое беспокойство, особенно в момент, когда я лишен каких бы то ни было вестей из дома.

² Odyniec A. E. Listy z podróży. T. 2. Warszawa: PIW, 1961. S. 13.

³ См. в настоящем издании: «Плохой чиновник Генрик Ржевусский».

⁴ Перевод Н. М. Сперанской.

⁵ Как можно судить из содержания предыдущего письма к С. П. Шевыреву, Луиджи Кьявери — римский поверенный Г. Ржевусского.

Покорнейше прошу вас, дорогой г. Шевырев, осведомиться у Кьявери, как зовут эту русскую даму. Я понимаю, что веду себя дерзко, но *res sacra miser*⁶...

Между нами говоря, я скучаю в Неаполе, но здоровье жены⁷ здесь лучше, чем где бы то ни было, климат здесь хорош, жару переносить легко, но Рим, Рим, для нас нет другого города, кроме него, и как только жары спадут, мы вернемся туда. — Добрый князь Гагарин⁸, достойнейший из благородных людей, оказал мне такую услугу, за которую я буду ему благодарен всю жизнь. Он написал, без всякой просьбы с моей стороны, письмо к хитрому старику⁹, представляющему здесь нашего Государя, в котором сказал обо мне в самом выгодном свете, и теперь Штак<ельберг> окружает меня всеми любезностями и вниманием, и только вчера я узнал о той деликатной услуге, которую оказал мне Князь. В самом деле, что бы ни случилось, я всегда буду повторять вместе с [нрзб], что вы, русские — славные люди, — конечно, я говорю о настоящих русских...

До свидания, милый и добрый г. Шевырев. Мы не можем изменить хода вещей, но будем делать все от нас зависящее, чтобы поддержать согласие между двумя нашими народами, и не будем забывать, что общее благо рождается из частных усилий.

С искренним почтением остаюсь вашим преданным слугой Г. Ржевусский

Передайте мое почтение нашей Княгине и [нрзб] поклон князю Александру¹⁰».

В данном письме нас, разумеется, интересуют те оценки, которые дает Генрик Ржевусский недавно прошедшей русско-польской войне 1830–1831 гг. — так было принято в российской имперской прессе именовать с трудом подавленное ноябрьское восстание.

Очевидно, что для Ржевусского случившееся — колоссальная личная трагедия. Именно так он оценивает ее: «Моя страна [?]»

⁶ Несчастный свят... (*лат.*).

⁷ Юлия (Идалия) Ржевуская (урожденная Грохольская; 1791–1867) — жена Г. Ржевусского, покровительница известного белорусско-польского литератора Я. Барщевского.

⁸ Гагарин Григорий Иванович (1782–1837) — князь, русский дипломат. В 1827–1832 гг. — чрезвычайный посланник и полномочный министр в Риме.

⁹ Фон Штакельберг Густав Оттонович (1766–1850) — граф, русский дипломат. В 1818–1835 гг. — чрезвычайный посланник и полномочный министр в Неаполе.

¹⁰ Речь идет о сыне З. А. Волконской — князе Александре Никитиче Волконском (1811–1878), воспитаннике С. П. Шевырева, впоследствии тайном советнике и камергере.

в огне, у меня нет никаких известий о моих близких, глава моей семьи убит, мои лучшие друзья либо погибли, либо находятся в заточении, которое, возможно, закончится их смертью, мое имение полностью уничтожено, и старая вражда между народами, происходящими от единого корня и которые уже начинали любить друг друга — кто может предвидеть, чем это кончится».

Глава семьи, упоминающийся графом Генриком, — старейший в тот момент представитель рода Ржевуских, легендарный «Эмир» — Вацлав Ржевуский (1785—1831), путешественник по странам Востока, драматург, видный политический деятель; граф Генрик приходится ему внучатым племянником — родство для польской аристократии весьма близкое. Но гибель старика «Эмира», как и аресты близких друзей, — не самое страшное. Генрика Ржевусского пугает будущее — пугает настолько, что он даже задумывается в какой-то момент об эмиграции. Во всяком случае, так, на наш взгляд, следует трактовать пассаж из письма Зинаиды Волконской Адаму Мицкевичу от 24 ноября 1831 г.: «Генрик здесь (в Риме. — А. Ф.) не так давно, решил остаться здесь и не предполагает даже момента своего отъезда в страну»¹¹.

Тем не менее в империю Ржевуский все-таки вернется, и вся его дальнейшая жизнь будет связана с ней. Заглянем в будущее.

Достаточно близко знавший Ржевусского князь Петр Андреевич Вяземский позже писал о нем: «Граф Гейнрих Ржевуский, польский писатель, прославившийся своими историческими романами, в которых воскрешал он нравы и быт старой Польши, был сам кровный и *щирый* поляк. Он принадлежал старой *ойчизне* душою, преданиями и убеждениями, пожалуй, и предубеждениями, ложно-историческими и клерикально-религиозными. Но все эти убеждения, смешанные с предубеждениями, входили в плоть и кровь его. Воля ваша, должно уметь мириться и с подобными людьми, а не забрасывать их укоризнами и камнями риторического патриотизма. Можно быть политическим противником их, но и в борьбе должно уважать честного врага. В этой среде Ржевуский был единомышленником собратий своих, но и отличался от них. В нем были патриотические сожаления и скорби, но не было безумных упований и самонадеянных требований. Рассудок его не щетинился перед силою вещей и приговором совершившихся событий»¹².

Генрик Ржевуский действительно был патриотом Польши — той, которую он знал и любил по семейным преданиям, причем

¹¹ Оригинал на французском языке. — Listy do Adama Mickiewicza. T. V. Warszawa: Czytelnik, 2014. S. 375.

¹² Вяземский П. А. Старая записная книжка // Вяземский П. А. Полное собрание сочинений. СПб., 1883. Т. 8. С. 262. — Курсив П. А. Вяземского.

не Польши даже, а Речи Посполитой обоих народов. Ржевусский идеализировал уклад жизни литовских магнатов и шляхты и воспел жизнь Великого Княжества Литовского в своих гениальных романах — «Воспоминания Соплицы» и «Ноябрь». Обе книги принесут ему славу и бессмертие, однако и слава эта, и бессмертие будут поставлены под сомнение уже современниками автора: Ржевусский высмеял надежды на возрождение Речи Посполитой в своих публицистических книгах — и прежде всего в «Геофрасте Польском» и «Житейских мелочах Яроша Бейлы». Его «Ярош Бейла» стал для радикальной части польских патриотов символом ренегатства и чуть ли не продажности. Настолько, что искренность автора «Воспоминаний Соплицы» была поставлена под сомнение.

Публикуемое письмо свидетельствует, что Ржевусский действительно воспринял восстание как катастрофу. Уже в предыдущем письме он писал Шевыреву: «Меня постигли новые и тяжкие беды — всё, что происходит у нас; я стараюсь не думать об этом, но не могу». Ржевусский принадлежал к числу тех польских интеллектуалов, кому создание «Kongressówki» — Царства Польского в династическом союзе с Российской империей казалось шансом: вынужденно приплыв «под опеку» одного из главных европейских «хищников» XVIII в., Речь Посполитая навсегда должна была быть избавлена от посягательств других. Россия представлялась Ржевусскому оптимальным «опекуном» его родной Польши: в конце концов, речь шла о славянских народах, «братство» которых подразумевалось им, как и многими иными его современниками, например А. С. Пушкиным. Но 1830 год продемонстрировал Ржевусскому, что шанс не использован. Восстание стало катастрофой.

Впрочем, графу Генрику Адамовичу Ржевусскому, в будущем — чиновнику для особых поручений при наместнике в Царстве Польском фельдмаршале И. Ф. Паскевиче и главному редактору правительственной газеты в Царстве Польском, предстоит стать свидетелем куда более страшной трагедии — трагедии 1863 года, когда империя окончательно прекратит игру в благородство, защищая свои завоевания, а его родной брат, граф Адам Ржевусский, будет командовать артиллерией, расстреливающей из пушек восставшую Варшаву. Но о том, что думал старый друг Мицкевича и корреспондент Шевырева тогда, мы, вероятно, никогда не узнаем. Разве что в архиве кого-либо из его российских корреспондентов будет обнаружено новое неопубликованное письмо этого странно-го и противоречивого человека.

Граф Ржевусский — против монархии?!

В 1833 г. граф Генрик Ржевусский, и без того не утруждавший себя на службе исполнением государственных обязанностей, вернулся в свое имение Чуднов Киевской губернии и занялся литературной деятельностью. Вероятно, этот второй период его творчества можно назвать «временем разочарования». Если вершиной первого стал бесспорный шедевр «Воспоминания Северина Соплицы, чешника Парнавского» — блестящая стилизация под шляхетскую гавенду, очаровавшая в авторском импровизационном исполнении даже Мицкевича, то сейчас граф Генрик сосредоточился прежде всего на попытках осмыслить причины крушения того мира, который казался ему средоточием всех возможных человеческих доблестей. Почему погибла, ушла под воду Времени, как сарматская Атлантида, эпоха шляхетских «кунтушовых» вольностей — вот вопрос, на который его сиятельство пытается найти ответ.

Он пишет три историософские рукописи, которые так и остались неопубликованными. В биографии Ржевусского Анджей Слиш так говорит о их судьбе: «Вероятней всего, из цензурных соображений никогда не появились они в печати в виде, в котором были написаны, тем не менее большие или меньшие фрагменты дождалась публикации в виде включений в очередные тома публицистических размышлений либо как самостоятельные брошюры и статьи»¹. Убедить в том, что биограф прав, и понять, какими именно соображениями и почему руководствовались цензоры, запрещая к публикации рукописи совершенно лояльного к Империи автора, можно, проанализировав одно из цензурских донесений, дошедшее до нас и сохранившееся в Российском государственном историческом архиве (РГИА, ф. 777, оп. 1, д. 1605).

Дело начинается с обращения уже знакомого нам Павла Гаевского к председателю Санкт-Петербургского цензурного комитета.

«Марта 9

Его Сиятельству

Г-ну Председателю СПетербургского Цензурного Комитета Князю Михаилу Александровичу Дондукову-Корсакову²

¹ Ślisz A. Henryk Rzewuski: życie i poglądy. Warszawa: Krajowa agencja wydawnicza, 1986. S. 88.

² Дондуков-Корсаков Михаил Александрович (1794–1869) — князь, тайный советник (1841); попечитель Санкт-Петербургского учебного округа (1833–1842), вице-президент Российской Императорской академии наук (1835–1852).

Цензора Статского Советника Гаевского Донесение

По распоряжению Вашего Сиятельства в конце ноября 1840 года поступило на мое рассмотрение сочинение Графа Генриха Ржевусского *O Stosunkach literatury z Historią* (об отношениях Литературы к Истории). Сочинение это имею честь представить Вашему Сиятельству, докладывая, что оно пробывало у меня более трех месяцев по необыкновенно важному содержанию своему, выходящему из круга книг обыкновенных. Я должен был несколько раз повторить чтение этой рукописи, чтобы вразумиться в смысл и поверить заключение о ней. Не полагаясь на собственное суждение, я просил разрешение Вашего Сиятельства передать рукопись на проверку г. Цензору Коллежскому Советнику Дукшинскому. Оказалось, что мнение его согласно с заключением, которое имел я о сем сочинении до передачи его г. Дукшинскому³.

Голос его имею честь у сего представить на благоусмотрение Вашего Сиятельства.

П. Гаевский

9 марта 1841 года»⁴.

Что же столь «необыкновенно важного» увидел в представленной Ржевусским рукописи опытный цензор? И что испугало его настолько, что он решил снять с себя ответственность за принятие решения, переложив ее на плечи своего товарища по цензурному комитету⁵?

Прочтем заключение цензора Дукшты-Дукшинского.

«Об отношениях Литературы к Истории

соч. Графа Ржевусского

Философы новейшей эклектической школы первые выступили с мнением, что Политическое стремление народов, в каждой эпохе Истории, отражается в произведениях ее литературы. Сему же мнению следует автор настоящей рукописи, с тем только отличи-

³ Дукшта-Дукшинский Гавриил Рафаилович (1799–1858) — начальник особого отделения Министерства народного просвещения по делам Варшавского учебного округа (с 1839 г.). Цензор (1828–1857) и председатель (1857–1858) Комитета цензуры иностранной в Санкт-Петербурге, действительный статский советник (1853).

⁴ РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 1605. Л. 1 – 1 об.

⁵ Следует добавить, что Гаевский и Дукшинский, если судить по опубликованным Н. В. Хаустовичем спискам студентов Полоцкой иезуитской академии, учились в ней одновременно, а потому, без сомнения, были давно и хорошо знакомы. См.: Хаўстовіч М. В. У Полацкай езуіцкай акадэміі // Хаўстовіч М. В. Даследаванні і матэрыялы: Літаратура Беларусі XVIII–XIX стагоддзяў. Т. 1. Warszawa, 2014. S. 130–131.

тельным оттенком, что останки народной Словесности выражают у него Политический быт истекшего Исторического периода, составляют отголосок умирающей Поэзии народного духа. Посему народ, находящийся в полноте юной, пылкой поэтической жизни, не может иметь блестящей Литературы, и взаимно, внезапное появление оной в народе, предвещает ему гибель или по крайней мере изменение его Политической формы, ибо тогда дух народный, улетая так сказать из отечественного тела, переселяется в Литературу.

Казалось бы, что для подтверждения системы достаточно было бы обозреть главнейшие, разительнейшие периоды Политической истории народов, сравнить их с произведениями Литературы современной или преемственной и указать в них признаки волнения или оцепенения, жизни или смерти. Так делают другие: но это означало бы ограничиться пределами Философии Литературы, а Автор имел совсем другую цель. Под скромным названием *Соотношений Истории с Литературой*, или лучше сказать под личиною сего заглавия он представляет религиозно Политический Трактат, приготавливающий торжество Латинства над Православием, Либеральных начал над строгим Монархизмом; о нестерпимости же в отношении к другим Христианским вероисповеданиям, о пристрастии к Французам, как образцовому народу — и говорить нечего.

В сочинении много ума, много *Эрудиции*, или начитанности, слог и язык отличны; но тем оно и вреднее, тем оно и соблазнительнее. Во Франции книга оспорила бы венец Гизо⁶ и Виллемена⁷; в России она подлежит строгому осуждению, как нарушающая коренные начала Государства.

Тяжкое обвинение требует доказательств: они представятся в кратком обзоре содержания рукописи.

Не останавливаясь над предисловием, в котором Автор уверяет, будто бы Россия находясь ныне в Поэтическом периоде своей Истории не имеет вовсе никакой Литературы, и даже должна гордиться этим недостатком: ибо прекословить ему в сем случае

⁶ Гизо Франсуа Пьер Гийом (1787–1874) — французский историк и политический деятель. Автор «Истории цивилизации в Европе». Занимал посты министра внутренних дел, министра народного просвещения, премьер-министра.

⁷ Вильмен Абель-Франсуа (1790–1870) — французский историк, литературный критик и политический деятель. Автор «Истории литературы средних веков». Министр народного просвещения (1839–1844). Г. Ржевусский слушал его лекции во время своего пребывания в Париже в 1819 г. — см.: Węgrzyn I. Henryk Rzewuski // Rzewuski H. Wędrówki umysłowe. Mieszaniny obyczajowe. Kraków: Ośrodek Myśli Politycznej, 2010. S. XXXII.

значило бы (по его системе) согласиться с тем, что Россия находится накануне Политического переворота, — обратимся к самой книге.

По мнению Автора, до Рождества Христова замечаются только три народные Литературы с решительным направлением: Еврейская, сосредоточенная в Библии, — прямая поэзия; Греческая с направлением эстетическим и Римская с Политическим. Христианская вера явилась среди этих стихий, безотчетная, склонная к принятию всех впечатлений. Отталкиваемая гонениями, она сливалась медленно с господствующими направлениями, но не могла избежать обыкновенного естественного перехода от Поэзии до Эстетики, от Эстетики к Политике. Апостольские и Мученические времена были для него периодом поэзии, соединение с Греческою Философиею — эпохою Эстетики, а торжество при Константине Великом⁸, доставляя ей участие в делах светских, ввело ее на поприще политики. Потеряв поэтическую самобытность, Христианская Вера излилась в Легенды и описания подвигов первых народов Христианства.

О втором периоде, касающемся более Восточной Церкви, Автор говорит на 37 странице: “Греческое начало хотя и направленное верою, вскоре возвратилось к прежним своим недостаткам. Восточная Церковь, исполнившись оным, не избавилась от искажения, тем более, что никакая внешняя сила не умеряла тесного ее соединения с правлением Кесарей. Дух софистический и мелочная диалектика овладели ее начальством. Предметы, должствующие покрываться священным молчанием, преданы были на жертву прениям. Беспрестанно сзываемые соборы усиливаясь объяснить недоступные для человеческого разума тайны, и распространяя свои Акты, затрудняли Веру, и, с одной стороны, вооружали ее новыми неудобопонятными выражениями, а с другой отнимали у ней всякую заслугу, предлагая трудную науку вместо чувства, увлекаемого лишь прямодушием, не сопротивляющимся влиянию благодати. Чем были прежде Философические Школы, тем сделались теперь ереси, произведения Греции; вера переселилась из сердца в рассудок, и добродетели религиозные и политические истребились”.

⁸ Флавий Валерий Аврелий Константин; Константин I Великий (272—337) — римский император (306—337). Принял свободу вероисповедания; эдиктами 313 г. освободил христианскую церковь и клир от повинностей и налогов. Перед смертью принял христианство. После Брестской церковной унии 1596 г. причислен Римско-католической церковью к лику святых.

Порицая таким образом Восточную Церковь, Автор не забывает возвеличить Западную, приписывая унижение первой тесному ее соединению с Правительством, и возвышение второй свержению с себя ига светской власти. “В Западной Церкви (говорит он на стр. 40) видимо воскресли блистательные черты древнего Римского характера. Когда нашествие северных Варваров, разрывая Западную Империю, заставило бессильных властелинов Царьграда отказаться от колыбели своего Государства, Латинская Церковь освободилась от их тяжелой опеки и обрела самобытность потерянную обращением к вере Константина. Казалось бы, что с падением Политической власти, должна бы рушиться и Церковь с нею соединенная; но вышло противное. Ибо лишившись своелюбного оплота Кесарей, коим доверяла может быть слишком много, она обратилась к своему Творцу и предвечному союзнику, и сим действием веры и надежды удостоилась его всемогущей помощи и опеки”.

Распространяя приведенные мысли в нескольких главах, Автор усиливается на стр. 71–97 доказать, что борьба Христианства с язычеством и его Философией оставила неизгладимые следы в религии, что как в каждом предмете, так и в Христианстве надобно отличать дух от формы, что Христос оставил нам первый, не ограничивая его формами, коих применение оставлено времени и Церкви, что по сему Апостолы и их преемники не колебались соображаться с наклонностями обращаемых народов и принимать некоторые местные формы; что в особенности вера сливалась мало по малу с Платонизмом, и что наконец на Востоке беспрестанные прения о предметах непостижимых и мелочных утонченностях открыли путь Магометову учению. В руках преемников Константина Великого религия превратилась в политическую пружину. К счастью Христианского мира, Западная церковь умела сохранить и свою самобытность, и чистоту учения: к тому способствовало самое переселение народов, а наиболее независимость от светской власти. “Победы Варваров, говорит Автор на стр. 91, оказали Западной Церкви величайшую услугу, разрывая отношения подчиненности ея Византийскому престолу. Это смутное время позволило ей развить нравственную силу, слабевшую со времени воцарения Константина, под покровительством своелюбивых видов Политической власти. Сколь глубокий предмет рассуждения! Западная Церковь, оставленная Кесарями, обратила к своим религиозным понятиям все народы, поселившиеся на развалинах Рима. Восточная напротив того, стесняемая до конца Политическою властью, после покорения Империи

Мусульманами, не только не произвела наития на убеждения победителей, но и доставила им из среды своей новых поборников Ислама”.

Когда на Западе образовалась новая Империя⁹, Латинская Церковь не уступила ничего из своего достоинства, всегда самостоятельная, она боролась с Политическою властью, и с тем достигла той степени возрождения, на которую поставил ее Григорий VII¹⁰; орудием же тому послужили безбрачие Духовенства и безошибочность Папы. В подтверждение сего мнения Автор развивает на 18-ти страницах (с. 97–115) доказательства свои в защиту безусловного безбрачия Духовенства и безошибочности Папы, которого делает преемником Христовой власти, с полным владычеством над всем Христианским миром.

Торжество Церкви было последним ее поэтическим порывом. Соединение политической власти с Духовною, открыло для ней новое направление: век Медицеев¹¹ сделался предвестником близкого переворота. “В благоустроенном государстве (говорит Автор на 136 стр.) власть и формы Религии должны быть совершенно независимы от власти и форм Государственных. Когда общество находится в малолетстве, то старшинство и владычество принадлежит Духовенству. Досель ни один народ не достиг еще совершенной зрелости, но в переходах от одного состояния к другому развиваются постепенно Политические стихии, и если Теократия прибегает к мерам не духовным, для удержания своей власти, то очевидно ее силы слабеют и нравственная революция неизбежна”. В таком случае всего легче броситься на религию, и вот причины расколов, начиная с Албигойцев¹²

⁹ Речь идет о франкском государстве, в конце V в. превратившемся в империю Каролингов (Карла Великого и его потомков). Существовала до 843 г., когда была разделена между наследниками Карла.

¹⁰ Григорий VII (в миру Гильдебранд; между 1020 и 1025 — 1085) — Папа Римский с 22 апреля 1073 г. Окончательно утвердил в Католической церкви целибат. Добился признания верховенства папы от германского императора Генриха IV, вынудив его публично прибыть для покаяния в г. Каноссу. Идеолог независимости церкви от светской власти. Канонизирован в 1606 г.

¹¹ Медици — род флорентийских олигархов XIII — XVIII вв. Среди членов рода были четверо римских пап (Лев X, Пий IV, Климент VII и Лев XI), а также две королевы Франции (Екатерина и Мария Медици). Прославились покровительством искусству и науке.

¹² Альбигойцы (катары) — религиозное движение, сторонники которого рассматривали материальный мир и материальные блага как зло. Христос, по их мнению, явился людям для того, чтобы напомнить им о необходимости добра, а не искупить их грехи.

до Реформации XVI века¹³. Власть духовная жертвовала любовью народов в пользу Государей, и теперь нашла в них сильнейших покровителей изуверства. За сим на стр. 144—156 следует Филиппика против Протестантизма, который представляется в виде Политического раскола, без догматов, без правил, одним словом без веры.

Не довольствуясь преследованием Протестантизма на религиозном поприще, Автор переходит и на политическое. По его мнению, Протестантизм разрушил равновесие власти просвещенного мира и сделался причиною всех революций. Мысли свои о помянутом равновесии он так изображает на стр. 161—163: “В Христианском Риме и бедствие раба, и могущество Государя исчезали в отверзтой святыне; несчастный мог ежедневно внимать гласу Священника, независимого от Государя; мог быть наставляем в терпении, в покорности против угнетений, но вместе с тем и узнать, что он не был страдательным орудием, не был игрищем в руках владетелей, а таким же как и они наследником общих обещаний. С достоинством человека восстала и новая стихия общежития: права Человечества. Власть и подчинение оной приняли благороднейшее направление, изменили прежнюю свою природу. Рядом с политическими правами Государей стали права религиозных начал, изображаемые Священством, права земской собственности, выражаемые Дворянством, права ученых представляемые Академиями. Все эти права удерживали равновесие против материальной силы Начальника. Священник освящал его власть пред народом, но был также и Судьею, защитником нравственных прав подданных; Дворянство служило ему с великодушною ревностью, не выходя однако ж из границ определенных мнением, давшим ему начало. Академии управляя воспитанием юношества, возбуждали в сердцах Государей попечение о приобретении в потомстве благоприятного мнения. С того времени как Христианская Вера сделалась основанием общежития, ни одна власть, говоря логически, не могла быть независимой: ибо сделавшись выражением нравственным, она долженствовала уважить независимость прочих подобных же выражений. Ни одна созданная сущность не соединяет в себе способности изобразить все нравственные стихии: это принадлежность Божества. Один Бог, как существо самобытное, обладает властью самобытною.

¹³ Речь идет о религиозном движении, возникшем в различных европейских странах и политически направленном на ликвидацию зависимости национальных религиозных общин от подчинения Риму. Лидерами Реформации были Мартин Лютер, Жан Кальвин, Ульрих Цвингли и др.

Присвоить оную творению есть заблуждение и даже Богохульство. По Христианским понятиям самобытный Государь должен быть и совершенный Святостию, и Философ, и Поэт, и Художник, и Военачальник, и Законодатель: недостаток одного из сих качеств уничтожил бы уже его самобытность. Стремление к забавному присвоению такой власти свойственно было языческому Риму, и не удивительно, что таких знаменателей материальной силы при жизни уже помещали в число Богов. Если бы теперь возобновилось подобное стремление, то в этом следовало бы видеть явное доказательство упадка Христианских начал и перевес материальной силы над нравственною”.

От Древних Народов Автор обращается к новым; бросает беглый взгляд на Литературы Италианскую, Германскую, Испанскую и Французскую отыскивая везде следы периодов направления поэтического или религиозного, Эстетического или Философского и Политического; и везде обнаруживает те же начала, как в религиозном, так и в политическом отношениях. Не смеем распространять довольно уже длинное донесение новыми выписками, но желая, при заключении оногo, обнаружить еще лучше политические мнения Автора, обращаем внимание Цензуры на следующее место:

Стр. 254 и 255. “В древних правлениях Германии и Франции, если человек угнетенный бременем общественных обязанностей выражал с чувством свои страдания, то его порицали как нахальника, осмеливающегося присвоивать себе право говорить о предметах, не подлежащих даже его рассуждениям. Судьба народов предана была в руки людей, не знающих вовсе потребностей народных; а безрассудная власть, дошедшая по наследству, упиралась единственно на праве владения и устаревших обычаях.

Но всякая власть ищет своего оправдания, посему вскоре образовались Теории, усиливающиеся убедить народы, что они должны лобызать руку, их гнетущую, и жертвовать собою в пользу притеснителей. Но как Теории сии не находили отголоска в возрастающем рассудке общества, то надлежало упрочить их на мистических началах и уподобляя боготворение неспособных Государей и гордых властительных Самолюбцев покорному уничтожению разума пред святостию догматов непонятных, а не менее того обязательных. Самым ничтожным умам начали приписывать качества необыкновенные; стали уверять, будто бы какой-то дух, исходящий от Бога, вливал в Государей самобытную способность познать потребности общества и выбирать людей умеющих удовлетворять оным. Утверждали, что высокое призвание управлять людьми не

приобретается ни терпеливым изучением, ни опытностью, ни долговременными рассуждениями, но составляет принадлежность каких-то предпочтенных Богом родов, благодать переходящую в наследство на потомков, вместе с прочими сокровищами. Но при сем никто не обратил внимание на обманчивость сего уподобления, никто не объяснил, что наследие переходит от отца на сына и в дальнейшее потомство не на основании прав Божиих, а вследствие общественного договора, который, в различных народах, подлежит различным изменениям”, и проч.

Полагаем, что донесение сие оправдывает изложенное нами в начале о сочинении Графа Ржевусского мнение, остается сказать, что будучи проникнуто подобным духом во всем своем объеме, оно не представляет возможности ограничиться исправлениями или исключениями мест, и все подлежит запрещению.

Г. Дукшта-Дукшинский
8 марта 1841»¹⁴.

Нужно сказать, что Павел Иванович Гаевский хорошо понимал, что он делает, предлагая князю Дондукову-Корсакову в качестве главного эксперта по рукописи Ржевусского своего однокашника по Полоцкой академии. «В августе 1829 г. цензор Г. Р. Дукшта-Дукшинский представил С.-Петербургскому комитету цензуры иностранной обширный рапорт о книге: “Correspondance inedite de Grimm et de Diderot et recueil de lettres, poesies, morceaux et fragments retranchés par la censure imperial en 1812–1813” (Paris, 1829), в которой писал: “Переписка Гримма, Дидерота, статьи, запрещенные цензурою, — вот заглавие заманчивое для толпы ветреных читателей, но ужасающие благомыслящего человека. Можно ли ожидать какой-либо пользы от сочинений корифеев безбожников? — Издатель предвидел сей вопрос и, признаваясь откровенно в том, что его герои исповедуют и обнаруживают бесстыдно правила атеизма и материализма, он спешит уверить, что их сочинения теперь не только уже не вредны, но и служат к утверждению истины.

[...] Из 59 статей, составляющих ее содержание, большая часть относится до религии; в прочих рассуждается о политических и других менее важных предметах. Правила так называемых философов XVIII в. вообще и, в особенности, мнения Дидерота и Гримма довольно известны. Самое бесстыдное безверие, отвратительное кощунство, материализм и вражда к монархическому правлению, составляющие отличительное качество их сочинений, обнаруживаются и в настоящей их переписке”. Приводя затем несколько отрывков,

¹⁴ РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 1605. Л. 2 – 8 об.

“подающих понятие о ее духе” и иллюстрирующих высказанные выше положения, цензор продолжал: “Мысли о политике основаны здесь на понятиях, изображенных в известной книге Жан-Жака Руссо “*Le contract social*”, но мы почитаем излишним приводить оные, поелику безбожие и кощунство, наполняющие сию книгу, уже слишком достаточны к строжайшему оной запрещению”¹⁵.

В нашем же случае ситуация еще более усугублялась. Полоцкий собор 1839 г. ликвидировал унию, и большинство бывших униатов (к числу которых принадлежали и многие чиновники цензурного ведомства) были вынуждены демонстрировать подчеркнутую лояльность к правящей Православной церкви. Отсюда многочисленные пассажи в донесении выпускника иезуитской академии Гавриила Дукшты-Дукшинского против восхваления католицизма в рукописи католика (!) Ржевусского. Понятна и акцентуация внимания читателей донесения на якобы имеющем место пристрастии автора рецензируемой рукописи к французской философии и идеологии: несмотря на то что к 1840 г. связи между Францией и Россией обрели достаточно прочный и дружественный характер, позиция императора Николая I по отношению к режиму «июльской монархии» в государственном аппарате была хорошо известна¹⁶. Так что характеристика, данная цензором автору («Во Франции книга оспорила бы венец Гизо и Виллемена») должна читаться не как комплимент, а как обращение внимание начальства на политическую неблагонадежность: Гизо и Вильмен были крупными политическими деятелями «июльской монархии», поэтому Ржевусский на их фоне также выглядел как потенциальный оппозиционер правящему российскому режиму.

Показательно и то внимание, которое цензор уделяет взглядам Ржевусского на природу взаимоотношений церкви и монархии. Ржевусский, безусловно, является сторонником теократии, то есть такой государственной модели, при которой духовное начало, выраженное в позиции церковных институций, определяет решения светской власти, — отсюда и преклонение перед папой Григо-

¹⁵ Айзеншток И. Я. Французские писатели в оценках царской цензуры // Литературное наследство. Т. 33–34. М.: Изд-во АН СССР, 1939. С. 781–782.

¹⁶ «Да, таков образ моих мыслей: принцип легитимизма, вот что будет руководить мною во всех случаях», — заявил Николай (в беседе с французским поверенным в делах. — А. Ф.) и, сильно ударив рукою по стоявшему возле него столу, воскликнул: “Никогда, никогда не смогу я признать то, что случилось во Франции!”» — Молок А. И. Царская Россия и июльская революция 1830 г. // Литературное наследство. Т. 29–30. М.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 735.

рием VII. Однако при этом граф не учитывает (или делает вид, что «забывает»), что главой русской православной церкви со времен Петра I является император всероссийский и что с этой точки зрения современное ему русское православие более схоже с церковью англиканской (то есть протестантской). Внешне случайный акцент на том, как яростно борется Ржевусский с протестантизмом, на самом деле дополняет общую картину: донесение цензора превращается в донос.

Отсюда и организационные выводы, зафиксированные в постановлении комитета:

«В заседании С. Петербургского цензурного комитета 11 марта слушали Донесение г. цензора Статского Советника Гаевского на имя г. Председателя Комитета о рассмотрении им сочинения Графа Генриха Ржевусского *O stosunkach Literatury z Historią* (Об отношении Литературы к Истории). Сочинение это пробыло у него долее трех месяцев по необыкновенно важному своему содержанию, выходящему из круга книг обыкновенных. Он должен был несколько раз повторить чтение этой рукописи, чтобы вразумиться в смысл и поверить заключение сие. Не полагаясь на собственное суждение г. Гаевский просил разрешения Его Сиятельства передать рукопись на поверку г. Цензору Коллежскому Советнику Дукшинскому. Оказалось, что мнение сего последнего согласно с его собственным заключением. Посему он представил оное на благоусмотрение г. Председателя Комитета.

Из мнения г. Дукшинского видно, что автор сочинения под скромным названием “Об отношении Истории с Литературою”, или лучше под личиною сего заглавия, представляет религиозно-политический трактат, приготавливающий торжество Латинства над Православием, Либеральных начал над строгим Монархизмом; о нетерпимости же в отношении к другим христианским исповеданиям, о пристрастии к французам как образцовому народу и говорить нечего. Комитет признал сочинение это подлежащим запрещению и положил, удержав оное при делах, уведомить о нем прочие Цензурные Комитеты¹⁷.

Подписали присутствовавшие члены

Скрепил секретарь Семенов¹⁸¹⁹.

¹⁷ Рукопись книги Г. Ржевусского сохранилась: Biblioteka Narodowa, rkps. 6048.

¹⁸ Семенов Осип Васильевич (1803–1853) — зоолог, профессор Императорского Санкт-Петербургского университета (1830–1836), секретарь Санкт-Петербургского цензурного комитета (1831–1850).

¹⁹ РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 1605. Л. 9 – 9 об.

Вероятно, решение цензурного комитета, запретившего рукопись графа Ржевусского как антимоноархическую и антиправославную, до некоторой степени заставляет нас пересмотреть одиозную репутацию писателя как безусловного коллаборанта, перешедшего на службу Империи²⁰. Можно считать, что цензоры поставили Ржевусскому собственную оценку, не вполне совпадающую с той, которую дают ему историки на родине.

²⁰ «Приговоры, вынесенные ему современниками на основании отдельных книг и выступлений были крайне противоречивыми: от восхищения оригинальностью, мастерством и патриотизмом “Воспоминаний Соплицы” — до ухудшения и пренебрежения из-за национального отступничества, которое можно было вычитать в провоцирующих фрагментах “Житейских мелочей” (1841) или не менее шумной статьи “Религия и цивилизация”, опубликованного в “Варшавском Дневнике” в 1851 году» — Waśko A. *Historia według poetów: Myślenie metahistoryczne w literaturze polskiej (1764–1848)*. Kraków: Arcana, 2015. S. 384.

Протекция для Ромуальда Подберезского

В Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) в фонде Вяземских (ф. 195, оп. 1, ед. хр. 2651, л. 5) хранится письмо к князю Петру Вяземскому, которое мы приводим целиком в оригинале и в переводе на русский язык¹.

Cher Prince.

Je prends la liberté de vous recommander un auteur laborieux, car c'est un compilateur. Mr Romuald Podbereski, il n'a pas de rang, et il voudrait le gagner au service. Si vous pouvez lui procurer quelque fonction de taille-plume ou de voyeur de papiers dans votre département faites le, vous obligerez un pauvre hère — Ce sera une œuvre de charité de tendre la main à un homme dont la nec plus ultra de l'ambition est de devenir avocat <?> que de grisonner

<2 нрзб>. Vous ne vous en seriez pas douté.

*Ayez cher Prince l'assurance du respect de
Votre devoué serviteur*

H Rzewuski

9 Mai <?> —

Дорогой князь,

Беру на себя смелость рекомендовать Вам трудолюбивого сочинителя, ибо это составитель сборников. Г. Ромуальд Подберезский, у него нет чина, и он хотел бы приобрести его на службе. Если Вы можете доставить ему какое-нибудь место, вроде очинщика перьев или письмоводителя в Вашем департаменте, сделайте это, Вы крайне обяжете беднягу. Это будет жест милосердия, протянуть руку человеку, nec plus ultra² притязаний которого — это стать ходатаем по делам <?> скорее, чем поседеть

<2 нрзб>. Не сомневайтесь в этом.

Примите, дорогой князь, уверение в почтении вашего преданного слуги

Г. Ржевуского 9 мая

Примечательны личности не только автора и адресата письма, но и того человека, о котором идёт речь.

¹ Перевод Н. М. Сперанской.

² В значении «предел, верх».

Князь Петр Андреевич Вяземский (1792–1878) в особых представлениях не нуждается. Выдающийся поэт и журналист, друг А. С. Пушкина, соавтор А. С. Грибоедова и шурин Н. М. Карамзина, он совершил серьезную государственную карьеру, дослужившись до должностей сенатора и товарища (заместителя) министра просвещения. В письме речь идет о департаменте, в котором служит Вяземский. Известно, что 21 октября 1832 г. он был назначен исполняющим обязанности вице-директора департамента внешней торговли Министерства финансов и 6 декабря 1833 г. был назначен вице-директором того же департамента, в каковой должности и пребывал до 22 октября 1846 г., когда был назначен управляющим Государственного заемного банка. Таким образом, автор письма ходатайствует перед Вяземским, чтобы его протеже был принят на службу в качестве мелкого клерка все в тот же департамент внешней торговли.

Автор письма — граф Генрик Ржевусский. Читателям этой книги он уже знаком.

Начинающий польский литератор Ромуальд Подберезский (1812–1856)³ прибыл в Петербург в 1841 г. Карьера выпускника Виленской гимназии не удалась. Вначале был закрыт Виленский университет, куда он поступил. Учеба в Московском университете на юридическом факультете, где он пытался продолжить свое образование, шла без особых успехов — вероятно, потому что, как отмечает знавший его коротко в этот период другой студент-поляк Зигмунд Щенсный Фелиньский (будущий архиепископ Варшавский), собирался учиться «без искреннего намерения отдаться занятиям юриспруденцией, ибо главным делом своим считал литературу. Не без способности к запоминанию, красноречивый и легко владеющий пером, вообразил он, что обладает неординарным писательским талантом, и на этом пути решил сделать карьеру»⁴.

Литературную карьеру Подберезский начинает с переводов русского фольклора (в первую очередь — сказок), которые он публикует в журнале Ю. И. Крашевского «Athenaeum». Интерес Подберезского к фольклору понятен: в Москве он познакомился с известным собирателем народных песен П. В. Киреевским,

³ Даты жизни Р. А. Подберезского мы приводим по новейшей биографии: Хаўстовіч М. В. Жыццё і творчасць Рамуальда Падбярэскага. Мінск: Права і эканоміка, 2008. С. 43–44. Отметим также, что Н. В. Хаустович опирается на данные Г. В. Киселева, впервые опубликовавшего в 1977 г. точную дату смерти ссыльного литератора.

⁴ Feliński Z. Szc. Pamiętniki. Warszawa: Pax, 2009. S. 147.

даже некоторое время жил у него. При этом Подберезский явно тяготеет к славянофилам, что отмечает тот же З. Щ. Фелиньский: «Корифеями тогдашних славянофилов... были в то время [П. В.] Киреевский и [Ю. Ф.] Самарин, с ними и сблизился наш герой, чтобы в личных отношениях почерпнуть вдохновение к предпринятому труду, а так как подавал надежды и стоял с ними на одной почве, то нашел у них теплый прием. Опираясь на эти отношения, начал он далее переписку с нашими литераторами...»⁵.

Вряд ли Фелиньский прав, считая, что личные отношения с вождями российских славянофилов позволили Подберезскому начать строить самостоятельную литературную карьеру. Несомненно, что идейно он ориентировался на труды П. В. Киреевского, однако если бы отношения действительно были безоблачными, у Подберезского не было бы нужды в рекомендательных письмах на имя Вяземского: напомним, что П. В. Киреевский — племянник В. А. Жуковского, и он вполне мог бы отрекомендовать дядюшке своего нового приятеля.

Скорее всего, визитной карточкой для Подберезского стали именно его труды на ниве польской литературы. Переехав во второй половине 1842 г. из Москвы в Санкт-Петербург, Подберезский начинает активно сотрудничать с «Петербургским еженедельником» («Tygodnik Petersburski»), который редактирует известный польский журналист Ю. Э. Пшецлавский (Пржецлавский). Газета становится фактически рупором влиятельного кружка консервативно настроенных польских романтиков, которые разделяют идеи интеграции польской элиты в общеимперскую элиту России⁶. Неформальным лидером этого кружка-«котерии» и был граф Генрик Ржевуский.

Вероятнее всего, с Ржевуским Подберезский познакомился благодаря Ю. И. Крашевскому; во всяком случае, именно Крашевского он спрашивает в письме от 10 октября 1841 г. о «каком-то съезде литераторов», состоявшемся в имении Ржевусского Чуднове, на Украине⁷. Крашевский, позже порвавший с «котерией» и с газетой Пшецлавского, бывшей ее рупором, в этот период вполне мог отрекомендовать молодого товарища по перу Ржевускому. При этом показательно, что в письме Вяземскому Ржевуский именует Подберезского «составителем сборников». Скорее всего, речь идет о самом известном издательском проекте

⁵ Ibid.

⁶ См. об этом: Ingot M. *Poglądy koterii petersburskiej w latach 1841–1843*. Wrocław: Ossolineum, 1961.

⁷ Ibid. 15–16.

Подберезского — сборнике «Rocznik Literacki», четыре тома которого Подберезский издал в 1843, 1844, 1846 и 1849 г. Таким образом, письмо Ржевусского можно датировать 1844–1846 гг. (учитывая, что в октябре 1846 г. П. А. Вяземский оставил пост вице-директора департамента).

Ржевусский благоволил к землякам, в особенности — к выходцам из литовских губерний: в исторической Литве видел Ржевусский последнее прибежище истинного польского духа⁸. В частности, в уже упоминавшемся Чуднове умер другой видный литератор-литвин Ян Барщевский (1794–1851), к главной книге которого — циклу сказок и преданий «Шляхтич Завальня» — Подберезский написал предисловие «Беларусь и Ян Барщевский»⁹. Барщевский крайне нуждался, поэтому Ржевусский предоставил ему фактическую синекуру — должность библиотекаря в имении (имение принадлежало жене графа, Юлии, урожденной Грохольской).

Судя по всему, рекомендательное письмо Вяземскому было направлено в тот момент, когда в деньгах нуждался и Подберезский. Известно, что финансовые неприятности у Подберезского начались как раз в 1844 г., когда с ним прервал отношения Ю. И. Крашевский, а сам Подберезский вложил имевшиеся в его распоряжении средства в издание книг земляков — в первую очередь уже упоминавшегося Яна Барщевского и поэта Тадеуша Лады-Заблоцкого. Доход от продажи этих книг если и был, то, вероятно, оказался значительно меньше предполагавшегося, что дало повод Ладе-Заблоцкому (вложившему в печать и собственные деньги) обвинять Подберезского в финансовой нечистоплотности¹⁰.

Вместе с тем показательно, что Ржевусский оценивает как предел мечтаний своего протеже статус ходатая по делам. Эта особая категория польско-литовских жителей Петербурга, представлявших интересы своих земляков, ярко описана в воспоминаниях доктора Станислава Моравского. Нужно напомнить также, что именно в таком статусе начинали свою петербургскую карьеру и заложили основу финансового благополучия известные в истории литературы деятели Ян Кристоф Тадеуш (Фаддей Венедиктович) Булгарин и Юзеф Эмманюэль (Осип Антоно-

⁸ См.: Федута А. І. Нязручны класік // Жавускі Г. Успаміны Сапліцы. Мінск: Лімарыус, 2005. С. 5–14.

⁹ Białoruś i Jan Barszczewski // Barszczewski J. Szlachcic Zawalnia czyli Białoruś w fantastycznych opowiadaniach. Petersburg, 1844. T. 1. S. I–XLI.

¹⁰ См.: Хаўстовіч М. В. Жыццё і творчасць Рамуальда Падбярэскага. Мінск: Права і эканоміка, 2008. С. 28.

вич) Пржещлавский, дослужившиеся позже и до солидных чинов. Другой выходец из Вильны, ставший едва ли не символом ходатая — Гаспар Жельветр, по словам Моравского, «имел, по крайней мере, 6 000 000 польских злотых дохода, но всё проел, просадил, промотал и направил по большей части на устройство приемов и угощение земляков»¹¹.

Однако вряд ли Подберезский ограничился бы местом мелко чиновника в департаменте. Подберезский претендовал на значительно большее. Станислав Август Ляхович в письме Юзефу Игнацию Крашевскому от 5 декабря 1842 г. специально подчеркивает амбиции Подберезского, его стремление использовать литературу для утверждения собственного статуса¹². Да и сам Ромуальд Андреевич, как известно, пытался вывести свою родословную от князей Друцких, что, однако, не получило подтверждения в сенатских документах.

Нет сомнений, что в качестве издателя и литературного критика Подберезский остался в памяти своих соотечественников-белорусов. А публикуемый нами документ показывает, насколько тесными были культурные связи его времени и как, волею случая, в биографии одного из зачинателей белорусской литературы пытаются сыграть свою роль выдающиеся деятели литературы Польши и России.

¹¹ См.: Моравский С. В Петербурге // Поляки в Петербурге первой половины XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 518.

¹² Текст выявлен и опубликован в переводе на белорусский язык М. В. Хаустовичем в: Хаўстовіч М. В. Шляхамі да беларускасці: нарысы, артыкулы, эсэ. Warszawa: Sowa, 2010. S. 457–458.

Страдания будущего цензора

История культуры знает случаи, когда одно и то же лицо выступает поочередно в литературном процессе в нескольких социальных ролях. Писатель, он же издатель, он же цензор — самый типичный, с этой точки зрения, случай¹, и наш герой в данном случае вовсе не исключение.

Юзеф Эмманюэль Пшецлавский (1801–1880), выпускник Виленского университета, где он в течение двух лет слушал лекции вместе с А. Мицкевичем, в 1822 г. волею судьбы попадает в столицу Российской империи. Здесь вначале он выступает в качестве поверенного по делу об имении своего дяди, маршалка Слонимского повета Пусловского — «Это многих славный путь,» — мог бы ехидно заметить его земляк и будущий сподвижник по журналистике Ф. В. Булгарин, приехавший в Петербург с той же целью. Затем Пшецлавский, используя дальнейшее родство с супругой адмирала А. С. Шишкова, Ю. О. Лобаржевской-Нарбутт, и связи по масонской ложе, устраивается на государственную службу. И, наконец, в 1829 г. он получает возможность издавать на польском языке газету «*Tygodnik Petersburgski*» вместо Миколая Малиновского, который спешно уезжает из Петербурга в Вильну.

Нужно отметить, что Пшецлавский был искренне лоялен по отношению к имперским властям. Он быстро выучил русский язык, но так же быстро понял, что карьеру может сделать только на «пограничье» — ибо властям он нужен прежде всего в качестве проводника имперской политики в Царстве Польском и среди поляков вообще.

Карьеру Пшецлавский действительно сделал блестящую. Его оценила и власть (он ушел в 1875 г. в отставку с чином тайного советника), и польские повстанцы, в 1833 г. учинившие в Париже показательную казнь над изображением самого Пшецлавского и троих его сотрудников по газете. Но и казнь, и отставка будут впереди. Нас в данном случае интересует тот самый казус, который и заявлен в качестве доклада. Редактор газеты, спустя четырнадцать лет назначенный членом Главного управления цензуры,

¹ См., например: Брискман М. А. Ф. И. Тютчев в Комитете цензуре иностранной // Литературное наследство. Т. 19–21. М., 1935. С. 565–578; Патрушева Н. Г. Литераторы — чиновники цензурного ведомства (вторая половина XIX — начало XX века) // Чины и музы: сборник статей. СПб.; Тверь: Издательство Марины Батасовой, 2017. С. 27–40; Зубков К. Ю. «Между властями и писательским миром»: И. А. Гончаров и либеральные проекты цензурных реформ 1858–1859 гг. // Там же. С. 310–331.

в качестве редактора неизбежно должен был с цензурой сталкиваться и ей противостоять.

Позже, в воспоминаниях, Осип Антонович Пржецлавский (так писалось его имя в русской интерпретации) выскажет свою оценку тогдашнему своему положению:

«“Тигодник” заслуживал полного доверия со стороны правительства, представлял все ручательства благонамеренности и преданности долгу. За всем тем, по возникновении польского мятежа, положение редакции, особенно при тогдашней взыскательной цензуре, сделалось крайне деликатным, хотя, впрочем, взыскательность эта и не могла устрашать меня. То, что мы сами, я и мои сотрудники по редакции, писали, не могло возбуждать даже сомнения; для статей же, сообщаемых посторонними, я был самым строгим цензором. Одно, о чем я молил проведение, это, чтобы моим цензором был умный человек, такой, который понимал бы все в том прямом смысле, в каком написано; не искал бы, как французы говорят, “полдня в четырнадцатом часу”, и на белой бумаге между строк не усиливался читать то, чего там нет. Я давно сделал замечание, что, в своем описании “Ада”, Данте пропустил одно из тяжких человеческих мучений: это положение редактора журнала, имеющего дело с глупым цензором, и вот чего я страшно боялся на этом еще свете»².

I. В борьбе с Павлом Гаевским

С цензором, однако, Пшецлавскому не слишком повезло, хотя в воспоминаниях он высказывает иную точку зрения. В отделе рукописей Российской национальной библиотеки (читателем которой — тогда еще Императорской Публичной библиотеки — Пшецлавский состоял с начала своего пребывания в Петербурге) в фонде цензурных материалов хранятся письма Пшецлавского к цензуровавшему «Тугодник» П. И. Гаевскому, цензору въедливому и крайне осторожному. Письма относятся к 1835–1841 гг., то есть к периоду после польского восстания, когда степень недоверия к лояльности поляков у правительства империи действительно резко возросла. И, поскольку всегда в таких случаях, обжегшись на молоке, начинают дуть на воду, Пшецлавскому предстоит убеждать своего цензора в том, что злого умысла в его редакторских действиях не было.

Скажем, Гаевского смущает публикация в газете списка не воспользовавшихся императорским прощением участников восстания. Список действительно очень длинный — свыше 2300 имен. Его

² Пржецлавский О. А. Цензура // Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 317.

публикация демонстрирует многочисленность повстанцев. Пшещлавский убеждает цензора:

«В ответе на почтеннейшее письмо Ваше от 26 сего Августа поспешаю уведомить, что список лиц, невоспользовавшихся Всемилоостивейшим прощением, по Царству Польскому дарованным, заключающий да 2300 имен и прозваний, нескоро еще может быть окончен печатанием в Тыгоднике, в коем доселе помещено их не более 800. Что же касается до прекращения сего списка: то к сему не предвидится ни малой возможности, ибо это есть публикация официальная, состоящая в неразрывной связи с актами, уже обнародованными, составляющая прямое их следствие и необходимое дополнение. Сверх того, весьма, по мнению моему, не политически было бы прерывать сей список, вполне помещаемый во всех Варшавских Газетах, когда часть его была уже напечатана в Тыгоднике; — обстоятельство сие между читателями сего последнего, коим известны и Варшавские Газеты, без сомнения породило бы множество превратных толков»³.

И далее в двух письмах — вернее, записочках, поскольку объем их не превышает одной строки, — обещает Гаевскому покончить со злосчастным списком.

В ряде случаев Пшещлавский пытается объяснить свою позицию еще до публикации материала. Для него это важно, поскольку предоставило бы возможность избежать конфликта с цензором. Вот, например, письмо от 27 ноября 1835 г.:

«Во избежание всяких недоразумений я желал бы наперед знать Ваше, Милостивый Государь, мнение: могут ли быть помещаемы в Тыгоднике суждения на счет частных предприятий и спекуляций на акциях, которых теперь такое множество рождается в Петербурге. Тыгодник публикует все вообще новости этого рода, излагая основания и состав компаний; но доселе не было суждений ни а priori о правдоподобии успеха или неудачи этих предприятий, ни сведений о более или менее выгодном ходе самых дел их.

Отдаленные от столицы читатели не могут составить себе верного о том понятия, и судя по одним извлечениям из правил, помещаемым в Тыгоднике, они должны почитать все такие спекуляции равно выгодными, между тем, как жителям столицы известно, многие из них совершенно, или почти совершенно упали.

Я опасаясь, чтоб односторонние известия, мною в сем предмете распространяемые, необъясненные непристрастным суждением и сведениями о том, что в последствии доказано опытом, не ввели

³ См.: ОР РНБ. Ф. 831. Ед. хр. 279. Л. 1 — 1 об.

кого либо из читателей моих в заблуждение и не вовлекли бы в участие в одном их таких предприятий, которые клонятся к упадку и могут принести одни убытки. Я думаю, что как с одной стороны поощрять публику к полезным делам, так с другой предостерегать от потери, представляя вещи в настоящем их виде со всех сторон, есть долг благонамеренного журналиста. Разумеется, что предметом подобных рассуждений могли бы быть одни частные предприятия, в коих Правительство не принимает никакого участия»⁴.

Попадаютяся и совершенно анекдотические случаи. Например, связанные с отсутствием в польском языке специальной словоформы, обозначающей отчество человека. Гаевский, переведивший с польского, наверняка знает об этом, однако страшется, и Пшецлавский вынужден объясняться:

«Я сей час увидел к крайнему моему огорчению, что в сегодняшнем Тыгоднике, несмотря на двукратно мною в корректуре сделанную отметку, типографщики мои забыли поставить в конце заграничных известий буквы, означающие источники. Я покорнейше прошу у Вас Милостивый Государь, за то извинения, и Вы можете быть уверены, что этого более не случится. Я должен также объяснить на счет сделанного Вами к Рескрипту замечания, что я не решился вместо *Bazyli, synu Bazylego*, поставить *Wasili, Wasiljewicz*, как потому что первый образ с давних времен принят в Тыгоднике, так и потому, что если допустить последнее правило: то были ли бы недоумения на счет других имен, напр<имер> *Józefowicz, Iwanowicz, Piotrowicz*, и т<ому> под<обные> из коих многие выражали бы, вместо отчества, некоторые из существующих фамилий, что в Русском, по изменяющемуся в таком случае ударению, не имеет места»⁵.

С языком проблемы возникают периодически. Иногда типограф забывает внести в текст правку, и редактору приходится объясняться:

«По крайнему сожалению моему одно из выражений в прошедшей корректуре Вами исключенное осталось в номере; в 3^м столбце вчерашнего Тыгодника в одном мере вместо кнут поставлено *chłosta*, а в другом остался *knut*. Что не моя в том вина, о сем можно удостовериться из подписанного мною корректурного листа, на котором не только сделаны по Вашим, Милостивый Государь, замечкам нужные поправки, но и строгое подтверждение об исполнении их в точности.

⁴ Там же. Л. 6 — 6 об.

⁵ Там же. Л. 7 — 7 об.

Я уже отнесся к Г<осподину> Директору Типографии о строгом взыскании с виновного и об отвращении подобных случаев в будущее время; для успокоения же Вас на этот счет я долгом считаю доложить Вам, Милостивый Государь, что торговая казнь значит по-польски ничто иное, как knut, и иначе с точностию переведена быть не может; я это говорю на том основании, что законодательная комиссия для Царства Польского, в которой я имею честь служить, приняла такую версию и она составляет официальный авторитет; выражение же *chłosta* есть общее, объемлющее все роды телесного наказания.

Убедительнейше прося о невзыскании с меня за недобровольную вину, имею честь быть с совершенным почтением и искреннею преданностию»⁶.

Иногда страховка Гаевского доходит до комического. В одном из двух сохранившихся в ОР РНБ его писем к Пшещлавскому, например, он объясняется:

«На основании утвержденной в 1828 и подтвержденной в 1829 г<оду> программы газеты Tygodnik S<анкт> Petersburgski, в ней могут помещаемы быть в переводе внешние происшествия, напечатанные в здешних: S<анкт> Петербургские Ведомости, Русский Инвалид, Journal de S<анкт> Petersburg и других, с возложением на Вас обязанности означать: из каких именно в России выходящих журналов и газет заимствованы политические известия.

В 26 № Tygodnika сего года, в значении источников, показан между прочими, один под буквами P. P. — Не зная какая это газета, я остановился выдачею билета на выпуск из Типографии помянутого № до получения Вашего о том извещения. Покорнейше прося Вас, М<илостивый> Г<осударь>, доставить мне сие сведение, вместе с сим возобновляю неоднократно уже повторенную, убедительную просьбу держаться строго утвержденной Правительством программы, от которой я, по долгу звания моего, не вправе несколько отступить, и об отступлениях от оной вынужденным найдусь докладывать Цензурному Комитету»⁷.

Можно представить себе ярость редактора, которому обеспечен скандал с типографией в связи с задержкой сдачи номера в печать. Однако Пшещлавский отвечает сдержанно и по существу:

«На письмо Ваше от 19 сего Апреля имею честь объяснить, что помещаемые под некоторыми статьями моего журнала буквы PP. означают Северную Пчелу (Pszczoła Półnosna). К сему долгом считаю присовокупить, что уже, по сделанному Вами, Милостивый

⁶ Там же. Л. 28 — 28 об.

⁷ ОР РНБ. Ф. 831. Ед. хр. 251. Л. 2 — 2 об.

Государь, на корректурном листе последнего, (27) нумера о том замечанию, вместо букв РР. на 160^й странице поставлено мною Pszcz. P., как сие изволите усмотреть в означенном нумере, вышедшем вчерашнего числа»⁸.

Согласитесь: ситуация трагикомическая: «Северную Пчелу» никак нельзя причислить к «подозрительным» изданиям, а перепечатка из нее едва не становится поводом к задержке печати газеты.

В качестве «тяжелой артиллерии» Пшецлавский время от времени вынужден афишировать — вместо аргументов — знакомство с публикуемым текстом и заинтересованность в его публикации высокопоставленных лиц:

«Представляя при сем рукопись статьи под заглавием: “Owczarze” и пр<очее> имею честь доложить, что как самая эта статья так и мое к ней примечание, печатаются не только с дозволения, но и по приказанию Его Сиятельства Графа Александра Христофоровича Бенкендорфа»⁹. Наряду с А. Х. Бенкендорфом редакторское алиби обеспечивают Л. В. Дубельт и статс-секретарь Царства Польского Игнатий Туркул, резолюции которых Пшецлавский — для того, чтобы предотвратить возможные возражения цензора — сразу представляет на рассмотрение вместе с рукописью статьи.

II. В борьбе с Измаилом Срезневским

Впрочем, пристальное цензорское внимание к своей газете в 1830-х гг., то есть сразу же после ноябрьского восстания 1830—1831 гг., Юзеф Эмманюэль Пшецлавский еще мог как-то объяснить: в конце концов, ему приходилось доказывать свою лояльность к Империи на фоне общей нелояльности его компатриотов. Но к середине 1840-х гг. все пути к отступлению от занятой идеологической позиции для него были отрезаны. Тем более дикими должны были, вероятно, казаться ему подозрения и упреки нового цензора — Измаила Срезневского¹⁰. Документы, свидетельствующие об их конфликте, сохранились в Российском государственном историческом архиве (Санкт-Петербург).

В отличие от буквоеда Гаевского, Срезневский, происходивший родом со Слобожанщины (он родился в Харькове), подозревал Пшецлавского как раз в политической нелояльности. Так, 28 февраля

⁸ ОР РНБ. Ф. 831. Ед. хр. 279. Л. 9.

⁹ Там же. Л. 13.

¹⁰ Срезневский Измаил Иванович (1812—1880) — филолог-славист; экстраординарный (с 1847), затем ординарный (1855—1879) профессор Санкт-Петербургского университета. С 1851 г. академик Санкт-Петербургской академии наук. В 1847—1850 гг. цензор Санкт-Петербургского цензурного комитета от университета.

1849 г. он подает председателю Санкт-Петербургского цензурного комитета Михаилу Мусину-Пушкину¹¹ докладную записку следующего содержания:

«Несколько раз я имел честь докладывать Вашему Превосходительству о статьях, предполагаемых для здешней Польской газеты “Тыгодник”, и утруждать Ваше Превосходительство просьбами о разрешении сомнений касательно допущения к печати некоторых из этих статей. Руководствуясь дозволением перепечатывать политические статьи из газет, выходящих в России, редакция Тыгодника помещает в этой газете статьи, печатаемые как в P<усском> Инвалиде и C<еверной> Пчеле, так и в Journal de S<anct->P<eters>bourg, и желала бы, как кажется, сохранить свободу выбора их по своему благоусмотрению. По долгу цензора, которому одному поручено рассмотрение Тыгодника, я не мог однако не обращать внимания на политические известия, в нем печатаемые, и предполагая, что газета Польская не может п<ользова>ться особенными преимуществами перед <га>зетами Русскими, я позволял себе иногда <не> допускать в ней тех статей из Journal de S<anct->P<eters>b<ourg>, которые не были мне известны из газет Русских. В случаях более сомнительных я обращался к Вашему Превосходительству, и разрешения Ваши подтверждали во мне сознание справедливости того направления, которое считал я обязанным принять при цензуровании Тыгодника. Последние предписания цензурные должны были только увеличить бдительность мою. Таким образом в последнее время не были допущены в этой газете статьи, в которых <с> особенною подробностью излагались тре<бов>ания западных мятежников, равно и <t>е, в которых описывалось участие поляков в политических беспорядках. Честь имею, впрочем, доложить, что таких статей цензурою недопущенных в Тыгоднике, было <с т>ех пор очень немного. Тем не менее Редактор Тыгодника, находя направление цензуры для себя стеснительным, и помещение статей о событиях польских необходимым, желал бы уравновесить в этом отношении газету свою с “Газетой Варшавской”, в которой действительно события <в> Познани описываются довольно подробно. Не имея сам никакого права на это, я осмеливаюсь беспокоить Ваше Превосходительство просьбою об исходатайствовании правил, которыми я должен руководствоваться при цензуровании Тыгодника. Могу ли я допускать, без всякого изъятия, в Тыгоднике все, что печатается в Journal

¹¹ Мусин-Пушкин Михаил Николаевич (1795—1863) — граф, попечитель Санкт-Петербургского учебного округа (1845—1856), председатель Санкт-Петербургского цензурного комитета и член Главного управления цензуры по должности. С 1850 г. — сенатор.

de S<anct->P<eters>b<ourg> и в газетах Русских, — и если не все, то на какие предметы должен обращать большее внимание, особенно какого направления должен я держаться в допущении известий о событиях польских? Осмеливаюсь еще донести Вашему Превосходительству в оправдание свое, что не допуская некоторых статей в Тыгоднике в последнее время, я имел в виду Высочайшее повеление Его Величества Государя Императора, что “статьи, назначаемые для какого бы то ни было повременного издания, должны подвергаться непременно общей гражданской цензуре”»¹².

Нужно понять позицию цензора. В Европе уже в течение года бушует «Весна народов» — шатаются троны, падают правительства. В марте 1848 г. был вынужден уйти в отставку со всех своих постов и даже на некоторое время бежал из страны архитектор «Венской системы» международной безопасности и вдохновитель Священного Союза монархов, канцлер Австрийской империи князь Клеменс фон Меттерних. Любая перепечатка любого текста может быть признана начальством ошибочной, а Срезневский не хочет рисковать своим положением.

Пшещлавский, у которого это явно не первое столкновение со Срезневским (о чем в начале своей докладной пишет и сам Измаил Иванович) отвечает довольно жестко и уверенно, так что Мусин-Пушкин, рассматривающий конфликт между редактором и его цензором, не решается принять на себя ответственность и перекладывает бремя ее на министра Сергея Уварова¹³. Письмо редактора

¹² РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 959. Л. 24–25.

¹³ В частности, М. Н. Мусин-Пушкин пишет С. С. Уварову (черновик, судя по почерку, написан цензором Г. Р. Дукшта-Дукшинским): «Цензор Экстраординарный Профессор Срезневский, рассматривающий Польскую Газету “Тыгодник”, несколько раз представлял мне о разрешении своих сомнений, касательно допущения к печати некоторых политических в этой Газете статей. Руководствуясь дозволением перепечатывать политические статьи из Газет, выходящих в России, Редакция Тыгодника помещает статьи, печатаемые как в Русском Инвалиде и Северной Пчеле, так и в Journal de S<anct->P<éters>bouurg. Г<осподин> Срезневский, по долгу цензора, обращая внимание на политические известия, в Тыгоднике печатаемые, и полагая, что газета Польская не может пользоваться особенными пред Газетами Русскими преимуществами, позволяя себе иногда не допускать в ней статей из Journal de S<anct->P<éters>bouurg, которые не были ему известны из Газет Русских. В случаях сомнительных Г<осподин> Срезневский обращался ко мне, и я всегда одобрял принятые им, при цензоровании Тыгодника, направление. Последние предписания увеличили бдительность Г<осподина> Срезневского. Таким образом он в последнее время не допустил в этой газете статьи, в которых с особенною подробностью излагались требования западных мятежников, как равно и те, в которых описывались участия Поляков в политических событиях. Хотя таких статей,

«Тыгодника» от 28 января / 9 февраля 1848 г. заслуживает того, чтобы мы опубликовали его целиком.

«Милостивый Государь

Измаил Иванович

На корректуре Тыгодника Вы изволили надписать требование, чтобы в иностранных известиях означено было мною каждый раз, какие из них были, и какие не были помещены в Русских газетах.

Я осмеливаюсь доложить Вам, Милостивый Государь, что исполнение этого требования было бы для меня во всяком случае очень затруднительно, и в некоторых и невозможно.

Требование это ставит меня в необходимости перечитывать все Русские политические газеты каждодневно до того, как я возьму перо для составления моей газеты. Это первое, так сказать, материальное неудобство, по обширности сего чтения и по несовершенной аккуратности в доставлении русских газет, из коих некоторые доставляются довольно поздно; дабы же моя газета, печатаемая в казенном месте, могла выйти в назначенные дни и в положенные часы для отправления в те же дни по почте, нужно непременно, чтобы всякий день не позже 12 часа утра составлено и в Военную типографию отослано было то количество иностранных известий, которое, так сказать, на тот день выпущено в общее обращение. Самым полным и надежнейшим источником таких известий служит *Journal de S^{anc}-t-Petersbourg*. Я не знаю, какими основаниями руководствуются Г^{оспода} Редакторы Русских газет при извлечении из иностранных газет известий политических, но знаю то, что ни одна из них не есть официальною для сих известий; официальный характер тех из них, которые его имеют, ограничивается некоторыми отделами известий внутренних. Напротив, *Journal de S^{anc}-t-Petersbourg* есть именно официальное издание для новостей политических; оно печатается при Министерстве Иностранных Дел, в самом источнике достоверных сведений, и потому пре всеми как внутренними,

недопущенных Цензурою, было немного, тем не менее Редактор Тыгодника, находя направление Цензуры для себя стеснительным и помещение статей о событиях Польских необходимым, желал бы уравновесить в этом отношении газету свою с Газетою Варшавскою, в которой события в Познани описываются довольно подробно.

Полагая, что в Тыгодника, в С^{анкт}-Петербурге издающемся, можно дозволить печатать только те политические известия, которые напечатаны уже в Русских С^{анкт}-Петербургских Газетах, я, для отстранения недоразумений и неудовольствий со стороны Редактора Тыгодника, ясно обнаруживающихся в прилагаемом письме его к Г^{осподину} Срезневскому, честь имею представить это обстоятельство на благоусмотрение и разрешение Вашего Сиятельства» — РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 959. Л. 28–29.

так и иностранными изданиями отличается тем, что помещает не какие-нибудь слухи или догадки, а достоверные события и факты. По той же причине, то есть по непосредственному влиянию, под которым издается *Journal de St-Petersbourg*, общие рассуждения и замечания в нем помещаемые должны печататься имеющими всегда полное основание и высшую, не просто газетную цель, чуждую всякому духу партий и направляемую к одним и тем же основанным началам. И в самом деле, кто со вниманием следует за ходом политических происшествий, тот найдет ключ к ним в упомянутой газете, и увидит, что она в строгой постепенности объемлет в себе полную связь причин с последствиями.

Пользуясь этим случаем дабы откровенно объяснить Вам, Милостивый Государь, как я понимаю обязанности наших журналистов в настоящие смутные времена. Верховной Власти угодно было, чтобы события столь шибко с начала 1848 года следующие за собою в иностранных Государствах, не были скрываемы от Русской публики, и с того времени строгость Цензуры иностранных газет простирается не на самые факты, а лишь на нелепые толки, теории и рассуждения, появляющиеся в столбцах газетных. Таким образом на каждый день выпускается в обращение под наблюдением надлежащей власти, известная масса политических известий, которая составляет материал для наполнения газет печатаемых в пределах нашей Империи. Материал этот есть один и тот же для всех изданий, но многое в сем случае зависит от образа, каким издатель русской или польской газеты пользуется сим общим материалом; искусство группировать факты, одни из них выставлять в более резком виде, другие оставлять, так сказать, на втором плане, соблюдать или не соблюдать связь и последовательность событий с обстоятельствами, которые им предшествовали; наконец, помещать все, что необходимо для полноты картины современных событий, или умалчивать многое, что хотя и кажется менее существенным, но имеет истинное значение в общем ходе происшествий; — все это остается совершенно во власти журналиста, и от того или другого образа редакции зависит политический характер издания. В этом отношении Цензура не имеет и не может иметь влияние на издание, потому что она наблюдает только за тем что есть, но не касается до того чего нет; равно и до того, как и для чего общий материал расположен так, а не иначе, одним словом, я хочу сказать, что при всей бдительности Цензуры, каждая газета может иметь отдельный характер, зависящий непосредственно от личного образа мыслей и намерений главного ее Редактора. Позвольте мне, Милостивый Государь, объяснить это примером:

после неудачного покушения Красной Республики в Париже, в Июне сего года, один из главных деятелей, Людвиг Блан¹⁴, бежал в Англию и опубликовал в Лондонских газетах, что для него хотят дать большой праздник, но что он просит многочисленных своих приверженцев этого не делать, дабы не возмутить гостеприимной Англии. На это газета Standard отвечала колкою насмешкою над Г<осподин>ом Блан и объяснила, что статья его есть ничто более, как обыкновенный пуфф, в роде тех, которыми продавцы ваксы и помады рекомендуют свои товары, и что до того никто в Лондоне не знал даже о приезде знаменитого демагога. Положим теперь, что из Русских журналов в одном помещено будет известие о публикации Г<осподи>на Блан без комментария, а в другом с комментарием газеты Standard; допустим еще, что в первом вместо того, помещена краткая биография Г<осподи>на Блана и упомянуто о написанных им сочинениях и тому подобное, — оба эти журнала, как не заключающие ничего противного правилам Цензуры, были бы ею пропущены, но разница в том, что первый журнал, представляя Г<осподи>на Блана во всей его смешности, будет иметь более или менее полезное влияние на общественное мнение, способствуя к поселению заслуженного презрения к представителю самых вредных учений; тогда, как другое из сих изданий не только не стремится к такой цели, а напротив представляет Г<осподи>на Блана как одну из современных знаменитостей и т. д.

Мой журнал, издаваемый мною постоянно, со времени его основания поныне, в течение 19 лет, имеет неизменный характер: этот журнал вполне консервативный и Монархический в политическом отношении; в нравственном же и литературном, он всегда стремится к распространению здравых и полезных учений, строгой нравственности и религиозности, твердых начал порядка и благоустройства; он неутомимо противоборствует всем вредным и опасным нововведениям, преследует ложные современные понятия, в особенности так называемого социализма; а в области литературы и критики, старается противостоять дурному вкусу и безнравственности, которыми в последние 15 лет преимущественно отличается французская беллетристика, очень заманчивая для наших славянских племен. Мне известны невыгоды такого направления,

¹⁴ Блан Луи Жан Жозеф (1811–1882) — французский историк, политик, революционер. Автор известной формулы «пропорционального равенства» — «От каждого по способностям, каждому по потребностям». Один из лидеров свержения «июльской монархии» во Франции в 1848 г.; первый социалист в правительстве. Был вынужден эмигрировать, находился в эмиграции до 1870 г.

я нажил себе множество явных и неявных противников; я также хорошо знаю чем бы мог приобрести более читателей и приверженцев — стоило бы только переменить характер, или сделать мой журнал бесхарактерным вместилищем всякой всячины, и не восставать против господствующих идей и вкусов большинства публики. Но я этого не намерен сделать, предпочитая материальным выгодам самосознание исполняемого долга, и сочувствие немногих, но уважаемых мною единомышленников.

В отделе политических известий, описанному выше характеру моего журнала совершенно соответствует дух, в котором издается *Journal de St-Petersbourg* — то дабы сохранить сей характер и на будущее время, я покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, позволить мне почерпать заграничные известия из сего источника, который преимущественно пред другими соединяет в себе все ручательства, требуемые в сем отношении. Внутренние же известия, по-прежнему я буду почерпать из Русских публикаций официальных по этой части, как то: Высочайших Приказов, Сенатских ведомостей, Русского Инвалида, Коммерческой газеты и пр.

В ожидании благосклонного ответа, прошу принять уверение в совершенном моем почтении и преданности, с коими имею честь быть»¹⁵.

3. В борьбе с Гавриилом Дукштой-Дукшинским

Дискуссия между цензором Срезневским и редактором Пшецлавским завершается: цензуровать строптивного редактора назначают нового цензора — Гавриила Дукшту-Дукшинского, с которым мы еще встретимся в нашей книге и о подходах которого к цензуре придется подробнее говорить в связи с запретом рукописи Генрика Ржевусского. Пока же приведем сохранившиеся фрагменты его замечаний к публикациям в «Тыгоднике».

«Cmentarz w Krzemieńcu
Кладбище в Кременце
(Статья для Тыгодника)
18 ноября [1]852

Докладная записка

Г[осподина] Дукшинского

Прогуливаясь на Кременецком кладбище Автор останавливается при могилах бывших некогда преподавателей Кременецкого Лицея и пользуется сим случаем для объяснений о заслугах

¹⁵ РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 959. Л. 30–33.

еще мужей сих для учения в Лицее, в особенности же говорит о Юрковском¹⁶, Лучинском¹⁷ и Сероцинском¹⁸.

По мнению Автора, преподаватели Лицея, взирая на науку и свое призвание с высшей точки зрения и следуя внушению внутренней жизни, которая дает новый превосходнейший вид всему земному, направляли свое преподавание не только к умственному просвещению, но и к образованию сердца юношей путем добродетели. При сем упоминается с похвалою о бывшем устройстве обучения в Лицее, об ученом стремлении профессоров и направлении духа их сочинений к общей пользе и любви к родине.

Я затрудняюсь позволить сию статью по следующим причинам:

1. Имея целью былое воспоминание о прошедшем, нежели объяснение ученых трудов, она возбуждает и питает чувства патриотизма, несовместного с настоящим положением юго-западных губерний.

2. Выхваляет стремление Преподавателей Лицея тогда, как сие заведение было закрыто именно за предосудительное направление в оном воспитания юношества.

Обозрение способа обучения в Лицее имеет вид косвенного неодобрения меры закрытия оногo.

и 4. Разглагольствование о внутренней жизни носит на себе отпечаток мистицизма, который хотя, в философском отношении, и не вреден, однако ж может быть таким, если не озаряется положительным откровением, управлять воспитанием и быть одним вдохновением внутренней жизни без высшего, религиозного руководства, значит уронить нравственность воспитания, а не возвысить оную. Статья погрешает этою самобытностью умозрения»¹⁹.

Кременецкий (Волынский) лицей, основанный выдающимся организатором польского просвещения графом Тадеушем Чацким в 1805 г. как гимназия и преобразованный в 1819 г. в лицей, был закрыт в 1831 г. за массовое участие его выпускников в «ноябрьском восстании». Цензор хорошо осведомлен об этом, и заметка обречена. Неслучайно на записке наложена резолюция рукой М. Н. Мусина-Пушкина: «Совершенно правильно».

¹⁶ Юрковский Михал (1765 или 1766 — 1833) — польский филолог, поэт. С 1805 г. был профессором в Волынском лицее вплоть до его закрытия.

¹⁷ Лучинский — вероятно, Ян Лучинский (?—1820) — учитель физики в Волынском лицее.

¹⁸ Сероцинский Теодозий (1789—1857) — литературный критик, лингвист, педагог. Преподавал в Волынском лицее, выпускником которого был, с 1818 г. и вплоть до его закрытия, после чего в 1833 г. был вынужден уехать в Варшаву.

¹⁹ РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 959. Л. 34.

Через десять дней следует новая докладная записка Дукшты-Дукшинского:

«Urywek z podróży — moje wędrówki po Kraju Adama Maleszkiewicza. — Zofiówka²⁰.

28 ноября [1]852

Описывая известный в Киевской Губернии Царицын Сад, принадлежащий прежде графу Потоцкому²¹, под названием Софиовка, Автор распространялся на 2 и 3 стр. о впечатлениях, которые произвели на него, семь лет тому назад, находившиеся в Саду статуи Косцюшки²² и Князя Иосифа Понятовского²³, последнего с надписью: “Бог вверил мне честь Поляков — возвращу ее ему лишь одному”²⁴.

Сии две страницы и некоторые выражения неуместные, напр<имер>: “Домашние замешательства изгнали потомка Потоцких²⁵, из дедовских палат” исключены мною”²⁶.

И здесь мы читаем резолюцию начальства: «Совершенно справедливо».

Еще через два дня — новая претензия:

«Kilka uwag z powodu artykułów

P<ana> Tomasza Dybowskiego²⁷ p<od> t<ytułem> Białoruś

²⁰ Софиевка — парк в пригороде г. Умань (Черкасская область Украины), основанный в 1796 году графом Станиславом Щенным Потоцким и названный в честь его жены Софии Витт-Потоцкой.

²¹ Потоцкий Станислав Щенны (1752–1805) — граф, генерал коронной артиллерии (1788–1792), фактический руководитель пророссийской Тарговицкой конфедерации (1792).

²² Костюшко Анджей Тадеуш Бонавентура (1746–1817) — генерал-лейтенант Речи Посполитой, бригадный генерал армии Соединенных Штатов Америки. Участник войны за независимость США. Руководитель восстания 1794 г.

²³ Понятовский Юзеф Антоний (1763–1813) — племянник последнего короля Речи Посполитой Станислава Августа. Активный участник наполеоновских походов, маршал Франции (1813).

²⁴ Фраза, по преданию произнесенная князем Юзефом Понятовским накануне Битвы народов при Лейпциге, в ходе которой 19 октября 1813 г. он погиб.

²⁵ Сын Станислава Щенного Потоцкого, Мечислав Юзеф Потоцкий (1799–1878), за многочисленные обманы местной шляхты, шулерство, а также за проявленное неуважение к императору Николаю I провел в ссылке (Саратов, Воронеж, Вятка) и в Шлиссельбургской тюрьме около четырнадцати лет, затем ему удалось бежать за границу. В 1852 г. он пребывал в Вятке.

²⁶ РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 959. Л. 35.

²⁷ Дыбовский Томаш — возможно, президент гродского суда из Новогрудского воеводства.

Статья Г<осподина> Буйницкого²⁸

30 Ноября

Некто Дыбовский поместил в Варшавском Дневнике статью о дурном состоянии хлебопашества в Белорусских Губерниях, приписывая оное лени и беспечности помещиков и крестьян, которые не руководствуются открытиями науки для улучшения своих земель, в надежде на милость Государя Императора, в случае неурожая.

Автор настоящей статьи принимая помянутые рассуждения за дерзкие клеветы и даже некоторый род доноса против Белорусского Дворянства, старается, в колких выражениях дать почувствовать обвинителю, что обладаемые им некоторые теоретические сведения о земледелии, не дают ему права оскорблять все сословие Дворян, и что такое оскорбление тем менее простительно, что он не знает края, о котором пишет. Затем Автор статьи объясняет, что главною причиною дурного состояния земледелия в Белорусских Губерниях следует полагать недостаток денежных средств и неурожай, постигшие оный несколько лет кряду, что отеческая заботливость Государя оказала, конечно, пособие претерпевающим нужду, но что она излилась не на одну только Белую Русь, но и на другие Губернии; и что полагать такие вспомоществования ненужными, значит не иметь сочувствия к страждущему человечеству.

Я полагаю пропустить статью, исключив все слишком резкие личности».

Опять резолюция: «Совершенно правильно».

Очевидно, что позиция Гавриила Рафаиловича практически безупречна: в большинстве случаев он не делает ни одного замечания, которое могло бы повлечь за собой запрет всего текста публикуемой статьи, а лишь вычеркивает те формулировки, которые могут трактоваться как политически неверные. Запрет касается лишь тех текстов, в которых, говоря словами самого Г. Р. Дукшты-Дукшинского, ощущается «ложно понимаемый патриотизм». В борьбе с патриотизмом начальство поддерживает цензоров. Следов возражения со стороны редактора в архивных фондах не наблюдается — возможно, потому, что Пшецлавский слишком хорошо понимает опасность возражений в подобных случаях.

* * *

Нет сомнений в том, что сохранилась лишь незначительная часть переписки редактора главной польскоязычной газеты Российской

²⁸ Буйницкий Казимир (1788–1878) — писатель-беллетрист, член Виленской археологической комиссии, куратор школ Виленской губернии.

империи и его цензоров. Но уже на основании дошедших до нас писем видно, что у Пшецлавского спустя годы — и с учетом его собственного цензорского опыта — был несомненный повод вздыхать: «...сами собою явствуют условия, необходимые для правильного действия цензуры, где она существует, и для получения тех результатов, для которых учреждена».

Первое из этих условий есть самый строгий, самый целесообразный выбор лиц — исполнителей требований учреждения. Дабы в лице цензора соединены были ручательства и для власти, в соблюдении ее интересов, и для частных лиц, в обеспечении их от притеснений, нужно, чтобы он знал писанные и неписанные законы, чтобы был не чужд ходу общих политических дел, общественному быту и движению, не чужд наукам и литературе, а более всего, настолько умен, чтобы взгляды и суждения его не шли в разрез степени общественного развития в пределах законности. Надо бы сказать себе однажды навсегда, что хороший цензор есть своего рода эклектическая специальность, и что если где фамусовский фаворитизм вреден, так это по преимуществу в назначении цензоров. И предвидеть невозможно, сколько вреда и частным интересам, и общей пользе может причинить на этом месте человек, неспособный по чему-либо: по незнанию, по излишней мнительности с одной стороны, а с другой — по ложному либерализму и жажде популярности, хотя, впрочем, последнее случается у нас очень редко»²⁹.

Спустя полтора века трудно судить, насколько сам Пшецлавский как член Главного управления цензуры соответствовал им же сформулированным требованиям³⁰. Однако, в любом случае, память о тех временах, когда не он цензуровал, а его цензуровали, осталась у Осипа Антоновича навсегда.

²⁹ Пржецлавский О. А. Цензура // Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 318–319.

³⁰ Показательно, с нашей точки зрения, мнение профессора А. В. Никитенко, коллеги О. А. Пржецлавского по Главному управлению цензуры, считавшего (в 1860 г.), что «этот господин заявляет себя отъявленным поборником тьмы и безгласия» — Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. Т. II. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. С. 108.

Как журналист Осип Пржецлавский отказал шефу жандармов и ему за это ничего не было

В фонде III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии (Государственный архив Российской Федерации, ф. Р-109, оп. 2, д. 228) сохранилась любопытная записка Юзефа Эмманюэля Пшецлавского (Пржецлавского). Записка эта (см. приложение) представляет несомненный интерес не только как биографический факт автора одного из самых интересных русских мемуарных текстов XIX в. (достаточно сказать, что в «Калейдоскопе воспоминаний» Ципринус — под этим псевдонимом скрылся Пржецлавский — описывает, например, беседу А. С. Пушкина и А. Мицкевича, единственным свидетелем которой он был). Дело в том, что она проливает свет на остававшуюся вне поля зрения исследователей попытку имперских властей максимально русифицировать польскоязычных подданных России.

Как следует из текста записки, формально толчком к ее написанию послужило пожелание А. Х. Бенкендорфа увидеть редактируемую Пржецлавским официальную газету Царства Польского «Tygodnik Petersburski» двуязычной. Однако можно предположить, что инициатива исходила не от Бенкендорфа, который был довольно далек от национально-языковой проблематики. Близились пятилетие так называемого ноябрьского восстания — по сути, второй со времен восстания под руководством А. Т. Б. Костюшко попытки поляков восстановить свою государственность, в ликвидации которой Россия играла ведущую роль. Нет сомнений в том, что эта годовщина неизбежно актуализировала «польский вопрос» в сознании правящей российской элиты.

Есть основания полагать, что заказчиком подобной инициативы мог выступать сам император. Николай I никогда не забывал об оскорбительной попытке Сейма Царства Польского объявить о его детронизации. Самодержавный монарх в России не хотел и не мог быть конституционным королем Польши — части империи, жившей по иным законам, исповедовавшей иную веру и говорившей на ином языке. Схожее было и в Финляндии, но финны были лояльными подданными, а поляки нет. Поэтому поляки должны были максимально ассимилироваться с русскоязычными подданными императора.

Одну из предпринятых в этом направлении попыток описал Б. А. Успенский¹. Это появление в 1844 г. комитета, созданного министром народного просвещения С. С. Уваровым и наместником Царства Польского И. Ф. Паскевичем, целью которого была унификация, а фактически — перевод графики польского языка с латинского алфавита на кириллицу. Во главе комитета стоял директор департамента Министерства народного просвещения, отец будущего известного пушкиниста Павел Иванович Гаевский. Та попытка закончилась конфузом, причем одним из «торпедировавших» идею Уварова и Паскевича (де-факто они лишь озвучили и оформили пожелание императора) лиц был автор публикуемой ниже записки О. А. Пржецлавский, привлеченный в качестве одного из членов комитета, а по сути — эксперта.

Выбор П. И. Гаевского в 1844 г. был далеко не случаен. Сам Павел Иванович был одним из немногих крупных русских чиновников, знавших польский язык. Выпускник Полоцкого иезуитского коллегіума, Гаевский переводил с польского², считался экспертом в области польско-литовской истории, но главное — он был одним из цензоров литературы на польском языке, в том числе и газеты, издававшейся О. А. Пржецлавским. И хотя отношения цензора и издателя-редактора «Тыгодника» складывались далеко не безоблачно³, Гаевский как никто другой хорошо понимал и уровень компетентности Пржецлавского, и его обреченность на лояльность. И если в 1836 г., как следует из публикуемого текста, Пржецлавский осмелился откровенно возражать против позиции одного из наиболее приближенных к императору лиц, каковым был А. Х. Бенкендорф, и после этого его вновь в 1844 г. привлекают для рассмотрения куда более щепетильного вопроса — стало быть, председатель комитета был уверен в его незаменимости и сумел убедить в этом еще более высокопоставленных лиц.

Основания для такой уверенности были. Портреты О. А. Пржецлавского и троих его товарищей по журналистике, активно публиковавшихся в «Тыгоднике» в период ноябрьского восстания, были в 1832 г. сожжены польскими эмигрантами в Бельгии, приговорившими их за коллаборационизм к смертной казни

¹ См.: Успенский, Б. А. Николай I и польский язык (Языковая политика Российской империи в отношении Царства Польского: вопросы орфографии и графики) // Б. А. Успенский. Историко-филологические очерки. М., 2004. С. 123–173.

² Назовем самые крупные его переводы с польского языка: Бернатович, Ф. Поята, дочь Лиздейки, или Литовцы в XIV столетии: В 4 ч. СПб., 1832; Масальский, Т. Э. Пан Подстолич, уездный роман: В 4 т. СПб., 1832–1833.

³ См. в настоящем издании статью «Страдания будущего цензора».

и приведшими приговор в исполнение таким символическим образом. Сам Пржещлавский, по характеристике своего многолетнего сотрудника и приятеля Ф. В. Булгарина, «человек смиренный, образованный и благомыслящий»⁴, много лет спустя признавался: «Никто энергичнее меня не осуждал поведения поляков, жителей Царства, созданного в 1815 году благостью Александра I»⁵, а предавших его изображение казни бывших соотечественников характеризовал как «жесточенных эмигрантов, помешанных на известных пунктах, с которыми никакое рассуждение на этих пунктах невозможно»⁶. Отступить Пржещлавскому было некуда: сожжение его портрета на Батиньоле всего только засвидетельствовало факт сожжения самим редактором «Тыгодника» символических мостов, которые позволили бы ему в нужный момент перебежать на другую сторону (скажем, сделавший гораздо меньше для польской культуры и едва ли не гораздо более лояльный к императорскому правительству Ф. В. Булгарин подобной сомнительной «честью» не удостоился).

Мы не знаем, в какой именно форме предполагалось будущее «двуязычие» «Тыгодника». Опыт «Литовского курьера» свидетельствует о том, что, скорее всего, это был бы просто параллельный выпуск двух газет — на польском и русском языках. Однако очевидно, что в этом случае польскоязычное издание постепенно сокращало бы, а не наращивало свой тираж — в первую очередь сокращало бы в столице империи, русификация польскоязычных жителей которой была почти неизбежна⁷.

Для императора вопрос перевода официальной газеты Царства Польского, каковой являлся основанный, финансируемый на первом этапе, издаваемый частными лицами «Тыгодник», на русский язык, вероятно, был лишь одним из вопросов, который предстояло решить на пути к полному слиянию бывших польских земель с Россией, а поляков с этническими русскими. Так, в 1833 г. по инициативе Николая I под началом М. М. Сперанского была создана специальная комиссия во главе с министром — статс-секретарем Царства Польского Игнацием Туркулом, в задачу ко-

⁴ Цит. по изд.: Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III Отделение. М.: Новое литературное обозрение, 1998. С. 397.

⁵ Цит. по изд.: Пржещлавский, О. А. Воспоминания // Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 213.

⁶ Там же. С. 147.

⁷ Как указала Н. М. Сперанская, был и другой опыт — это «Journal d'Odessa — Одесский вестник», издававшийся в 1827–1831 гг. с параллельными текстами на русском и французском языках. С 1831 г. русская и французская версии газеты выходили самостоятельно.

торой входила унификация действовавшего в Царстве Польском законодательства с общеимперскими законами. В 1839 г. на территории Российской империи ликвидируется униатская церковь, то есть подчиненность части христиан греческого обряда Ватикану⁸. В 1844 г., а затем в 1852 г. предпринимаются две последовательные попытки перевести орфографию польского языка на кириллический шрифт.

Но все это были вопросы серьезные, затрагивавшие большие группы людей. В случае же с «Тыгодником» речь шла всего лишь о частной газете с тиражом в 500 экземпляров. Большинство ее читателей прямо или косвенно были ориентированы на имперскую власть, делали свою карьеру благодаря этой власти, знали — или в этот период по крайней мере хорошо понимали — русский язык. Знание русского языка становилось необходимым условием этой карьеры. В этом отношении, например, показательно письмо от 18/30 сентября 1826 г. бывшего ректора Виленского университета профессора Шимона Малевского сыну, ближайшему другу Адама Мицкевича со времен общества филоматов, позже — его свойственнику (оба женились на дочерях пианистки Марии Шимановской) Франтишку Малевскому, высланному из Вильны в Петербург: «Письмо твое, написанное по-русски, получил. По нему еще видно, что ты инородец, хотя и в самой столице России. Прошу тебя ко мне никогда не писать иначе, чем по-русски. Ибо ты россиянин»⁹.

Почему же Пржецлавский, говоря словами Булгарина, «смирный, образованный и благомыслящий» человек, вдруг уперся? Прекрасно понимая, что А. Х. Бенкендорф, скорее всего, озвучивает высочайшее пожелание, Пржецлавский, тем не менее, ведет себя в точности как «ожесточенный эмигрант», «помешанный на известном пункте» (употребим на этот раз характеристику, данную самим Осипом Антоновичем бывшим компатриотам). Дело в том, на наш взгляд, что как раз «известным пунктом» для Пржецлавского становится проблема польского языка.

⁸ На этом, однако, процесс не остановится: уже в царствование Александра II будет предпринята вполне утопическая попытка присоединить католическую церковь в России к православной, переподчинив ее от Ватикана Петербургу — см. об этом: Долбиллов, М., Сталюнас, Д. Обратная уния: из истории отношений между католицизмом и православием в Российской империи. 1840–1873. Вильнюс: Liedykla, 2010.

⁹ Цит. по изд.: *Listy z zesłania*. Т. 3. Warszawa: Ancher, 1999. S. 416.

Не будем говорить о патриотизме Осипа Антоновича хотя бы потому, что эта черта вряд ли была ему свойственна, скажем, в той степени, как, к примеру, тому же Ф. В. Булгарину или даже графу Генрику Ржевусскому. В этом отношении примечательна та цитата из записки О. А. Пржецлавского — не 1836, а 1844 г., — которую (в пересказе П. И. Гаевского) приводит в своей работе Б. А. Успенский: «Г. Пржецлавский... утверждает, что принятие русской азбуки для польского наречия не может соответствовать главному условию всякого нововведения, пользе, и что перемена эта могла бы быть введена постепенно и со временем. “Надежнейшею посредницею в том послужила бы самая литература; но для сего нужно, чтобы два соплеменные словесности ознакомились и сблизились к себе взаимно. Теперь еще знакомство это довольно слабо, хотя в последнее время и стали обнаруживаться симптомы вожделенного сближения сего. Должно ожидать, что меры, принятые правительством для распространения в западных губерниях и Царстве Польском российского языка, будут иметь в образуемом поколении полный успех и что труды благонамеренных литераторов довершат дело братского союза словесностей и тогда слияние видов и стремлений породит само собою потребность единства в средствах их выражения”»¹⁰. Если использовать строки современника и ровесника Пржецлавского, можно сказать, что Осип Антонович

...говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся¹¹.

Правда, автор имел в виду не Пржецлавского, а его однокашника по Виленскому университету Адама Мицкевича.

Вероятно, Пржецлавский осознавал закономерность своей плохой репутации в глазах соотечественников (кто и когда любил коллаборантов?), а потому находил некоторое утешение в той утопии великого славянского единства, адептом которой изображен Мицкевич в стихах Пушкина. Во всяком случае, приведенная цитата на взгляд любого непредвзятого человека является либо неумелой отговоркой, либо искренним заблуждением. Поскольку

¹⁰ Успенский, Б. А. Николай I и польский язык (Языковая политика Российской империи в отношении Царства Польского: вопросы орфографии и графики) // Б. А. Успенский. Историко-филологические очерки. М., 2004. С. 161.

¹¹ Пушкин, А. С. «Он между нами жил...» // А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений: В 16 т. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. 3, кн. 1. С. 331.

у нас нет оснований подозревать Пржещлавского в неумении лавировать, будем считать, что в 1844 г. он был искренен. Либо — что иные аргументы, кроме эмоциональных, с его точки зрения, перестали действовать. Однако в 1836 г. надежда на действенность рациональных аргументов еще была. Поэтому, когда Пржещлавскому предлагают высказать именно их, он предельно корректно формулирует свою позицию. Основа ее — три пункта.

Во-первых, у газеты отсутствуют авторы, которые могли бы в равной степени успешно писать и на польском, и на русском языках.

Во-вторых, читательская аудитория издания не расширится, а сузится, что, по мнению ее издателя, пойдет во вред делу.

Наконец, в-третьих, это потребует дополнительных затрат, а на это нет средств, ибо газета находится в частной собственности и никаких субсидий от правительства ни в прямой, ни в косвенной форме не получает.

Это ответ по существу. В переводе на деловой язык с языка, привычного высокопоставленному чиновничеству, это означает: нет кадров, нет людей, и вообще — подумайте, в ваших ли интересах осуществлять этот проект. Ответ четкий, жесткий. Равнозначный безоговорочному отказу. Именно поэтому Пржещлавский решает его подсластить и высказывает предложение подвергать свою газету, помимо обычной, еще и специальной цензуре III Отделения. И это при том, что именно так дела и обстояли изначально, по крайней мере в той части, которая касалась публикаций на внутриимперскую тематику, — недаром хорошо осведомленный об условиях существования «Тыгодника» Булгарин писал в своей записке: «Еще до выхода первого номера в свет польской газеты издатель оной и сотрудник его Малевский прибегнули к Булгарину и просили его советов, что им тотчас было доведено до сведения Высшего надзора и сделано условие, чтоб все статьи оригинальные о России, прежде напечатания оных, показывать в III Отделении Собственной Его Величества канцелярии»¹². Сейчас Пржещлавский готов всю газету подвергать высшей политической цензуре, но для того, чтобы сохранить уникальную возможность быть посредником между двумя самыми крупными культурными пластами империи, что приносит ему не только политические дивиденды (он востребован правительством в качестве влиятельного эксперта по национальному вопросу, а затем и как профессионал, знающий

¹² Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III Отделение. М.: Новое литературное обозрение, 1998. С. 398.

журналистскую проблематику), но и дивиденды вполне реальные — финансовые: как бы ни жаловался Осип Антонович на бедственное положение газеты, «Тыгодник» был вполне рентабельным предприятием.

О том, что отказ услышан, свидетельствует пометка, сделанная на отпуске записки Пржещлавского: «Приказано объявить Г<осподину> Пршеславскому, что при первом разе, когда будет замечена в Тыгоднике какая либо двусмысленность статьи, то статья сия будет воспрещена»¹³. Вероятнее всего, эта пометка отражает настроение А. Н. Мордвинова, представившего себе, как ему придется объясняться с А. Х. Бенкендорфом, вряд ли привыкшим к подобного рода отказам.

Впрочем, на карьеру Пржещлавского эта «наглость» не повлияла. Он оказался незаменимым.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Записка к Его Превосходительству Господину Управляющему III-м Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии, Статс Секретарю, Действительному Статскому Советнику Александру Николаевичу Мордвинову¹⁴, от Издателя официальной газеты Царства Польского¹⁵ «Tygodnik Petersburski».

Доложено 23 Сентября 1836.

Ваше Превосходительство изволили объявить мне волю Господина Генерал-Адъютанта Графа Александра Христофоровича Бенкендорфа: чтобы издаваемая мною на польском языке официальная газета Царства Польского: «Tygodnik» печатаема была с будущего года на двух языках: российском и польском. При сем Ваше Превосходительство, упоминая об ожидаемой от того пользе к большому распространению между жителями Царства Польского и Западных Губерний¹⁶ знания российского языка, изволили заметить, что мера сия есть вместе с тем и мерою осто-

¹³ Фраза «Доложено 23 Сентября 1836» и резолюция «Приказано объявить Г<осподину> Пршеславскому, что при первом разе, когда будет замечена в Тыгоднике какая либо двусмысленность статьи, то статья сия будет воспрещена» написаны другим почерком.

¹⁴ Мордвинов Александр Николаевич (1792–1869) — с сентября 1831 г. по март 1839 г. управляющий III Отделением.

¹⁵ Официальной газетой считалось издание, обладавшее исключительной привилегией публикации правительственных документов.

¹⁶ Под западными губерниями подразумеваются так называемые литовские губернии — Виленская, Гродненская, Минская и Могилевская, не входившие в состав Царства Польского.

рожности, долженствующею обеспечивать Правительство в согласности с его видами содержания газеты и что сие признано нужным по некоторым в течение сего года в Тыгоднике напечатанным статьям.

Как Ваше Превосходительство приказали мне, по соображению с обстоятельствами дать по сему решительный ответ: то я осмеливаюсь представить некоторые мысли как в отношении средств к приведению сего предложения в действо, так и ожидаемых от оногo последствий, мысли, внушаемые мне семилетним опытом в издании журнала и наблюдением местным обстоятельством края, для жителей коего он предназначен.

Касательно средств к исполнению сего предположения я должен откровенно сказать, что к изданию Тыгодника на двух языках предвидятся важные, и, можно сказать, непреодолимые препятствия, из коих главнейшее состоит в приискании сотрудников, хорошо знающих оба языка. Число таких людей в Петербурге вообще весьма ограничено и все они заняты службою или хождением по делам¹⁷. Дабы они могли решиться оставить то или другое, и заняться постоянно переводом и сочинением статей для Тыгодника, нужно предложить им выгоды, по крайней мере заменяющие те, которые они теперь имеют, но Тыгодника расходится только до пятисот экземпляров, а как притом с одной стороны издержки на издание его должны более чем удвоиться, а с другой нельзя предполагать чтобы подписка от того могла усилиться: то ясно, что хотя бы и не настояло недостатка в способных людях, всегда препятствовать будет недостаток в средствах для приохочения их и вознаграждения.

Что же от присоединения российского текста¹⁸ к польскому невозможно ожидать умножения числа подписчиков, тому (отложая все рассуждения а priori) видимый пример представляет издаваемый в Вильне на двух языках «Литовский Вестник» (Kurjer

¹⁷ После присоединения к Российской империи бывших земель Речи Посполитой у их жителей возникла необходимость обращаться прежде всего в Сенат как высшую судебную инстанцию империи для решения вопросов, связанных с земельной собственностью и вопросами наследства. Поскольку большинство заинтересованных лиц, как справедливо отмечает Пржецлавский, недостаточно владели русским языком, возникла практика поручения ведения дел специальным ходатаям, постоянно жившим в Петербурге и представлявшим интересы иногда целых уездов (см. о них: Моравский, С. В Петербурге // Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 516–519).

¹⁸ «Российский» здесь употреблено в значении «русский».

Litewski)¹⁹. Для издания сей газеты в таком составе учрежден был Правительством особый Комитет; о сем нововведении по всей Империи было опубликовано; Г<осподин> Министр Внутренних дел²⁰ циркулярными предписаниями поручал всем Гражданским Губернаторам содействовать к собранию подписки; за всем тем, число подписчиков, сколько известно, не умножилось и если издание Литовского Вестника, от увеличения издержек для двойного текста, не прекратилось: то сие приписать надлежит или достаточности прежней подписки на покрытие оных, или более тому, что кроме подписки, Литовский Вестник имеет другой, еще надежнейший и более значительный источник дохода, именно плату за печатаемые в нем судебные публикации, имеющие официальную силу и частные уведомления²¹; Тыгодник же такового источника не имеет.

Как затем существование Тыгодника, никаким сторонним средством неподдерживаемое, зависит единственно от самого содержания его: то упомянув выше о вещественной так сказать невозможности издавать оный здесь на двух языках, позвольте мне Ваше Превосходительство сказать со всею откровенностию несколько слов о влиянии, какое в сем новом виде издание сие могло бы иметь на общее мнение и на зависящее от оногo число подписчиков.

В 1832 году, когда дело шло о обращении Тыгодника в официальную газету, в представленной о том Его Сиятельству Графу Александру Христофоровичу записке, я имел честь изложить некоторые по сему предмету замечания, которые найдены были основательными. Существо их заключалось в следующем:

Неприятные чувства большей части жителей Царства Польского и Западных Губерний к России, произведшие в горестном последствии плачевные события 1830 года²², имеют единственным источником невежество; если бы они знали Россию в настоящем ее положении: то и чувства их были бы другие и самые события никогда бы последовать не могли. Не быв на месте невозможно

¹⁹ «Литовский Курьер» — газета, выходившая в 1796–1840 гг. (1796–1797 гг. — в Гродно, затем в Вильне). С 1834 г. печаталась на польском и русском языках.

²⁰ Пост министра внутренних дел занимал в 1828–1831 гг. А. А. Закревский.

²¹ До мая 1862 г. правом печатать частные объявления обладали лишь «Санкт-Петербургские», «Московские» и «Полицейские ведомости». Предоставление подобного права изданию было исключительным фактом и являлось формой оказания скрытой финансовой поддержки со стороны представившего это право правительства.

²² Речь идет о ноябрьском восстании 1830 г.

себе вполне представить, до какой степени легкомысленное невежество сие простирается; жители тамошнего края или усиленно отвергают всякие правильные сведения об Империи, или, большею частью по внушениям злонамеренных людей, составляют себе обо всем ложные и самые неблагоприятные понятия, которые более и более отчуждают их от Правительства и соделывают массу их истинно в моральном отношении нечастною.

Всякий благонамеренный человек, которому такое положение вещей известно, не может не пожелать просветить жителей сего края в сем существенном для благоденствия их предмете. Правительство обратило на то полное внимание и одною из решительных принятых им мер, есть распространение в тамошних краях русского языка. Мера их, действующая на образуемое ныне в училищах юношество, должны со временем иметь совершенный успех к сближению двух соплеменных, но столь доселе обстоятельствами отчужденных народов; однако ж мера сия в настоящее время есть только приуготовительна и нельзя не заметить, что на существующее большинство жителей она не может иметь морального влияния и что дабы и на нынешнее поколение действовать постоянно в том же направлении, нужно другое, ближайшее средство.

Единственным такого рода средством представляется благонамеренное, периодическое на польском языке издание, которое имело бы основную целью рассеивать мрак, препятствующий сближению жителей Польши и Западных Губерний с Россиею и Русскими, ознакомлять их с благодетельными видами и действиями Правительства, с ходом законодательства и вообще с настоящим положением России и столь быстрыми успехами ея в общей образованности, науках, словесности, художествах и промышленности. Но издание сие, долженствующее служить некоторого рода посредником между Россиею и Польшею и дать со временем исключительному польскому патриотизму, породившему столько бедствий, более, так сказать, общеславянский, дабы могло достигать таковой цели, должно быть с одной стороны, по разнообразию предметов, довольно привлекательно, а с другой снискивать доверенность читателей, для коих оно предназначено, беспристрастием вообще, чистотою намерений и благородною откровенностию изложения.

Виды сии, относившиеся к Тыжднику, удостоились одобрения Графа Александра Христофоровича и дабы более упрочить существование сего журнала, Его Сиятельство изволил исходатайствовать в 1832 году Высочайшее повеление, чтобы газета сия

признаваема была официально по публикуемым в оной актам, относящимся к Царству Польскому.

Таковые виды не изменились и доселе и признанная нужда: в постепенном действии подобного издания на образ мыслей в Царстве Польском и Западных Губерниях, существует по прежнему, ибо злонамеренные люди не престают подстрекать умы и сердца, всегда готовые к принятию враждебных внушений, не смотря на принимаемые меры, расходятся по тамошнему краю печатаемые за границую сочинения, в коих намерения и распоряжения Правительства представляются в самом искаженном виде и с самой невыгодной стороны; а как вредные сии внушения основаны на лжи и обмане и как лучшее противу них средство есть истина: то более чем когда либо нужно противудействовать им посредством журнала, который был бы точным и для всех понятным собранием сведений о России и верным указателем действий Правительства.

Я осмеливаюсь сказать, что издание на двух языках: не могло бы достигать таковой цели. В глазах жителей тамошнего края оно потеряло бы отпечаток той независимой приверженности издателя к Правительству, той добросовестности, уверенность в коей со стороны читателей единственно обещать может желаемый успех; оно было бы уже для них не отголоском истины и внутренняго убеждения, а орудием того Правительства, которое они столь мало знают и столь невыгодно себе воображают. Отчуждение их от сего Правительства столь еще сильно, что они не в состоянии ознакомиться с ним непосредственно и действия его по достоинству оценить; для сего им нужен еще посредник, и посредник говорящий на их языке, который руководствовал бы умы их к познанию истину и так сказать противу их воли внушал бы им, как детям, здравыя о вещах понятия.

Поэтому нет сомнения, что Тыгодник с российским текстом, теряя в глазах читателей характер независимости мнений и беспристрастия, с одной стороны перестал бы соответствовать существенной своей цели, а с другой, неминуемо, и по той же самой причине, он лишился бы многих подписчиков, а тогда издание его, в моральном отношении уже бесполезное, сделалось бы и невозможным, ибо на подписку российских читателей, при таком изобилии хороших российских журналов, вовсе полагаться нельзя.

За сим рождаются естественно вопросы: издание Тыгодника соответствовало ли доселе изложенным выше началам, и ежели соответствовало: то произвело ли успех?

Сдесь надлежит принять в соображение, что, до появления Тыгодника, не было на польском языке газеты, которая бы постоянно и с желаемую точностию сообщала нужные о России сведения; в особенности Варшавские газеты почти не заключали известий их Империи. В Тыгоднике же известия сии, по самому плану его, составляют главное содержание и в продолжение семилетнего существования своего, газета сия была верною и непрерывною хроникой всего достопримечательного, происшедшего в России. Тыгодник неотступно следовал за всеми незабвенными подвигами, успехами и улучшениями, которые во всех отношениях столь блистательно ознаменовали сию начальную эпоху достославного настоящего Царствования и одно точное изложение и постоянное помещение известий о них, не могло не иметь хорошего влияния на заблужденныя понятия. Но Тыгодник сим не ограничивался: издатель не упускал никогда из виду главной обязанности своей, и пользовался всяким случаем для высказанія соотечественникам своим полезных истин; для представления в настоящем виде благих намерений Правительства, которые без того были бы непонятны или сделались бы предметом превратных толкований. Сие стремление Тыгодника замечено было и оценено было скрывшимися за границу Польскими мятежниками; еще в самом начале так называемой эмиграции они помещали в Парижских газетах многие противу Тыгодника выходки и издатель его провозглашен был изменником отечества.

Что касается до других частей внутреннего состава Тыгодника общий дух, всегда в нем господствующий, есть дух порядка и умеренности. В нравственных науках и в области литературы, журнал сей постоянно противоборствует пагубным иностранным нововведениям, общему искажению вкуса а в особенности распространению идей так называемой ново-французской школы²³.

Какой доселе был непосредственный успех посильных трудов моих: о том с точностию сказать невозможно, ибо успехи сего рода не подлежат вычислению; но с полною уверенностию можно предположить, что Тыгодник имел влияние небезполезное, что он способствовал к искоренению не одного вредного предубеждения, к исправлению не одного ложного понятия; я даже имел многие частные, весьма для меня утешительные тому примеры. Видимая же польза от Тыгодника есть то, что он служит постоянным для Варшавских газет правильных и точных о России известий, которые ими перепечатаются и распространяются по Царству

²³ Речь идет о критическом отношении к литературе французского («неистового») романтизма, свойственном авторам, примыкавшим к «котерии».

Польскому жители коего, в прежнее время, быть может с намерением, удерживаемы были почти в совершенной неизвестности обо всем, что им нужно и полезно знать об Империи.

В продолжение семи лет существования Тыгодника, издатель подвергся двум, со стороны высшего Начальства замечаниям; но и в сих, немногих случаях, данные им объяснения (честь и хвала Начальству, которое позволяет объясняться) признаны были удовлетворительными и оказалось, что это были одни недоразумения. Как Ваше Превосходительство не изволили указать мне, какие именно статьи Тыгодника ныне обратили внимание: то я не могу представить подробного оправдания; но позвольте мне Ваше Превосходительство думать, что и оне принадлежат к тому ж разряду; если же в них, сверх всякаго ожидания, действительно находится что либо противное одобренным началам издания Тыгодника: то сие единственно от неосмотрительности могло случиться, ибо чистота намерений моих никогда не подвергалась сомнению и в том я смело могу сослаться на всю жизнь мою и известный образ мыслей.

Как из всего вышеписанного следует, что издание Тыгодника на двух языках с одной стороны было бы крайне затруднительно (чтобы не сказать невозможно) а с другой что оно перестало бы соответствовать настоящей цели своего журнала: то я осмеливаюсь покорнейше просить Ваше Превосходительство, вникнув с благосклонным вниманием во все обстоятельства сего предмета употребить ходатайство Ваше об оставлении издания Тыгодника на существующем основании и в настоящем его составе до времени, когда по обстоятельствам признано будет, что изменение образа его издания может принести желаемую пользу. Дабы же и Правительство могло быть твердо обеспечено во всегдашней согласности содержания Тыгодника с видами его и я сам огражден был от неумышленных погрешностей и от недоброжелательных толкований позвольте мне Ваше Превосходительство представить Вам на благоуважение меру, которая вполне достигать должна сей двоякой цели. Мера сия состоит в том, чтоб статьи (кроме тех, которые не подлежат никакому рассуждению) предполагаемые к помещению в отделениях Наук, Литературы и Смеси и даже почерпнутые из российских газет, но могущие дать повод к какому либо двусмыслию или истолкованию, кроме обыкновенной Цензуры, предварительно просматриваемы были в управляемом Вашим Превосходительством Отделении собственной Его Величества Канцелярии не по правилам общего Цензурного Устава, а по соображениям внутреннего их смысла

с действием, какое каждая из сих статей может иметь на понятия читателей Тыгодника.

В заключение осмеливаюсь присовокупить и то, лично меня касающееся обстоятельство, что собственность издания Тыгодника составляет единственное мое имущество²⁴, дающее мне средство к содержанию с семейством²⁵.

Коллежский Ассессор Осип Пржещлавский 20 Сентября 1836 года.

²⁴ «Тыгодник» приносил прибыль, и это стало одним из поводов к разрыву Франтишка Малевского с Пржещлавским. З. Судольский в многотомном издании корреспонденции членов тайных студенческих обществ Виленского университета опубликовал черновик письма Ф. Малевского конца 1831 г. О. Пржещлавскому, в котором, в частности, сказано: «Признаю, что был столь глуп, что порукой в получении будущих прибылей и лишь в четвертой их части было для меня только твое слово» (см.: *Listy z zesłania*. Т. 3. Warszawa: Ancher, 1999. S. 358).

²⁵ О. А. Пржещлавский женился на своей бывшей квартирной хозяйке, вдове Елизавете (Елизавете Флорентине) Федоровне Хвостовой, имевшей от первого брака трех дочерей. От этого брака у него родился сын, Антон Осипович Пржещлавский.

Страдания отставного цензора

История мемуарного текста, написанного в XIX в., неизбежно складывается из двух составляющих — историй его появления и презентации его обществу. Во втором случае это, как правило, связано с прохождением цензуры, редактирования и собственно рецепцией его массовым читателям.

Осипу Пржецлавскому в данном случае не слишком повезло. Его мемуары были написаны им для прижизненной публикации в журнале «Русский Архив», однако уже первый из фрагментов, который был напечатан, вызвал волну протестов и возмущений, которые и вынудили редактора журнала, Петра Ивановича Бартенева, прервать сотрудничество с автором.

Полностью реконструировать историю воспоминаний Пржецлавского можно на основании его писем к Бартеневу, хранящихся в РГАЛИ (ф. 46). Переписка шла в течение 1872–1873 гг. в связи с публикацией на страницах «Русского Архива» первых глав воспоминаний Осипа Антоновича «Калейдоскоп воспоминаний». Они печатались под именем «Ципринус»: на родовом гербе Пшецлавских был изображен карп, латинское название которого и послужило основанием для псевдонима.

Судя по всему, протекцию Пржецлавскому оказал один из сыновей известного поэта-партизана Д. В. Давыдова, Василий Денисович Давыдов (1820 или 1822 — 1882), который напоминает об этом в письме П. И. Бартеневу от 10 октября 1873 г.: «Тому два года судьба натолкнула меня на Ос<ипа> Ант<оновича> Пржецлавского, по его литературным трудам, и доставила мне случай помочь ему поместить их на страниц. Рус. Архива. Это налагает на меня в некотором роде обязанность принять на себя, по его желанию, звание посредника в недоразумениях возникших между Вами и ним»¹. К «недоразумениям» мы вернемся чуть позже, поскольку они были следствием как принципиальной позиции мемуариста и издателя, так и вмешательства внешних сил, достаточно влиятельных, чтобы доставить Пржецлавскому массу не предвиденных им переживаний. Скажем лишь, что В. Д. Давыдов был помещиком Торжокского уезда Тверской губернии, вероятней всего, в этом качестве был знаком с Пржецлавским, у которого в той же губернии находилось имение жены, и решил — вполне по-соседски — оказать услугу старику, тем паче что сам как раз в описываемый пери-

¹ РГАЛИ. Ф. № 46. Оп. 1. Ед. хр. 565. Л. 235.

од активно публиковал на страницах исторических журналов материалы, связанные с жизнью своего героического отца.

Первая публикация О. А. Пржецлавского на страницах «Русского Архива» — это «Иосафат Огрызко и его польская газета “Слово”»². Эта статья представляла собой ответ Николаю Васильевичу Бергу, недвусмысленно намекавшего в своих «Записках о последнем польском восстании», опубликованных в журнале Бартенева в 1870 г., на то, что некий высокопоставленный поляк покровительствовал И. Огрызко, который лишь благодаря этому смог открыть газету, активно готовившую (по мнению Берга) восстание 1863–1864 гг. Пржецлавский справедливо усмотрел в этих намеках атаку на себя и предпочел кулуарной защите защиту публичную. Семидесятитрехлетний старик продемонстрировал при этом хорошую память и бойкое перо, что вполне удовлетворило редактора: Бартенева предложил Пржецлавскому опубликовать на страницах журнала уже прямые воспоминания.

Судя по всему, первый этап эпистолярного общения редактора с будущим автором «Русского Архива» произвел на последнего несомненное впечатление. Во всяком случае, Осип Антонович пишет с нескрываемым удовольствием (письмо от 14 мая 1872 г.): «Много обстоятельств сложилось на то, что я так несвоевременно отвечаю на любезное и искреннее письмо Ваше. Но я дня через 4 или 6 надеюсь приехать в Москву и лично засвидетельствовать Вам мое почтение, переговорить о сотрудничестве, столько для меня важным, к которому изволите меня приглашать. Искренне благодарю за помещение в Архиве моей статьи и присылку гонорара»³.

Однако в дальнейшем тон меняется. Несмотря на то что Пржецлавский с благодарностью отмечает обязательность Бартенева в финансовых расчетах (например: «Я имел честь получить Ваше письмо от 12 сего сентября со включением 120 руб. гонорария за мою статью о Новосильцове; очень благодарен Вам за аккуратность»⁴), Осип Антонович всерьез огорчен манерой редактора комментировать пришедшиеся ему не по нраву тексты. Например, пассаж в очерке Пржецлавского «Сенковский, разочарованный, озлобленный постоянными неудачами, испытывавший на себе Вергилиево “sic vos non vobis”, оставил наконец свои честолюбивые затеи и всецело бросился в русскую литературу. Он прекрасно сделал: последствия показали, что такое было истинное

² Русский Архив. 1872. Т. 5. Стлб. 1031–53

³ РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 564. Л. 219.

⁴ Пржецлавский О. А. Письмо П. И. Бартенева от 18 сентября 1872 г. — РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 564. Л. 409.

его призвание»⁵ Бартенева снабжает следующим комментарием: «Читатели наши чувствуют всю оскорбительность этого замечания и припомнят статью кн. В. Ф. Одоевского о значении Сенковского и Булгарина в русской печати (Р<усский> Арх<ив> 1864, изд. 2-е, стр. 1015). Со временем история не оставит без упрека представителей тогдашней нашей словесности за то, что они допустили разных проходимцев распоряжаться судьбами русского печатного слова, и помянет с благодарностью о противодействии, которое хотя отчасти оказывал барон Дельвиг своею “Литературной газетою” и позднее Пушкин “Современником”; но первого из них погубил граф Бенкендорф, а второго — пуля проходимца-француза. П. Б.»⁶.

Разумеется, Пржецлавский, несмотря на крайне негативное отношение к Сенковскому, немедленно бросается в бой: «Не скрою от Вас, уважаемый Петр Иванович, что и очень удивило и огорчило примечание Ваше в столбце 1933 № 10, начинающееся словами “Читатели наши чувствуют всю оскорбительность (!) этого (то есть, моего) замечания” и т. д. Скажите, на милость, кого я оскорбил сказавши что “Библиотека для чтения” Сенковского имела большой успех? Ведь это во 1-х факт, что он от этого издания нажил порядочное состояние, а во 2-х, как и кто может приписывать мне намерение, которого я не имел? Не есть ли это немного злоупотреблять правом издателя делать примечания к публикуемым им статьям? Я непременно должен ответить, дабы очистить себя пред вашими читателями, к которым Вы обращаетесь и попрошу Вас также непременно напечатать мой ответ. <...> Во избежание на будущее подобных столкновений, которые могут повести нас далеко, я просил бы Вас о следующем: всякий раз, когда Вам будет угодно делать замечания на мои статьи, не премините же возможным сообщать мне их прежде напечатания в номере; ведь для этого будет довольно времени, судя по периодам выхода нумеров Архива. Может случиться, что по обстоятельствам моим, которые я сообщать буду без потери времени, Вы от некоторых примечаний откажетесь, а в других подпишете изменения. Сами писали мне о тех ответах, которые я Вам послал с живым вручением моим сыном, показывает, что они были дельны. Средство, предлагаемое мною, предупредило бы такую безысходную и одностороннюю полемику»⁷.

⁵ <Пржецлавский О. А.> Калейдоскоп воспоминаний. П. Адам Мицкевич // Русский Архив. 1872. № 10. Стлб. 1933.

⁶ Там же.

⁷ Пржецлавский О. А. Письмо П. И. Бартенева от 21 октября 1872 г. — РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 572. Л. 488–489.

Резон в подобных рассуждениях Пржещлавского есть. Как есть у него и несомненное право оспаривать замечания Бартенева: в конце концов, он в своих воспоминаниях не обязан отвечать за дурную репутацию в глазах части российского общества своих земляков, в том числе О. И. Сенковского⁸. Пржещлавский искренне не понимает, почему вдруг так изменился любезный тон Петра Ивановича, и со всем своим бойцовским темпераментом бросается на него в атаку, надеясь переубедить: «Я записываю известные мне факты и события, но вместе с тем и мысли, и не могу отказаться от мышления, от суждения, правильного или ошибочного, последнего же я не допускаю, покуда это не доказано (Иначе я стараюсь умнеть). Между тем я замечаю, что Вы иначе понимаете условия, которых требуете от тех, которые пишут для Вашего издания; манера моя не одобрена Вами, и то одно, то другое находите не соответствующим Вашей программе. Я же не могу привыкнуть к таким стеснениям, да и не могу хорошенько уяснить себе, в чем именно состоят эти рамки, в которые Вы желаете заключить пишущего для Р. Архива. Согласитесь, уважаемый Петр Иванович, что мысль о том, что Вам может не понравиться (из того, что нравится другим и за что меня благодарят), всегда присущая при моей работе, не может не парализовать ее, не удерживать на всяком шагу, для высказывания того, что я считаю уместным и даже нужным. Я много писал для публики, издавал в течение 29 лет газету, и никогда не написал ничего неуместного, ничего такого, чего не мог бы отстоять пред судом здравой критики. Трудно, даже невозможно мне теперь, на старости лет, учиться снова привыкать и писать по такой методе, которую я даже не могу себе уяснить. Вот мое положение в отношении к Вам, обрисованное со всею откровенностию. Что мне остается делать?»⁹.

Пржещлавский даже не подозревает, какое мощное давление оказывается в этот момент на П. И. Бартенева, чтобы тот прекратил любой ценой печатать воспоминания Ципринуса. Приведем лишь один конкретный пример.

⁸ Добавим: и позже Ф. В. Булгарина. Мемуарный очерк Пржещлавского о Булгарине, опубликованный в «Русском сборнике», будет снабжен его редактором, В. Ф. Пуциковичем, ничуть не менее оскорбительными и несправедливыми примечаниями. См. об этом, в частности: Федута А. И. Слово «белорус» в воспоминаниях Осипа Пржещлавского // Поэтика и лингвистика. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Р. Р. Гельгардта. 16–19 октября 2006 г. Тверь: ТГУ, 2006. С. 42–44.

⁹ Пржещлавский О. А. Письмо П. И. Бартеневу от 25 января 1873 г. — РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 565 (ч. 1). Л. 82 об. — 83.

Племянник Бартенева, известный позже историк литературы (в частности, публикатор фрагментов архива М. П. Погодина) Н. П. Барсуков, пишет дядюшке: «Прежде всего, считаю своим долгом Вас уведомить о нижеследующем: На днях я получил из Баден-Бадена (Langestrasse, 8) письмо от Кн. П. А. Вяземского, в котором он, как я и ожидал, негодует — за впускание в “Русский Архив”, в сей священный ковчег старины нашей, “враля Бурнашева”, который прославился своими лживыми и холопскими сплетнями. <...> Негодует и полковник Кропотов, много и долго изучавший и изучающий “Муравьевщину”, за таковое же впускание Пржецлавского (sic!), у которого, по словам реченного полковника, что ни слово, то ложь»¹⁰.

«Реченный полковник» Д. П. Кропотов — известный автор апологетической биографии графа М. Н. Муравьева-Виленского. Очевидно, что публикация воспоминаний поляка, напрямую касающихся времени, описанного в кропотовском труде (он издал лишь первую часть, где М. Н. Муравьев выступает в должности гродненского губернатора), воспринимается полковником как своеобразный вызов.

Но полковника Кропотова с его негодованием Бартенева может кое-как снести: мало ли, в конце концов, полковников, занимающихся историческими трудами. С князем же Вяземским намного сложнее. Бывший товарищ министра просвещения, сенатор, человек с огромными связями и влиятельными родственниками, Вяземский оказывает бартеневскому журналу постоянную протекцию. Именно он обращает внимание на «Русский Архив» императора Александра II. Поссориться с Вяземским — значит построить против себя многих далеко не рядовых читателей. И хотя в цитированном выше письме Барсуков указывает лишь на гнев Вяземского по поводу другого публикуемого Бартеневым мемуариста — В. П. Бурнашева, несколько позже становится понятно: для Вяземского Пржецлавский и Бурнашев — фигуры совершенно одного порядка, и Бартенева обязан прекратить публикацию их текстов. Об этом уполномочен сообщить дядюшке все тот же Н. П. Барсуков: «Ради Христа, любезнейший дядюшка, развяжитесь какнибудь с Бурнашевым и Цыпринусом. Кн. Вяземский негодует на Вас за направление, которое принял в последнее время “Русский Архив”, благодаря впусканию этих господ. Негодование это разделяют и все почтенные люди (в том числе и Афанасий»

¹⁰ Барсуков Н. П. Письмо П. И. Бартенева от 18 сентября 1872 г. — РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 564. Л. 407 — 407 об.

Фед<орович>¹¹). А за Новосильцова Кн. Вяз<емский> на Вас не на шутку разсердился и только своим последним письмом к нему Вы и разжалобили его и обезоружили его гнев. Эти слова помещены в приписке; а в письме весь 9 №¹² Князь назвал “отхожим местом, где испражняются Ципринус и Бурнашев”; а первого он назыв<ает> “польским Бурнашевым”. По поручению Князя провождаю к Вам его притчу и другие стихи¹³.

Очевидно, что совершенно хамские оценки даются П. А. Вяземским с пониманием того, что они будут переданы племянником Бартеневу, и едва ли не с прямым расчетом на то, что они будут ему переданы. Для Вяземского точно вопросом чести становится прекращение публикации в «сем священном ковчеге старинных нашей» — «Русском Архиве» — неугодных ему авторов.

Поэтому, кроме хамства, для выражения своего крайнего недовольства редакционной политикой Бартенева Вяземский поручает Барсукову переслать дяде свои эпиграммы на фигуры, наиболее раздражающие его в современной исторической журналистике. Под огонь попадают А. Н. Пыпин, Н. И. Костомаров, В. П. Бурнашев и О. А. Пржецлавский. На наш взгляд, именно Пржецлавский является адресатом следующей эпиграммы, или, как выражается Барсуков, «притчи»:

Заштатный уж давно какой-то сивый мерин
В журнальной упряжи опять являться стал:
Но вскоре все нашли, что он в езде так скверен,
Что на солому вновь в конюшню он попал.
Он ржанием своим Бартенева пленяет:
Дай прокачусь на нем, Бартенев порешил,
В архивный свой рыдван он клячу запрягает
И думает, что в ход он рысака пустил¹⁴.

¹¹ Имеется в виду академик Афанасий Федорович Бычков (1818–1899) — правитель дел Археографической комиссии (1865–1873), помощник директора (с 1868), затем директор Императорской публичной библиотеки (1882–1899).

¹² «За исключением записок Веберна» — примечание Н. П. Барсукова.

¹³ Барсуков Н. П. Письмо П. И. Бартеневу от 10 октября 1872 г. — РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 564. Л. 429.

¹⁴ Барсуков Н. П. Письмо П. И. Бартеневу от 10 октября 1872 г. — РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 564. Л. 429 — 429 об. — См. публикацию: Вяземский П. А. <На В. П. Бурнашева> // Русская эпиграмма (XVIII — начало XX века). Л.: Советский писатель, 1988. С. 233–234. В комментариях М. И. Гиллельсона и К. А. Кумпан атрибуция адресата осуществлена следующим образом: «Как явствует из неопубл<икованных> документов (ЦГАЛИ), Вяземского раздражал запанибратский тон В. П. Бурнашева при описании

Пржецлавский является, на наш взгляд, главным претендентом на статус адресата этой не слишком вежливой притчи-эпиграммы именно в силу своего возраста: он значительно старше В. П. Бурнашева. Но в данном случае нас интересует другое: зачем Вяземский пересылает Бартеневу — да еще через его племянника! — этот текст, ударяющий по самолюбию редактора «Русского Архива»? Ответ напрашивается сам собой: именно потому, что его цель — ударить больнее. Зная, что Бартенев не сможет защититься от эпиграммы, не пойдя на прямой конфликт с ее автором, князь попросту шантажирует своего друга: докажи, что ты не такой!..

Судя по письмам Пржецлавского, Бартенев все-таки пытался максимально смягчить последствия публикаций воспоминаний Ципринуса. Об этом, в частности, свидетельствует следующий пассаж: «Я совершенно согласен на Ваше предположение не ставить в статье о Новосильцове полной фамилии нынешней графини Шуваловой, а только начальную букву, хоть впрочем в том, что об ней говорится, нет ничего оскорбительного»¹⁵. Речь идет о бывшей фаворитке Н. И. Новосильцова Текле Зубовой (урожд. Валентинович, во втором браке Шуваловой), которой молва приписывала весьма вольное поведение после смерти ее первого супруга князя П. А. Зубова¹⁶.

им знакомства с Воейковым и др<угими> литераторами в “Воспоминаниях петерб<ургского> старожила” <...> и в мемуарах “Михаил Юрьевич Лермонтов в рассказах гвардейских однокашников” — Русская эпиграмма (XVIII — начало XX века). Л.: Советский писатель, 1988. С. 594. Однако претензии Вяземского к Бартеневу, как мы видим, значительно шире, а потому атрибутирование эпиграммы как адресованной Бурнашеву можно считать по меньшей мере неокончательным.

¹⁵ Пржецлавский О. А. Письмо П. И. Бартеневу от 8 июля 1872 г. — РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 564. Л. 333.

¹⁶ Профессор Виленского университета И. Н. Лобойко так объясняет сложившуюся ситуацию: «Года за два до начатия им в Вильне следствия княгиня Зубова, оставшись вдовою после князя Платона Зубова, владевшего в Курляндии и Виленской губернии огромными имениями, завела процесс с Жеребцовыми, ближайшими его родственниками. Княгиня Зубова приласкалась к Новосильцову, ища его покровительства для выгодного выдела наследства на свою долю. По наставлению матери своей, виленской небогатой помещицы Валентиновичевой она так нежно обращалась с Новосильцовым, что он возымел надежду на ней жениться и не скрывал от нее этого желания. Мать и дочь ухватились за эту мысль и поддерживали его уверениями в этом мнении. Новосильцову было тогда уже за 70, но он был еще бодр. <...> Надежда жениться на княгине Зубовой и разбогатеть на ее счет казалась Новосильцову столь верною, что он принялся со всею горячностью обрабатывать это дело, считая его своим собственным» — см.: Лобойко И. Н. Мои воспоминания //

Однако дело явно не ограничивалось подобного рода минимализацией эффекта от публикации текста. Судя по всему, редакторские примечания использовались Бартевым именно для того, чтобы дистанцироваться от мемуариста, заявив собственную позицию как альтернативную. Это вызывает буквально душевный вопль Пржещлавского: «Я также никак не могу согласиться с Вашим положением, что ответы на Ваши замечания не входят в программу Вашего издания. Если входит одно, то неминуемо входит и другое. Иначе это был бы какой-то новый, доселе неизвестный в литературе режим, чрезвычайно похожий на деспотизм, чтобы не сказать на тиранию. Сотрудники Ваши составляли бы какое-то безответное, безсловесное стадо, которое Вы можете бичевать сколько Вам угодно, а они должны все это терпеть!

И вот к чему это ведет: такие сотрудники, не находя у Вас места для своего оправдания, станут прибегать к другим изданиям, и тогда выйдет небывалый скандал борьбы сотрудников с издателем. Не найдя места для ответа на ваши замечания к статье о Катихизисе, я должен был напечатать его в “С. П.бских Ведомостях” (№ 249). Предлогом для этого послужили мне выходки в “Голосе”, и я, сколько мог, пощадил ваши замечания в моем ответе. Но в другой раз, если Вы, Милостивый Государь, не позволите мне отвечать у Вас же, я прямо уже на Вас пожалуюсь читающей публике

Вильна 1823—1824: Перекрестки памяти. Минск: Лимариус, 2008. С. 163. Следует отметить, однако, что в воспоминаниях Пржещлавского (по крайней мере, в их опубликованной версии), действительно, не содержится ничего оскорбительного для экс-княгини — комическим выглядит, скорее, незадачливый ухажер: «Эта его любовная страсть, запоздалый цветок глубокой осени жизни, была для жителей Вильны неисчерпаемым источником смеха. Чтобы прельстить молодую вдову и пленить ее сердце, Новосильцев, забывая свои лета и положение, пускался в неимоверные эксцентricности и на них тратил большие деньги. Журнал его ухаживаний за княгинею занял бы немало страниц. Каждый день были новые праздники, сюрпризы, пикники, кавалькады, обеды, балы и т. д. В гимнастической части этих увеселений Новосильцев был первым действующим лицом. Он сделался и лихим наездником, и отчаянным танцором. Вообразите себе Бахуса с седыми волосами, как он трясся на лошади или кружился в танце. В честь княгини он возобновил давно забытый менуэт и вообразал себе, что танцует его превосходно. Видя эти упражнения, не выдержал бы и сам Гераклит; неудивительно, что вся Вильна без умолку хохотала, и что эхо этого хохота отзывалось в Петербурге и Варшаве.

Поведение княгини в этом случае было как нельзя более тонко и дипломатично. По-видимому, все это ее забавляло; но сомнительно, чтобы седому ловеласу она подавала какие-либо надежды» — цит. по изд.: Пржещлавский О. А. Воспоминания // Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 110.

и горько пожалуюсь. По необходимости я должен согласиться на помещение моих ответов в “Беседе”, хотя, повторяю, это составляет в литературе пример не заслуживающий подражания, по моему мнению»¹⁷.

Пржецлавский грозит обратиться к читателям журнала, вынеся за пределы редакции внутриредакционную склоку. Бартенева печатает многочисленные ответы и возражения Ципринусу — в том числе П. В. Кукольника, Н. В. Берга, очерк П. А. Вяземского «Мицкевич о Пушкине», явно написанный с целью дезавуирования соответствующих страниц воспоминаний Пржецлавского. Самолюбие старика задето. Он пишет редактору «Русского Архива»: «Вы изволите писать мне об упреках, которым подвергаются мои статьи — я бы мог сообщить немало писем из Петербурга и сослаться на многие устные отзывы, до того одобрительные, что мне совестно их повторять пред Вами как пред издателем “Русского Архива”»¹⁸. Вероятно, основания для такого заявления были: даже в архиве самого Бартенева нам удалось обнаружить одно письмо, автор которого, М. И. Топильский¹⁹, просит: «При случае не оставьте, если только можно, сказать мне, для собственного сведения, кто такой Ципринус, которого статьи очень интересны»²⁰. Однако это слишком слабый аргумент: основная масса отзывов на тексты Пржецлавского, сохранившихся в архиве Бартенева, носит резко негативный характер.

Пржецлавский прибегает к запрещенным приемам. Он начинает апеллировать к своей старости и состоянию здоровья: «Я заболел глазами и не мог продолжать, даже сейчас еще доктор, под страхом самой грустной перспективы для моих старых глаз, не позволяет работать иначе как с большими промежутками. Это одно и главное; затем я должен откровенно сказать, что возникшие в последнее время натянутые между нами отношения не могут служить к поощрению меня в довольно трудной работе»²¹. При этом натянутые отношения с редактором ставятся в один ряд с болезнью.

¹⁷ Пржецлавский О. А. Письмо П. И. Бартенева от 28 октября 1872 г. — РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 564. Л. 519 об. — 520 об.

¹⁸ Пржецлавский О. А. Письмо П. И. Бартенева от 4 января 1873 г. — РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 565. Л. 25.

¹⁹ Топильский Михаил Иванович (1809–1873) — сенатор; директор Департамента Министерства юстиции (с 1850); зять декабриста В. И. Штейнгейля.

²⁰ Топильский М. И. Письмо П. И. Бартенева от 14 декабря 1872 г. — РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 564. Л. 525 об.

²¹ Пржецлавский О. А. Письмо П. И. Бартенева от 25 января 1873 г. — РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 565 (ч. 1). Л. 82.

Пржецлавский пытается «завлечь» Бартенева значимостью поднимаемых вопросов: «...При первой физической возможности я окончу и пошлю Вам начатую мною главу, озаглавленную Литва десятых и двадцатых годов с Вступлением, в котором я излагаю свои мысли об условиях, необходимых русским, изучающим Польшу и поляков для основательности их суждений, и вообще о междуплеменных отношениях, которые рано или поздно должны прийти из теперешнего ненормального в нормальное положение. Это рассуждение, по мнению моему, как нельзя более современно теперь, после заявлений Чайковского (Садык-паши) в 6 № “Моск. Ведомостей” и после брошюры бывшего министра просвещения в Ц<арстве> П<ольском> Крушвицкого. Издания русской прессы, которые будут способствовать к ускорению момента вожделенного сближения двух соотечественных племен, приобретут себе истинную и у современников и у потомков заслугу, окажутся истинно патриотическими в самом возвышенном понимании этого слова»²². Наконец, заканчивает «Ципринус» письмо прямым шантажом: «Если глава о Литве не удостоится Вашего, Милостивый Государь, одобрения, то сами признайте естественным и справедливым, что с дальнейшею моею деятельностью мне придется обратиться в другую сторону»²³.

Отставной цензор не может понять, что именно этого от него, судя по всему, и добивается Бартенев, уставший и от склочного характера и бойцовского темперамента своего скандального автора, и от давления влиятельных читателей и авторов, с которыми он предпочел бы никак не ссориться ради Осипа Антоновича. Поэтому и вовсе безысходностью дышат строки Пржецлавского, когда он защищает свое человеческое достоинство, сопряженное в его глазах с естественной возможностью на ответ оппонентам: «Прося меня впредь не обращаться к Вам с жалобами, Вы отнимаете у меня право, которое служит всем без исключения человекам и во всех возможных случаях. Вы, многоуважаемый Петр Иванович, забыли на этот раз не терпящую изменения юридическую аксиому: <...> “Жалобу можешь оставить без последствий, но запрещать жаловаться...”»²⁴. А в тот момент, когда вспоминаешь биографию автора этих строк, то боровшегося с произволом цензуры, то создававшего себе репутацию жесткого и сурового цензора, думаешь об иронии судьбы и о том, что любимым жанром Истории является трагикомедия.

²² Там же. Л. 83 — 83 об.

²³ Там же. Л. 84.

²⁴ Пржецлавский О. А. Письмо П. И. Бартеневу от 4 января 1873 г. — РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 565 (ч. 1). Л. 24 об. — 25.

Василий Давыдов, выступивший когда-то в роли посредника при знакомстве Пржещлавского и Бартенева, просит редактора «Русского Архива»: «Хотя я получил от него [О. А. Пржещлавского] весьма подробные об этом сведения, но я не буду ныне входить в разбор справедливости его доводов, но позволю себе обратиться к Вам с покорнейшею просьбою, если нет исключительных, мне не известных обстоятельств, покончить с ним дело следующим образом.

Все его желание состоит в том, чтобы получить от Вас высланной им первой части его статьи “Литва в 1810 и 1820 годах” вместе с уничтожением его обязательства печатать исключительно в “Рус<ском> Арх<иве>” свои воспоминания на том основании, что договор, сделанный между вами относительно его сотрудничества по силе обстоятельств развалился сам собою и перестал быть обязательным. Это дает средство г. Пржещлавскому печатать в других изданиях свои труды. Что же касается обязательства не печатать “Калейдоскопа” в форме книги не ранее года со дня напечатания в Архиве последней его главы, то он сохраняет свою силу несмотря на уничтоженный договор ваш.

Вот почтеннейший Петр Иванович, просьба наша общая с г. Пржещлавским. Мне кажется, она вполне может быть Вами принята, если нет других препятствий. Сколько мне сдается, Вы не имеете уже намерения печатать у себя его “Воспоминаний” в виду их небытности²⁵ (?) и потому какая может быть Вам в них польза? И почему Вам не возвратить его рукопись и уничтожить с ним договор, который имел свою силу прежде, но ныне перестанет иметь пользы. Этот слабый старик, даже больной, ждет свои рукописи от Вас; он имеет намерения напечатать свои повествования. Не мешайте ему и доставьте его рукопись и договор племяннику его, Владимиру Савельевичу Пржещлавскому на Петровский бульвар в собственный дом. Если моя искренняя об этом просьба может чем-то иметь влияние на Ваше решение, то я буду счастлив помочь мирному разрешению»²⁶.

Желание оставного цензора было исполнено. Как и условлено было с Бартевым, публиковавшиеся на часть гонорарных сумм отдельные оттиски его статей были переплетены и вышли в свет как «Калейдоскоп воспоминаний Ципринуса. Выпуск 1». Второго

²⁵ Вероятно, имеется в виду, что у Пржещлавского больше нет законченных мемуарных текстов, и все, предназначавшееся для печати, уже опубликовано.

²⁶ Давыдов В. Д. Письмо П. И. Бартеву от 10 октября 1873 г. — РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 565 (ч. II). Л. 235 — 236 об.

выпуска не последовало. Не осмелился Пржецлавский включить в первый выпуск «Калейдоскопа» и наиболее скандальный из своих мемуарных текстов, вызвавший целый залп печатных критических оценок, — очерк о Н. Н. Новосильцове. В послесловии он опубликовал также выпущенные Бартевым фрагменты и дал ответ на возражения, сделанные в «Русском Архиве».

П. И. Бартев распрощался с Ципринусом чрезвычайно некрасиво. Перечисляя провинности незадачливого мемуариста, редактор «Русского Архива» завершает текст под заглавием «По поводу воспоминаний г-на Ципринуса» следующим обоснованием публикации скандальных очерков: «Теперь, мы думаем, становится понятною та цель, с которою мы печатали эти статьи. О ней мы не упоминали прежде, чтобы не предубеждать читателей, чтобы они, читая статьи с полною непосредственностью, сами на себе испытали силу впечатлений, сами поняли, как легко поддаться влиянию отравы, когда она подносится в таком изящном, замаскированном рецепте, с таким очаровательным ароматом откровенности. Для большинства русских читателей это новая, еще неведомая азбука, которой надобно поучиться и поучиться, чтобы потом без ошибки разбирать некоторые мудреные документы русско-польской истории. <...> Русская натура крепко устоит против открытого врага, будет ли он физический или нравственный враг; но слаба она, чересчур слаба, когда этот враг подступает к ней с медоточивыми устами, с выражением покорности своей судьбе, со словами примирения. Вот почему верно прикладываются к русскому человеку, по-видимому, парадоксальные слова: избавьте меня от друзей, а с врагами я сам как-нибудь управлюсь»²⁷.

Попытка напечатать текст воспоминаний при жизни автора в других изданиях также не принесла Осипу Антоновичу ни славы, ни денег²⁸. Впрочем, как нам кажется, он не искал ни того, ни дру-

²⁷ Бартев П. И. По поводу воспоминаний г-на Ципринуса // Русский Архив. 1873. № 1. Стлб. 1056.

²⁸ В дальнейшем воспоминания Пржецлавского печатались преимущественно в «Русской Старине» М. И. Семевского, за исключением очерка о Ф. В. Булгарине; вероятно, Семевский отказался публиковать текст, содержащий положительную оценку деятельности редактора «Северной Пчелы». Этот очерк был опубликован в «Русском сборнике» В. Ф. Пушковым, который, однако, не сдержался и также снабдил текст мемуариста собственными эмоциональными (негативными) замечаниями. Неопубликованными до недавнего времени оставались лишь хранившиеся в редакционном архивном фонде «Русской Старины» в ИРЛИ очерки Пржецлавского о П. Б. Козловском и А. А. Кавелине, которые были напечатаны нами вместе с основным корпусом мемуарных текстов Пржецлавского в издании: Поляки

гого. Он был уже в том возрасте, когда, по словам его оппонента, другого бывшего видного цензора, Павла Кукольника, «если может возникнуть некоторое сомнение по той причине что я, особенно в начале статьи, говорю о себе, лице живущем еще, то вспомните, что, судя по моим летам, в скором времени и меня сдадут в архив!!.»²⁹.

Архив самого Осипа Антоновича Пржецлавского не сохранился.

в Петербурге в первой половине XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

Можно предположить также, что Пржецлавский готовился издать свои воспоминания и на польском языке. Еще в 1842 г. он поместил в польской печати под псевдонимом панегирический отзыв о своем отце, а в 1872 г. в переводе на польский язык вышел очерк о пребывании Адама Мицкевича в Петербурге. После этого, в 1914 г., появился очерк о художнике и видном масоне Юзефе Олешкевиче, опубликованный по автографу, хранившемуся в библиотеке Пшездецких.

Известный польский литературовед Зыгмунт Швейковский во вступительной статье к изданию «Воспоминаний Соплицы» Генрика Ржевусского (1922) сообщал, что воспоминания Пржецлавского готовит к публикации на польском языке профессор Адам Чартковский, напечатавший также с комментариями другие замечательные мемуары первой половины XIX в. — тексты врача Станислава Моравского. Однако в сообщении Швейковского не говорится, готовит ли Чартковский к печати оригинальную рукопись Пржецлавского или перевод на польский язык его русских текстов. Сам же проект не осуществился, и наши разыскания, проведенные в польских архивохранилищах при помощи коллег, не дали результата: в бумагах самого А. Чартковского, как и в редакционных бумагах знаменитого издательства «Оссолинеум», для серии «Biblioteka Narodowa» которого Чартковский и собирался подготовить издание, никакой информации о данном проекте не содержится.

²⁹ Кукольник П. В. Письмо П. И. Бартеневу от 15 сентября 1873 г. — РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 565 (ч. II). Л. 137.

«Не то беда, что ты поляк...» (Два примера читательской рецепции)

Идею данной статьи мне подсказал практический комментаторский опыт. Дело в том, что работать над подготовкой к публикации воспоминаний О. А. Пржещлавского¹ мне пришлось в научном зале Национальной библиотеки Беларуси (НББ). Большая часть текстов мемуаров Ципринуса оставались несобранными и распыленными по журналам и сборникам последней трети XIX в. Однако первую часть своего «Калейдоскопа воспоминаний», включавшую два из трех очерков, опубликованных в «Русском Архиве» П. А. Бартенева, Пржещлавский успел опубликовать при жизни, в 1874 г., отдельной брошюрой. Причем очерк о Н. Н. Новосильцове, вызвавший наиболее бурное обсуждение в прессе — обсуждение, ставшее поводом к разрыву Пржещлавского с Бартеневым, — включить в «Калейдоскоп» мемуарист не отважился.

Собственно говоря, основания для осторожности в данном случае у него были. Исследование архива П. И. Бартенева показало, что давление на редактора «Русского Архива» с тем, чтобы он прекратил публикацию воспоминаний Пржещлавского (и еще одного «раздражителя» влиятельных читателей журнала — В. П. Бурнашева), действительно, оказывалось нешуточное². Поддавшись этому давлению (в том числе, в частности, со стороны кн. П. А. Вяземского³), Бартнев не просто «расстался» с Пржещлавским, но и придал этому «расставанию» особо скандальную форму.

Наш современник, ориентирующийся преимущественно на устоявшиеся представления о литературной «Табели о рангах» XIX в., плохо представляет себе, мнение каких именно читательских слоев отражались в тот или иной период во мнении того же П. А. Вяземского. Кажется, что его устами говорит исключительно пушкинская эпоха — так сказать, по отношению к середине 1870-х гг. «давнопрошедшее время». Однако это не вполне так.

¹ См.: О. А. Пржещлавский. Воспоминания // Поляки в Петербурге первой половины XIX века / сост., предисловие и комментарии А. И. Федуты. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 29–477.

² См. об этом в настоящем издании: Федута А. И. «Страдания отставного цензора».

³ О позиции П. А. Вяземского см., в частности: Ивинский Д. П. «Я уверен, что Сумбурнашев никогда не вел дневника...»: Из полемических заметок князя П. А. Вяземского // Ивинский Д. П. О Пушкине. М.: Интрада, 2005. С. 213–236.

Хранящийся в НББ экземпляр «Калейдоскопа воспоминаний Ципринуса. Вып. I»⁴, по которому осуществлялась сверка набора с текстом прижизненной первопубликации, имеет карандашные маргиналии, выполненные явно читателем-современником. На типографской обложке, находящейся под владельческим переплетом, карандашная пометка под заглавием — «Паньча». Возможно, это фамилия владельца книги. Выяснить источник появления ее в фондах НББ нам не удалось.

Ниже, в таблице, мы предлагаем сведенные воедино примеры читательской реакции, отразившиеся на страницах данного экземпляра «Калейдоскопа воспоминаний Ципринуса». Отмечаем лишь значимые маргиналии. Подчеркивание отдельных слов и названий не учитываем, если они, на наш взгляд, не имеют самостоятельного смыслового оттенка

<i>Стр.</i>	<i>Текст</i>	<i>Маргиналия</i>
6	Слухам о приближающейся войне все в тамошнем крае, более или менее, сквозь страх, радовались. Пламенные польские патриоты предусматривали в ней шансы восстановления прежней Польши...	Подчеркнуто карандашом
7	Страстно возненавидев Англию, неизвестно почему, а вероятнее всего из зависти и антагонизма ее либеральному образу правления...	Подчеркнуты карандашом слова «возненавидев Англию»
8	Кофе, сахар, французские вина, пряности, сукна, шелковые и шерстяные материи, тонкие полотна и т. п. стали предметами роскоши.	Обведены карандашом и снабжены комментарием на внутреннем поле: «Вся дрянь»
8–9	Развилась до неслыханных размеров контрабанда, обогащающая только жидов и таможенных чиновников. Места в таможенных на европейской границе стали самыми прибыльными местами в государстве. Это породило отвратительные искательства и интриги, nepотизм в высшей степени, административную деморализацию, доходившую до цинизма. Сами чиновники хвастали своими доходами и вели сарданапальскую жизнь: шампанское вино прозывалось у них <i>таможенным квасом</i> .	Отчеркнуто на внутреннем поле и снабжено комментарием: «Лихоимцев на виселицу!»

⁴ Калейдоскоп воспоминаний Ципринуса. Выпуск I. М., 1874. — НББ, каталожный номер В72942.

<i>Стр.</i>	<i>Текст</i>	<i>Маргиналия</i>
10	В описанном положении литовским помещикам оставалось одно: ограничить по возможности свои расходы и обходиться тем, что производит самая местность.	Отчеркнуто на внутреннем поле и снабжено комментарием: «Прекрасно ибо полезно!»
10	Очень трудно им было отстать от старой привычки комфорта и даже роскоши...	Подчеркнуто карандашом и снабжено комментарием на внутреннем поле: «глупо — вредно»
10	Одно, от чего они не отказались, это кофе и сахар. Но все перестали покупать французские вина, привоз которых сухим путем обходился слишком дорого.	Отчеркнуто на внутреннем поле и снабжено комментарием: «похвально»
10–11	В крае распространились немецкие столовые вина, особенно франконские, венгерского же запасы с давних лет находились в каждом порядочном доме (сноска 3).	Отчеркнуто на внутреннем поле и снабжено комментарием: «И это лишняя роскошь!»
11	Сноска 3 внизу страницы: Всем известен широко развитый вкус к венгерскому вину и умение воспитывать его. Сложилась даже у венгерцев поговорка: <i>non est polus nisi vinum; non est vinum nisi Hungaricum; non est vinum Hungaricum, nisi in Polonia educatum.</i> (Нет напитка, кроме вина, нет вина, кроме венгерского, нет венгерского вина кроме того, которое воспитано в Польше.)	Отчеркнуто на внутреннем поле и снабжено комментарием: «Глупая поговорка возросла в Польше»
11	Почетнейшие помещики и их жены условились дать собою примеры экономии и носить платья из местных произведений. Князя Любецкие, Пусловский, мой отец, граф Солтан, Микульские, Стровинские сшили себе венгерки для лета из домашнего небеленого холста, а для осени и зимы из простого толстого сукна. Жены их и дочери нарядились также в платья из простого холста; я помню, как матушка вышивала цветною шерстью пелеринки к капотам из такой же материи для себя и для дочерей; нас мальчиков нарядили подобным же образом. Вскоре это сделалось всеобщей модою, и одеваться иначе считалось дурным тоном.	Отчеркнуто на внутреннем поле. Первое предложение откомментировано: «Дельно и благоразумно». Последнее предложение откомментировано: «Дельно — изм[лада?] люблю венгерок»

<i>Стр.</i>	<i>Текст</i>	<i>Маргиналия</i>
11–12	Прежние платья все донашивали уже только у себя дома, но на званый обед, вечер или на бал, никто не смел показаться иначе, как в принятом новом костюме. Странный контраст у дам составляли с такими нарядами золотые серьги, браслеты, брошки и фермоары с бриллиантами и другими дорогими камнями.	Отчеркнуто на внутреннем поле и снабжено комментарием: «Имея дорогие вещи, почему их не носить при толстом сукне?»
13	После узнали, что это был шулер, а в 1816 г., бывши в университете, я встречал его в Вильне, как он, спившись с кругу, шатался по улицам в лохмотьях и просил милостыни.	Подчеркнуты слова «был шулер»; в конце абзаца вписано: «Заслуженное!»
13	В одно время он [Хацкевич] был послан от Наполеоновского правительства в Вену с огромным количеством фальшивых банкнот, которые должен был пустить в обращение и тем уронить австрийские финансы.	На внутреннем поле проставлен значок NB
13–14.	Хацкевич почти вполне достиг этой цели, но на последней операции был пойман и приговорен к смертной казни.	На внутреннем поле снабжено комментарием: «Дельно!»
14	Источника этих явлений напрасно было бы искать в стихиях народного характера поляков. Он есть смесь почти противоположных элементов: славянской беспечности, природной храбрости, с французскою способностью увлекаться первыми впечатлениями.	Подчеркнуты слова «поляков», «славянской беспечности»
14	Сноска 5: Подробные рассказы о тех и других польских авантюристах собраны в сочинении графа Генриха Ржевусского: «Польский Теофраст» (Teofrast Polski), напечатанном в 50-годах в Петербурге.	Подчеркнуто слово «Польских» и фамилия «Ржевусского»
15	Неудивительно, что при господствовавшем тогда безверии, среди такой жизни, притупились в них всяческие человеческие чувства и что из них выходили такие полудемоны, как напр. Хацкевич. Это объяснение подтверждается а posteriori тем фактом, что все исторические польские авантюристы были в свое время легионисты или служили в других Наполеоновских войсках.	Подчеркнуто «господствовавшем тогда безверии», «полудемоны» и «польские»

Стр.	Текст	Маргиналия
43	<p>Равно, крайне неполитично было поведение императора французов относительно поляков и литвинов, то есть населения западных губерний. Известно, каким пламенным польским патриотизмом пылала Литва в то время; она, быть может, превосходила в этом коренных поляков. Для литвинов Наполеон был полубогом, идеалом земного величия и могущества, ниспосланным свыше для восстановления исторической Польши в единстве с Литвою, а предпринятую кампанию считали они средством к осуществлению этой задушевной мечты. Поэтому они готовы были на всевозможные жертвы. Женщины были буквально <i>влюблены</i> в Наполеона до того, что, не видавши его никогда, на веру изображений на портретах и деньгах, рожали детей удивительно похожих на императора французов. Это замечательный физиологический факт: в поколении того времени считалось много лиц обоего пола с физиономиями, живо воспроизводившими известный наполеоновский тип.</p>	Отчеркнуто на внутренней стороне
47–48	<p>Этот самый князь Шварценберг, проходя раз к подпрефекту Броньскому, увидел, как на дворе люди выколачивали прекрасную медвежью шубу. Потолковал о деле, князь вдруг сказал: «Господин подпрефект, я видел на дворе хорошую шубу; она ваша?» — Да, моя. «Сколько она стоит?» — Я заплатил за нее в Вильне сто червонцев. — «Это недорого», сказал князь. «Мы, я думаю, пробудем в России до зимы; мне понадобится шуба, но не знаю, где бы купить. Не можете ли мне уступить свою за то, что вы за нее дали?» Броньский, хотя неохотно, по свойственной ему дипломатии, согласился. Князь велел отнести шубу к себе, но вскоре потом, выступив в поход, деньги отдать забыл. И это был член высшей австрийской аристократии!</p>	Отчеркнуто на внутренней стороне
49	<p>...прислуга его вестфальского величества, по приказанию его гофмаршала, вероятно на память о веселом пиршестве, убрала весь сервиз и все серебро, бывшее за обедом...</p>	Подчеркнуто
49	<p>Вот какие воспоминания оставил по себе в тамошнем краю король Иероним, старший брат императора Наполеона <i>великого</i>.</p>	Отчеркнуто на внутренней стороне

<i>Стр.</i>	<i>Текст</i>	<i>Маргиналия</i>
51	Такой недостаток всякой дисциплины в крае, который Наполеон считал преданным ему, был очень вреден его интересам.	Подчеркнуто
53	В один из летних месяцев 1812 года прибыл в Слоним французский генерал Конопка. Он был уроженец тамошнего уезда...	Под фамилией «Конопка» карандашом написано «поляк»
57	Наполеоновские уланы, потеряв много людей, большую часть пленными, разбежались в разные стороны. Тем, которые побежали по Виленскому тракту, удалось уйти и в самой уже Вильне присоединиться к французским войскам.	Подчеркнуто в первом предложении «Наполеоновские уланы» и «разбежались», а также второе предложение. На внутренней стороне комментариев: «Истовые поляцы!»
59	Но с этою переменою для несчастной страны начался новый ряд невзгод.	После слово «несчастной» вписано «польской»
59	Для этого они даже имели некоторое основание, так как край, в котором введено было французское управление и где формировались полки для неприятельской армии, мог считаться неприятельским.	В конце абзаца вписан комментарий «— конечно!»
61	Тогда Ксаверий надевал мундир с орденом Св. Анны	Подчеркнуто снизу и дописан комментарий: «Хвастливая выдумка поляка!»
62	Когда казаки еще ничего не сделали, то он только спрашивал, за чем заехали, требовал письменного приказа и не имевших его прогонял к команде. Но если они уличались уже в каком-нибудь насилии, то офицер, смотря по важности вины, приговаривал их тут же к известному числу ударов плетью, каждому виновному приказывал по очереди лечь, соучастникам держать, а Корзун, отчетливо и очень внушительно исполнял приговор. После трех-четырех таких экзекуций слух об этом разнесся далеко, и наш околоток, в районе каких-нибудь 15 верст, становился совершенно безопасен. Виновные покорялись беспрекословно, жаловались только на тяжелую руку исполнителя и обыкновенно пешком уже, ведя за собою лошадей, возвращались к команде.	На внутреннем поле комментариев: «Вранье — польское!»

<i>Стр.</i>	<i>Текст</i>	<i>Маргиналия</i>
63	Вообще грабительство в Слонимском уезде не совсем удавалось казакам. Воинскими начальствами отданы были строгие приказы, запрещающие всякие насильственные действия.	Первое предложение подчеркнуто, второе отчеркнуто на внутреннем поле
65	...если бы года через два после кампании сам Кучук не похвастал своею удачью, как патриотическим подвигом...	Подчеркнуто, на внутреннем поле комментарий: «как поляк»
65	Никто однако ж не донес на него, а вскоре потом он умер...	Подчеркнуто, на внутреннем поле комментарий: «Истинное польское самохвальство»
66	Запрещено было давать пристанище французским тренерам, а велено доставлять их к ближайшим воинским командам. Этого, разумеется, никто не делал, да и власть смотрела сквозь пальцы на неисполнение приказания и забирала только тех, которые сами попадались ей в руки.	Подчеркнуто «Этого, разумеется, никто не делал», на внутреннем поле комментарий «из поляков»
66	Деревня наша была на самом Слонимско-Новогрудском тракте; тренеры из-под Березины путешествовали большею частью по ночам, чрез леса, ориентируясь по звездам. Много их перебывало у нас в усадьбе; но мы, дети, редко их видывали. От матушки было приказано управляющему принимать их в довольно отдаленном от господского дома флигеле, где жил он, приказчик и лесничий и, накормив бедных представителей бывшего наполеоновского величия, давши им на дорогу провизии и по несколько золотых, отправлять в дальнейший путь...	Подчеркнуты слова «матушки» и «бедных»; на внутреннем поле абзац отчеркнут и сделан комментарий: «милость польского рембаства»
69	...прошли три французских солдата, в состоянии совершенного изнеможения. Они умоляли приютить их на несколько дней, так как они не в состоянии идти далее, не отдохнувши и не отъевшись несколько. Матушка боялась поместить их во флигеле, или в строении, где была кухня и прачечная: их видела бы там вся дворня. При том же во флигеле обыкновенно останавливался заезжавший по временам земский исправник, а в последнее время от начальства строго было подтверждено о недержании по помещичьим дворам французов...	Подчеркнуто «по помещичьим дворам французов», на внутреннем поле к этим словам вынесен комментарий: «чему матушка противилась»

<i>Стр.</i>	<i>Текст</i>	<i>Маргиналия</i>
70	Я очень гордился таким поручением матушки, особенно таинственностью обстановки, доказывавшей, по моему пониманию, что я уже не ребенок.	В конце комментариев « — а истый поляк»
70	Липницкий, отведя французов, оставил им ружье, пороху и пуль, для защиты от медведей и рысей, которые, особенно первые, в таком множестве водились в наших лесах, что в них нельзя было иметь бортей и поблизости сеять овес...	Подчеркнуто до слов «для защиты»; перечеркнуты наискось слова «медведей» и «рысей», на полях вынесено замещающее их смыслово слово «русских»
71	За месяц или боле до их прихода, один из стражников принес мне, как старшему <i>паничу</i> , редкость из лесу. Это был до половины уже доросший большой породы филин...	Подчеркнуто слово «паничу» — вероятно, после этой страницы оно же вписано на обложке экземпляра книги
73	Кроме солдат, по временам являлись и французские офицеры и жили себе свободно в помещичьих домах. Вообще это было золотое время для всех, которые затруднялись в предъявлении письменного вида.	Подчеркнуто, на внешнем поле сделан комментарий: «в нашем крае»
74	Петацци имел большую практику в уезде и, живя у нас, собрал порядочные деньги, с которыми, весною 1813 года, отправился на родину. Он напрасно выдумал себе псевдоним, не зная, что у нас мог оставаться безопасно и под своим именем. Местный власти во всем угождали отцу, при том же он был дружен с гродненским губернатором	На внутреннем поле комментарий: «О — поляцы!»
89	Он в ней напоминал того сказочного, составившегося волка, который сам ищет смерти...	Отчеркнуто на внутреннем поле
91	(Сноска 15): Англичанин подпустил французов так близко, что рассказывавший думал, что он предаст позицию. Но вдруг менее чем в 100 шагах он открыл свой адский огонь. Многие французы упали на землю и валялись, крича отчаянно, сжигаемые впившимися в них ракетами. Остальные убежали, рассказывая о случившемся. Наполеон послал другой гвардейский отряд, но результат был такой же. Тогда послали отряд поляков, и позиция была взята; но большая их часть погибла, а не бежал ни один...	Отчеркнуто на внутренней стороне резкой карандашной чертой, подчеркнута «поляков»

Стр.	Текст	Маргиналия
92	Так, маменька, поистине ужасный, называю вещи по имени. Но возвратимся к полякам. Так спуская их по очереди на все народы, Наполеон во всей Европе поселил к ним невыразимую ненависть, которая и чрез сто лет не погаснет, ненависть тем более ожесточенную и справедливую, что в войнах бывшего императора поляки участвовали не как его подданные, а как дилетанты. И вот почему имя поляка возбуждает повсюду антипатию и если бы когда-нибудь поляки нашлись в необходимости прибегнуть к сочувствию и помощи иностранцев, то они встретили бы везде одно отвращение и непримиримую вражду.	Отчеркнуто на внутреннем поле резкой чертой
93	Немало горьких плодов...	Подчеркнуто
I второй пагинации	Великий польский поэт...	Подчеркнуто «польский» (применительно к А. Мицкевичу)
14	Польша была не что иное как только <i>дворянское</i> олигархическое государство, в котором плебейский элемент считался ни за что...	Подчеркнуто
39	С давнего времени поляки чувствовали исключительную симпатию к Франции и ко всему французскому; в царствование же последнего польского короля Станислава-Августа и, по его примеру, симпатия эта перешла в чувство еще более нежное...	Отчеркнуто на внутренней стороне
50	Мицкевич в высокой степени обладал даром импровизации...	Подчеркнуто
54	Соболевский совершенно прав, говоря, что Мицкевич любил русских...	Подчеркнуто «Соболевский» и «Мицкевич любил русских»
55	...формально судили, приговорили к смерти за то, что мы в 1831 году остались в русской службе и казнили нас по портретам (in effigie) на Батиньольском поле.	Подчеркнуто
124	...я хочу, sine ira et studio сказать несколько слов собственного моего мнения о Наполеоне великом, как он мне, едва еще юноше, казался в самом апогее своего всемогущества...	Отчеркнуто на внутреннем поле, подчеркнуто «сказать несколько слов собственного моего мнения о Наполеоне»

<i>Стр.</i>	<i>Текст</i>	<i>Маргиналия</i>
128	Все, что <i>полезно</i> , то достойно хвалы и благодарности, что <i>вредно</i> , то безусловно дурно, подлежит осуждению и позору.	Подчеркнуто

Анализ приведенных в таблице маргиналий позволяет, на наш взгляд, с определенной долей уверенности реконструировать ту интенцию, с которой их автор читает воспоминания О. А. Пржецлавского. На наш взгляд, основным стимулом для подчеркиваний или иных обозначений служат прежде всего «национальные», если можно так выразиться, раздражители, а именно положительные упоминания мемуаристом своих соотечественников-поляков, либо те высказывания, контекст которых позволяет выразить негативное отношение к происходящему, если оно связано с тем, что, по мнению неизвестного читателя, враждебно русскому началу. Таковы все упоминания о Наполеоне и его армии (положительные — вызывают несогласие, отрицательные — вызывают желание подчеркнуть их, словно доказывая правоту анонимного читателя). Связь французов с поляками, попытки поляков защитить или хотя бы дать приют французам — и это вызывает раздражение, граничащее с ненавистью.

Почему анонимный читатель настолько раздражен поведением поляков и почему его бесит любое положительное упоминание поляков и Польши Пржецлавским — это, на наш взгляд, совершенно понятно. Высока вероятность того, что маргиналии появились на страницах сразу после выхода издания, но ведь еще слишком свежа память о восстании 1863–1864 гг., и даже нейтральный тон, избранный мемуаристом, кажется автору маргиналий излишне благожелательным. Можно сказать, что маргиналии изобличают читателя-полонофоба, что в современном ему общественно-политическом контексте вполне объяснимо.

Однако здесь нам хотелось бы привести еще один пример читательского восприятия текста. Это пример несколько более позднего происхождения, но внутренняя связь между обоими случаями, на наш взгляд, очевидно.

В 2009 г. в одном из букинистических магазинов г. Варшавы были приобретены несколько книг с характерным тиснением (иногда — чернильным рисунком на корешке любительских переплетов) «S. С.». Подборку изданий характеризовало внутреннее единство: большинство из них было посвящено проблемам польского романтизма. Как правило, на книгах были дарственные автографы владельцу, в том числе, например, несколько автографов

выдающегося польского литературоведа профессора Станислава Пигоня.

Сохранившийся экслибрис в совокупности с дарственными инскриптами и позволил нам атрибутировать эти издания как остатки библиотеки другого известного ученого-литературоведа — доцента Виленского университета Станислава Цивиньского (1887—1941), видного полониста, исследователя творчества К. Ц. Норвида, Ю. Словацкого, В. Сырокомли. Станислав Цивиньский родился в Могилеве, а умер в Кирове, куда он был выслан из Вильнюса после оккупации города советскими войсками.

Среди принадлежавших С. Цивиньскому книг в данном случае нас интересует первая значительная биография Адама Мицкевича на русском языке, принадлежащая перу А. Л. Погодина⁵, — конволют в коричневом переплете. На страницах второго тома книги — а вернее, его первых трех глав, описывающих пребывание Мицкевича в России, — сохранились характерные резкие карандашные отчеркивания и надписи, сделанные рукой бывшего владельца книги. О том, что эти маргиналии, скорее всего, действительно сделаны С. Цивиньским, на наш взгляд, свидетельствует владельческая пометка — его инициалы «S. С.», сделанные тем же карандашом и тем же почерком на титульном листе первого тома.

Совершим работу, аналогичную той, что мы выполнили по отношению к маргиналиям на страницах «Калейдоскопа воспоминаний Циприуса».

<i>Стр.</i>	<i>Текст</i>	<i>Маргиналия</i>
2	То, что писал Пушкину (правда, в разгар польского восстания, 20-го января 1831 года) непосредственный и пылкий приятель его П. В. Нащокин, вероятно, разделялось большинством дворянских кругов, от которых Нащокин не отличался ни вкусами, ни умственным или нравственным развитием. «Поляков я всегда не жаловал, и для меня радость будет, когда не будет ни одного поляка в Польше, да и только. Оставшихся на высылку в степи. Польша от сего пуста не будет; фабриканты русские займут ее. Право, мне кажется, что не мудрено ее обрусить».	Высказывание Нащокина отчеркнуто на полях и снабжено пометкой NB
2	И сам Бестужев утверждал, что в переговорах с поляками русские декабристы были неискренни...	Подчеркнуто

⁵ Погодин А. Л. Адам Мицкевич. Его жизнь и творчество: В 2 т. М.: Изд. В. М. Саблина, 1912.

<i>Стр.</i>	<i>Текст</i>	<i>Маргиналия</i>
2–3	Сам Пушкин, которого так охотно дружат с Мицкевичем, во время восстания поляков говорил: «Их надобно задушить, и наша медленность мучительна. Для нас мятеж Польши есть дело семейственное, старинная, наследственная распря»...	Цитата из Пушкина подчеркнута
3	«От вас узнал я плен Варшавы, вы были вестницей славы и вдохновеньем для меня».	Цитата из стихотворения Пушкина подчеркнута
4	Пушкин тосковал и сгибался, Мицкевич лично был благодарен за доброе к нему отношение, но все более глубоко ненавидел русские общественные нравы. Он бежал отсюда в Петербург, а из Петербурга при первом удобном случае за границу. Глубокая пропасть между ним и московским обществом была и в самом отношении к власти и к народу.	От слов «Мицкевич лично» и до «общественные нравы» и от «Глубокая пропасть» до «и к народу» подчеркнута
5	Никитенко уже в 1830 году ужасается, что «цензурный устав совсем ниспровержен. Нам пришлось удостовериться в горькой истине, что на земле русской нет и тени законности».	Фамилия Никитенко и слова «на земле русской нет и тени законности» подчеркнуты.
5–6	«Я не понимаю романической любви к отечеству», прибавлял Вяземский. <...> Таков был фон, на котором разворачивалась жизнь русской интеллигенции в те годы, когда с ней столкнулся Мицкевич: у этой интеллигенции не было, прежде всего, истинного уважения к России, к народу и власти. Был страх, был крикливый патриотизм для казенной надобности, но не было «романической любви» к родине. А у Мицкевича была именно эта романическая, восторженная любовь к своей Литве. И потому он казался Вяземскому «кровным поляком». Это было немного смешно, но Мицкевичу прощали такой недостаток за его достоинства. В сущности же между русским обществом и Мицкевичем не могло быть прямых и искренних отношений. Они говорили совсем на разных языках.	Подчеркнуты цитата из Вяземского, слова от «у этой интеллигенции» до «к народу и власти»; от «И потому» до «кровным поляком»; от «между русским» до «искренних отношений»

<i>Стр.</i>	<i>Текст</i>	<i>Маргиналия</i>
6	Очень скоро, всего через неделю, последовал обстоятельный секретный ответ со стороны Шишкова. Целью трех обществ, существовавших в Виленском университете (филомагов, филаретов и променистых: очевидно, и само правительство плохо разбиралось в них) признавалось воспитание будущего поколения в духе «закоснелой ненависти противу России и мечтаний о восстановлении независимости Польши».	Подчеркнуты слова «целью трех обществ» и от «признавалось воспитание» до «независимости Польши»
7–13		Подчеркиваются фамилии деятелей русской культуры, с которыми сблизился Мицкевич в России, цитаты из воспоминаний о нем Вяземского
15	Это было характерно для сумбурности, хаотичности тогдашней русской жизни: сальность и беседа о горячности веры; самое искреннее увлечение философией и глубокая искренняя религиозность и крепостничество, низкопоклонство перед властью.	Подчеркнуто, на поле поставлено знак NB
19–20	В Москве, куда его тянуло из Петербурга, где он был в конце 1827 г., Мицкевич учил польскому языку некоторых дам. Впрочем, прибавлял он, здесь многие учатся по-польски, и попечитель даже подумывает основать специальную кафедру польского языка, которую Мицкевич, по его словам, мог бы уже давно получить.	Подчеркнуто от «здесь многие» до «кафедру польского языка»
21	...в воззрениях на Петра польский поэт примыкал к воззрениям московских славянофилов, с которыми его, вообще, связывало многое. <...> Читая сатиру Мицкевича «Przeгляд wojska», так и слышишь в той части, которая касается Петра, отголоски речей Хомякова, Аксакова, Киреевских. А Пушкин защищал Петра.	Подчеркнуто от «в воззрениях на Петра» до «московских славянофилов»; от «читая сатиру Мицкевича» до «Киреевских»

<i>Стр.</i>	<i>Текст</i>	<i>Маргиналия</i>
22–23	Подробный анализ взаимоотношений Пушкина и Мицкевича	Подчеркнуты предложения «Мицкевич только благосклонно признавал Пушкина, но не любил его»; «Мицкевича превозносили в московских салонах превыше Пушкина, и сам он скромно признавал первенство за польским поэтом...»; «В самом деле, по образованности, по многосторонней учености Мицкевича Пушкин не мог сравнить себя с ним, и сознание в том делает величайшую честь уму нашего поэта»; «“Вестник Европы” почтительно расшаркивался перед польским писателем»; «Между Пушкиным и Мицкевичем была более глубокая рознь». Обе страницы полностью отчеркнуты на полях
24	Мицкевич оставался, как говорит Вяземский, «кровным поляком» и чувствовал себя в стане врагов. Таков, я думаю, внутренний смысл тех в высшей степени важных в развитии Мицкевича годов, которые он провел в Москве.	Подчеркнут весь текст, кроме слов «как говорит Вяземский»
27	И только в Москве признанный всеми поэт, забалованный общественным вниманием, становится кумиром для женщин.	Подчеркнуто

<i>Стр.</i>	<i>Текст</i>	<i>Маргиналия</i>
34	...он разразился в 1829 г. статьей о варшавских рецензентах и критиках, о которой речь будет ниже. Но уже здесь следует отметить, что этот неумолчный гул восторженных похвал в русской критике и такое грубое непонимание у себя на родине воспитывали Мицкевича.	Подчеркнуто от слов «этот неумолчный» до слов «воспитывали Мицкевича»

Нужно отметить, что в книге А. Л. Погодина отмечены и иные фрагменты, заинтересовавшие читателя (будем исходить из того, что автором маргинальных пометок был все-таки С. Цивинский). Но практически все они сосредоточены в двух главах книги — тех, что посвящены пребыванию Мицкевича в Москве и Петербурге. Те, которые не приведены нами в таблице выше, содержат в себе либо уточнения (например, исправление опечатки в девичьей фамилии Каролины Павловой — «Яниш»), либо обозначают цитаты, которыми владелец книги, вероятно, намеревался воспользоваться (скажем, оценку российским биографом поэта поэмы «Конрад Валленрод»). Но основной корпус маргиналий касается именно взаимоотношений Мицкевича и современного ему русского общества.

Очевидно, что карандаш в руках читателя в обоих случаях начинает «работать» тогда, когда задевается его, если можно так выразиться, национальное самосознание. Неизвестный нам реципиент «Калейдоскопа воспоминаний» использует каждую возможность, чтобы уколоть ненавистного ему автора-поляка; гораздо более интеллигентный и квалифицированный читатель погодинской биографии Мицкевича (Цивинский?) своими подчеркиваниями создает своеобразный конспект будущей статьи: он отмечает те высказывания автора-россиянина, которые в той или иной степени констатируют противоречия между польским поэтом и его «друзьями-москалями» или негативно характеризуют «друзей-москалей». Естественно, что если Станислав Цивинский действительно изначально ставил перед собой такую задачу, то ему гораздо тактичней было сослаться на мнение русского исследователя и цитировать его, нежели представлять в сознании уже читателей собственных работ русофобом. Вероятно, историки польского литературоведения и гуманитаристики при анализе печатного наследия виленского ученого могли бы обнаружить тексты с соответствующими цитатами из книги А. Л. Погодина.

Однако анализ текстов Цивинского не входил в нашу задачу. Нас интересовала та случайная и вместе с тем закономерная «дуэль» двух читательских сознаний — русского и поляка. Для обоих

читателей оппонентом является представитель другой национальности: для анонимного читателя «Калейдоскопа воспоминаний» таковым является О. А. Пржецлавский (автор текста), для С. Цивиньского — российское окружение Адама Мицкевича, а еще вернее, создатели мифа о якобы безоблачных отношениях великого польского поэта и русской культурной элиты, с которыми он спорит опосредованно. Каждый читатель исходит из презумпции виновности своего оппонента, выхватывая из текста то, что бросается ему в глаза в силу существующих в его сознании предубеждений. Позиция читателя в данных случаях не формируется текстом, а задана до знакомства с ним и никак не корректируется во время чтения, что, на наш взгляд, является явным признаком монологичности рецептивной установки человека, взявшего в руки книгу.

После филوماتов

Бумаги студента Голембиевского

27 июля 1838 г. уже знакомый нам вице-директор Департамента народного просвещения Павел Гаевский направил министру народного просвещения Сергей Уварову письмо, черновик которого сохранил в своих бумагах:

«Секретно

О бумагах Голембиевского

По приказанию Вашего Высокопревосходительства рассмотрены мною бумаги Голембиевского, доставленные мне г. Комовским¹. Большую часть бумаг сих составляют студентские записки по философии истории, математике, правоведению и естественной истории. — Письма, находившиеся в бумажнике, суть письма родителей Голембиевского и его родственников. В них нет ничего предосудительного: они содержат наставления, как учиться, как держать себя и дышат родительскою и родственною покорностию. — Из прочих бумаг одна песнь с белорусского наречия в переводе у сего представлена на усмотрение Вашего Высокопревосходительства.

Г. Статс-секретарь А. Н. Мордвинов присылал ко мне за бумагами Голембиевского, но не доложив о них предварительно Вашему Высокопревосходительству, я не смел вручить их посланному г. чиновнику.

Бумаги в особом запечатанном конверте у сего имею честь представить»².

Секретность письма министру обуславливалась, вероятней всего, тем источником, откуда происходили бумаги студента Голембиевского. Статс-секретарь Александр Николаевич Мордвинов занимал в 1838 г. пост управляющего III Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии, то есть фактически был если не первым, то уж, во всяком случае, вторым по значимости лицом тайной полиции Российской империи. А это означает, что бумаги студента Голембиевского чем-то насторожили тайную полицию. Возможно, тот факт, что были они, скорее всего, написаны на польском языке, которым агенты вполне могли и не

¹ Комовский Василий Дмитриевич (1803–1851) — младший брат соученика А. С. Пушкина по Царскосельскому лицей С. Д. Комовского; директор Канцелярии министра народного просвещения (1838–1840), затем чиновник при Министре народного просвещения для особых поручений по делам Варшавского учебного округа (1840–1841).

² См.: ОР РНБ. Ф. 831. Оп. 1. Д. 7. Л. 91 — 91 об.

владеть. А Павел Иванович Гаевский, как и положено выпускнику Полоцкого иезуитского коллегіума, достоверно владел им. Тем более что к тому времени он даже опубликовал несколько крупных переводов с польского.

Судя по оценке, которую П. И. Гаевский дает прочитанным им бумагам, ничего интересного для тайной полиции не было. Бумаги даже, насколько можно судить, вернут владельцу³. Но нас, вслед за Гаевским, заинтересовала «песнь с белорусского наречия», которую мы приводим в его же подстрочном переводе, приложенном к письму на имя Уварова.

Песнь с Белорусского наречия

Скажи, вельможный Пан,
Что будет в нашем состоянии?
Ибо что-то мне говорили,
Что Вы несправедливо давали
В марте подушное?
А тебе, мужик, какое до того дело.
Правда, что вы паны
Пока владеете нами!
Но что из этого будет
Когда станем на суде?
Не скажешь, Пан, того:
Какое до того тебе дело, мужик⁴.

Это первый по времени создания из известных нам переводов белорусского текста на русский язык, да еще и выполненный высокопоставленным чиновником. Текст этот в оригинале известен:

— Скажы, Вяльможны Пане,
Што ў нашым будзе стане?
Бо мне нешта казалі,
Што вы няслушна давалі
У марцы подушнэго?

³ Во всяком случае, предусмотрительный Гаевский сохранил расписку дежурного Дьяконова, передавшего два пакета с бумагами А. Н. Мордвинова (ОР РНБ. Ф. 831. Оп. 1. Д. 7. Л. 93), сопроводительное письмо Мордвинова, возвратившего бумаги Голембиевского самому Гаевскому (там же, л. 94); копию своего письма В. Д. Комовскому с просьбой сообщить ему о получении бумаг (там же, л. 94 об); наконец, письмо Комовского о получении бумаг (там же, л. 95). Дальнейшей судьбы изъятых у студента рукописей мы не знаем, но высока вероятность того, что, поскольку ничего криминального в них начальство не обнаружило, их действительно вернули.

⁴ ОР РНБ. Ф. 831. Оп. 1. Д. 7. Л. 91 об. — 92.

— А табе, хлопе, цо до тэго?
 — Праўда, што вы панамі
 Пакуль жывяць над намі...
 Але што з таго будзе,
 Калі станем на Судзе?
 Не скажаш, Пане, тэго:
 «Цо тобе, хлопе, до тэго?..»⁵.

Очевидно, что чутье не обмануло Гаевского, бывшего, помимо прочего, цензором Петербургского цензурного комитета: опубликованный в 1838 г. в польскоязычном виленском альманахе «Војан» текст стал поводом к конфискации издания. Однако, насколько можно понять, экземпляр запретного альманаха все-таки дошел даже до петербургского читателя, который и переписал из него стихотворение (песню).

Нет сомнений в том, что единственный подходящий кандидат — Северин Голембиевский (1820—1854), сын известного польского историка, этнографа и библиографа Лукаша Голембиевского (1773—1849). Позже Северин выпустит незадолго до смерти небольшую книгу воспоминаний об отце⁶, в которой подробно расскажет о своей семье. Самому же Северину посвящен достаточно подробный посмертный очерк, написанный историком и фольклористом Зигмунтом Глогером. Из него, в частности, мы узнаем, что Голембиевский-младший в октябре 1837 г. поступил на математическое отделение Санкт-Петербургского Императорского университета, однако полгода спустя перешел на литературное отделение, где благополучно сдал экзамены на второй курс. И далее, пишет Глогер, «в ноябре 1838 года получает назначение в Пермь, где живет до конца 1842 года»⁷.

Понятно, что З. Глогер не мог сказать о «переезде» Голембиевского в Пермь всей правды: «в 1838 г. был он [С. Голембиевский] арестован в связи с делом “святокрестцев” и Шимона Конарского

⁵ [Невядомы аўтар] Скажы, Вяльможны Пане // Літаратура першай паловы XIX стагоддзя / укладанне і каментарыі М. В. Хаўстовіча. Мінск: Мастацкая літаратура, 2012. С. 682. По мнению Г. В. Киселева, вероятным автором стихотворения был Игнат Легатович (1796—1867), в 1838 г. — преподаватель латинского языка в Минской гимназии (см.: Энциклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі: У 5 т. Т. 3. Мінск: Беларуская Савецкая Энциклапедыя імя П. Броўкі, 1986. С. 212). Тем не менее документальных подтверждений данной атрибуции нет.

⁶ <Gołębiowski S.> Pamiętnik o życiu Łukasza Gołębiowskiego, wydany przez jego syna. Warszawa, 1852.

⁷ Głogier Z. Seweryn Gołębiowski // Tygodnik Ilustrowany. 1877. № 95. S. 241.

и сослан административным путем в Пермь, где служил в канцелярии губернатора под надзором полиции»⁸, и лишь в 1842 г. он получает разрешение вернуться на родину (переезжает в Гродно). Однако как раз в это время о нем вновь вспоминает высшая власть.

16 сентября 1843 г. наместник Царства Польского светлейший князь варшавский И. Ф. Паскевич направляет на имя главноуправляющего III Отделением графа А. Х. Бенкендорфа отношение под грифом «Совершенно секретно». В записке рассказывается о борьбе полиции Царства Польского с распространением революционной пропаганды и, в частности, указывается, что был арестован учитель Люблинской гимназии Давид, который, в свою очередь, сообщил следствию, «что ученик Голембиовский давал ему Давиду, для прочтения следующие книги; 4 й том Мицкевича, 15 лет владычества России в Польше и М... Ж..., которые ему Голембиовский получил от Миодушевскаго, служащего тоже в С. Петербурге. Те же самые книги давал ему потом и Миодушевский, а сверх оных Памятные записки Килинского, которые (как говорил) брал от лиц, принадлежавших к Французскому Посольству»⁹. При этом в сопровождающей отношении Паскевича записке говорится и о показаниях Давида, и о роли Голембиовского:

«Генерал-фельдмаршал Князь Варшавский сообщил Товарищу Министра Народнаго Просвещения показание учителя Люблинской Гимназии Давида, будто он, воспитываясь с 1837 по 1841 год в С. Петербургском Университете, примечал и удостоверялся, что демократические мысли и понятия разжигались в то время и там между учениками, а особенно между уроженцами Польскими; что у самих Профессоров Мишкеля, Петровского, Горецкого и Шимановского было много возмутительных сочинений, которые ходили по рукам и читаны были учениками с жадностию. Наблюдение за этим, как присовокупляет Давид, было вообще весьма слабое. Далее он показывает, что кроме книг подобного содержания, которые получал он от лиц, принадлежавших к Французскому Посольству и от некоего Миодушевскаго, служащего в С. Петербурге, снабжали его

⁸ Śliwowska W. Zestancy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku. Warszawa: DiG, 1998. S. 182.

⁹ ГАРФ. Ф. 109, 1-я экспедиция. Оп. 18 (1843 г.). Д. 159. Ч. 1. Л. 35 — 36 об. Полный текст показаний В. Давида по данному делу опубликован на польском языке (на котором В. Давид и давал показания следователям) в издании: Rewolucyjna konspiracja w Królestwie Polskim w latach 1840—1845. Edward Dembowski. Wrocław: PAN, 1981. S. 292—307. Мы приводим отрывки из сохранившейся в ГАРФ краткой справки, приложенной к отношению И. Ф. Паскевича.

некоторыми сочинениями сего же рода ученики: Голембиовский, Карл Петровский, Станислав Жолкевич, Бартошевич, Горецкий, Игнатий Беликович и Плошинский.

Государю Императору благоугодно было высочайше повелеть Князю Варшавскому сообщить сии показания Г. Шефу Жандармов и Товарищу Министра Народного Просвещения, с тем, чтобы приняты были меры к поверке оных и к усилению надзора в местах и над лицами, о которых упоминается в этих показаниях.

По истребовании отзыва от Исправляющего Должность Попечителя С. Петербургского Учебного Округа, оказалось:

1) Что развития демократических мыслей и понятий между студентами С. Петербургского Университета вообще, и особенно между уроженцами Польскими, между 1837 и 1841 годом, ни само Министерство, ни ближайшее начальство С. Петербургского Учебного Округа не замечало. <...>

3) Что в одно время с Давидом были в числе студентов означенного Университета казенные пансионеры Царства Польского: Андрей Мишкель, Франц (а не Карл) Пиотровский, Юлиан Бартошевич¹⁰, Станислав Жолкевич, Ромуальд Горецкий, Александр Шиманский (а не Шимановский), Северин Голембиовский и стипендиат Белорусского Учебного Округа Людвиг Плошинский... — Из них первые четверо, по успешном окончании полного курса, отправлены обратно в Царство Польское для помещения на учительские места, но Жолкевич, в последствии, с разрешения начальства, перешел учителем же в С. Петербургское Вознесенское Уездное Училище, где и ныне находится. — Горецкий исключен из Университета по неуспешности в науках, а Плошинский, по той же причине, уволен из числа казеннокоштных студентов и посещает ныне лекции в качестве вольного слушателя. Шиманский также исключен за дурное поведение, а Голембиовский, прикосновенный к делу об открытом в Варшаве тайном обществе, по высочайшему повелению, исключен в 1838 году из числа студентов, для употребления на службу по гражданской части в Пермской или Вятской губернии. — Все сии лица, кроме Шиманского, в бытность свою в Университете, не подавали повода к заключению о дурном их нраве или к неудовольствию на них ближайшего начальства.

4) Александр Миодушевский, поступил в число вольных слушателей здешнего Университета в 1837 году. На лекциях и в промежутках оных вел себя всегда отлично хорошо, и, за оказанные

¹⁰ Бартошевич Юлиан (1821–1870) — позже известный польский историк, публицист и педагог; среди его учеников был будущий лауреат Нобелевской премии по литературе Генрик Сенкевич.

отличные успехи по Юридическому факультету, удостоен степени кандидата: он служит ныне в Канцелярии Приютов и Учителем в Дворянском полку»¹¹.

Однако секретная переписка между Паскевичем и Бенкендорфом на этом не закончилась. 26 ноября 1843 г. наместник Царства Польского вновь информирует Бенкендорфа о показаниях учителя Викентия Давида:

«Нужным считаю уведомить Ваше Сиятельство, в дополнение прежнего моего отзова и в объяснение некоторых обстоятельств, изложенных в Вашем ответе, что при дальнейшем производстве следствия по настоящему делу снято было с Давида более подробное, в сравнении с первоначальным, показание, препровождаемое при сем в выписке с переводом на русский язык. Оно имеет все желаемые признаки правды, откровенности и раскаяния. Из сего показания Ваше Сиятельство можете усмотреть, как много возмутительных сочинений, изданных Польскою революционною пропагандою, было в обращении между студентами С. Петербургского Университета, из Польских уроженцев, и какие они имели сходища для чтения этих сочинений и заохочивания товарищей к написанию пасквилей в том же духе. Совещания такого рода показывая степень развития демократических идей между помянутыми студентами, должны были придать им гибельное направление. По словам Давида, эти совещания тем легче погубили его, что он не ожидал в С. Петербурге подобной опасности, а найденные у него стихи и повесть его сочинения, написанные им во время пребывания в С. Петербургском Университете, уничтожают всякое сомнение в том вредном впечатлении, какое произвели на него чтение полученных от товарищей возмутительных книг и их советы. Показание Давида подтверждается фактами. Не говоря о нем самом, один из его товарищей, упоминаемый в обоих снятых с него показаниях, Голембиовский оказался уже прикосновенным к открытому в Варшаве тайному демократическому обществу под именем “Союз Польского народа”, и за то, по Высочайшему повелению, был исключен из числа студентов, с отправлением в Вятскую губернию. Наказание более значительное ожидает Давида. Не смотря на то, побуждаемый чистосердечным раскаянием, он в объяснении не изыскивает средств к сокрытию истины и облегчению своей вины. Это также служит доказательством справедливости его показания»¹².

¹¹ ГАРФ. Ф. 109, 1-я экспедиция. Оп. 18 (1843 г.). Д. 159. Ч. 1. Л. 39–41.

¹² Там же. Л. 68–69.

И далее к сообщению князя Варшавского прилагаются в оригинале и в переводе на русский язык фрагменты показаний учителя В. Давида, в которых, в частности, говорится о Северине Голембиевском:

«Первое запрещенное сочинение дал мне в Петербурге товарищ мой Голембиовский, это было “15 лет Польши под владычеством России”. — Он же дал мне после Мицкевича, коего сочинение досталось ему от Студента из Юридического отделения Мёдушевскаго. — Мёдушевский, который говорил нам, что подобные сочинения получает из Канцелярии Французского Посланника, давал мне потом на некоторое время сочинение Мицкевича, и я поделал из него выписки для себя. — Мёдушевский давал мне также читать записки Килинского»¹³.

Если судить по ежегодным докладам III Отделения на высочайшее имя, Бенкендорф в конце 1843 г. отнюдь не был расположен к тому, чтобы поддаваться панике и изображать межнациональные отношения в империи как предкризисные. Показания провинциального польского учителя, возбуждавшие интерес местных властей, не укладывались в схему, которую рисовал шеф жандармов в докладе императору: «Все усилия Чарторижского и его клевретов к возбуждению в поляках упавшего революционного духа не имеют, по-видимому, сильного влияния на жителей Царства Польского. Или не доверяя благонадежности предпринимаемых мер, или опасаясь уронить себя в глазах правительства, поляки смотрят издали, без явного участия, на волнения эмиграции, и ни в действиях их, ни в образе мыслей не проявляется никаких враждебных замыслов. <...> С достоверностью можно сказать, что, не смея явно обнаружить духа оппозиции настоящему правительству, они предались религиозным занятиям, скрывая, может быть, под личиною набожности живое чувство патриотизма»¹⁴. Вероятно, именно потому, что шеф жандармов руководствовался таким подходом, он предпочел поверить записке министра народного просвещения С. С. Уварова от 1 декабря 1843 г., в которой говорилось: «Хотя чтение Студентами запрещенной книги, есть вещь не

¹³ Там же. Л. 72–73. Килинский Ян (1760–1819) — мастер-обувщик, член совета магистрата Варшавы; один из руководителей варшавского восстания в 1794 г. Вероятней всего, речь идет об издании: Kilińskiego Jana, szewca, a zarazem pułkownika 20 regimentu piechoty, pamiętniki, z autografu wyd. K. W. Wójcicki. Warszawa, 1830.

¹⁴ Нравственно-политический отчет за 1843 год // Россия под надзором. Отчеты III Отделения. 1827–1869. М.: Российский фонд культуры; Российский архив, 2006. С. 314–315.

невозможная как от злоупотребления книгопродавцев, несмотря на деятельность Полиции, так от знакомства первых с чиновниками иностранных Миссий, и особенно при посещении Студентами частных домов: но чтоб это было действительно, и чтоб демократические мысли и намерения распространялись между сими молодыми людьми, сего не обличили еще донныне никакие факты, кроме показаний Давида. Голембиовскому, прикосновенному к открытому в Варшаве тайному обществу Союз Польского Народа оказано в 1838 году всемилостивейшее снисхождение между прочим именно по тому уважению, что он не распространял между товарищами преступных толков и противузаконных сношений здесь ни с кем не имел»¹⁵. Таким образом, можно увидеть, что никаких собственных расследований по Голембиовскому после 1838 г. Министерство народного просвещения не вело, поскольку не было формальных оснований: он перестал быть студентом университета и служил вне ведомства народного просвещения. Да и сама возможность существования нелегальных студенческих обществ С. С. Уваров был заинтересован по мере возможности скрыть¹⁶.

Что касается книг, которыми Северин Голембиевский снабжал своего приятеля Давида, то в тексте переписки фигурируют две книги. Первая — четвертый том парижского издания сочинений Адама Мицкевича 1832 г., который составила часть третья поэмы «Дяды», целиком посвященная процессу филоматов и безусловно запрещенная в России¹⁷. В предисловии к ней поэт писал, в частности: «Польша вот уже полвека являет собой зрелище, с одной стороны, такой постоянной, неиссякаемой и неумолимой жестокости тиранов, с другой же — такого безграничного самоотвержения народа и такой упорной стойкости, каких история не знает со времени гонений на первых христиан. Видимо, государи, как некогда Ирод, предчувствуют появление в мире нового светоча и свое близкое падение, а народ все горячее верит в свое возрождение к новой жизни.

История страданий Польши — это история многих поколений и неисчислимого множества жертв. Кровавые дела творятся над поляками на всем пространстве нашей родины и в чужих краях.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 109, 1-я экспедиция. Оп. 18 (1843 г.). Д. 159. Ч. 1. Л. 85 об.

¹⁶ О существовании польских студенческих обществ в Санкт-Петербургском университете см.: Слотвинский В. Польские студенты в Петербургском университете в 30–40 годах XIX в. // Петербургский университет и революционное движение в России. Л.: Издательство ЛГУ, 1979. С. 117–124.

¹⁷ Примеры следствий над читателями запрещенных произведений А. Мицкевича см. в монографии: Kacnelson D. Skazani za lekturę Mickiewicza. Z archiwów Lwowa i Wilna. Lublin: Norbertinum, 2001.

В моей поэме я показал некоторые мелкие детали этой огромной картины, несколько эпизодов из времен гонений, которым подвергались мои соотечественники при императоре Александре I»¹⁸. Поэма, написанная поэтом, признанным к тому времени пророком, действовала сильнее любого агитационного текста. «Третья часть “Дзядов” есть для нас сегодня и останется на все времена верной и незабываемой книгой народного мартиролага, болезненной жалобой, вырвавшейся из любящего и страдающего сердца; наконец, великой вдохновляющей песней, концентрирующей в себе все слезы, боль и желанья — “национального дела мучеников”»¹⁹.

Вторая книга, которую мог дать для прочтения В. Давиду студент С. Голембиевский, — скорее всего, «Rzut oka na stan polityczny Królestwa Polskiego pod panowaniem rossyiskiem przez ciąg lat piętnastu od 1815—1830», вышедшая в Париже в 1832 г. (том же, что и четвертый том сочинений Мицкевича с третьей частью «Дзядов»). Составителем издания был Кароль Борромей Александр Гофман (1798—1875), муж писательницы Клементины Таньской-Гофман, редактировавший «Kronikę emigracji polskiej». И это издание вряд ли попало в Петербург легально: скорее всего, его действительно привезли французские дипломаты, сочувствовавшие польским повстанцам.

Почему же нас интересует студент Голембиевский? Волею судьбы Северин Голембиевский оказывается в кругу людей, причастных к изданию альманаха «Niezabudka», редактором которого был Винцент Давид, а признанным вдохновителем — первый бесспорный классик белорусской (тогда еще польскоязычной) литературы нового времени Ян Барщевский (1792 или 1793 — 1851)²⁰. Его имя также фигурирует в показаниях Винцента Давида²¹, что дает основания видеть в Северине Голембиевском фигуру из литературного окружения Барщевского. И появление в изъятых жандармами (или инспектором Санкт-Петербургского университета) бумагах

¹⁸ Мицкевич А. Дзяды. Часть III / пер. Левик В. В. // Мицкевич А. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 3. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1952. С. 125.

¹⁹ Mościcki H. Wilno i Warszawa w «Dziadach» Mickiewicza. Tłó historyczne trzecie części «Dziadów». Warszawa: Rytm, 1999. S. 147.

²⁰ Дату рождения Я. Барщевского даем по уточненным данным Д. О. Виноходова и Д. В. Лисейчикова. См.: Виноходов Д. О., Лисейчиков Д. В. Штрихи к биографии Яна Барщевского: «Ото то вы мае брацiхны» // Асоба і час. Беларускі біяграфічны альманах. Вып. 8. Мінск: Лімарыус, 2018. С. 17–62.

²¹ См. об этом: Виноходов Д. О. Штрихи к биографии Яна Барщевского: «На тебя донос, Ванюша...» (в печати).

студента Голембиевского текста на белорусском «наречии» свидетельствует о том, что и Голембиевский мог, вслед за Барщевским, заинтересоваться белорусским фольклором либо стилизациями под него. Напомним, что некоторые свои поэтические произведения Ян Барщевский писал на белорусском языке, имитируя фольклорные тексты²².

Кроме того, И. Ф. Паскевич уже в первом «отношении» на имя А. Х. Бенкендорфа, говоря о «раскрытой» конспиративной сети, утверждает: «В минувшем июле месяце бдительным наблюдением состоящей при мне тайной полиции открыты злоумышленные действия некоторых из здешних жителей. Хотя между ними не состоялось еще формального общества, но меж тем однако ж цель их заключалась в распространении между низшими классами народа демократической пропаганды, не только в Царстве Польском, но и в Западных губерниях Империи»²³, то есть на территории современных Литвы и Беларуси. Текст, обнаруженный в бумагах Голембиевского, — особенно с учетом причастности студента Петербургского университета к Союзу польского народа, за что он даже пострадал, — мог предназначаться переписавшим его лицом к использованию в качестве агитационной литературы. Напомним, что Винцент Давид, на показания которого опирается фельдмаршал Паскевич, называет и Голембиевского, и Барщевского лицами, которые давали ему запрещенную литературу:

«Первое запрещенное сочинение дал мне в Петербурге товарищ мой Голембиевский, это было “15 лет Польши под владычеством России”. — Он же дал мне после Мицкевича, коего сочинение досталось ему от Студента из Юридического отделения Медушевского. <...> Один из товарищей моих, студент Юридического отделения Козловский²⁴, прибывший из Киевского Университета, более других сильное имел на меня влияние. <...> Проклятые стихи, которые дал мне Козловский, возбудили во мне желание писать в духе патриотизма, тем более что новых к этому мыслей мне не переставали доставлять как товарищи мои, так и Абрамович своими повестями и рассказами. — Более же всего вводил меня в энтузиазм Барщевский»²⁵.

²² См.: Баршчэўскі Я. Дзеванька. Гарэліца. Размова хлопаў // Баршчэўскі Я. Выбраныя творы. Мінск: Беларускі кнігазбор, 1998. С. 31–35.

²³ ГАРФ. Ф. 109, 1-я экспедиция. Оп. 18 (1843 г.). Д. 159. Ч. 1. Л. 35.

²⁴ Козловский Фелициан — внештатный учитель в Варшавской губернской гимназии.

²⁵ ГАРФ. Ф. 109, 1-я экспедиция. Оп. 18 (1843 г.). Д. 159. Ч. 1. Л. 72–77.

Последнее заявление В. Давида можно прокомментировать высказыванием Марии Яньон: «Концентрируя культурные инициативы пишущей в Петербурге молодежи, которая таким образом часто хотела дать выход своим патриотическим порывам, имея сильное подспорье в лице подписчиков из Белоруссии, альманах Барщевского (“Niezabudka”. — А. Ф.) снискал большую популярность и даже оставил после себя легенду»²⁶. Возрождение и анализ легенды об альманахе Яна Барщевского не входит в нашу задачу. Но история с изъятием бумаг у студента Северина Голембиевского и найденным в них текстом песни на белорусском языке, несомненно, позволяет реконструировать тот интеллектуальный и политический контекст, в котором выходил альманах, и точнее представить себе его феномен.

²⁶ Janion M. Jan Barszczewski // *Literatura krajowa w okresie romantyzmu. 1831–1863*. Т. III. Warszawa: IBL, 1992. S. 98.

К истории возвращения Александра Рыпинского

Восьмого августа 1857 г. на стол главноуправляющего III Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии князя Василия Андреевича Долгорукова¹ легла бумага за подписью исправляющего обязанности товарища министра иностранных дел Ивана Сергеевича Мальцова². В ней говорилось:

«Наш Поверенный в делах в Лондоне, Действительный Статский Советник Барон Николай³ доставил просьбу Польского выходца Александра Рыпинского о дозволении ему, с женою, возвратиться в отечество и разрешить привезти свое типографическое заведение и одного из своих работников, выходца Феофила Свирчевского. Вместе с тем Действительный Статский Советник Барон Николай свидетельствуя о весьма хорошем поведении просителя, объясняет, что упомянутым работником надлежащие справки собираются.

Доводя до сведения Вашего Сиятельства о вышеизложенном и препровождая у сего сказанную просьбу, с следующим к оной одобрительным свидетельством, покорнейше прошу Вас благоволить уведомить меня о решении, какое последует»⁴.

Это было далеко не первое прошение об амнистии, которое пришлось рассматривать князю Долгорукову в тогдашней должности. 26 августа 1856 г. император Александр II подписал ставший

¹ Долгоруков Василий Андреевич (1804–1868) — князь, генерал от кавалерии (1856); военный министр (1852–1856), затем главноуправляющий III Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии (1856–1866).

² Мальцов Иван Сергеевич (1807–1880) — литератор и переводчик, близкий к кружку любителей. Единственный член Российской миссии в Персии, спасшийся во время разгрома миссии и убийства А. С. Грибоедова (1829). Член совета Министерства иностранных дел (с 1835). В период с 1855 по 1864 г. трижды исполнял обязанности управляющего министерством.

³ Николай Николай Павлович (1818–1869) — действительный статский советник (1856), советник Российского посольства в Лондоне. В 1857 г. в связи с отъездом чрезвычайного посланника и полномочного министра графа М. И. Хрептовича исполнял должность руководителя дипломатической миссии.

⁴ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 32, 1-я экспедиция, 1857 г. Д. 11, ч. 96: «О Рыпинском и Свирчевском». Л. 1 — 1 об. В дальнейшем ссылки на данное дело даются непосредственно в тексте, в круглых скобках после цитаты с указанием листов.

заключительным государственным актом в череде амнистий начала нового царствования коронационный манифест, где в параграфе XV говорилось: «Подвергшимся разным за политические преступления наказаниям и донныне еще не получившим прощения, но по изъявляемому ими раскаянию и безукоризненному после произнесенного над ними приговора поведению, заслуживающим помилования, даровать, на основании особых для того постановленных правил: одним — облегчения, более или менее значительные, в самом месте их ссылки; другим же — освобождение от оной, с правом жительствовавать в одной из указанных ими внутренних Великороссийских губерний, а некоторым — и дозволение жить где пожелают в пределах Нашей Империи и Царства Польского, за исключением только С.-Петербурга и Москвы». Именно ведомство Долгорукова должно было давать экспертизу по поводу того, подпадал ли политический преступник под соответствующую норму — то есть было ли его раскаяние искренним и насколько безукоризненным — с точки зрения лояльности его к властям Российской Империи — было его поведение»⁵.

В данном случае к письму Мальцова прилагалось письмо политического эмигранта Рыпинского:

«К Его Императорскому Величеству
Александру II

Государю Императору и Самодержцу Всея России, и проч.,
и проч.

Вышельца Дворянина Александра Феликсовича Рыпинского —
ныне Учителя Европейских Языков, Чертежника и Фотографа
в Англии

Всепокорнейшее Прошение

Ваше Императорское Величество!

Двадцать пять лет тому назад неопытный младенец из Динабургской Школы Подпрапорщиков, считающийся по Ревельскому Пехотному Полку, принадлежащему тогда к Бригаде Родственника моего Генерала Иосифа Александровича Гурки II⁶, во второй

⁵ Со времени появления манифеста 26 августа 1856 г. «подача прошений об амнистии... обрела массовый характер. В период с 1856 по 1862 г. более 150 эмигрантов из белорусско-литовских губерний подали подобные прошения и получили дозволение вернуться» — Матвейчук Дз. Ч. Выгнаныя з роднага краю. Паслялістападаўская эміграцыя з Беларусі і Літвы (1830–1870-я гады). Мінск: Лімарьус, 2011. С. 135.

⁶ Гурко Иосиф Александрович (1782–1857) — генерал-лейтенант (1839), сенатор (1845). В день коронации Александра II 26 августа 1856 г. пожалован в действительные тайные советники.

Пехотной Дивизии — несмотря на блистательный путь передо мною, ни на примеры родственников моих, служивших так отлично в Российской Армии — увлечен единственно неопытною дружною и под шепотом молодых товарищей — бежал я как безумный в числе восемнадцати друзей к неприятелям Русского Престола и вместе с Поляками шатаюсь вот двадцать пять лет без цели по Свету, а потеряв бесполезно всю жизнь мою, пишу, печатаю не зная сам что? К чему и как? — Вот мои преступления!..

Великодушное Вашего Императорского прощение всем политическим провинникам из 1830 и 31-го года и Забвение всего прошедшего, а притом и сильные родного брата моего Виктора Феликсовича Рыпиньского⁷, отставного штабс-капитана от артиллерии, помещика из Витебской Губернии, и жены его просьбы о моем возвращении в Отечество — склоняют меня прибегнуть к стопам Вашего Императорского Величества и просить о снисходительное повеление управляющему Начальству выдать мне Паспорт и дозволить возвратиться спокойно домой в Витебскую Губернию с женою и со всем имуществом моим — где знакомство мое в чужестранных языках и в особенности в Англицком, при постройке железных дорог может быть покажется и очень полезным так Начальству, как и предприимцам? — а ежели же и не! — то я приищу себя на старость кусок спокойного хлеба, хоть бы и с лопаткою в руках, в имении брата моего, который усердно призывает меня и жену мою Эмму, Англичанку, родственницу гг. Майнардов, из коих один служит Подполковником в Инженерном Корпусе Вашего Императорского Величества⁸, а другой есть Англицким Вице-Консулом в Кронштате⁹. — Жена же моя имеет и собственный ежегодный доход 2.000 рублей ассигн. — при котором с сильною волиею какогонибудь занятия я не боюсь умереть из голода в России — не дознав ни малейшей нужды чрез 25 лет на чужбине.

Надеясь, что Ваше Императорское Величество повелит совершить мое усердное желание, дозволяя мне и жене моей поселиться в Витебске и забрать отсюда все фотографические снаряды; а ежели возможно, то и собственный мой сдешний Типографический завод, какового в Витебске еще нет.

Ежели же бы Ваше Императорское Величество повелело мне учредить мою Типографию в Витебске — я бы просил дозволе-

⁷ Рыпинский Виктор Феликсович (1814—1869) — брат А. Рыпинского, владелец имения Куковячин.

⁸ Имеется в виду Мейнард Чарльз (Карл Романович; ?—1885).

⁹ Мейнард Уолтер (Вальтер Романович; 1815—1897) занимал пост вице-консула Великобритании в Кронштадте с 1856 по 1887 г.

ния взятия со мною, на мой собственный ответ, одного из лучших моих работников, тоже изшельца Поляка, Теофиля Свирческого, самого смиренного на свете человека, который может быть сто раз полезнее в России, нежели здесь, и хочет возвратиться со мною.

Англицкое Правительство, надав мне за спокойное и примерное мое поведение права Англицкого Помещика, я купил себе здесь кусок земли и построил дом, имея ежегодно из моих училищ от 4-х до 5.000 рублей ассигн. — следовательно, не знал я и не знаю нужды — но это никак не мешат в моем желании возвратиться домой и быть навсегда до смерти

Вашего Императорского Величества

Верно подданным.

Александр Рыпинский

Tottenham, near London

5, Grove Place

26-го Юля 1857 г.» (л. 2–3).

Нужно отметить, что Рыпинский мог считать себя вполне благополучным эмигрантом — на фоне других своих соотечественников. Профессиональный военный, обреченный после поражения восстания на суровое наказание, он не только смог в эмиграции создать семью, но и вполне благополучно занимался предпринимательством: в его типографии печатались многие эмигранты, в том числе выходила и газета «Польский демократ». Печатались там и его собственные литературные произведения на польском и белорусском языках. «В одной только Польской библиотеке в Париже хранится около 20 книжек Рыпинского, изданных им в собственной типографии в Лондоне (преимущественно 1850-е годы)¹⁰. Поэтому характеризуя свою издательскую деятельность столь припущенно («...потеряв бесполезно всю жизнь мою, пишу, печатаю не зная сам что? К чему и как?»), Рыпинский, скорее, пытается убедить имперские власти в искренности своего раскаяния и отчаянности своего положения, но вовсе не рисует объективную картину.

И желание вернуться Рыпинский аргументирует, помимо прочего, желанием приносить пользу империи: в России действительно начинается массовое строительство железных дорог. 26 января (7 февраля) 1857 г. указом императора основано Главное общество российских железных дорог, причем среди его основателей — лондонские банкиры Baring Brothers & Co. Люди со знанием английского языка определенно нужны Российской империи.

¹⁰ Янушкевіч Я. Я. Аляксандр Рыпінскі // Славутыя імёны Бацькаўшчыны. Вып II. Мінск: Беларускі фонд культуры, 2003. С. 262.

Его расчет удался: реакция адресата была, скорее, положительной. Особенно если учесть характер экспертных заключений по делу автора. А они явно не совпадали. Во всяком случае, сохранившийся отпуск доклада князя Долгорукова по данному поводу свидетельствует о том, что политическая полиция была вовсе не в восторге от перспективы возвращения Рыпинского в империю:

«Из Министерства Иностранных дел препровождена в 3 Отделение поступившая в Посольство наше в Лондоне от находящегося там Польского выходца Александра Рыпинского просьба на Высочайшее Имя, о дозволении ему с женою возвратиться в отечество.

В просьбе этой Рыпинский объясняет, что он уроженец Витебской Губернии; находясь в Динабургской Военной Школе подпрапорщиков состоял в Ревельском Пехотном полку, бывшем в Бригаде, которой командовал родственник его генерал Гурко, и во время мятежа 1830/1 года, увлеченный примером товарищей, присоединился к мятежникам и бежал вместе с ними за границу, где скитался 25 лет без цели и проводя бесполезно жизнь, пишет, печатает, не зная, по его выражению, сам — что, к чему и как.

При этом объясняет он также, что Английское Правительство, за спокойное и примерное его поведение, дало ему права помещика и он, купив себе землю, дом, учредил фотографическое заведение и типографию, занимается преподаванием языков и получая ежегодно до 5 т. руб. асс. дохода, кроме 2.000 руб., которые получает его жена, он не знал и не знает нужды, но великодушное Государя Императора прощение, дарованное выходцам и забвение прошедшего, а также убедительные просьбы родного брата его, Феликса Рыпинского¹¹ (отставного штабс-капитана артиллерии и помещика Витебской Губернии) и жены сего последнего побуждают его просить о дозволении ему, с женою, возвратиться на родину, где он надеется быть также полезным и куда желал бы перевезти все свои фотографические ряды и типографию; в случае же дозволения ему открыть оную в Витебске, он ходатайствует о разрешении ему взять с собою, под собственную его ответственность, одного из своих работников, Польского выходца, Теофила Свирчевского, который равным образом желает возвратиться в отечество.

При просьбе Рыпинского приложено одобрительное свидетельство, выданное ему Английским Правительством; Действительный Статский Советник Барон Николаи также свидетельствует о весьма хорошем поведении просителя.

¹¹ Явная описка: брата звали Виктором, что Александр Рыпинский и указал в прошении.

Справка:

1. Рыпинский Александр, подпрапорщик Ревельского Пехотного полка, бывший в Динабургской школе подпрапорщиков, бежал из своей команды и присоединяясь к мятежникам Дисненского уезда, занимался образованием бунта, подписал акт конфедерации, выполнил мятежническую присягу, участвовал в сражениях и по удалении за границу, с раскаянием не явился¹², почему определением Следственной Комиссии, причислено ко 2-му разряду преступников, с обращением имени его в казну и с преданием, в случае явки или поимки его, военному суду.

2. Имя его значится в числе выходцев, подписавших в 1832 году адрес к Английскому Парламенту о восстановлении независимости Польши.

3. В 1855 году Познанская Полиция сообщала Генерал-Фельд-маршалу Князю Варшавскому, что Александр Рыпинский, принадлежавший к секте Товианского в Париже¹³, учредил в Лондоне типографию и напечатал много патриотических стихотворений. Вместе с тем Познанская полиция доставила брошюру, заключающую в себе импровизированные стихи, сказанные Рыпинским мятежнику Дембинскому за обедом, который в честь сего последнего дан был в Лондоне, по возвращении его из Венгрии¹⁴. В стихотворении этом, вспоминая о подвигах Дембинского во время Польского мятежа и выражая сожаление, что Венгерцы не последовали его совету идти в Польшу, Рыпинский обнаружил сильное сочувствие к своей отчизне.

Соображение.

Принимая во внимание как то, что Рыпинский перешел к мятежникам, состоя в Российских войсках и что всем товарищам его по Динабургской Военной Школе в возвращении на родину отказано, так равно и вышеизложенные сведения о его литературной деятельности за границую — 3 Отделение находит удовлетворение

¹² Как указывает Р. Белецкий, Рыпинский, примкнув к восставшим, был произведен генералом Антонием Гелгудом в подпоручики, вместе с ним перешел на территорию Пруссии, где был интернирован пруссаками, а затем выехал во Францию — см.: Bielecki R. Słownik biograficzny oficerów powstania listopadowego. Т. III. Warszawa: Neriton, 1998. S. 426.

¹³ Речь идет о «Круге Божьего Дела» мистика-мессианиста Анджея Товьянского (1799 — 1878 или 1879), к которому принадлежали А. Мицкевич, Ю. Словацкий, С. Гошинский, другие видные деятели польской культуры, находившиеся в эмиграции. В 1842 г. Товьянский был выслан из Франции.

¹⁴ Генерал Генрих Дембинский (1791—1864) во время венгерской революции 1848 г. командовал северной армией повстанцев, после чего был назначен главнокомандующим всех повстанческих войск.

его просьбы невозможным; что же касается выходца Свирчевского (который, по словам Рыпинского, желает также возвратиться в отечество), то Отделение сие полагало бы сообщить Министерству Иностранных дел, что выходец сей должен установленным порядком войти с просьбою о сем в наше Посольство.

16 Августа 1857» (л. 6 — 8 об.).

На полях возле «Соображения» другим почерком сделана пометка: «В настоящее время служение его в наших войсках не есть уже препятствием прощению», — что полностью соответствует сложившимся после оглашения коронационного манифеста Александра II реалиям. Скорее всего, этот комментарий оставил кто-то имевший доступ к документу и не вполне согласный с изложенным в «Соображении» подходом.

Таким образом, очевидно, что мнения Министерства иностранных дел и III Отделения расходятся. Весьма вероятно, что Долгоруков, сам участвовавший в подавлении восстания 1830—1831 гг., награжденный за это орденами Владимира 4-й степени и Анны 2-й степени, вовсе не желает поощрять товарища по оружию, изменившего присяге, стрелявшему в него и таких, как он, а сейчас пожелавшему вернуться на родину. Но формально он может лишь переложить ответственность за принятие соответствующего решения на плечи либералов из внешнеполитического ведомства. Тем более что, судя по сообщению познанской полиции, еще за год до объявления амнистии Рыпинский демонстрировал публично свою приверженность идеалам восстания¹⁵.

Как можно было предполагать, император первоначально встал на сторону Долгорукова. Об этом свидетельствует резолюция, наложенная на отпуск:

«Высочайше повелено исполнить согласно соображению.

16 Августа 1857

С. Петербург» (Л. 6).

Тем не менее «либералы» из МИДа на этот раз победили. Вероятно, не последнюю роль сыграл и факт обеспеченности семьи Рыпинских: возвращался не нищий, а вполне благополучный

¹⁵ Н. В. Хаустович, подробно исследовавший деятельность Александра Рыпинского времен его пребывания в эмиграции, убедительно показывает, что Рыпинский последовательно отстаивает идеалы свободы Речи Посполитой, поддерживает товарищей по восстанию и даже перед отъездом из Англии продает свою типографию именно бывшему повстанцу — см.: Хаўстовіч М. Аляксандар Рыпінскі: знаёмы і незнаёмы // Хаўстовіч М. Шляхамі да беларускасці: Нарысы, артыкулы, эсэ. Warszawa: Uniwersytet Warszawski, 2010. S. 315—354.

человек, обремененный семьей, к тому же жена его приходилась родственницей британскому дипломату. Это был хороший пример для остальных.

Кроме того, следует учитывать, что Уолтер (Вальтер Романович) Мейнард, приходившийся Рыпинскому шурином, был назначен на пост вице-консула в Кронштадте сразу после Крымской войны, в которой, как известно, Британия участвовала на стороне Турции в составе антироссийской коалиции. Скандал вокруг родственника британского дипломата воспринимался в российском МИДе как крайне нежелательный, потому, скорее всего, была проявлена некоторая настойчивость в решении «спорного» вопроса. Александр II изменил свое решение.

И в 1859 г. Рыпинский возвращается на родину. При этом он остается под надзором, как показывают документы, опубликованные Г. В. Киселевым: император «по всеподданнейшему докладу о сем главного начальника 3 отделения собственной его императорского величества канцелярии высочайше повелеть соизволил разрешить Рыпинскому возвращение в отечество на основании всемилостивейшего повеления 15 (27) мая 1856 г. с тем, однако, чтобы он по возвращении на родину подвергнут был строгому секретному надзору»¹⁶, о чем Департамент полиции исполнительной Министерства внутренних дел и сообщил 19 апреля 1858 г. витебскому губернатору.

Рыпинский вернется и поселится сначала в имении брата Куковячине, а затем в местечке Яновичи в имении Строганы (ныне деревня в Велешковичском сельсовете Лиозненского района Витебской области). Это был не Лондон¹⁷, но — родина.

Впереди будет долгая жизнь.

¹⁶ Цит. по изд.: Пачынальнікі. 3 гісторыка-літаратурных матэрыялаў XIX ст. / укл. Кісялёў Г. В. 2-е выд. Мінск: Беларуская навука, 2003. С. 183.

¹⁷ Н. А. Дурова оставила следующую зарисовку Яновичей первой трети XIX в.: «Кажется, здешняя грязь превосходит все грязи, сколько их есть на свете. Не далее как через площадь к товарищу не иначе можно пробраться, как верхом; можно, правда, и пешком, но для этого надобно лепиться около жиловских домов, по завалинам, как можно плотнее к стенам, окнам и дверям, из которых обдаёт путешествующего различного рода паром и запахами, например, водки, пива, гусяного сала, козьиного молока, бараньего мяса и так далее...» — см.: Дурова Н. А. Кавалерист-девица. Происшествие в России // Избранные сочинения кавалерист-девицы Н. А. Дуровой. М.: Московский рабочий, 1988. С. 227.

«Бульварный роман»: жизнь и смерть Семена Малевского

Как правило, смерть родственников великих людей остается незамеченной биографами: сестры, братья, племянники и племянницы пребывают в тени, если только сами не становятся центральными фигурами монографических исследований. Однако иногда смерть оказывается интересней жизни.

Такова смерть младшего сына Франтишка Малевского — Семена Францевича Малевского, оказавшегося настолько забытым, что даже в биограмме, посвященной Малевскому-старшему столь аккуратным и педантичным исследователем, как профессор Виктория Сливовская, ему не нашлось места¹.

Хотя — о самом Франце Семеновиче мы тоже почти не помним. Но о нем — в другой раз.

На самом деле история смерти Семена Малевского, обстоятельства этой смерти были весьма интересны. Проследим ее по печатным источникам.

* * *

В номере 150 от 3 августа 1876 г. «Петербургская газета» пишет:

«Нам сообщают, что вчера, в 7 часов утра, на Петербургской стороне, в доме 12 по Большой Вулфовой улице кронштадская мещанка Анна Кирилова выстрелом из револьвера нанесла тяжкую рану в голову управляющему Сампсоньевского машинно-вагонного завода Голубева Семену Францевичу Малевскому, который в 1-м часу дня скончался. Убийца арестована, она, как нам передают, жила вместе с Малевским около двух лет. В последнее время между Кириловой и Малевским происходили неприятности, которые, по-видимому, повлияли на Кирилову, и она решила убить Малевского. Утром она встала, когда г. Малевский спал еще, отыскала его револьвер и выстрелила ему в голову. Покойному около 30 лет, а убийце 27 лет».

Та же скупая информация появляется и в другом издании, специализирующемся, помимо прочего, на регулярной публикации материалов о происшествиях — в «Санкт-Петербургских ведомостях» (№ 212, 3/15 августа 1876 г.). Скорее всего, просто перепечатана полицейская сводка — рапорт, подготовленный приставом для

¹ См.: Śliwowska W. Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku: Słownik biograficzny. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 1998. S. 362–363.

высшего начальства. Но уже через два номера «Санкт-Петербургские ведомости» возвращаются к сюжету, публикуя собственный более подробный отчет о злосчастном выстреле:

«Мы уже сообщили известие о печальной катастрофе, совершившейся в понедельник, 2-го августа, на Петербургской стороне, по Большой Вульфовой улице. Вот некоторые подробности этого происшествия, собранные на месте. В Большой Вульфовой улице, невдалеке от Сампсониевского моста, находится машино-литейный завод, принадлежавший прежде г. Голубеву, а ныне перешедший к акционерному сампсоньевскому обществу. Заводу принадлежит имеющийся напротив небольшой деревянный домик, в котором жил управляющий заводом, инженер-технолог Семен Францевич Малевский.

Накануне 2-го августа, поздно вечером, в квартиру Малевского прибыла молодая, весьма прилично одетая дама. Как оказалось впоследствии, то была кронштадтская мещанка Анна Кирилова, бывшая на столько в интимных отношениях с хозяином квартиры, что сочла себя вправе сделать ему, в довольно резкой форме, сцену ревности по поводу нахождения у него в гостях другой женщины.

Последняя, принятая Кириловою за соперницу, поспешила удалиться, но Кирилова, несмотря на приглашение Малевского оставить его в покое, осталась в его квартире. Но дурной замысел засел в голову непрошеной гостьи. В 8 часов утра, 2-го августа, когда Малевский спал крепким сном, лежа на левом боку, Кирилова, добыв из конторки 7-зарядный револьвер, выстрелила ему в правый висок. Первая пуля, пройдя мимо, ударилась в пол, но вторая — нанесла сонному Малевскому смертельную рану. Она раздробила височную кость, так что показались мозги. Совершив это ужасное дело, Кирилова пришла в кухню и сказала кухарке: “Иди, заяви полиции, что я убила твоего барина”.

Вскоре прибыл полицейский врач Лозинский и, кроме того, явилось еще пять частных врачей. Но все их усилия оказать помощь несчастному страдальцу были тщетны. Пуля засела в виске и причиняла Малевскому невыразимые страдания. В ужасных муках, в присутствии двух родных братьев, успевших прибыть тотчас по получении роковой вести, он скончался четыре часа спустя после направленного в него удара. Судебный следователь 5-го участка г. Лобко застал Малевского еще в живых и был свидетелем предсмертной агонии несчастного.

С печальной героини кровавой драмы, Анны Кириловой, на основании сделанного первоначально на месте преступления до-

знания околоточным надзирателем 3-го участка Петербургской части Езгиновым было снято подробное показание в помещении управления участка судебным следователем г. Лобко. Юная преступница, сидя на сафьянном стуле в приемной комнате участкового управления, с трудом могла скрывать овладевшее ею волнение, хотя и казалась спокойною. Вещественными доказательствами к начавшемуся делу приобщены с места катастрофы подушка, коробка с патронами, револьвер, осколок дерева и сверток бумаг.

Вот некоторые сведения, собранные также на месте, о личности, совершившей убийство Малевского.

Анна Кирилова, кронштадтская мещанка, 24 лет от роду, с 14-го января 1874 года поселилась в доме Заешникова, в Почтамтской улице (на углу Конногвардейской улицы) и проживала одна в квартире, состоявшей из 3-х комнат, имея при себе одну служанку. Жила она, по общим отзывам, скромно, хотя, видимо, любила светскую жизнь, так как часто выезжала из дому на прогулку. Внешность ее в высшей степени симпатична, и при взгляде на находящуюся перед нами фотографическую карточку, изображающую красивое кроткое лицо, с несколько вздернутым носиком и с добродушнейшим выражением, самый присяжный психолог, казалось, не был бы способен открыть какую-либо черту, обнаруживающую расположение к совершению жестокосердого поступка.

Кирилова, как отзываются о ней люди, видевшие ее в домашнем быту, была весьма строга к условиям, требуемым внешними приличиями, но как женщина полуобразованная и вкусившая от сладостей светской пустоты, по-видимому, не была склонна к продолжительному, освежающему сердце сосредоточенному чувству. Вероятно, это обстоятельство и привело к охлаждению интимных отношений со стороны Малевского. Легкомыслие Кириловой может быть усмотрено, между прочим, и из того факта, что она, незадолго до катастрофы, снимала свой портрет в фотографическом заведении Лоренса в позе, менее всего удостоверявшей о каком-либо искреннем чувстве к покойному Малевскому. Мы видим перед собою молодую женщину в кокетливом наряде, с чепчиком на голове и держащую в руках портрет мужчины не первой молодости, ничем не напоминающего жертву кровавого поступка. При этом не лишним будет присовокупить, что Кирилова почему-то сочла нужным скрыть свою настоящую фамилию, потому что в книге фотографического заведения она внесена под именем г-жи Голубковой.

Вчера, 3-го августа, в 6 часов вечера, последовал вынос убитого Малевского в католическую церковь на Выборгской стороне, а сегодня тело его предано земле. Виновница катастрофы уже находится в доме предварительного заключения» («Санкт-Петербургские ведомости», 1876, № 214, 5/17 августа).

* * *

Мы знаем, как выглядел дом, в котором произошло убийство. Его описание осталось в ссудном деле, когда правление Санкт-Петербургского кредитного общества рассматривало вопрос о принятии его в числе прочей недвижимости, принадлежавшей промышленнику Воронину, а затем — главному акционеру Самсоньевского завода И. Е. Голубеву, в залог при выдаче ссуды. «На особом запасном дворе, на углу Большой Вульфовой и Малой Посадской улиц:

Деревянный дом, рубленый из бревен; крытый тесом; по наружности обшитой, а внутри оштукатуренной; со всею отделкою для жилья; в прочном состоянии»². И указана цена: 1800 рублей.

* * *

Относительно молодой человек пал от руки своей сожительницы — чем не финал бульварного романа? Картина случившегося ясна изначально, она легко реконструируется затем по судебным отчетам, опубликованных в упомянутых и других изданиях. И поскольку всем всё ясно, суд начинается уже спустя два с половиной месяца — 2 ноября 1876 г.

Репортаж из зала суда газеты «Голос» написан в стилистике сентиментальной мелодрамы — неслучайно автор сошлется на книгу Александра Дюма-сына, автора «Дамы с камелиями», «Мужчина и женщина». Но репортер «Голоса» добавляет краски, рассуждая о проблемах общественной нравственности, что понятно: приговор убийце, вынесенный присяжными, неожидан — Анну Кириллову оправдали.

«Жил-был прекрасный, образованный, даровитый, добрый молодой человек, пользовавшийся всеобщим уважением. Он имел одну только слабость, да и ту ни он и никто из его друзей не считали за таковую: он любил сходить с женщинами “легкого поведения”. Ужаснее всего то, что этот хороший, образованный человек поступал так не из привычки или увлечения, а по принципу. “Он искал женщин легкого поведения из нежелания “возбуждать привязанность”, старался ограничиться минутными с ними связя-

² См.: ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Ед. хр. 1913. Л. 23.

ми, потому что “боялся тех обязанностей”, которые налагают на мужчину связи, более прочные с женщиной. Речь идет о покойном Малевском, убитом его любовницей Кириловой, которая судилась за это преступление на прошлой неделе. Я с особенным вниманием прочел показания всех свидетелей, бывших друзей Малевского — значит, таких же хороших, образованных людей, каким был он, и никто из них не отнесся отрицательно к этой характерной черте покойного. Напротив, все они высказались в том смысле, что подобный взгляд на женщину и на отношения с нею, что подобный, говоря короче, беззастенчивый разврат нисколько не роняют “порядочного” человека. Даже у прокурора для этой стороны характера Малевского нашлись следующие непостижимые выражения: “В отношениях с женщинами, — сказал он, — покойный является “личностью оригинальной” (не более!); он в них “остаётся честным, порядочным, и, скажу даже, серьезно относящимся к этой стороне жизни человеком”.

Важно не то, что это говорит прокурор — важно то, что такой взгляд составляет нечто непреложное и узаконенное в глазах образованных людей. Какая нужна бездна нравственной испорченности, чтоб развратничать из желания “остаться честным и порядочным человеком” по отношению к женщине! За кого же они считают после этого женщин, этих жалких объектов их и распутства? Конечно, за самых презренных тварей, без души, без сердца, алчных только к деньгам и совершенно безопасных в том отношении, чтоб наложить какие бы ни было обязательства на “честного” рыцаря проявлениями чувства “привязанности” к нему. Изумляйтесь же, гремите сатирою на этих отверженных “с роковыми словами на лбу”, за их животность и бездушие! Ведь они, достигая этой “культурности”, становятся только в уровень требований “честных” и “порядочных” людей... Но, к несказанному огорчению благородных искателей “легкой” любви, и у этих “тварей”, нет-нет да вдруг и обнаружится сердце, способное любить и привязываться со всею страстностью сиротливого и много раз, быть может, оплеванного чувства. Вот этого именно сюрприза и боялся покойный Малевский от тех потерянных особ, с которыми он сходилась. Но, видно, судьбы своей не избежишь, да, наконец, всякая аномалия общественных отношений так или иначе должна о себе время от времени докладывать вниманию и суду публики, кто бы и как бы ни сделался вопиющим предлогом такого доклада. На этот раз нужно было, чтоб подобным предлогом послужила драма, жертвою которой пал Малевский. Из показаний свидетелей и по характеру Кириловой, насколько он обнаружился из

следствия, можно бы заключить, что ее привязанность к покойному, которою было вызвано и оправдано ее преступление, принадлежит к разряду весьма сложных и подозрительных; но все становится ясным и понятным, когда вникнешь в ужасную жизнь и среду жалких существ, подобных Кириловой.

Александр Дюма в книге, наделавшей в свое время столько шума, “L’Homme-femme”, высказал не совсем парадоксальную мысль, что есть женщины “de la rue”, т. е. которые самою природой или статистикой, как угодно, осуждены служить потребностям “улицы” или, как у нас говорят, потребностям “общественного темперамента”. Кирилова — одна из представительниц этих несчастных отребий общественного организма. На суде она отказалась рассказать свою “прошлую жизнь”. Можно судить по этому, какова была эта жизнь; но можно сказать с уверенностью: какова была она у нее, такова же она и у тысяч ей подобных. Сирота или брошенная родными с детства, перетерпевшая неисчислимое множество пинков от какой-нибудь сердобольной воспитательницы, вынесшая всякие нужды и невзгоды и ни одного отрадного воспоминания о своем детстве, ни одного и теплого чувства — ничего, кроме ожесточения и тупого недоверия к людям! Затем у этих странных, несчастных созданий как-то сразу делается период от отрочества к возмужалости, особенно, если они обладают недурным личиком. Смазливое личико очень скоро находит и покровителя, и ценителя, а далее — дорога открыта: Летний Сад, Невский, бесчисленные “сады” и кафе-шантаны. Все эти вертограды как будто для того только и устроены, чтоб во всякий час дня и ночи каждый падший ангел мог находить там своего искусителя. Кирилова сошлась с Малевским в Летнем Саду, где она, по ее выражению, каждый день “делала моцион”. Они сошлись, как обыкновенно сходятся в Летнем Саду известные дамы с первыми встречными мужчинами; но их минутная связь по какой-то случайности затянулась. Они стали бывать друг у друга чуть не каждый день. По-видимому, между ними установилась более или менее прочная привязанность, хотя это нисколько, не мешало ему “бегать” на ее глазах за другими женщинами в Летнем же Саду, а ей принимать “очень часто” у себя гостей “на стакан чаю”. Это были ее прежние знакомые; а каково это было “знакомство” — понимается уже само собою. По отзыву свидетелей, отношения Малевского и Кириловой были “самые легкие”, “самые обыденные”; не последним цементом служило для них то, что он давал ей ежемесячно сто рублей. Один из свидетелей говорит, что он “не замечал в этих отношениях ни тени чувства ни с одной стороны”, хотя Кирилова однажды и упрекала при нем

Малевского, что “прекратила для него все знакомства свои, а он ее гонит”. Наконец, тот же свидетель сказал, что “Кирилова вообще держала себя, как женщина легкого поведения”.

Между тем Малевский как-то сознается, что “попался в сети” этой женщины, что она ему “надоедает своею неотвязчивостью” — словом, что он, согласно своей теории легких отношений с женщинами полусвета, недоволен и тяготится привязанностью Кириловой. Была ли эта привязанность и в какой степени и она была сердечна — вопрос, существенно важный, но, к сожалению, не вполне разрешенный следствием. Вероятно, эта привязанность в Кириловой была, и довольно сильная; но у такого крайне неразвитого, грубого и испорченного субъекта, каким представилась на суде Кирилова, подобная привязанность имела крайне эгоистический и чувственный оттенок. И в самом деле: она начинает Малевского преследовать, врывается к нему ночью и, застав с другою женщиною, “вцепляется” в него и грозит “раскрыть ему всю морду”; невзирая на явное пренебрежение к ней Малевского, она настолько не имеет собственного достоинства, чтоб, по крайней мере, не навязываться к нему со своими ласками и услугами; наконец, чувство слепой ревности и боязнь потерять любимого человека подняло на него ее руку. Она убивает его, сонного, самым предательским и безумным образом.

Вообще, весь этот роман с трагическим концом производит очень тяжелое и, признаюсь, скверное впечатление, потому именно, что он затрагивает крайне болезненную сторону нашей общественной жизни. Ведь в Петербурге таких Малевских, с подобною точкою зрения на разврат, целые тысячи и, соответственно их спросу, целые тысячи Кириловых, только, может быть, менее склонных к сердечности и безумию, чем та, которую на днях судили.

Присяжные вынесли Кириловой оправдательный приговор. Нашлись в суде господа, которые этому приговору аплодировали... Я не хочу пускаться в анализ этих аплодисментов, не анализирую и мотивов приговора присяжных. Приведу только слова писателя, очень подходящие к этому делу: “Можно жалеть преступника, но нельзя же зло называть добром в таком великом деле, как суд”. Между тем у нас эти обе разные идеи смешиваются и выходит Бог знает что. Выходит, что преступление как бы не признается преступлением вовсе, “потому только, что к личности преступника почувствовалась жалость и милосердие, очень часто на основании просто субъективного впечатления”.

Может быть, это и ошибочные рассуждения, но, несомненно, что оправдание Кириловой неприятно озадачило нашу публику;

а как оно должно было озадачить наших бесчисленных поклонников скоропреходящего “лямура”, уже, вероятно, и описать нельзя» («Голос», 1876, № 308, 7/19 ноября).

Позже мы прочтем еще один вариант репортажа из зала суда — более эмоциональный и с меньшей претензией на социальные обобщения. Пока же обратим внимание на существенную деталь в тексте данного репортажа. Ссылка на писателя, не названного по имени автором, укрывшимся за псевдонимом «Мыслете», — скорее всего, это некто Михаил Григорьевич Гребенщиков (1854—1888), выпускник юридического факультета Петербургского университета, — это ссылка на Федора Михайловича Достоевского, которого оправдание очевидной убийцы действительно неприятно озадачило³, хотя, как мы помним, из его произведений следует, что и явный разврат, подобный тому, в котором жил Семен Малевский, автор «Преступления и наказания» отнюдь не одобрял.

* * *

Нам не удалось узнать, кто защищал Анну Кирилову на суде. А вот имя обвинителя мы знаем. Это был Яков Плющик-Плющевский⁴, товарищ окружного прокурора.

Что интересно — именно Я. А. Плющик-Плющевский сделает инсценировку романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», в постановке которой в роли Родиона Раскольникова — голодающего студента-неврастеника, убившего топором вдову чи-

³ В декабрьском номере «Дневника писателя» за 1876 г., описывая судьбу беременной двадцатилетней преступницы, Катерины Прокофьевны Корниловой, в припадке истерики выбросившей из окна шестилетнюю падчерицу, которая осталась в живых и не пострадала, Достоевский напишет: «Как раз несколько дней спустя после приговора над несчастной беременной Корниловой, осужденной в каторжную работу и в Сибирь навеки, была совершенно оправдана одна престранная преступница-убийца, Кирилова» — см.: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 24. Л.: Наука, 1982. С. 37. Мыслете в своем репортаже цитирует октябрьский номер «Дневника писателя» за тот же 1876 г.; в нем Федор Михайлович начинает обсуждение дела Е. П. Корниловой.

⁴ Плющик-Плющевский Яков Александрович (1845—1916) — тайный советник. Юрист, литературный и музыкальный критик, драматург. Помощник прокурора Санкт-Петербургского окружного суда (1871—1881). Принимал участие в расследовании убийства Александра II. Вице-председатель Совета Русского театрального общества. Председатель Прогрессивно-экономической партии (1905—1907).

новника Алену Ивановну, — прославится великий русский актер Павел Орленев⁵.

* * *

Но вернемся к судьбе Семена Францевича. Младший сын Франтишка (Франца Семеновича) и Хелены (Елены Иосифовны, урожденной Шимановской) Малевских, он родился 9 марта 1844 г. в Петербурге. Отец был благополучным чиновником II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, и никто уже не помнил, что когда-то Франц Семенович был выслан из родной Вильны насильно, за участие в тайном студенческом обществе филоматов. Шимон Иоахим Франтишек — он получил, согласно католической традиции, несколько имен (в честь деда, бывшего ректора Виленского университета; в честь любимого учителя отца — профессора Иоахима Лелевеля; наконец, в честь самого отца) — домашними звался просто Моня. Как и ровесники во все времена, он явно увлекался коллекционированием; во всяком случае, отец пишет второму из четырех своих сыновей, Юзефу, выехавшему в Британию: «Мелкие монеты, особенно американские и бразильские, сюда не доходят, а там они не редкость, так купи для Мони несколько штук»⁶. Забота Франца Семеновича понятна: мать умерла в том же году, и маленькие нумизматические радости для младшего сына — как попытка скрасить неожиданное сиротство юноши.

Семен учился в Николаевской военно-инженерной академии. В этом отношении он коллега Федора Достоевского. Экзамены, судя по всему, сдавал первоначально вполне успешно; отец писал в Вильну теткам, Марии и Зофьи Малевским: «Экзамены он сдал хорошо»⁷. Однако происходит непонятный сбой, и отец начинает волноваться. Все тому же сыну Юзефу Франц Семенович пишет: «Он неожиданно, по какой-то тайной для меня причине очевидно свихнулся, причем внезапно; во время хорошо шедших экзаменов по одному из предметов, который, как я понимаю, он знал, внезапно получил *zero*. Проявляется желание бросить школу и уйти в отставку, как это сделали другие»⁸.

⁵ Орленев (наст. фамилия Орлов) Павел Николаевич (1869–1932) — актер, мемуарист, народный артист Республики (1926).

⁶ Письмо от 13/25 сентября 1861 г. — цит. в нашем переводе по изд.: *Archiwum filomatów. Listy z zesłania*. Т. 3. Warszawa: Ancher, 1999. S. 284.

⁷ Письмо от 28 января / 9 февраля 1863 г. — *Archiwum filomatów. Listy z zesłania*. Т. 3. Warszawa: Ancher, 1999. S. 291.

⁸ Письмо от 16/28 мая 1863 г. — *Archiwum filomatów. Listy z zesłania*. Т. 3. Warszawa: Ancher, 1999. S. 294.

«Другие» — это нескрываемый намек на многочисленные отставки и увольнения молодежи из Царства Польского и западных (белорусских, украинских и литовских) губерний. В этой части империи уже идет настоящая национально-освободительная война, и юноша внезапно мог вспомнить, что он — племянник величайшего польского поэта (сестра его матери, Целина Шимановская, вышла замуж за Адама Мицкевича), культ которого в родительском доме был всегда.

Такое поведение сына неизбежно должно было пробудить беспокойство у отца. «В начале октября (1861 г. — А. Ф.) Малевский был очевидцем студенческих демонстраций в Петербурге, участники которых протестовали против становящихся все более строгими предписаниями имперских властей. <...> Малевский оставался пронизательным и внимательным наблюдателем общественной жизни и не питал иллюзий по поводу методов, используемых властью и ее сторонниками»⁹. Тем более что он хорошо знал, что происходит на родине: «В Вильне сестры как-то спокойней переносят положение дел, все более несносное. Против господствующего там террора Муравьев отправился со своим»¹⁰. Однако, судя по всему, ситуация нормализовалась достаточно скоро, о чем Франц Семенович спешит сообщить сестрам в Вильну: «Было много хлопот с Моней; он не хотел сдавать экзамены, чтобы искать судьбу вслед за другими товарищами, но в любом случае сдал их, хоть и не знаю с каким усилением»¹¹. И, наконец, он пишет сыну Яну о том, что Семен закончил учебу: «Моня утром едет в Царское Село вместе с другими выпускниками института представляться Императору. Кажется, получится оставить его здесь (в Петербурге. — А. Ф.), а если не удастся, то уж лучше, чтобы ехал на Кавказ»¹².

«Лучше на Кавказ» — отца все еще беспокоит перспектива участия Семена в повстанческом движении. С Кавказа примкнуть к нему трудней, чем из европейских губерний. И хотя спад военных действий очевиден, тайный советник Малевский предпочитает не рисковать. У него хватает знакомцев, при помощи которых можно устроить судьбу младшего сына. Один из них — генерал Станислав Кербедзь, чья фигура неоднократно появляется в пере-

⁹ Borowczyk J. Zesłane pokolenie. Filomaci w Rosji (1824–1870). Poznań: Wydawnictwo naukowe UAM, 2014. S. 340.

¹⁰ Письмо от 16/28 мая 1863 г. — Archiwum filomatów. Listy z zesłania. T. 3. Warszawa: Ancher, 1999. S. 294.

¹¹ Письмо от 11/23 июня 1863 г. — Archiwum filomatów. Listy z zesłania. T. 3. Warszawa: Ancher, 1999. S. 296.

¹² Письмо середины 1864 г. — Archiwum filomatów. Listy z zesłania. T. 3. Warszawa: Ancher, 1999. S. 301.

писке Малевского-старшего. Выпускник Виленского университета (1826—1828), в 1831 г. Станислав Валерианович Кербедзь закончил также Институт корпуса инженеров путей сообщения, после чего стал авторитетнейшим российским мостостроителем, членом-корреспондентом Петербургской академии наук, а затем и почетным ее членом и, наконец, одним из членов совета правления российских железных дорог¹³. Это — самый простой путь к устройству будущего для сына.

Судя по всему, Францу Малевскому удалось обеспечить будущее своих сыновей. Он оставил им не слишком большое состояние, но дал в руки профессию: все четверо начинали служить в одном и том же месте — в Тифлисе, на строительстве закавказской железной дороги, вернее, ее первого участка «Поти — Зестафони». Во всяком случае, в документах о вступлении в наследство, оставшееся после тайного советника Малевского, говорится: 18 декабря 1870 Санкт-Петербургский окружной суд по 7 отделению выслушал дело «об утверждении в правах наследства Марию, Адама, Ивана, Иосифа и Семена Францевичей Малевских... 1-я в г. Париже, а последние в г. Тифлисе... утвердить в правах наследства дочь его Марию в движимость в одной восьмой, в недвижимость в одной четырнадцатой, в остальном же в равных частях сыновей его Адама, Ивана, Иосифа и Семена Францевичей Малевских, при чем предоставить им право получить наследственную движимость»¹⁴.

В момент смерти отца Семену Малевскому шел двадцать шестой год, он был совершеннолетним, получил образование, но мог рассчитывать исключительно на самого себя. Братья могли поддержать, посоветовать, но не более. Всем четверым суждено будет умереть холостыми и бездетными. Мужская линия потомков ректора Виленского университета Шимона Малевского-старшего прервется со смертью Яна (Ивана Францевича), который умрет в возрасте семидесяти двух лет в 1911 г. Но смерть Семена Малевского-младшего, как мы видели, будет трагической.

Вернемся к ней.

¹³ По словам крупного железнодорожного чиновника А. И. Дельвига, цесаревич Николай Александрович (старший сын Александра II и наследник престола) утверждал, что «Кербедз весьма вредная личность, как поляк, и что лучше быть вором, чем изменником. <...> Замечание, сделанное во время завтрака цесаревичем о Кербедзе, показало мне, что вражда к полякам существует и в высших сферах» — Полвека русской жизни. Воспоминания А. И. Дельвига (1820—1870): В 2 т. М. — Л.: Academia, 1930. Т. 2. С. 222.

¹⁴ См.: ЦГИА СПб. Ф. 268. Оп. 1. Д. 7033. Л. 8.

* * *

Газета «Новое время» (№ 248, 5/17 ноября 1876 г.) описала обстоятельства рокового знакомства молодого инженера с мещанкой Анной Кириловой: «Корнилова, признавая себя виновною в убийстве Малевского, показала, что она с 12-летнего возраста жила одна, никакому ремеслу не училась и до знакомства с Малевским жила на средства одного господина, который женился и бросил ее, Кирилову. С Малевским она познакомилась 12-го января 1875 года в Летнем саду, сошлась с ним и начала получать от него сначала в неопределенные сроки по 25, 30 и 40 р., а затем он стал давать ей по 100 р. в месяц. С тех пор, как она сошлась с Малевским, и всегда была ему верна. Малевский был очень ревнив, говорил, что ни одну женщину он не любил. Кирилова привязалась к господину Малевскому и по ее словам, она готова была за этого человека идти на все, дороже его для нее не было никого на свете; она не может передать словами, что она чувствовала и какую любовь к нему имела».

Абсолютно «достоевский» сюжет предстает перед нами в той части, в какой репортер пересказывает судьбу Кириловой. Девочка-содержанка у «солидного» мужчины, который вынужден бросить ее, чтобы не омрачать «семейного счастья». «Идиот»: Тоцкий и Настасья Филипповна? Несомненно. Но Тоцкий женится тогда, когда Настасья Филипповна уже взрослая женщина, петербургская этуаль, которая может устроить скандал. Ее проще выдать замуж за нелюбимого и не любящего ее Ганю, чем дожидаться скандала. Кирилова же — простая кронштадтская мещанка, никому не известная, а потому не опасная. Не названный по имени «покровитель» выставляет ее за дверь — в Летний сад, в январе, где и находит ее молодой инженер, приехавший из провинциального Тифлиса в столицу. Он платит ей за любовь деньги, достаточные, чтобы снять квартирку уже не в Кронштадте, а в Петербурге, причем, вероятно, не столь уж далеко от его собственной служебной квартиры, потому что даже в августе вряд ли Кирилова отважилась бы в полночь блуждать одна по Петроградской стороне на дальние расстояния. А, судя по статье в «Новом времени», дело было именно так:

«Вечером 1-го августа Кирилова возвратилась к себе в квартиру довольно поздно, и так как ей показалось скучно, то отправилась на квартиру к Малевскому, куда пришла около часу ночи; пройдя по обыкновению через кухню и кабинет, она подошла к затворенной двери спальни и совершенно машинально постучалась в дверь, хотя прежде входила просто не спрашиваясь. На стук ее Малев-

ский сказал: “иди домой, а я завтра приду объясниться”, и затем на вопрос ее, Кириловой, ответил, что у него в спальне женщина, и что эта женщина совершенно ее портрет, а так как она на нее похожа, то ему все равно, что та, что другая. В это время послышался за дверью женский голос, и женщина эта, вместе с Малевским, начала хохотать, она говорила: “я бы заплакала”. Обвиняемая не может сказать всего, что тут было говорено и что она чувствовала в то время, помнит только, что она сидела пред дверью в кабинет на кухне, и когда ей попался револьвер, лежавший на письменном столе, то она схватила его и выстрелила, сама не зная, куда и зачем. На это Малевский начал смеяться и говорить: “что ты стреляешь, хочешь, чтобы на шум пришел ночной сторож?” Вскоре женщина, бывшая у Малевского, вышла из спальни, поискала свою шляпу и ушла. Малевский взял револьвер, положил его уже без чехла в карман брюк, которые были в это время на нем надеты, причем еще сказал: “экая ты — дурочка; ты хоть нацелила бы в кого-нибудь, тогда стреляла”. Это было часу в третьем ночи».

Достаточно легко реконструировать, что произошло на самом деле. Кириловой было сказано: не приходите. Но она решила прийти. Вероятно, для того, чтобы пробудить в своем любовнике чувства — он ведь сам, судя по ее рассказам, говорил ей о чувствах. Но он ее не ждал. С ним была другая женщина, и он честно сказал, что ему все равно, она ли — или другая. Истерический выстрел в никуда довершил картину ночной трагикомедии, а дальше начался другой жанр — развитие сюжета все более смещалось в направлении мелодрамы.

* * *

Итак, «это было часу в третьем ночи. Малевский стал говорить, что он более с нею жить не может, что она ему нравится, но он боится, она говорила ему, что готова встречаться с ним без денег раз в неделю, но он не соглашался и предлагал ей денег за три месяца вперед. Она же отвечала, что ей не деньги нужны, а человек. Малевский говорил еще много, был очень добр и деликатен.

Ей, Кириловой, удалось упросить его лечь на кровать, причем она сняла с него брюки и положила их куда-то около кровати. С тем они уснули вместе, и часу в 7-м утра их разбудила горничная. Кирилова встала, а Малевский сказал, что он еще поспит часок, и заснул. Она ушла в другую комнату, причесала себе голову, оделась и вернулась опять в спальню, где нашла Малевского спящим; подошла к нему с намерением его разбудить. В этот момент ей пришла мысль: “когда он откроет глаза, я увижу его в последний раз,

потому что должна уйти с тем, чтобы никогда больше не возвращаться”. Тогда она не знает, что с ней сделалось, помнит только, что вынула револьвер из кармана брюк Малевского, и, ни о чем более не думая, выстрелила ему в голову. Он как был и остался лежать в том же положении. Ей сделалось страшно, ее охватил ужас, и она выстрелила вторично. Попали ли оба выстрела в Малевского, она, Кирилова, сказать не может, помнит только, что после первого выстрела увидела у Малевского на лбу сбоку темное пятно. После второго выстрела она вышла с револьвером в руках в кухню и сказала горничной: “Я убила Семена Францевича”. После чего какой-то мужчина, бывший в кухне, взял у нее из рук револьвер.

На основании всего вышеизложенного Кирилова и обвиняется в преступлении, предусмотренном 1466 ст. Ул. о нак.

Подсудимая молодая, симпатичная девушка, с очень приятным добродушным личиком, на котором выражается большое внутреннее страдание, одета весьма прилично, в серое, во время привода присяжных к присяге, плакала.

После кратковременного совещания гг. присяжные вынесли оправдательный приговор, причем в зале заседания, в присутствовавшей публике, раздались громкие рукоплескания. Г. председательствующий сделал публике внушение и приказал судебному приставу очистить залу заседания от публики. Подсудимая, как сообщает “Петербургская газета”, при объявлении ей приговора упала на скамью подсудимых в обморочном припадке; многие из публики прослезились».

Повторив характеристику, данную Кириловой Достоевским, этой «престранной преступнице-убийце» предстояло жить дальше — без покровителя и не имея уже шансов ни найти его, ни выйти замуж, ни даже просто забыть обо всем случившемся.

Впрочем, ситуация все равно напоминает роман Достоевского «Идиот» — только уже его развязку, причем трагически травмированную. У Достоевского Рогожин убивает Настасью Филипповну, а в жизни женщина убивает того мужчину, который был ей опорой и которого она хотела сохранить для себя. Жизнь пишет несколько иные романы.

Семена Малевского больше не было.

* * *

Смерть матери, Хелены Малевской, была первой трагедией на его жизненном пути. Она уходила из жизни, окруженная любовью семьи, уважением всех тех, кто знал ее, но от того смерть не становится менее трагичной. В случае с Еленой Андреевной трагедия усугубля-

лась невозможностью выполнить последнюю волю ее — быть похороненной рядом с матерью. Франц Семенович, уже тайный советник, то есть чиновник 3-го класса по «Табели о рангах», был вынужден обратиться с официальным письмом к исправлявшему должность обер-прокурора Святейшего Синода князю С. Н. Урусову¹⁵:

«Милостивый государь Князь Сергей Николаевич.

Постигшее меня несчастье известно Вашему Сиятельству, но домашнее горе усиливается со дня на день от затруднений, представившихся мне и моему семейству при исполнении заветного желания покойной супруги моей. Она неоднократно приказывала гроб свой поставить при гробе ее матери Марии Шимановской на кладбище у церкви Св. Митрофания. Шимановская, римско-католического вероисповедания, была одною из первых жертв появившейся в 1831 г. в Петербурге холеры и гроб ее был один из первых опущенных в землю, отведенную тогда под общее для всех христиан кладбище в Тентелевой деревне. Ныне местное духовное начальство затруднилось в дозволении перевести туда же тело ее дочери, и я нашелся вынужденным остановить все сделанные уже распоряжения, поместить временно останки жены моей в склеп римско-католической церкви Св. Екатерины, впредь до получения необходимого, как мне объявлено, Архипастырского разрешения.

Сколько известно, в подобных разрешениях не было отказываемо, и сие дает мне смелость просить Вас, Милостивый Государь, о оказании Вашего благосклонного в предстоящем для меня ходатайстве содействия. И для меня, и для детей моих мучителен каждый день, скажу даже, каждый час, который проводим в ожидании возможности исполнить священную для нас волю усопшей.

С совершенным почтением имею честь быть Вашего Сиятельства покорнейшим слугою Фр. Малевский.

1 июня 1861 г.»¹⁶.

Чиновник, которому попала в руки бумага, снабдил обращение Малевского пояснительной запиской:

«Тайный советник Малевский (служащий во 2-м Отделении Канцелярии Государя) просит похоронить его жену на Митрофаниевском кладбище, рядом с ее матерью. Так как покойная была католического исповедания, то для разрешения просьбы ожидаем

¹⁵ Урусов Сергей Николаевич (1816–1883) — князь, действительный тайный советник (1872), товарищ обер-прокурора Святейшего Синода (1861–1865), главноуправляющий II Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии (1867–1881).

¹⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 31 разд. III, стол 1. Д. 111. Л. 1–2.

возвращения Митрополита¹⁷ на случай, на который служит справка из бывшего примера.

Протоиерей Смоленско-кладбищенской церкви изъясняет, что на этом кладбище погребено тело умершего надворного советника Гронского, 16 апреля 1858 года, по словесному разрешению покойного Высокопреосвященного Митрополита Григория¹⁸.

Секретарь Консистории Михаил Верещагин»¹⁹.

Следовало ждать. Митрополит Исидор был человек жестким и предугадать его реакцию было трудно²⁰. Но Сергей Николаевич Урусов, как можно предположить, был знаком с Малевским: два высокопоставленных юриста должны были знать друг друга, и свидетельство тому — упоминание в начале прошения Франца Семеновича о том, что князь знаком с постигшим его горем. Поэтому через два дня Урусов обратился к митрополиту с собственным письмом:

«Высокопреосвященнейший Владыко, Милостивый Государь и Архипастырь.

Г. Тайный Советник Малевский обратился ко мне с просьбою о дозволении погребсти на православном Митрофановском кладбище тело умершей жены его, которая была римско-католического исповедания и при жизни своей неоднократно изъявляла желание, чтоб гроб ее был поставлен подле гроба матери ее Марии Шимановской того же исповедания, похороненной там в 1831 году.

О таковой просьбе г. Малевского долгом поставляю сообщить на усмотрение Вашего Высокопревосходительства, присовокупляя, что подобный случай был на Смоленском кладбище, где 16 апреля 1858 года, со словесного разрешения покойного Митрополита Григория, погребено тело Надворного Советника Гронского — Римскокатолика.

¹⁷ Исидор (в миру Никольский Иаков Сергеевич; 1799–1892) — с 1 июля 1860 г. митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский и Финляндский, первенствующий член Святейшего Синода Русской православной церкви.

¹⁸ Григорий (в миру Постников Георгий Петрович; 1784–1860) — с 1 октября 1856 г. митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский и Финляндский, первенствующий член Святейшего Синода Русской православной церкви.

¹⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 31 разд. III, стол 1. Д. 111. Л. 3.

²⁰ Историк Русской православной церкви, епископ Русской православной церкви за рубежом Никон (Рклицкий) писал о митрополите Исидоре: «В отношении подчиненного духовенства митрополит держался недоступно, величественно и несколько грубо» — Епископ Никон (Рклицкий). Жизнеописание блаженнейшего Антония, Митрополита Киевского и Галицкого. Нью-Йорк, 1956. Т. 1. С. 50.

Испрашивая святых молитв Ваших, с отличным почтением и совершенною преданностию имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства Милостивого Государя и Архипастыря покорнейшим слугою кн. Сер. Урусов.

3 июня 1861»²¹.

Ситуация осложнялась тем, что митрополит Исидор до занятия им нынешнего поста последовательно занимал Полоцкую и Виленскую (1837–1840) и Могилевскую и Мстиславскую (1840–1844) кафедры, причем в обеих епархиях отличился как последовательный противник униатства и борец с влиянием римско-католической церкви. То же можно сказать и о его пребывании главой Киевской митрополии (1858–1860). Его реакцию на захоронение католички на православном кладбище предсказать было трудно. Вероятно, именно поэтому Урусов и упомянул о согласии митрополита Григория на захоронение католика на Смоленском кладбище: проще было привести прецедент, чем уговаривать упрямого пастыря.

Согласие митрополита Исидора было получено. Лишь 15 июня Елена Андреевна Малевская нашла вечное упокоение рядом с могилой Марии Шимановской. Франц Семенович писал на следующий день сестрам в Вильну: «Вчера в половину 8-го утра, вместе с детьми, слугами и несколькими знакомыми проводили мы Хелену из склепа католического костела на православное кладбище у церкви Митрофания и там положили ее возле матери. Ксендз Новицкий, исповедник и друг, вознес молитвы, окропил принесенной с собой водою, и я первым после него бросил горсть земли. Вот и всё! <...> Знаю, что в воспоминаниях о неизъяснимой доброты душе Ее буду я находить утешение, но сейчас еще его нет. Такова воля Божия. Суждено мне ее пережить»²².

Мы не знаем, что чувствовал младший сын, отец которого вечно находился на службе, так что центром жизненного притяжения подростка оставалась мать. Вряд ли его горе было меньшим.

* * *

На суде над Анной Кириловой присутствовал один из, бесспорно, наиболее выдающихся судебных ораторов эпохи — будущий адвокат Николай Карабчевский²³. Совсем молодой юрист, он тоже

²¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 31 разд. III, стол 1. Д. 111. Л. 5 — 5 об.

²² Письмо от 16 / 28 июня 1861 г. // Archiwum filomatów. Listy z zesłania. T. 3. Warszawa: Ancher, 1999. S. 279.

²³ Карабчевский Николай Платонович (1851–1925) — выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета, помощник присяжного

оставил описание судебного процесса. Приведем отрывки из его очерка.

«На скамье подсудимых появляется стройная высокая молодая женщина. Черты лица ее грубы и ординарны, ее красивою назвать нельзя, но отпечаток грусти и страдания лежит на ее бледном лице и это делает его “интересным”, это окружает его ореолом поэзии. Она одета в черном, но костюм ее не настолько прост, чтоб не заметить, что и в тюрьме прежде чем явиться сюда на суд она успела взглянуть на себя в зеркало. С особенной тщательностью убрана ее голова: густые темнорусые волосы заплетены в две массивные косы, которые подобраны на затылке гребнем и покрыты черным кружевом.

<...> Взойдя на возвышение, прежде чем опуститься на скамью, она плавно, медленно, словно совершая религиозный обряд, поклонилась сначала суду, потом присяжным и, наконец, публике... Когда священник взял крест и присяжные подошли к присяге, ею овладело словно какое-то неожиданное беспокойство. Сначала она тревожно подняла было голову и устремила глаза на образ, висящий в зале суда, но скоро пошатнулась, голова ее опустилась на грудь, и она заплакала»²⁴.

* * *

За два года до смерти Семен Малевский был назначен одним из директоров Самсониевского машинного завода. Судя по всему, у молодого инженера были хорошие рекомендации. Ему выделили дом — тот самый, в котором к нему и пришла смерть.

Он оправдал свое назначение. Н. П. Карабчевский передает характеристики, которые давали Малевскому работавшие вместе с ним друзья: «Малевский имел веселый, умный, симпатичный характер, — рассказывал о нем ближайший друг его детства и закадычный приятель, — его пылкая впечатлительная натура способствовала его увлечениям и отозвалась на карьере. В 1862 году Малевский, принимавший участие в движении университетской молодежи, несмотря на хорошие успехи, вышел из николаевской военной инженерной академии и поступил в технологический институт, где и окончил курс в 1866 году. Затем он отправился на Кавказ, служил в качестве производителя работ на Поти-

веренного (1874–1879), присяжный поверенный (с 1879). Один из создателей Всероссийского совета адвокатов (1905), председатель Петербургского совета присяжных поверенных (1913).

²⁴ Карабчевский Н. П. Проститутка-убийца // Карабчевский Н. П. Около правосудия. Статьи, сообщения и судебные очерки. СПб.: Труд, 1902. С. 351.

Тифлисской железной дороге, а потом и Киево-Брестской. Везде он успевал, всякая работа кипела в его руках, все было исполнено отчетливо, аккуратно. По окончании этих работ Малевский прибыл в Петербург и получил здесь место директора Сампсоньевского завода; энергия и способности Малевского поставили завод в ряду лучших заводов. Деятельность Малевского была изумительна: он не уходил с завода с 7 часов утра до 8 вечера. Ровный, хороший характер снискал покойному расположение и уважение всех знавших его, даже и рабочих; недоброжелателей у покойного не было»²⁵.

В «Отчете общества Самсониевского машинного, литейного и вагоностроительного завода с 18 мая 1875 года по 1 января 1877 года», сохранившемся в фондах Российской национальной библиотеки, С. Малевский не числится. Отчет подписан теми директорами, которые были живы, работали: председатель В. Баранов, директора И. Савич, Н. Карякин, И. Голубев (последний — скорее всего, сын основного владельца завода). История смерти одного из директоров не интересовала акционеров и в отчет, разумеется, не попадала.

Тем более что 1876 год, то есть тот самый год, когда был убит Семен Малевский, завершился вполне успешно: чистая прибыль составила триста четырнадцать тысяч четыреста тридцать один рубль.

Вполне достаточно.

* * *

«Товарищи Малевского утверждали, что будто бы однажды за обедом в компании Кирилова, увидев у Малевского револьвер, грозила ему убить тут же и заявляла, что ей “не страшно”, если ее за это сошлют в тюрьму на поселение. Но подсудимая дала на этот счет свои разъяснения: убить она никому не грозила, а увидав пистолет, просила своего Маньку (так она звала Малевского) научить ее стрелять, на что тот возразил ей коротко: “это дело не женское”»²⁶.

Не Манька, конечно. Карабчевский не понял или не расслышал. Монька, Моня — домашнее имя маленького Шимона. Так звала его мать. И так, вероятно, в минуту нежности — или просто слабости — он разрешил и своей убийце называть себя.

²⁵ Там же. С. 353.

²⁶ Там же. С. 356.

* * *

Тому же князю Сергею Урусову, которому в должности товарища обер-прокурора Святейшего Синода адресовал свою слезную просьбу помочь похоронить жену тайный советник Франц Малевский, пришлось — уже в качестве главноуправляющего II Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии — подписывать документы о смерти Франца Семеновича Малевского.

«Милостивый государь Михаил Христофорович, — пишет С. Н. Урусов М. Х. Рейтерну²⁷ 31 марта 1870 года. — Сего 29-го Марта скончался старший чиновник II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии Тайный Советник Малевский.

Покойный Малевский провел на службе более 44-х лет, из которых 40 лет во II-м Отделении и, в течении всего этого времени, принадлежа к одним из полезнейших чинов оною, принимал самое деятельное участие во всех законодательных трудах Отделения и в особенности при совершении громадных работ по изданию Свода Законов в 1842 и 1857 годах и Уложения о наказаниях в 1845 году.

Во внимание к таким заслугам Тайного Советника Малевского, не оставившего после себя никакого состояния, я считаю долгом обратиться к Вашему Высокопревосходительству с покорнейшею просьбою, не изволите ли Вы, Милостивый Государь, признать возможным ходатайствовать пред Государем Императором о выдаче из Государственного Казначейства на похороны Малевского, а также и на покрытие хотя части из тех значительных издержек, которые были сделаны во время долговременной его болезни, двух тысяч рублей.

О последующем же я буду иметь честь ожидать благосклонного уведомления Вашего Высокопревосходительства»²⁸.

По иронии судьбы одной из главных заслуг Франца Семеновича Малевского последний его начальник по службе называет деятельное участие своего подчиненного в подготовке к изданию Уложения о наказаниях — того самого, статья из которого была применена прокурором при квалификации действий убийцы его младшего сына, Семена Францевича.

²⁷ Рейтерн Михаил Христофорович (1820—1890) — граф (1890); статс-секретарь, министр финансов (1862—1878), затем председатель Комитета Министров (1881—1886) Российской империи.

²⁸ РГИА. Ф. 1261. Оп. 2. Д. 58. Л. 3 — 3 об.

Министр финансов не замедлил уведомить С. Н. Урусова о принятом решении в письме от 3 апреля 1870 г:

«Милостивый Государь Князь Сергей Николаевич!

Государь Император, по всеподданнейшему докладу моему, Высочайше повелеть изволил: отпустить из Государственного Казначейства 2000 р. на погребение тела Старшего Чиновника II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии Тайного Советника Малевского.

О таком Высочайшем повелении имею честь уведомить Ваше Сиятельство и присовокупить, что вместе с сим предписано Главному Казначейству об открытии сверх сметного дополнительного к § 2 ст. 10 сметы II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии 1870 года кредита в 2000 р. для выдачи оных, установленным порядком, на объясненную надобность»²⁹.

Две тысячи рублей — это много. Это годовое жалованье тайного советника, занимавшего высокий пост в императорской канцелярии. Особенно если учесть, что все средства, которые Франц Семенович оставил своим наследникам после сорока четырех лет беспорочной службы, составляли ценные бумаги и расписки «всего на сумму 5332 р. 30 коп., которые и хранятся в Кассе Опеки»³⁰.

* * *

Еще при жизни отца за Семеном было установлено негласное наблюдение. Мы узнаем об этом из сохранившегося в архиве дела. 16 апреля 1873 г. Санкт-Петербургский градоначальник Федор Трепов³¹ сообщает Санкт-Петербургскому губернатору Иосифу Лутковскому³²:

«Проживавший в С. Петербурге под секретным наблюдением полиции отставной Подпоручик Резервного Саперного

²⁹ Там же. Л. 4 — 4 об.

³⁰ ЦГИА СПб. Ф. 268. Оп. 1. Д. 7033. Л. 12.

³¹ Трепов Федор Федорович (1809 или 1812 — 1889) — генерал-адъютант (1867), генерал от кавалерии (1878). Генерал-полицмейстер Царства Польского (1863—1866), Санкт-Петербургский обер-полицмейстер (1866—1873), градоначальник Санкт-Петербурга (1873—1878). 25 июля / 6 августа 1877 г. стал жертвой покушения Веры Засулич, оправданной позже судом присяжных.

³² Лутковский Иосиф Васильевич (1814—1891) — тайный советник (1872), исполняющий должность Санкт-Петербургского губернатора (1871—1873), Санкт-Петербургский губернатор (1873—1889), действительный тайный советник (1889).

Полубаталиона Семен Францев Малевский 12-го сего Апреля отмечился выбывшим в Царское село.

Сообщая об этом Вашему Превосходительству на зависящее распоряжение, имею честь присовокупить, что за Малевским учреждено сказанное наблюдение, согласно отзыва г. Управляющего 3-м Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии 11 Декабря 1863 года № 4901, из предосторожности, как за польским уроженцем, уволенным от службы»³³.

На отпуске письма пометка: «Секретно».

Федор Федорович Трепов назначен градоначальником 10 апреля 1873 г.

Иосиф Васильевич Лутковский утвержден в должности губернатора 30 марта 1873 г.

Высокие должностные чины только приступили к исполнению своих обязанностей, но им приходится разбираться с еще живым отставным подпоручиком Малевским, за десять лет до того поставленным под негласный полицейский надзор, ибо — поляк и уволился со службы.

И мы знаем, почему уволился. Шел 1863 год.

Но к 1873 г. Малевский, вероятно, не представляет собой опасности для Российской империи. 11 августа 1873 г. тот же Федор Трепов будет сообщать исправляющему должность губернатора:

«Вследствие отзыва 7 сего Августа № 172, имею честь уведомить Вас, Милостивый Государь, что негласное наблюдение за отставным Подпоручиком Семеном Францевым Малевским на основании циркуляра г. Министра Внутренних Дел от 5 Мая сего года за № 73 прекращено»³⁴.

Письмо также носит пометку: «Секретно». Семен Малевский, вероятно, ничего не знал об этой переписке.

Ему остается жить чуть менее трех лет.

* * *

С хранящейся в библиотеке Оссолинеум (Вроцлав, Польша) в составе фамильного альбома шурина Малевского, Владислава Мицкевича, фотографии, сделанной, вероятно, в тот период, когда Семен Малевский еще учился в институте, на нас смотрит очень серьезный черноволосый юноша с пристальным взглядом. Ему здесь не больше двадцати — двадцати двух лет. Он совсем не похож на отца: все дошедшие до нас фотографии Франца Малевского за-

³³ ЦГИА СПб. Ф. 263. Оп. 6. Д. 132. Л. 1.

³⁴ Там же. Л. 4.

фиксируют тихую улыбку уставшего человека. Для Франца Семеновича позирование перед фотоаппаратом — прекрасная возможность отдохнуть и задуматься. Семен, вероятно, напряжен, а не расслаблен. Он смотрит на нас, пытаясь понять, кто мы.

Скорее, он похож на бабу, Марию Шимановскую: черные волосы унаследовал он от Воловских, ее родителей, своего прадеда и прабабушки — варшавских пивоваров-евреев.

И, конечно, поражает сходство с теткой — Целиной Мицкевич. В первую очередь сходство взгляда: глаза устремлены в одну точку, лицо напряжено, чувствуется какая-то неуравновешенность, холеричность. Можно представить себе, как безумно любила его мать. В дневнике Хелены Малевской Моня — не просто младший сын. Чувствуется, что она любит его истово — водит с собой в костел, возит к самым дорогим приятельницам, словно боится отпустить. Пятого ребенка в семье не могли не избаловать — особенно если он напоминает матери ее любимую сестру и ее собственную мать.

Можно утверждать, что он красив. Прибавим десять лет, представим себе его уже зрелым мужчиной — и станет понятно, почему Анна Кирилова убила своего любовника. Дело ведь вовсе не в деньгах. В этом случае он мог заплатить ей за три месяца вперед, как предлагал, и она ушла бы от него в поисках нового покровителя. Возможно даже, что он некоторое время еще содержал бы ее: судя по описанию их первой встречи, Семен Францевич вовсе не был злым человеком. Но она действительно его полюбила и уже не представляла жизни без него. И ее выстрел — жест отчаяния, а вовсе не желания отомстить.

«Прокурор и защитник сошлись в одной задаче: каждый по своему истолковывал душевные движения подсудимой. Один настаивал на побуждениях злой воли, не вызванных ничем, кроме нравственной грубости и распущенности подсудимой; другой — отыскивал мотивы, упраздняющие возможность если не психического, то нравственного вменения»³⁵.

То, что вызвало у Достоевского, не присутствовавшего, правда, на тех судебных заседаниях, недоумение, — оправдание Кириловой, — скорее всего, было вызвано как раз тем, что защите удалось донести до них именно это — чем был на самом деле выстрел. Присяжные поняли всю аффективность состояния, в котором пребывала убийца, представили смех Малевского накануне — действительно жестокий по отношению к ней, ее физиологический стресс после проведенной страстной ночи прощания — и, желая пощадить, неожиданно вынесли ей самый страшный приговор: оставили наедине с собственными мыслями. Как заметит Н. П. Карабчевский, «присяжные тонко и хорошо рассудили дело: они оправдали Кирилову»³⁶.

Благодаря судебным репортерам мы знаем, что после объявления помилования Анна Кирилова лишилась чувств.

О дальнейшей ее судьбе нам ничего не известно.

И фотографии ее, фигурирующей в одном из репортажей, — той самой фотографии, где убийца Семена Малевского была изображена под именем госпожи Голубковой, — мы не видели.

* * *

Процесс над Анной Кириловой заинтересовал не только современников. Вольная интерпретация истории убийства Семена Малевского опубликована в сборнике бульварно-исторических очер-

³⁵ Карабчевский Н. П. Около правосудия. Статьи, сообщения и судебные очерки. СПб.: Труд, 1902. С. 360.

³⁶ Там же. С. 360.

ков российского писателя В. В. Лаврова³⁷. Автор, опирающийся на очерк Н. П. Карабчевского (и зачастую не обозначающий текстуальные заимствования из него), тем не менее, не жалеет красок для того, чтобы доказать порочность Малевского и невинность его убийцы. Хроника превращается под его пером в «грустную историю о незащитной девушке, которую судьба безжалостно перемалывала в своих жерновах»³⁸, а убитый ею молодой и перспективный инженер-директор с хорошим образованием — в «оппозиционера», сожалеющего о своей оппозиционности, в пошляка, говорящего почему-то в стилистике шпаны конца XX в. История жизни «коварного соблазителя», столь жестоко поплатившегося за то, что позволил случайному чувству перерасти в любовь, Валентина Лаврова не заинтересовала. Однако и это было совершенно в духе времени — не нашего, а того, в котором жил и умер Семен Малевский³⁹.

* * *

После его смерти осталась фотография, некоторое число документов о нем и его письма сестре и братьям, которые еще предстоит прочесть.

Это немало.

³⁷ См.: Лавров В. В. Роковое сходство // Лавров В. В. Блуд на крови: В 2 кн. М.: ТЕРРА, 1994. Кн. 2. С. 80–127.

³⁸ Там же. С. 81.

³⁹ «В противоположность западному детективу, где главной движущей силой преступления (и романной интриги) является стремление к обогащению, в русском уголовном романе очень часто эту функцию выполняет любовь или, точнее, страсть. Социологическое объяснение такого отличия связано с отставанием процесса модернизации, а значит, и соответствующих социально-психологических мотивировок» — см.: Рейтблат А. И. Детективная литература и русский читатель (вторая половина XIX — начало XX века) // Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 300.

Библиографическая справка

Впервые в данном издании публикуются следующие статьи:

- Статут Литовский в руках у бывшего филомата.
- Пытаясь обмануть судьбу (Страницы биографии Юзефа Ежовского).
- Несостоявшийся разведчик Фома Зан.
- Плохой чиновник Генрик Ржевусский.
- Граф Ржевусский – против монархии?!
- Бумаги студента Голембиевского.
- К истории возвращения Александра Рыпинского.
- «Бульварный роман»: жизнь и смерть Семена Малевского.

Значительно дополнены в результате архивных разысканий следующие статьи:

- Будрыс в Твери.
- Ян Янковский в документах.
- Страдания будущего цензора.

Печатались в научных сборниках, альманахах и сборниках материалов конференций и не включались в ранее изданные книги автора:

- «Лучше жить в глухой провинции...» (Казимеж Контрым в письмах Василию Анастасевичу).
- Этюды о текстах Мицкевича и их интерпретаторах.
- «Приближение Бога» (Импровизация как случайность и закономерность).
- Мария Шимановская на страницах газеты «Северная Пчела».
- Холодный ноябрь 1830 года (Франтишек Малевский под подозрением).
- Из частной жизни чиновника (К биографии Франтишка Малевского).
- Еще до коллаборантства (Об отношении Генрика Ржевусского к восстанию 1830—1831 гг.).
- «Не то беда, что ты поляк...» (Два примера читательской рецепции).

В остальных статьях исправлены замеченные фактические ошибки и неточности в переводах.

Именной указатель

- А**
Абрамович 281
Адлерберг А. В. 71
Адлерберг В. Ф. 68, 69, 71
Айзеншток И. Я. 204
Акутагава Р. 24
Александр I 16, 53, 57, 64, 80, 114, 116, 123, 160, 162, 164, 230, 280
Александр II 67, 71, 246, 283–286, 289–290, 298, 300–301, 310–311
Александр Невский 110
Александра Феодоровна 52, 55
Алопеус Д. М. 125
Анакреон 157
Анастасевич В. Г. 12–23
Анненков П. В. 71–72
Арида А. 18
Аронсон М. И. 26
- Б**
Байрон Дж. Г. 24
Бакунин Александр А. 96
Бакунин Алексей А. 96
Бакунин И. А. 96
Бакунин М. А. 67, 73–74, 96
Бакунин П. А. 96
Бакунин С. 187
Балакин А. Ю. 10
Балугьянский М. А. 121–122, 126, 129–132, 142, 145–147, 151–153, 172
Баранов В. 309
Баранов Д. О. 122
Барсуков Н. П. 246–247
Бартнев П. И. 99, 242–255
Бартнев Ю. Н. 83–85
Бартосевич — см. Бартошевич Ю.
Бартошевич Ю. 276
Баршчэўскі Я. — см. Барщевский Я.
Барщевский Я. 25, 192, 210, 280–282
Батеньков Г. С. 127
Белецкий Р. 288
Беликович И. 276
Бенедикт XIV 67
Бенедиктов В. Г. 33
Бенкендорф А. Х. 68–70, 74, 121–122, 126, 159–161, 163–173, 177–179, 181–183, 217, 228–229, 231, 234, 236–237, 244, 275–278, 281
Берг Н. В. 243, 250
Бернатович Ф. 229
Бестужев (Марлинский) А. А. 54
Бестужев-Рюмин М. А. 27
Бибииков Д. Г. 60
Бибииков И. П. 74
Бистер И. Э. 106
Блан Л. 222
Блащик Л. Т. 155
Блудов Д. Н. 25, 129, 135, 137
Бобинский В. 121
Бобровский М. 20
Бобровский Т. 128, 134
Боголепов 85
Боленко К. Г. 10, 123, 127
Бологовский Я. Д. 90
Боратынский Е. А. 39, 40
Борисёнок Ю. А. 96
Боровков А. Д. 122

- Боровчик Е. 129, 134, 154
 Борхес Х. Л. 24
 Брискман М. А. 13, 212
 Брусилов Н. П. 112
 Будревич В. А. 10, 78–81, 85–100
 Буйницкий К. 226
 Булгаков А. Я. 70, 184
 Булгаков К. Я. 184
 Булгарин Ф. В. 27, 30, 37, 50, 54, 78, 123–124, 131, 135, 155, 157, 186, 210, 212, 230–233, 244–245, 253
 Буле И. Т. 15
 Бурнашев В. П. 246–248, 255
 Бычков А. Ф. 246–247
- В**анькович В. 50–51
 Варшавский князь —
см. Паскевич И. Ф.
 Вацуро В. Э. 70
 Вергилий Марон 243
 Верещагин М. 306
 Виельгорский М. Ю. 53
 Виланд К. М. 105
 Вильмен А. Ф. 197, 204
 Виноходов Д. О. 10, 25, 280
 Виткевич С. И. (Виткацы) 181
 Виткевич Я. П. 181
 Витковская А. 53
 Витт И. О. де 162–163
 Владимир Мономах 110
 Владислав III 50
 Владиславлев А. А. 118–120, 142
 Воейков А. Ф. 248
 Волков 80
 Волкова Е. О. 36
 Волконская З. А. 92, 135, 190–193
 Волконская М. Н. 190
 Волконский А. Н. 190, 192
 Волконский С. Г. 190
- Воловская К. 136, 138
 Воловский Т. 130
 Воловский Ф. 53, 313
 Волошин М. А. 31–33
 Вольтер Фр. М. 23
 Вольф М. О. 33
 Воробьева И. Г. 97
 Воронин 294
 Воронцов М. С. 120
 Воронцов-Дашков И. И. 187, 189
 Воронцова-Дашкова А. К. 138
 Вяземская В. Ф. 136
 Вяземский П. А. 50–51, 136, 193, 207–210, 246–248, 250, 255
- Г**абренас М. 9
 Гагарин Г. И. 192
 Гаевский В. П. 229
 Гаевский П. И. 195–196, 201, 205, 213–217, 229, 232, 272–275
 Ганская (де Бальзак) Э. 187
 Гапова Е. И. 61
 Гауке М. 130
 Гауке Ю. 130–131
 Гелгуд А. 288
 Гельгардт Р. Р. 245
 Генрих IV 200
 Гердер И. Г. 105
 Герен Л. 136, 138
 Геродот 157
 Герцен А. И. 72–76, 143
 Гете И. В. 51, 105
 Гизо Ф. 197, 204
 Гиллельсон М. И. 70, 247
 Гиллер А. 103
 Глинка Ф. Н. 86
 Глогер З. 274
 Гоголь Н. В. 109
 Голембиевский Л. 274
 Голембиевский С. 272–282

- Голицын А. М. 133
Голицын Д. В. 119–120, 129
Голицын В. В. 112
Голицын С. М. 87–89
Головкин Ю. А. 180
Голохвастов Д. П. 143–144, 163, 165–166
Голубев И. Е. 294, 309
Гомер 24, 155–156, 160, 163
Гончаров И. А. 212
Гораций Флакк К. 155–157
Горбачева О. В. 10
Горецкая М. 135–137
Горецкий Р. 276
Горецкий Т. 136
Готье И. И.
Гофман К. Б. А. 280
Гощинский С. 288
Гребенщиков М. Г. 298
Грибоедов А. С. 40, 54, 208, 283
Григорий (Постников Георгий Петрович) 306–307
Григорий VII 200, 205
Гримм М. 201
Гриневецкая Х. 135–136
Гриневецкий Л. 136
Гришкайте Р. 10
Гроддек Г. Э. 50, 155–156
Гронский 306
Грот Я. К. 69, 70–72
Гротковский 171
Гумбольдт А. 51, 181
Гурко И. А. 284, 287
- Д**авид В. 275–281
Давыдов В. Д. 242, 252
Давыдов Д. В. 242
Дамич И. И. 88
Данилович И. 121–126, 145–153, 157
- Данте 24, 213
Дантес Ш. 244
Даукантас (Довконт) С. 142
Дашкевич Ц. 84–86, 92, 94, 157
Дашков Д. В. 120
Двигубский И. А. 79, 81, 156, 158
Дворский А. 180
Двоскин В. Э. 10
Дельвиг А. А. 244
Дельвиг А. И. 301
Дембинский Г. 288
Деотима — см. Луцевская Я.
Дершау К. Ф. 130
Джустиниани Д. 35
Дидро Д. 201
Дмитриев И. И. 50
Долбилов М. 231
Долгорукий И. А. 60
Долгоруков А. А. 119
Долгоруков В. А. 283, 287, 289–290
Доленга-Ходаковский З. 20
Дондуков-Корсаков М. А. 195–196, 201, 205
Достоевский Ф. М. 24, 298–299, 302, 304, 314
Дубельт Л. В. 217
Дукшта-Дукшинский Г. Р. 196, 201, 203–205, 219, 223–226
Дурова Н. А. 56–65, 290
Дыбовский Т. 225
Дюма (сын) А. 294, 296
Дюпати Э. М. 111
- Е**жовский Ю. 78, 80, 90, 134, 146, 154–173
Езгинов 293
Екатерина II 143
Елагин А. А. 40
Ерусалимский К. Ю. 10
Ершов В. О. 10

- Ж**ельветр Г. 211
 Жизневский А. К. 96
 Жолкевич С. 275
 Жуковский В. А. 50, 68, 209
 Жуковский Н. 183
- З**авадовский П. К. 22
 Завадская Д. 10
 Завадский Ю. 13–14
 Зайончек А. 53
 Зайончек Ю. 53
 Закревский А. А. 86, 88–89, 236
 Зан Т. 113–114, 155, 157, 174–184
 Засулич В. И. 311
 Зборовские 42
 Знаменский П. 83
 Зубков К. Ю. 212
 Зубов П. А. 248
 Зубова Т. И. 248
 Зябловский Е. Ф. 14
- И**ванов 132
 Ивинский Д. П. 255
 Илличевский П. Д. 151
 Ильина Т. А. 10
 Исидор (Никольский Иаков Сергеевич) 306–307
 Искрицкий Д. А. 55
- К**авелин А. А. 253
 Кавелин Л. А. 27
 Каверин В. А. 18–19, 179–180
 Каганер П. Л. 10
 Кальвин Ж. 201
 Кампц К. А. 125
 Канкрин Е. Ф. 112–114, 139–142
 Карабан П. С. 32–33
 Карабчевский Н. П. 307–309, 314–315
 Карамзин Н. М. 24, 25, 50, 63, 103–105, 208
 Карл Великий 200
 Карякин Н. 309
 Кербедзь С. В. 301
 Килинский Я. 275, 278
 Киреевский И. В. 40
 Киреевский П. В. 40, 209
 Кирилова А. 291–298, 302–303, 307–309, 314–315
 Киркор А.-Г. К. 54, 111
 Киселев Г. В. 54, 208, 274, 290
 Киселев П. Д. 122
 Киселев-Сергенин В. С. 72
 Кісялёў Г. В. — см. Киселев Г. В.
 Клеопатра 42
 Климент VII 200
 Клоков В. Е. 132
 Кобылинский Ю. 140
 Ковалевский Ю. (О. М.) 154
 Ковкель Л. И. 10, 140, 141
 Кожина В. 61
 Козлов-Струтинский С. Г. 10
 Козловский П. Б. 253
 Козловский Ф. 281
 Кокошкин С. А. 132
 Колеров М. А. 10
 Колокольцов Г. Д. 290
 Комовский В. Д. 272–273
 Комовский С. Д. 272
 Конарский Ш. 60, 64, 66, 274–275
 Конрад Дж. (Коженёвский Ю. Т.) 128
 Констан Б. 51
 Константин I Великий 197
 Константин Павлович 53–55, 109, 121
 Контрым К. 12–23
 Контский Ант. 51
 Контский Ап. 51, 54

- Коншин Н. М. 86
Коперник Н. 50
Кордачук В. 10
Корнилова Е. П.
Короленко В. Г. 114
Костомаров Н. И. 247
Костюшко А. Б. Т. 50, 108–109,
139, 225, 228
Косцюшко — см. Костюшко А. Б. Т.
Котлубаева 168
Кохановский Я. 42
Кочубей В. П. 113
Крашевский Ю. И. 60, 208–211
Кропотов Д. П. 246
Крушвицкий 251
Крушинский А. 121
Крылов Д. 86, 95, 97
Крылов И. А. 50, 68
Крюденер А. С. 187
Кукольник П. В. 250, 254
Кумпан К. А. 247
Купченко В. П. 31–32
Куранда Е. Л. 10
Курбатов П. А. 156
Кьявери Л. 191
- Л**авреш Л. Л. 10
Лавринец П. М. 10
Лавров В. В. 315
Лавров П. Л. 114
Лада-Заблоцкий Т. 210
Лажечников И. И. 65, 86, 94–95
Лазарев Л. Е. 133
Лаланд Ж.-Ж. 92
Ланской В. С. 112–114, 117
Лафайет М. Ж. 124
Лафатер И. 105–106
Лев X 200
Лев XI 200
Легатович И. 274
- Лелевель И. 37–40, 42, 44, 48, 69,
84–85, 94, 125, 157, 159, 299
Ленартович Т. 138
Лермонтов М. Ю. 248
Ливен К. А. 75, 86–89, 126, 163–
165, 169
Линде С. Б. 20
Липиньский К. 51
Лисейчиков Д. В. 280
Лобаржевская Ю. О. —
см. Шишкова Ю. О.
Лобко 292–293
Лобойко И. Н. 17–18, 22–23, 143,
248
Лович И. 53
Лозинский 292
Лорд А. Б. 47–49
Лоренс А. 293
Лукулл 67–68
Луначарский А. В. 114
Лутковский И. В. 311–312
Лучинский Я. 224
Лушевская Н. 38
Лушевская Я. 37–38, 44–46, 49
Любомирски Л. 65
Лютер М. 201
Лявшук В. Е. 10
Ляхович С. А. 211
- М**агомет 199
Майков П. М. 139, 142
Макарова Г. М. 66
Максимович М. А. 78
Малевская Е. А. — см. Малевская Х.
Малевская З. 299–300
Малевская М. 299–300
Малевская Х. 55, 129–131, 135–
138, 147, 299–300, 304–307, 309,
313
Малевский А. 301

- Малевский С. Ф. 291–304, 307–309, 311–315
- Малевский Ф. С. 9, 37, 40–41, 55, 92, 118–139, 141, 144–151, 171–172, 183–184, 231, 233, 241, 290, 299–301, 304–307, 310–311,
- Малевский Ш. 9, 50, 122, 129, 133, 145, 231, 299, 301
- Малевский Ю. 147, 299, 301
- Малевский Я. 147, 300–301
- Малиновский М. 20–21, 37–40, 42, 44, 48, 212
- Мальцов И. С. 283–284
- Мария Феодоровна 52
- Мартынов И. И. 157
- Мархоцкий К. 57, 64
- Масон И. — см. *Мейсон Дж.*
- Массальский Т. Э. 109, 229
- Матвейчик Д. Ч. 10, 14, 284
- Медичи Екатерина 200
- Медичи Мария 200
- Мей Л. А. 28, 30–31
- Мейнард У. 285, 290
- Мейнард Ч. 285
- Мейсон Дж. 176
- Меньшиков А. Д. 60
- Мерзляков А. Ф. 79
- Мериме П. 39
- Меттерних К. Л. В. фон 219
- Мильтон Дж. 42
- Мильчина В. А. 10
- Минаев Д. Д. 33
- Миницкий С. И. 114–115, 117
- Миодушевский А. 275–276, 278
- Мицкевич А. 9, 24–34, 37–44, 47–49, 53–55, 61–62, 68–69, 78, 85–87, 90–92, 94, 99, 101, 104, 129, 135–137, 154–155, 176, 190–191, 193–195, 212, 228, 232, 244, 250, 254, 265, 269–270, 275, 278–280, 288, 300
- Мицкевич В. 128, 138, 312
- Мицкевич М. 147, 301
- Мицкевич Ц. 53, 55, 129, 135, 300, 313
- Мишкель А. 275–276
- Молок А. И. 204
- Молотов (Скрябин) В. М. 114
- Мольер Ж.-Б. 93
- Моравский Ст. 13, 19, 22, 121, 131, 210–211, 235, 254
- Мордвинов А. Н. 234–237, 240, 272–273
- Мордвинов Н. С. 122
- Мориц Ф. 94–95
- Морозова Н. А. 10
- Мосъцицкий Х. 102, 280
- Моцарт В. А. 34, 37
- Мур Т. 51
- Муравьев М. Н. 15
- Муравьев-Виленский М. Н. 246, 300
- Мусин-Пушкин М. А. 218
- Мякишев В. П. 141, 145
- Н**адеждин Н. И. 95
- Наполеон I 264
- Нарбут Т. 140
- Нарушевич А. С. 25
- Небаба Д. 94
- Немцевич (Урсын Немцевич) Ю. 25, 51
- Никитенко А. В. 70, 227
- Николаи Н. П. 283, 287
- Николай I 39, 60, 66, 68–73, 87–89, 115, 120–122, 126–127, 130, 132–133, 139, 141, 145–147, 161, 163–171, 174, 177, 182–183, 187, 204, 219, 225–226, 228–230, 232, 276
- Николай Александрович 301
- Николай Николаевич (старший) 133

- Никон (Рклицкий) 306
Ноаковский Ф. 94
Новосильцов Н. Н. 55, 80, 109, 129, 154–155, 159, 162, 180, 247–249, 253, 255
Новосильцов Н. П. 89
Норвид К. Ц. 265
- Оболенский** А. П. 78
Огинский М. К. 18–19
Огрызко И. 243
Одоевский В. Ф. 35, 43–45, 244
Одынец А. Э. 137, 190–191
Олешкевич Ю. 42, 51, 254
Ордынский Л. В. 151, 153
Орлицкий Д. 121
Орленев (Орлов) П. Н. 299
Орлов А. Ф. 133, 135, 137
Орловский А. 50
Остерман А. И. 60
Охотин Н. Г. 10
- Павлова** К. К. 92, 269
Павлова Н. И. 63
Паскевич И. Ф. 136, 194, 229, 275–278, 281, 288
Пастернак Б. Л. 42
Патрушева Н. Г. 212
Пеликан В. В. 92
Пелька-Полиньский М. 91
Перовский В. А. 180, 184
Перовский Л. А. 90
Петр I 205
Петр II 60
Петрашкевич К. 84
Петрашкевич О. 78–85, 90–92, 94, 98, 102
Петровский К. —
см. Пиотровский Ф.
Пигонь С. 13, 18, 20, 102, 176, 265
Пий IV 200
- Пиндар 157
Пиотровский Ф. 276–277
Писарев А. А. 73–74, 78–85, 156–159
Платон 159, 199
Плошинский Л. 276
Плюшар А. А. 18
Плющик-Плющевский Я. А. 295, 298, 310
Плятер Э. 61
Погодин А. Л. 265–269
Погодин М. П. 29, 245
Подберезский Р. 207–211
Познанский Ю. И. 27
Покровский В. А. 97
Полевой Н. А. 26–27, 40
Полежаев А. И. 67, 72–76
Поликарпов А. А. 98–100
Поликарпов А. В. 98
Поликарпов Е. А. 98–100
Понятовский Ю. 225
Попов Н. А. 96–97
Потанин Г. Н. 114
Потоцкая-Витт С. 225
Потоцкий М. Ю. 225
Потоцкий С. 180
Потоцкий С.-Щ. 225
Потоцкий Я. 180
Почобут-Одляницкий М. 15
Пржецлавская Е. Ф. 99, 241–242
Пржецлавский А. О. 241
Пржецлавский В. С. 252
Пржецлавский О. А. —
см. Пиещлавский Ю. Э.
Прокопович-Антонский А. А. 79
Просцевичюс В. 10
Прусак М. 10
Прушинский П. 48
Пулокас А. 9
Пусловский В. 140, 212

- Пуцыкович В. Ф. 245, 253
Пушкарев Н. Н. 111
Пушкин А. С. 26, 34–36, 39, 43, 45, 53, 67–69, 78, 86, 99, 108, 180, 190, 194, 208, 228, 232, 244, 250, 272
Пшецлавский А. 254
Пшецлавский Ю. Э. 19, 35, 37–39, 43, 48, 93–100, 186, 209, 210, 212–223, 226–265, 270
Пыпин А. Н. 247
Пясецкий М. 121
- Р**адзюк А. 10, 140
Рейтблат А. И. 10, 94, 186, 315
Рейтерн М. Х. 310–311
Реман О. О. 131
Ржевуская (Грохольская) Ю. 188, 192, 210
Ржевусский А. А. 194
Ржевусский А. В. 189
Ржевусский («Эмир») В. 50, 191–193
Ржевусский Г. 145, 186–201, 203–211, 223–232, 254
Ридигер Ф. В. 135–136
Римский-Корсаков А. М. 18, 21
Рихтер 171
Ришелье А.-Э. де 160
Роболи Т. А. 111
Рогальский А. 50
Рогальский Л. 50
Рожалин Н. М. 40
Розанов А. 84
Рунин Б. М. 35
Руссо Ж.-Ж. 204
Рылеев К. Ф. 54
Рыпинская Э. 285, 287, 289–290
Рыпинский А. Ф. 283–290
Рыпинский В. Ф. 285, 287
- С**авич И. 309
Сальери А. 34
Сальман М. Г. 10
Самарин Ю. Ф. 209
Сандунов Н. Н. 79
Сапега Лев 37
Сапега Леон 37
Светоний Транквилл Г. 16
Свирида И. И. 50
Свирко С. 87
Свирчевский Т. 283, 286, 289
Семевский М. И. 253
Семенов О. В. 205
Сенкевич Г. 276
Сенковский Ю. (О. И.) 18–19, 50, 179–180, 243–245
Сербинович К. С. 24–30
Сероцинский Т. 224
Сестренцевич-Богущ С. 50
Сигизмунд I 140, 143
Сигизмунд III 42
Скварчиньский З. 13, 17
Скобла М. В. 10
Сливовская В. 59, 181, 275, 291
Слиш А. 188, 195
Словацкий Ю. 265, 288
Слотвиньский В. 279
Снежко Ю. 10
Собаньская К. 187
Соболевский С. А. 40
Соболевский Я. 181
Солоницын В. А. 119
Сосновский Л. 121
Софокл 157
Софья Алексеевна 112
Сперанская Н. М. 10, 191, 207
Сперанский М. М. 120, 122–124, 126, 129, 133, 139, 146–147, 151–153

- Спицын 188
Срезневский И. И. 217–223
Сталин (Джугашвили) И. В. 114
Сталь Ж. де 35–36, 40–41, 45
Сталюнас Д. 231
Станислав (Лещинский) 50
Станислав Август (Понятовский) 225
Стендаль Ф. 24
Степанов Л. А. 35
Стерн Л. 102, 111
Стефан (Баторий) 42
Строганов Г. А. 18
Строганов С. Г. 95
Строганова Е. Н. 63
Судольский З. 60, 85, 102, 135–138, 172, 241
Сузин А. 113–114, 175, 183–184
Сухарев М. 87
Сухтелен П. П. 174, 177–184
Сыга Т. 51, 53
Сырокомля В. (Кондратович Л.) 265
Таньская (Гофманова-Таньская) К. 50, 280
Татур Г. 140
Тит Флавий Веспасиан 16
Товяньский А. 288
Толстой Л. Н. 33
Топильский М. И. 250
Трепов Ф. Ф. 311–312
Тригубович В. А. 186
Трояновичева З. 103
Трушковский М. А. 118–119, 142–143
Тургенев А. И. 143–144
Туркул И. Л. 217, 231
Тютчев Ф. И. 187, 189, 191, 212
Тюфяев К. Я. 86–89
Уваров С. С. 20, 69–70, 90, 160, 165–167, 169, —173, 219–220, 229, 278–279
Улащик Н. Н. 145, 147
Урусов С. Н. 305–307, 310–311
Усайте И. 9
Успенский Б. А. 39, 229, 232
Федоров М. 100
Федута А. И. 27, 37–38, 40, 44, 48, 54, 69, 78, 109, 111, 186, 210, 245, 255
Федута В. И. 8
Федута Е. К. 8
Федута И. Т. 8
Фелиньская П. 59
Фелиньская Э. 56–66, 103, 105
Фелиньский А. 59
Фелиньский Г. 59
Фелиньский З. Щ. 59, 66–69, 71–72, 74–76, 208–209
Филипович Х. 61
Фок М. Я. фон 113, 117, 119
Фрейденберг О. М. 45
Фрейтаг 164
Фишман С. 154
Фридбург (Фридебург) 131
Фусс Н. Н. 91
Фядута А. И. — см. Федута А. И.
Хаустович Н. В. 196, 208, 210–211, 274, 289
Хаўстовіч М. В. — см. Хаустович Н. В.
Херасков М. М. 15
Ходзька А. 50
Ходкевич Ф. К. 48
Хохлов А. Н. 154
Хрептович М. И. 283

- Цвингли У. 201
 Цвирка К. А. 101
 Цивиньский С. 265–270
- Ч**айковский Михал (Садык-паша)
 Чарноцкий А. — см. *Доленга-Ходаковский З.*
 Чартковский А. 254
 Чарторижский А. Е. —
 см. *Чарторыйский А. Е.*
 Чарторыйский А. Е. 12–14, 16,
 20–22, 180–181, 287
 Чацкий Т. 224
 Черейский Л. А. 78, 96–97
 Чечот Я. 87, 90, 113–114, 175,
 183–184
 Чичинскайте Р. А. 10
- Ш**атобриан Ф. Р. 51
 Шатов 156
 Шваньский Я. 140
 Швейковский З. 254
 Шевырев С. П. 28–29, 40, 190–192,
 194
 Шекспир В. 24
 Шелгунов Н. В. 114
 Шениц С. 51, 53
 Шереметев С. Д. 51
 Шиллер И. Ф. 126
 Шимановская З. 55, 135, 138
 Шимановская М. 50–55, 92, 130–
 131, 133, 136, 231, 305–307, 313
 Шимановская Х. — см. *Малевская Х.*
 Шимановский — см. *Шиманский А.*
 Шимановский В. 135
 Шиманский А. 275
 Шиховской 80
 Шишков А. С. 25, 63, 75, 80–81,
 157–158, 160, 162, 212
 Шишкова Ю. О. 25, 212
 Шпигоцкий А. Г. 27, 29
- Штакельберг Г. О. фон 192
 Штамммер И. Г. 82
 Штейнгель В. И. 250
- Щ**епкин П. С. 81, 158
- Э**версман Э. А. 176–177
 Эвклид 94
 Эйдельман Н. Я. 69
 Элияшевич П. Ф. 171
 Эссен К. К. 131
 Эссен П. К. 113, 133, 175
 Эстрейхер К. 94
 Эткинд Е. Г. 36
- Ю**рий Данилович 110
 Юрий Долгорукий 110
 Юрковский М. 224
 Юферов 85
- Я**зыков Д. И. 81, 143–144, 163
 Янковский Г. 104, 112
 Янковский П. Г. 102
 Янковский Я. Г. 101–117
 Яновский Л. 102
 Янушкевич Е. 43
 Янушкевич Я. Я. 286
 Яньон М. 282
- В**agańska А. 61
 Beauvois D. 14
 Bielecki R. — см. *Белецкий Р.*
 Właszczuk L. T. — см. *Блащик Л. Т.*
 Borowczyk J. — см. *Боровчик Е.*
 Brensztejn M. 22
- С**wenk M. 84
 Cybulski M. 59, 67
- G**łogier Z. — см. *Глогер З.*
- F**izsman S. — см. *Фишман С.*
- I**nglot M. 209

Janion M. — см. Яньон М.

Kacnelson D. 279

Kawyn S. 43

Kontrym K. — см. Контрым К.

Łuszczewska J. — см. Луцевская Я.

Łuszczewska N. — см. Луцевская Н.

Maleszkiewicz 225

Mężyński K. 155, 156

Mickiewicz A. — см. Мицкевич А.

Mickiewicz W. — см. Мицкевич В.

Morawski S. — см. Моравский С.

Mościcki H. — см. Мосьцицкий Х.

Odyniec A. E. — см. Одынец А. Э.

Pigoń St. — см. Пигонь С.

Prevost G. 186

Rowicka M. 28, 136

Skwarczyński Z. —

см. Скварчиньский З.

Sokół L. 112

Sudolski Z. — см. Судольский З.

Syga T. — см. Сыга Т.

Szenic S. — см. Шениц С.

Ślisz A. — см. Слиш А.

Śliwowska W. — см. Сливовская В.

Świrko St. — см. Свирко С.

Trojanowiczowa Z. —

см. Трояновичева З.

Waśko A. 206

Węgrzyn I. 197

Witkowska A. — см. Витковская А.

Witort J. 145

Wołoszyński R. 13, 180

Wójcicki K. W. 278

Научное издание
Федута Александр Иосифович
СЛЕДЫ НА СНЕГУ

Ответственный за выпуск *М. В. Шибко*

Верстка *В. Я. Нога*

Корректор *М. М. Шавыркина*

Подписано в печать 25.04.2018. Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 20,5. Уч.-изд. л. 17,5. Тираж 300 экз. Заказ 2747.

Издательство Общество с ограниченной ответственностью «Лимариус».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя
и распространителя печатных изданий № 1/226 от 20.03.2014.

Ул. Геологическая, 59, корп. 4, к. 29, 220138, Минск.

Общество с дополнительной ответственностью «Новап rint».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя
и распространителя печатных изданий № 2/54 от 25.02.2014.

Ул. Геологическая, 59, корп. 4, к. 10, 220138, Минск.